Іеронимъ Г. Лужакъ
(Романъ [illegible])

НАРОДНАЯ
ИСТОРІЯ РУСИ

[illegible]

Нью Іоркъ, 1911 г.

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

330.57

Іеронимъ Я. Луцыкъ
(Романъ Сурмачъ).

——»0«——

НАРОДНАЯ
Исторія Руси
ОТЪ НАЙДАВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НЫНѢШНИХЪ ДНЕЙ.

Съ короткимъ очеркомъ исторіи Русской Церкви и съ приложеніемъ исторіи Угорской, Буковинской и Американской Руси.

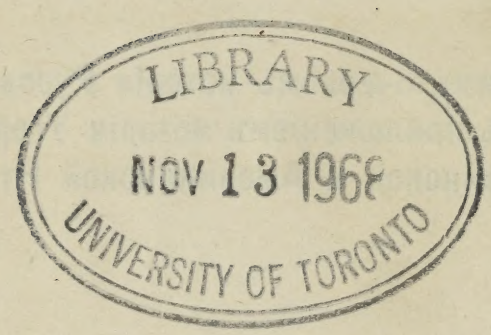
——»0«——

Издалъ Иванъ Гр. Борухъ.

——»0«——

Нью Іоркъ, 1911 г.

DK
42
L88



Всякіи права законно застережены.

Его Высокопреосвященству,

Высокопреосвященнѣйшему

П Л А Т О Н У,

Архіепископу Алеутскому и Сѣверо-Американскому,

смиренно посвящаетъ

Авторъ.

Съ соизволенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго ПЛАТОНА, Архіепископа Алеутскаго и С.-Американскаго, написанную І. Я. Луцыкомъ Исторію Руси печатать разрѣшается. Отъ души желаемъ самаго широкаго распространенія этой прекрасной книги, составленной согласно съ исторической правдой и проникнутой горячей любовью къ единой святой Руси Православной.

Читай, русскій братъ, свою исторію и ты узнаешь, что русскій народъ всегда былъ православнымъ, что Православіе — единственная наша опора, наша слава, что въ твердомъ храненіи Православія вся наша будущность.

Спаси, Господи, и помилуй Русь Американскую Православную отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

† АЛЕКСАНДРЪ ЕПИСКОПЪ.

Первый день Пасхи 1911 г.
Виннипегъ (Канада).

Предисловіе.

Передъ Тобою, Брате и Сестро, книга, которая далека отъ того, чтобы глядала для себе похвалы. То просто, ясно и приступно описана исторія нашои бывальщины ажъ до нынѣшнихъ дней.

Не можетъ любити своего народа, своего отечества тотъ, кто не знаетъ еи минувшости, не знаетъ дней славы и величины и дней страданій своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Читай ту книгу, спознай якого ты роду орломъ родился, а коли спознаешь всѣ страданія нашихъ предковъ, тогда загорѣешь огнемъ любови до всего, что наше, что русское, что православное, тогда почуешь въ себѣ ту силу, якая вела предковъ нашихъ на бой за вѣру и волю.

А тогда Ты и дѣточки Твои не пропадете для Руси, а будете еи славою и честію и жемчугомъ (перлою) еи вѣнца.

Книга та различается отъ другихъ нашихъ народныхъ изданій тѣмъ, что не превозноситъ она исторіи однои русскои области надъ другіи, и обнимае исторію цѣлои Руси, черезъ что стане она пожеланна также и для Читателей изъ старого краю.

Короткій начеркъ „Исторіи Русскои Церкви“, будетъ для нашихъ читателей пожеланнымъ набыткомъ. Признаюся, что часть ту писалъ я съ найбольшимъ усердіемъ.

Писалъ я отъ сердца, бо писалъ для русскихъ сердецъ. И если хотя одна искорка великои народнои любови упадетъ въ сердца Читателей тои книги — отберу я большую, якъ заслужилъ надгороду. Критикамъ оставляю вольное поле; въ

Бозѣ надежда, что книга та осягне ту цѣль, до якои стремѣлъ я пишучи ю.

Писана она въ найтяжшихъ хвиляхъ моеи бѣднои жизни, въ дняхъ, когда душа потопала въ страданіяхъ всякихъ искушеній. Тому книга та менѣ дорожша всѣхъ другихъ. А что приходится менѣ начати нею двадцать пятый годъ моего народного труда, то нехай же вольно менѣ будетъ присвятити ю Тебѣ, русскій мой, православный народе.

Въ концѣ зазначити мушу, что каждая буква, каждое слово тои книги писано было на славу Господа Бога Вседержителя, на славу святои, единоспасительнои православнои Церкви, и на славу моего одного, недѣлимого, русского народа. Нехай та, до найдальшихъ границъ посуненна, добрая моя воля покриетъ недостатки тои книги. Она отвѣтитъ первымъ, конечнымъ потребамъ; съ часомъ лучшіи силы усовершатъ початокъ неудалого моего пера.

Всѣмъ, кто послужилъ менѣ добрымъ совѣтомъ, кто помогъ менѣ матеріально, чи то книгами, да вознаградитъ то Богъ, сердцевѣдецъ, Онъ бо свидѣтель, якъ много я имъ благодаренъ.

Будь-же слава Тебѣ русскій, православный народе и будь будущность Твоя славнѣйша, счастливѣйша и не меньше святая Твоеи минувшести.

І. Я. Луцыкъ.

Въ день Покрова Пресв. Богородицы 1909 р.

Начало Руси.

ъ глубокой древности, въ замерклыхъ для людской памяти дняхъ, передъ двома тысячами лѣтъ и давнѣйше, большую половину Европы занимали Словены, позднѣйше названы Славянами.

Народъ русскій есть одною и то найбольшою частію великой словенской, або славянской родины. Словены або Славяне занимали отъ найдавнѣйшихъ временъ (часовъ) большую часть Европы, отъ Балтійского до Чорного Моря, дальше до Дуная, а съ другой стороны, отъ рѣки Лабы (въ Нѣмеччинѣ) до рѣки Волги.

Найчисленнѣйшимъ племенемъ, якое сосѣдовало съ Славянами, были Германы. Предки наши не розумѣли ихъ бесѣды, и для того называли ихъ нѣмцями (нѣмыми), а себе Словенами, людьми, которы мають даръ слова т. е. срозумѣлои бесѣды. А коли потомъ словенскіи племена, именно тѣ, которыи составили русскій народъ, начали покоряти другіи народы, и коли по свѣту понесла ся о нихъ слава, то назвали ихъ сынами славы, Славянами.

Выходитъ изъ того, что:

Словенами звалися предки наши изъ-за своей, имъ срозумѣлои бесѣды (слова), а славянами изъ-за великой славы, яка ихъ окрывала.

А если вернемся въ еще давнѣйшіи часы, то дознаемся, что давныи Греки называли нашихъ предковъ Скиѳами и Сармата ми, а земли, на которыхъ розсѣлися Славяне, Скиѳіею. И справомъ были тѣ Скиѳы для своихъ сосѣдовъ, именно для Грековъ, на ко-

торыхъ земли они нападали и безпощадно ихъ пустошили. Коли утвердилося названіе: „Славяне“, то не дастся означити, та для насъ оно неважно, за то честію есть для насъ, что мы потомками славныхъ предковъ, которыи оставили намъ честь и славу, и что славу ту, мы должны беречи, якъ зѣницу властного ока.

Мы уже сказали, что Славяне занимали большую часть Европы. Слѣдовательно они отъ мѣста своего заселенія принимали разныи названія. И такъ:

Всѣ славяне были одного и того самого роду и племени, но отъ земель, въ которыхъ жили, мали разны названія. Одни звалися Чехи, други Моравяне, Сербы, Вильцы, Поморяне, Ляхи, Словаки, Болгаре. Всѣ они однакъ были сынами одного славянскаго рода, и всѣ говорили однимъ славянскимъ языкомъ. Та бесѣда разнилася где-чѣмъ у поодинокихъ племенъ, но одно племя легко и добре розумѣло и розумѣетъ до нынѣ бесѣду другого племены.

Оно и не могло иначе быти. Бесѣда наша зависитъ отъ стороны, въ якой жіемъ и отъ людей, съ которыми сосѣдуемъ. Напримѣръ въ Галицкой землѣ иначе говоритъ гуцулъ, иначе подолякъ, иначе лемко, хотя они жіютъ такъ блізько себе. Для того не дивно, что межи Славянами изъ далекои полночи, а Славянами изъ полудня, была также где-якая разница въ бесѣдѣ, якъ есть она и до нынѣ. Но возьмѣмъ такій примѣръ: Если тутъ въ Америкѣ, среды чужого народа, мы, сыны рускои земли, встрѣчаемъ Серба, або Болгара, або Чеха, чи не радуется наше сердце, чи не порозумѣемся мы взаимно? Та якъ не порозумѣемся, коли всѣ тѣ бесѣды, то якъ многіи русла воды, что изъ одного выплываютъ жерела. По тому нерозумна есть бесѣда тѣхъ, которыи кажутъ, якобы та бесѣда, якою говорятъ Великороссы, а та, якою бесѣдуютъ Малороссы, была отмѣнна, и чужа одна другой. То не правда; братъ розумѣе брата, бо одна ихъ породила мати, Слава, и одну дала имъ бесѣду, которую въ где-чѣмъ отмѣнили звычайны въ такихъ обстоятельствахъ причины.

Между Славянами самое первое мѣсто занимали тѣ племена, которыи жили на земляхъ, названныхъ позднѣйше Русью. Племена тѣ мали разныи названія, и так:

Надъ рѣкою „Днѣпромъ, коло нынѣшнего Кіева, жили Поляне, надъ рѣкою „Днѣстромъ жили Лютичане и Тиверцы, при рѣцѣ Бугъ жили Бужане, на землѣ волынской жили „Древляне и мали великое мѣсто Коростень; въ полночныхъ карпатскихъ горахъ жили Хорваты, при берегахъ рѣки Оки жили Вятичи и Радимичи, надъ рѣками Двиною и Припеть жили Полочане и „Дреговичи; у береговъ рѣкъ „Десна и Сула жили Сѣверяне и мали мѣста Любечъ и Черниговъ, надъ рѣками: „Двина, „Днѣпръ, Волга жили Кривичи и мали мѣста Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ, а свои надъ озеромъ Ильменъ жили Новгородчане, такъ названы отъ велікого и славного мѣста Новгородъ.

Такіи то названія носили наши предки. Всѣ тѣ названія слилися потомъ, якъ увидимъ, въ одной славной и святой для насъ назвѣ: „Русь".

Яко-ежь было житье нашихъ предковъ?

Славяне были народомъ привязаннымъ до земли, занималися земледѣліемъ и выпасомъ скота, но были при томъ дуже воевничи и часто нападали на другіи, неславянскіи народы. Найрадше поселяли ся они надъ рѣками и среди лѣсовъ. Селенія ихъ были невелики, и состояли изъ больше або меньше родинъ.

Всѣ родины одного селенія мали общій маетокъ. На челѣ каждои родины былъ одинъ старшина, отецъ або братъ. О потребахъ цѣлого селенія радили всѣ старшины, и та ихъ рада звалася вѣче. На вѣчу отбывался также и судъ. Въ потребѣ всѣ селенія одного племени ставали разомъ, также племена соединялися и боронили своеи земли, або разомъ нападали на ворога.

Не много мы знаемъ о первобытномъ житью нашихъ предковъ. Найдавнѣйшіи однакъ преданія дуже высоко цѣнятъ ихъ гостепріемство. До нынѣ еще на цѣлой Руси не на словахъ, а на дѣлахъ исполняется пословица: „Гость въ домъ — Богъ въ домъ". Отважныи въ битвахъ, предки наши у себе вели дуже мирное житье, всякіи несгоды лагодили они по доброму. Не конечно добре жилося у нихъ женамъ, бо они мусѣли исполняти найтяжшіи роботы, а ведля тогдашныхъ понятій, женщина уважалася, за что-то низшого отъ муцины, а были народы, что признавали, якобы женщина не мала души. Былъ такій звычай, что молодецъ похищалъ, т. е. насильно уносилъ со собою невѣсту, а погомъ родичамъ платилъ за ню вѣно. Въ давныхъ часахъ, коли Славяне найбольше воевали, то дуже часто и жены ихъ ишли на войну. Особлившимъ свойствомъ нашихъ предковъ Славянъ было великое почитаніе для своихъ помершихъ. Тѣло помершого, разомъ съ его збруею, конемъ, а часто и съ оставшою при житью его женою, палили на великомъ стосѣ (кострѣ) изъ дерева. Пепелъ изъ костей собирали въ глиняныи збанки и ставили при раздорожахъ на высокомъ столпѣ. Если кто убилъ славянина, то его свояки и одноплеменники страшно мстилися за его смерть; тогда уставало всякое миролюбіе, а право отмщенія переходило отъ рода въ родъ.

Кромѣ селеній мали наши предки также мѣста, або городы. Найбольшіи мѣста были: Кіевъ, Любечъ, Черниговъ, Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ, Коростенъ и Новгородъ Великіи. Мѣста были окопаны глубокимъ, водою наполненнымъ ровомъ, за ровомъ былъ высокіи, изъ земли высыпанныи валъ, а на валѣ деревянныи, высокіи частоколъ. За валомъ были домы и деревяныи замки для обороны мѣста.

Не треба думати, что предки наши были якимъ то дикимъ народомъ. Они стояли о много высше другихъ народовъ, ставили хорошіи домы, управляли мудро землю, заводили торговлю, а уже съ великимъ замилованьемъ занималися пчеловодствомъ. По лѣсахъ мали они великіи пасѣки, изъ меду приготовляли они дуже вкусный напитокъ, и торговали воскомъ. Коли сосѣдныи народы, хотя бы и нѣмцы, еще по лѣсахъ и дебрахъ таилися, а одинокою ихъ одежою были невыправленныи кожи дикихъ звѣрей, тогда наши прапраматери изъ льну ткали бѣлое полотно на свиты для нашихъ предковъ. Славяне носили долгіи, бѣлявый волосъ,

что опадалъ имъ на рамена, лица ихъ были лагодны, не видно въ нихъ было кровопійчои жестокости, очи ихъ были сини, полны доброты. Но въ борьбѣ очи тѣ горѣли огнемъ, лице сіяло отвагою, именно, коли треба было боронити своего права, своего загона. И до нынѣ Русь, мимо своєц сердечнои доброты, стаетъ якъ левъ отважно противъ вороговъ и измѣниковъ русского отечества.

А теперь пригляньмося, якою была вѣра нашихъ предковъ?

Предки наши были поганами (идолопоклонниками), то значитъ, что они не поклонялися одному правдивому Богу, а поклонялися божкамъ изъ дерева, або каменя, а также явленіямъ природы. Тимъ божкамъ (кумирамъ) приносили они жертвы изъ звѣрятъ, а даже изъ людей и жертвы тѣ палили они на огнѣ.

Предки наши вѣрили, что есть двѣ силы, отъ которыхъ зависитъ цѣлый свѣтъ, а именно добрая сила, которая помагае людямъ и добре имъ робитъ, и злая сила, которая имъ шкодитъ. Доброй силѣ приносили они благодарственныи жертвы, но приносили ихъ и злой силѣ, чтобы она имъ не шкодила. Они дивилися на солнце, видѣли его животворную силу, и не могучи еи срозумѣти, уважали солнце за божка и покланялися ему. Чули они громъ, видѣли блыскавку, отъ которои крушилися скалы, а пламенемъ горѣли хаты, но не розумѣючи, откуда тотъ громъ и блыскавка, они вѣрили, что есть особныи богъ, управляющій и блыскавкою и громомъ. Покланялися они также придуманному Божку огня и божку, что стерегчи малъ скотъ, и многимъ другимъ. Вѣрили, что каждая рѣка, каждый лѣсъ, каждая дебра, каждое селеніе мае своего божка. Тоже вѣрили въ русалки (дѣвицы, якіи жили по ихъ повѣрію въ водахъ), вѣрили въ мавки, якіи жили мали межи полями, вѣрили въ лѣсовиковъ и дѣдьковъ, бо думали, что по лѣсахъ блудитъ человѣкомъ якій то лѣсныи злыи духъ, а въ болотѣ сидитъ чортъ. При томъ были они дуже забобонны, вѣрили въ ворожбы и чары.

Главныи божки поганскихъ Славянъ были: Перунъ, божокъ блыскавки и грома, Хорсъ, что уважался за божка огня, Велесъ за божка скота, Стрибогъ за божка вѣтра, а Дажбогъ за божка солнца. Найстаршимъ божкомъ уважался Перунъ. Его идолъ (кумиръ, подобіе) то былъ четырегранныи, деревяннын столпъ, на горѣ котораго подъ вырѣзанною шапкою, были изображенны

четыре лица на всѣхъ сторонахъ столпа, а въ половинѣ такъ само на четыре стороны были вырѣзаны на деревѣ руки. Кумиръ тотъ стоялъ въ Кіевѣ, надъ рѣкою Днѣпромъ, и передъ нимъ горѣлъ непрестанно святый для поганъ огонь. Кумири другихъ божковъ стояли среди недоступныхъ лѣсовъ.

Были божки, то были и ихъ служители, жрецы, поганскіи священники. Они носили долгіи, бѣлыи одежи, а на головы закладали вѣнки изъ дубового листья. Свята обходили наши предки тогда, коли лѣтомъ земля окрылася сбожемъ и обѣщала дати всякую плодоносность. Тогда обходили они свято ,,Купала" (въ концѣ нынѣшного мѣсяца іюня). Потомъ, коли уже былъ всюда достатокъ сбожа и меду, а земля отпочивала, то обходили они свято ,,Коляды". Въ часѣ святъ они веселилися, спѣвали пѣсни, и вотъ до нынѣ есть еще слово ,,колядовати" и звычай слати по хатахъ ,,коляду", а есть также много другихъ звычаевъ, которыи, облагороднены святою православною вѣрою, заховалися до нынѣ. Но есть еще и нынѣ злый звычай, а и грѣшный: вѣрити въ чары, забобоны, въ хованца, въ домовика, что однакъ подъ вліяніемъ просвѣщенія все больше измѣняется и идетъ до лучшого.

Такая то была поганская вѣра и такій ладъ и звычай у первобытныхъ Славянъ.

Русь.

Между племенами, заселяющими нынѣшнюю русскую землю, найсилнѣйшимъ племенемъ были жители Новгорода, надъ озеромъ Ильменъ. Новгородцы, соединилися съ Кривичами, а также съ нѣкоторыми сосѣдными, не славянскими племенами и держава ихъ была дуже сильна, бо могла мати въ потребѣ больше надъ сто тысячъ войска. Мимо того пришла на Новгородчанъ тяжкая хвиля. За Балтійскимъ моремъ, что тогда звалося ,,Варяжское море", жило воевничое не славянское племя, что звалося Варяго-Руссы. Земли у нихъ было мало, а много народа, для того тяжко приходилося имъ жити. Окружены моремъ, они были славными моряками; на корабляхъ переплывали море и нападали на сосѣдныи, за моремъ положенныи земли. И такъ 859 року по Христѣ Іисусѣ, напали они на Новгородскую державу, побили еи войско и наложили на ню дань, т. е. приказали собѣ каждого року только а только платити.

Правда, что Новгородцы вскорѣ нагнали Варяго-Руссовъ, а сами выбрали собѣ одного начальника, которого звали: ,,Посадникъ". Но

поодинокіи славянскіи племена стали сваритися между собою, не было между ними сгоды, а сварка и несгода — то вѣчное несчастье и проклятіе нашого народа — довели до того, что они не знали уже, якъ собѣ порадити. А тутъ сосѣды только ждали на то, бо извѣстное дѣло, что где двохъ бьется, тамъ третій корыстаетъ. Стали радитися Славяне изъ Новгорода и изъ Смоленска и другихъ мѣстъ и сгодилися на одно:

Коли между славянскими племенами, именно коло Новгорода настала несгода, то тѣ племена обратилися до Варяго-Руссовъ, которыи жили за Балтійскимъ моремъ, и просили ихъ, чтобы они прислали имъ такихъ мужей, которыи бы княжили между Славянами. До Варяго-Руссовъ послали Славяне пословъ, а тѣ сказали такъ: „Земля наша есть велика и богата, но нема въ ней порядка, прійдѣть княжити и владѣти нами“. Тогда то три братья, князи Варяго-Русскі сгодилися на то и прибыли между Славянъ княжити надъ ними. Братья тѣ называлися: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Рюрикъ осѣлъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣло-Озерѣ, а Труворъ въ Изборску. Сталося то 862 року по Рожд. Іис. Христа. Отъ того часу Славяне, заселяющіи нынѣшнюю русскую землю, стали зватися Славяно-Руссами, а земля ихъ стала называтися Русью.

Отъ того-то часу начинается властивая исторія русского народа. Варяго-Руссы, хотя дѣлило ихъ море, были все таки сосѣдами Славянъ и звычай ихъ мало разнился отъ житья славянскихъ племенъ. Прійшовши на Русь, они цѣлкомъ перенялися житьемъ нашого народа. А до того, яко воевничіи люди, Варяги внесли порядокъ между племена, которыи сварилися между собою. Русская держава укрѣпилася едностію и та едность была основою тои славы, якая въ часѣ отъ прихода Рюрика, яко-бы солнцемъ стала озаряти русскую землю.

Владѣніе Рюрика

(отъ 862 до 879 року по Рожд. Хр.)

Два братья князя Рюрика, Синеусъ и Труворъ померли по двохъ лѣтъ и цѣлая славянско-русская земля соединилася подъ властію Рюрика. Онъ самъ жилъ въ Новгородѣ, а въ другихъ мѣстахъ, якъ въ Полоцку, Ростовѣ, Муромѣ и другихъ назначилъ своихъ намѣстниковъ, такъ званыхъ посадниковъ.

Разъ еще задумали Новгородцы, уже за княженья Рюрика, скинути его съ княжого престола, и съ нимъ всѣхъ Варяго-Руссовъ прогнати, но то имъ не удалося. На челѣ заговорщиковъ сталъ Славянинъ Вадимъ, но за нимъ стала меншость народа. Рюрикъ власною рукою убилъ Вадима, а многіи заговорщики утекли изъ Новгорода.

За княженья Рюрика два его дворяне, которыи прибыли съ нимъ на Русь, а звалися они Аскольдъ и Диръ, по дорозѣ до греческой державы, дошли до Кіева. Мѣсто то, по преданію, сбудовали три братья Славяне: Кій, Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь. По ихъ смерти заняли Кіевъ дикіи не славяне, Хазары и мѣсто мусѣло имъ платити дань. Аскольдъ и Диръ побили Хазаръ, завладѣли Кіевомъ, и основали тутъ другое славянско-русское княжество, независимое отъ Новгорода.

Аскольдъ и Диръ были невдоволены тѣмъ, что Рюрикъ не поставилъ ихъ посадниками. Тому они, забравши свою дружину, пустилися до Царьгорода, чтобы тамъ глядати военного счастья. По дорозѣ они заняли Кіевъ. Тамъ завели ладъ и порядокъ, а собравши численное войско изъ Кіевлянъ, на 200 лодяхъ поплыли Днѣпромъ на Чорное море, чтобы заграбити, что дастся, на берегахъ Греціи. Они напали на самый Цареградъ, но тутъ буря потопила ихъ лоди, что сталося за чудесною помощію чудотворнои ризы Пречистои Дѣвы, которая то риза хранилася въ Влахернской, на березѣ моря въ Царьгородѣ стоящой церквѣ Богоматери. Когда Аскольдъ и Диръ съ великою силою напали на Цареградъ, тогда Греки были въ великомъ страху, бо мало что, а былибы русскіи войска заняли и розграбили мѣсто. Тогда то цареградскій Патріархъ Фотій,

по горячей молитвѣ всего священства и цѣлого народа вынесъ чудотворную ризу и погрузилъ ю въ море. И вотъ сталося чудо! спокойное море заволновало, между русскими людями настало замѣшанье, бурливыи волны рознесли ихъ, много народа изъ русского воинства погибло, а Аскольдъ и Диръ съ недобитками своего войска спаслися утечею. И вотъ узнали они могучость Всевышнего Господа Бога (котораго Имя въ тоій книгѣ по разъ первый упоминаемъ, а которому да будетъ вѣчная, по всѣ концы вселенныи сіяюча слава, честь и поклоненіе) и по поворотѣ до Кіева просили греческого царя, до котораго послали пословъ, чтобы прислалъ имъ священниковъ, бо они хотятъ приняти св. Крещеніе. Царь послалъ имъ Архіерея и священиковъ, и тогда Аскольдъ и Диръ, а съ ними нѣсколько изъ ихъ дружины, приняли святую христіанскую, православную вѣру. Но народъ остался при поганствѣ.

Рюрикъ владѣлъ черезъ 17 лѣтъ новгородскою землею. Онъ умеръ 879 р. По немъ осталъ малолѣтныи сынъ Игорь. Управою новгородского княжества занялся свояк Рюрика — Олегъ, которого Рюрикъ поставилъ опекуномъ Игоря.

Вѣщій Олегъ.

(Отъ 879 до 912 р.)

Олегъ, опекунъ сына Рюрикового, Игоря, владѣлъ Русью 33 роки. Владѣніе его было такъ славно, что Игорь, хотя доволь своихъ лѣтъ, не хотѣлъ самъ княжити, и Олегъ княжилъ до самои смерти. Онъ покорилъ всѣ доокрестныи славянско-русскіи племена, аждъ по Карпатскіи горы, а также занялъ Кіевъ. Аскольдъ и Диръ были при томъ убиты.

Цѣлое свое величіе завдячуе тогдашная русская держава мудрому владѣнію Олега. Онъ занялъ мѣста Смоленскъ и Любечъ, подчинилъ собѣ Радимичей, Сѣверянъ, Древлянъ, Лютичанъ, Угличей, Тиверцевъ, а также жителей нынѣшнои Галичины. Потомъ пошолъ онъ походомъ на Кіевъ, а взялъ съ собою и Игоря. Прибывши подъ Кіевъ, онъ казалъ убити Аскольда и Дира за то, что они самовольно отлучилися отъ Рюрика, а самъ овладѣлъ мѣстомъ.

Олегъ соединилъ княжество новгородское и кіевское, и перенесся на житье до Кіева, которое то мѣсто назвалъ онъ „Матерью русскихъ городовъ (мѣстъ)“. Олегъ завелъ на Руси великіи порядки, будовалъ мѣста и крѣпости и дбалъ о поднесеніе богатства русской земли. Онъ пошолъ походомъ до Царьгорода и Греки мусѣли дати ему дуже великую дань и заключити дуже корыстный для Руси миръ.

Былъ то одинъ изъ найславнѣйшихъ русскихъ походовъ. На двохъ тысячахъ лодей умѣстилъ Олегъ 80 тысячъ войска, а до того еще конныи полки ишли сухопутьемъ по берегахъ Днѣпра. Олегъ облягъ Цареградъ. Греки просили о миръ, и дали нечуванную на тотъ часъ грошевую дань, а русскимъ купцамъ свободно было торговати по цѣлой греческой землѣ. Миръ тотъ передъ смертію Олега осталъ обновленный письменно и заприсяженный обоима сторонами (911 р.).

Та не только своими побѣдами вславился Олегъ, а прославили его и порядки, якіи завелъ онъ на Руси. Онъ наложилъ на жителей справедливый податокъ, чтобы за него удержати войско для утриманя порядка. Онъ старался о то, чтобы русскіи купцы могли свободно торговати, и чтобы каждый русскій человѣкъ, безъ огляда на то, чи онъ богатый, чи бѣдный, малъ справедливый судъ и право.

Олегъ былъ такъ справедливый, что народъ назвалъ его „вѣщимъ“, т. е. мудрымъ“. Онъ умеръ 912 р., а на его похоронахъ народъ „стоналъ и плакалъ“ съ жалю за немъ. Олега похоронили въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ.

Преданіе говоритъ, что Олегу, на пару лѣтъ передъ его смертію сказалъ якій-то вѣщунъ, что Олегъ погибне съ причины своего улюбленного коня, на которомъ все ѣздилъ на военныи походы. Отъ того часу Олегъ не ѣздилъ на томъ конѣ, но казалъ его добре доглядати. По поворотѣ съ одного похода ему сказали, что тотъ конь погибъ. Олегъ смѣялся съ словъ вѣщуна и пошолъ подивитися на кости того коня. Но коли ногою наступилъ на конскій черепъ, то изъ черепа выползла гадина, укусила Олега въ ногу, отъ чого онъ и умеръ.

Князь Игорь

(отъ 912 до 945 р.)

Князь Игорь владѣлъ отъ 912 до 945 року. Въ началѣ своего владѣнія онъ покорилъ збунтовавшихся Древлянъ и наложилъ на нихъ большій податокъ. Игорь заключилъ также миръ съ дикимъ народомъ, Печенѣгами, которыи пришли изъ Азіи и осѣли надъ Чорнымъ моремъ коло рѣкъ Донъ и Дунай. Жена его была бѣлного роду, но дуже мудра. Она звалася Ольга.

Черезъ долгіи лѣта по покоренію Древлянъ владѣніе Игоря было дуже спокойне. Самъ онъ былъ человѣкъ мирный, и по примѣру Олега отдался цѣлковито внутренному устройству русскои державы. Коли изъ Азій, отъ стороны рѣки Волги, наплыли въ Европу дики Печенѣги, Игорь заключилъ съ ними миръ, чтобы не проливати крови. Но въ старости лѣтъ улягъ онъ намовамъ своеи дружины, которая жаждна была военнои добычи.

Игорь (941. р.) пошолъ походомъ на Грековъ, бо тѣ не хотѣли платити дани, якую мали платити, и до якои обязалися въ договорѣ, заключеннымъ между ними, а Олегомъ. Походъ Игоря не удался; онъ вернулъ на Русь, собралъ еще большое войско и снова пошолъ войною на Грековъ. Греки налякалися и сложили великую дань, та заключили новый договоръ (миръ) съ Игоромъ, а онъ вернулъ до Кіева.

Первый походъ Игоря на Цареградъ былъ съ начала дуже удачный, бо русскіи войска черезъ три мѣсяцы пустошили греческіи земли. Но потомъ Греки выдумали такій огонь, что горѣлъ и на водѣ (звался онъ „греческій огонь“ и никто не зналъ, якъ онъ робится). Тимъ огнемъ Греки палили рускіи люди. Игорь мусѣлъ вертати до Кіева. Тутъ онъ нанялъ за гроши войско изъ варяжскои земли и отъ Печенѣговъ и пустился до Царьгорода. Греческій царь теперь убоялся мести русского воинства, уплатилъ дуже великую дань и заключилъ новый договоръ, но уже не такъ корыстный для Руси, якъ договоръ за часовъ Олега.

Повернулъ Игорь на Русь. Но дружина его намовила, чтобы для роздобытья добычи пошолъ стягати дань съ Древлянъ. Игорь послухалъ и пошолъ на братьевъ славянъ. Но Богъ покаралъ непотребную захланность и пролитье братнои крови, бо коли:

Игорь по войнѣ съ Греками пошолъ съ войскомъ на Древлянъ, то они напали на него и убили его. Сталося то 945 р.

Княгиня Ольга

(отъ 945 до 957 р.)

Убитый Древлянами князь Игорь оставилъ малолѣтнаго сына Святослава. До часу, коли Святославъ дойдетъ до лѣтъ, управляла русскою землею его мати, а вдова по Игорѣ, княгиня Ольга. Она пошла съ великимъ войскомъ на Древлянъ, побила ихъ, отмстила смерть своего мужа Игоря, спалила мѣсто Коростенъ, а на цѣлую землю Древлянъ наложила великую дань.

Якъ передъ восходомъ солнца, первое свѣтло несетъ намъ денница (ранная зоря) такъ передъ яснымъ днемъ, въ которомъ вся Русь просвѣтилася свѣтломъ Христовои вѣры, засіяла намъ предтечественная зоря — княгиня Ольга. По повѣрію однихъ, была она болгарскою княжною, но по общему повѣрію была она убогою селянскою дѣвчиною, съ которою случайно познакомился Игорь и ради ея красоты и честноты, а именно ради розума, оженился съ нею. По смерти Игоря, Ольга строго отомстила смерть его. По преданію приказала она подступомъ убити около 5 тысячъ Древлянъ, которыхъ пригласила на тризну, т. е. на поминальный обѣдъ, якій по тогдашному, русскому звычаю, отправила на могилѣ убитого Игоря, коло мѣста Коростена. Потомъ мала она убити однихъ и другихъ пословъ древлянского князя Мала, который хотѣлъ ю взяти за жену. Потомъ еще разъ пошла походомъ въ древлянскую землю, покорила ю цѣлковито, позбавила ю совсѣмъ независимости, стягнула съ неи великую дань, которую мали ей что-року платити. Только потомъ вернула она до Кіева и занялася выхованьемъ своего сына Святослава.

По покоренью Древлянъ Ольга дуже мудро правила русскою землею. Она дбала о то, чтобы въ землѣ тоій были добрыи дороги для купцевъ, заводила суды, установляла всюда мудрыхъ наставниковъ. Она дбала также о то, чтобы никто не кривдилъ бѣдныхъ и чтобы всѣ находили всегда однаковое право. Вдячный народъ любилъ ю дуже и по ея имени далъ призванье: „Мудрая“. Въ

р. 957. Ольга отдала правленіе русской землей своему сыну, Святославу.

Княгиня Ольга вполнѣ заслужила на названье: „Мудрая". Ея правленіе было мирное и справедливое. Она старалась, чтобы русская земля, тогда по правдѣ, молокомъ и медомъ текуща, подняла свою торговлю и чтобы вступила въ торговельныи связи съ сосѣдными народами. Для охраны якъ своихъ, такъ и чужихъ купцовъ, княгиня Ольга всюда по городамъ и крѣпостямъ установила всенную „рать", то есть сторожу. Также установила она родъ почты, которою пересылалися приказы въ далекіи окраины русской земли. Справедливая для всѣхъ, была она правдивою матерью русского народа. А что найважнѣйше, то то, что княгиня Ольга Мудрая покинула поганство и приняла христіанскую вѣру, о чемъ будемъ читати пониже.

Одно только могло бы удивити насъ, именно жестокость, съ якою Ольга мстила на Древлянахъ смерть своего мужа. Но треба намъ знати, что всѣ тѣ событія извѣстны намъ только изъ преданій, хотя и списанныхъ позднѣйшими лѣтописцами, но полной вѣры дати имъ не можемъ. А впрочемъ, если даже месть надъ Древлянами была дуже жестока, то треба памятати, что за смерть своего князя мстился цѣлый народъ, и Ольга была только исполнителницею его воли. А что то были такі часы, въ которыхъ жестокость и кровожадность поганскихъ народовъ не была еще усмиренна христіанскою наукою, то и не дивно, что отмщенье надъ Древлянами если дѣйсвительно мало оно мѣсто отвѣчало дикости давныхъ временъ.

Княгиня Ольга принимае св. Крещеніе.

Первыи слѣды христіанства на Руси.

Великая княгиня Ольга Мудрая передала въ 957 р. правленіе русскою землею своему сыну, Святославу. Тогожъ року она поѣхала до Царьгорода, столичного мѣста греческой державы, и тамъ приняла святое Крещеніе. Она стала христіанкою, и при св. Крещеніе получила имя: Елена. Таину св. Крещенія удѣлилъ ей патріархъ, (то есть найстаршій изъ всѣхъ греческихъ епископовъ) Поліевктъ. Ея воспріемникомъ, то есть крестнымъ отцемъ, былъ греческій цѣсарь Константинъ VII. (сельмый) Багрянородный. По св. Крещенію княгиня Елена-Ольга Мудрая вернула до Кіева. Она жила дуже побожно и

старалася шприти на Руси святую христіанскую вѣру. Елена Ольга Мудрая умерла дня 11 іюля 969 р. За ея великія честноты, святое житье и вѣрность святому православію, святая православная Церковь назвала ю „равноапостольною и святою".

Закѣмъ подробнѣйше опишемъ крещеніе святои равноапостольнои княгини Елены-Ольги Мудрои, мусимъ оповѣсти о першихъ слѣдахъ христіанства на Руси. И такъ подаемъ тутъ найстаршое, бо апостольскихъ временъ сягающее преданіе:

Преданіе о святомъ Апостолѣ Андреѣ Первозванномъ, благословившомъ русскую землю.

По Вознесенію Господа нашого Іисуса Христа и по Сошествію Святого Духа, Апостолы Христовы розошлися по всѣхъ земляхъ проповѣдати науку Іисуса Христа. Апостолъ, святый Андрей Первозванный дошолъ съ своими учениками до рѣки Днѣпра и опинился на горахъ коло Кіева, где и переночовалъ. Другого дня, вставши со всходомъ солнца, святый Андрей сказалъ до своихъ учениковъ: „Подивѣтся на сіи горы. Тутъ колись засіяе благодать Господа Бога. На мѣстѣ томъ стане съ часомъ великій городъ (мѣсто). Въ городѣ томъ буде много церквей, а Господь Богъ просвѣтитъ ту сторону своимъ Крещеніемъ". Святый Андрей благословилъ тѣ горы, поставилъ на нихъ святый крестъ и пустился въ дальшую дорогу.

Есть то, якъ сказали мы, побожное преданіе, сягающее давныхъ временъ. Но не скоро исполнилося предсказаніе св. Апостола, и страна русская, по словамъ лѣтописца Нестора, перебывала въ идольской прелести, она не слыхала ни отъ кого слова о Господѣ Іисусѣ Христѣ и никто въ ней не проповѣдалъ слова Божьяго. Есть якіи то слѣды, что въ первой половинѣ четвертого вѣка, за панованья римского царя Константина Великого (отъ 313—337 р.) кто-то межи Скиѳами проповѣдалъ св. Евангеліе (а надъ Скиѳіею, якъ знаемъ, розумѣти треба давную колыбель русского народа). Знаемъ также, что св. Іоаннъ Златоустъ послалъ проповѣдниковъ Божьяго слова за Дунай, въ предѣлы нынѣшнои русскои земли. Но

Святый Апостолъ Андрей ***Первозванный*** *благословляетъ русскую землю.*

тѣ первыи проблески Христовои науки погасли среди поганства. Поважны, бо уже на исторіи оперты слѣды христіанскои вѣры на русской землѣ сягаютъ часовъ Рюрика. И такъ знаемъ что:

Владѣтели Кіева, Аскольдъ и Диръ, оба изъ дружины князя Рюрика, коли подъ Царьгородомъ буря розогнала и потопила ихъ чолна, познали, что есть одинъ только правдивый Богъ, покинули поганство и приняли въ Царьгородѣ святое крещеніе. Они побудовали въ Кіевѣ церковь подъ именемъ святого Пророка Иліи. Нѣкоторыи изъ ихъ дружины приняли также христіанскую вѣру. Но цѣлый народъ остался еще при поганствѣ.

Мы уже писали (на сторонѣ 10), что Аскольда и Дира поразило подъ Царьгородомъ видимое чудо, коли то по погруженію въ морѣ ризы Пресв. Богородицы спокойное море наразъ зволновялося и розбило майже совсѣмъ русскіи люди. Принятіе Аскольдомъ и Диромъ св. крещенія не дастся заперечити, однако народъ за дуже еще былъ привязанный до поганства и не легко ему было покинути давное, позволяющее на всякую розпусту, житье, а держатися науки Христа Спасителя. Всежь таки между поганами были на русской землѣ и христіане. За великого Олега Вѣщого, коли онъ въ 911 р. заключалъ миръ съ Греками, то между его послами были христіане и погане. Лѣтописи пишутъ, что погане изъ русскои земли клялися, або присягали на Перуна, а христіане тоиже земли присягали на Евангеліе и крестъ. Въ самомъ Кіевѣ присягали христіане изъ дружины Олега въ „соборной“ церквѣ св. Иліи, изъ чого видно, что въ Кіевѣ были уже и другіи церкви.

Можно смѣло твердити, что по смерти Олега, якъ и за его житья, а также за владѣнія Игоря число христіанъ все большало. Слава и честь тимъ князямъ, что они, хотя сами погане и хотя поганскимъ былъ еще русскій народъ, не гонили, не переслѣдовали христіанъ, якъ то дѣялося у другихъ поганскихъ народовъ.

Оно певнымъ есть также то, что великая и мудрая княгиня Ольга отъ долшого часу придивлялася житью христіанъ, что между еи дружиною были они также, и что постепенно пришла она до познанія св. православнои вѣры. Оповѣдае преданіе, что разъ, идучи вздолжь берега Днѣпра, княгиня Ольга почула выходячій изъ однои хаты прехорошій спѣвъ. Она вступила до тои хаты и увидѣла тутъ двохъ христіанъ, которы спѣвали псальмы. Они сказали еи, что суть христіанами, поучали ю о правилахъ св. вѣры и радили, чтобы ѣхала до Царьгорода, откуда первыи сѣмена тои вѣры привезли Аскольдъ и Диръ. Якъ оно было, того не знаемъ; до-

сыть, что великая княгиня Ольга поѣхала до Царьгорода. Тутъ приняли ю дуже величаво, самъ патріархъ Поліевктъ крестилъ ю, а воспріемникомъ еи былъ цѣсарь. По св. крещенію патріархъ промовилъ до Елены-Ольги сіи слова: ,,Благословенна ты между русскими женами, бо ты оставила тьму, а возлюбила свѣтло, и сыны Руси будутъ благословити тебе отъ рода въ родъ". Также благословилъ патріархъ Елену-Ольгу крестомъ, который она привезла съ собою на Русь, где пріѣхали съ нею также греческіи священники. Не много мы знаемъ о житью Елены-Ольги по поворотѣ еи до Кіева, кромѣ того, что она усердно намовляла своего сына Святослава, до принятія христіанства, но тотъ не пошолъ за еи голосомъ.

А вжежъ святое мусѣло быти еи житье, если Церковь причислила ю до лика Святыхъ, бо св. православная Церковь не превозноситъ царей и князей надъ бѣдныхъ, и святость признаетъ только тѣмъ, которыи на то заслужили своимъ богоугоднымъ житьемъ. Съ великимъ усердіемъ голосила она св. вѣру, а якъ читаемъ въ лѣтописи: ,,многіи, чуючи еи слова, а подобныхъ еще не чули, любезно принимали изъ еи устъ слово Божіе и крестилися". Тому не диво, что народъ звалъ ю ,,звѣздою утренною предваряющою солнце, зорницею утра, предвѣщающою дневный свѣтъ", она сіяла, якъ полный мѣсяцъ въ ночи и блистала межи невѣрными, якъ дорогій жемчугъ (перла). Св. Елена Ольга Мудрая умерла въ р. 969, на 7[illegible] роцѣ житья.

Въ р. 1007 при св. Владимирѣ мощи еи найдено цѣлы, нетлѣнны и торжественно перенесено въ храмъ Пресв. Богородицы. Коли монголы нашли на русскую землю и облягли, а и снищили Кіевъ, то передъ тѣмъ мощи св. княгины Елены-Ольги Мудрои схоронено въ подземелью Десятинои церкви. Теперь уважаймо, что:

Такъ Аскольдъ и Диръ, якъ и св. княгиня Елена-Ольга Мудрая, и также всѣ други христіане русскои земли приняли христіанство изъ найчистѣйшого жерела, отъ востока, изъ Греціи. Восточная церковь найчистѣйше сохранила науку Христа Спасителя; она была православна. Выходитъ изъ того, что такъ Аскольдъ и Диръ, якъ и св. Елена Ольга Мудрая приняли православную вѣру и что они были православны, якъ православною была, есть и будетъ цѣлая святая Русь.

Князь Святославъ

(отъ 957 до 972 р.).

Князь Святославъ былъ сыномъ Игоря и Ольги. Онъ началъ владѣти русскою землею отъ 957 р. Былъ онъ дуже храбрый и черезъ цѣлый часъ своего владѣнія велъ безпрестанныя войны. Святославъ покорилъ Хазаръ, которыи жили надъ рѣкою Донъ, и занялъ головное ихъ мѣсто: Бѣлую Вежу.

Не такъ въ отца Игоря, якъ въ Олега удался князь Святославъ. Отъ дитинства закаленный въ трудахъ военного житья, онъ только и занимался войнами. Конь и житье среди своихъ полковъ, голосъ военныхъ трубъ и походы въ далекіи степы, то была найбольшая его роскошь. Первый его походъ сверненный былъ противъ Хазаръ. То дикое племя жило за Дономъ и въ свой часъ заняло Кіевъ, откуда однакъ ихъ прогнали Аскольдъ и Диръ. Хазары уступили изъ кіевскои области, но въ мѣсто того напали на славянское племя Вятичей, которыи жили надъ рѣкою Окою. Святославъ освободилъ Вятичей, наложилъ на Хазаръ дань, а потомъ пошолъ походомъ ажь до Кавказкихъ горъ и покорилъ дикіи племена, на мѣстѣ которыхъ жіютъ нынѣ Черкессы.

Князь Святославъ воевалъ также за Дунаемъ съ Болгарами. Онъ побилъ ихъ войско, покорилъ ихъ царя Петра и занялъ головное ихъ мѣсто Переяславъ. Переяславъ подобался Святославу такъ дуже, что онъ остался тамъ жити. Цѣлая болгарская земля подчинилася его власти.

Болгары были дикимъ, но храбрымъ народомъ. Яко найблизши сосѣды грецкои державы, обязаны они были платити ей что-рочную дань. Но часто забывали они о томъ; что больше они нападали на пограничныя грецкіи земли и грабили ихъ. Надѣло то Грекамъ и длятого просили они Святослава, коли тотъ былъ на Кавказѣ, чтобы онъ покорилъ Болгаръ. Жадный боевыхъ трудовъ, русскій князь пошолъ отъ рѣки Кубань до Дуная, напалъ на Болгаръ и завладѣлъ ихъ землею, осѣлъ въ Переяславѣ и якобы забылъ о Кіевѣ и о русской землѣ.

Князь Святославъ малъ трехъ сыновъ, которыи звалися: Ярополкъ, Олегъ, Владиміръ. Они воспиталися въ

Кіевѣ, подъ опекою княгини Елены-Ольги Мудрои. Коли Святославъ былъ въ болгарской землѣ, то на Кіевъ напали дикіи Печенѣги и облягли мѣсто. На помочь пришолъ Кіеву черниговскій воевода Претичъ. Онъ съ малымъ войскомъ напалъ нечаянно на Печенѣговъ. Печенѣги думали, что то самъ Святославъ на нихъ нападаетъ и въ страху утекли отъ Кіева. Святославъ дознавшися о осадѣ Кіева, скорымъ ходомъ вернулъ изъ Болгаріи, погнался за Печенѣгами и розбилъ ихъ на голову.

Смутное было положенье Кіевлянъ, коли Печенѣги осадили майже беззащитное мѣсто, въ которомъ нестало уже и ѣды, бо врагъ окружилъ цѣлое мѣсто и не допускалъ никого до него. Тогда то одинъ молодецъ изъ Кіева перекрался черезъ таборъ Печенѣговъ и счастливо добрался до Чернигова. Претичъ былъ опытный воевода еще изъ часовъ Игоря. Войска у него не было много. Однако онъ собралъ якую только могъ силу, посадилъ войско на лоди и поплылъ Днѣпромъ до Кіева. Ровночасно рознеслася вѣсть, что то самъ Святославъ идетъ. И такъ страшно было имя того князя, что оно стало за цѣлое войско; Печенѣги съ переполоху утекли, но Святославъ догналъ ихъ въ степахъ и наказалъ по заслузѣ.

Святославъ остался въ Кіевѣ до смерти своеи матери, княгини Елены-Ольги Мудрои (969 р.). Потомъ онъ роздѣлилъ русскую землю между своихъ сыновъ. И такъ: Найстаршому Ярополку отдалъ онъ кіевскую землю съ Кіевомъ. Середущому Олегу отдалъ древлянскую землю. Наймолодшому Владиміру отдалъ Новгородъ. Самъ же Святославъ отправился съ войскомъ въ Болгарію, которая сбунтовалася противъ него, и занялъ по другій разъ цѣлую болгарскую землю.

„Не любится менѣ въ Кіевѣ, а хочу я жити въ Переяславѣ, где есть середина моеи земли.“ Такъ говорилъ Святославъ до матери своеи Елены-Ольги, коли та просила его, чтобы не лишалъ роднои земли. Но на еи просьбы онъ остался въ Кіевѣ только до еи смерти. Часто и густо промовляла старая, святая матерь до его души, чтобы позналъ онъ правдивую вѣру и принялъ св. крещеніе. Но закаленный въ войнахъ Святославъ не малъ часу думати о томъ и казалъ, что дружина его смѣялася бы коли бы онъ принялъ новую вѣру, которая кажетъ любити врага и не позво-

ляетъ проливати крови. За то однакъ не заборонялъ онъ никому вызнавати христіанскои вѣры, а по смерти Елены-Ольги не противился, что ею похоронено по христіанскому обряду, безъ поганскои тризны и другихъ тогдашныхъ обычаєвъ.

А потомъ онъ подѣлилъ перозважно русскую землю между сыновъ, не знаючи, что тотъ подѣлъ станетъ причиною всего несчастья, якое мало постигнути ту землю. Тѣмчасомъ въ Болгаріи умеръ покоренный царь Петръ, а на его мѣсто выбрали Болгары царя Бориса. Въ Греціи владѣлъ тогда храбрый цѣсарь Іоаннъ Цимисхій и онъ погодился съ Болгарами, бо боялся такъ страшного сосѣда, якъ Святославъ, а снова Болгарамъ росходилося о то, чтобы быти своими панами а не поддаными русского князя. Для того збунтовалися они противъ Святослава. Но якъ соколъ изъ подъ хмары, такъ Святославъ напалъ на болгарскую землю, покаралъ бунтъ, занялъ всѣ крѣпости, также и Переяславъ. Только, что не на добро вышла ему та побѣда.

По вторичномъ завоеванію Болгаріи Святославъ началъ войну съ греческимъ цѣсаремъ Іоанномъ Цимисхіемъ. Война та скончилася для Святослава несчастливо. Хотя и якъ храбро боролися русскіи войска, то все таки греки перемогли ихъ своимъ множествомъ. Святославъ былъ раненный. Онъ заключилъ съ греческимъ цѣсаремъ миръ и отказался отъ правъ до болгарскои земли.

Занявши Переяславецъ, хотѣлъ Святославъ покарати Грековъ за ихъ вѣроломство и пошолъ на нихъ войною. Но греческій цѣсарь, якъ мы уже сказали, былъ однимъ изъ найлучшихъ вождовъ своего часу. Подъ Доростолемъ, где была великая крѣпость (Доростоль нынѣшна Силистрія), пришло до кровавои битвы. Русскіи полки дали доказъ нечуванного мужества; двадцать разовъ отбили они нагады перемагающои вражои силы. Но трудно было дальше спиратися. Святославъ уступилъ изъ поля битвы и замкнулся въ крѣпости. И снова мужественная отвага русского войска засіяла якъ солнце: они волѣли головы покласти, нежели отдати крѣпость врагу. Однакъ Святославъ хотѣлъ пощадити свое войско, для того онъ согласился на миръ. Хотя онъ самъ также былъ раненный, все таки лично увидѣлся съ греческимъ цѣсаремъ, который надѣлилъ его неизмѣримои цѣны дарунками. Греки подивляли русского князя, который прибылъ до нихъ самъ, безъ дружины, въ простой одежи, съ голенною головою, на верху которои свисался долгій чубъ волося. Бо якъ же не было подивляти найславнѣйшого на тогда вождa и побѣдителя многихъ племенъ, человѣка, который сносилъ всякіи труды, спалъ на голой землѣ, часто кормился конскимъ мясомъ, а въ бою былъ

всегда первый. Такъ то закончился его походъ на греческую землю, а потомъ наступилъ смутный поворотъ на родину, среди котораго онъ погибъ геройскою смертію.

Святославъ по войнѣ съ Греками пустился съ остатками своего войска до Кіева. Онъ везъ съ собою дуже много всякихъ скарбовъ. Отъ Чорного моря плылъ онъ лодками по Днѣпрѣ. Коло Днѣпровыхъ пороговъ напали на него несподѣванно въ великой силѣ Печенѣги. Они розбили его войско, а ему самому отрубали голову. Сталося то 972 р.

Такъ полягъ найбольшій того времени русскій герой. Исполнилися на немъ слова: „Кто мечемъ воюетъ, тотъ отъ меча и гинетъ“. Преданіе говоритъ, что печенѣжскій князь Куря казалъ черепъ Святослава оправити въ серебро на подобіе чаши и пилъ изъ него винo. На чаши той мали быти выписаны слова: „За чужимъ пойдешь, свое стратишь“.

Три братья князи:

Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ

(отъ 972 до 980 р.).

Князь Святославъ подѣлилъ русскую землю между трехъ своихъ сыновъ. По его смерти между сынами пришло до сварней и братоубійственной войны. Найстаршій Ярославъ пошолъ войною на середущого своего брата, Олега, и побилъ его войска. Олегъ въ утечѣ заломился на мостѣ на рѣцѣ Овручъ и погибъ тамъ. Ярополкъ занялъ удѣлъ Олега, т. е. древлянскую землю.

Только что рознеслася вѣсть о смерти князя Святослава, а уже сыны его начали между собою крамолу и войну. Не знаемъ, что было главною причиною тои войны, но не тяжко догадатися, что вызвала ю ненасытная жажда панованья. Кажутъ, что до войны съ Олегомъ подмовилъ Ярополка воевода Свѣнельдъ. У того воеводы былъ сынъ Лютъ, которого малъ Олегъ убити за то, что Лютъ безправно полевалъ въ его лѣсахъ. Черезъ то пришло до войны, а конецъ еи такій, что Олегъ, заломившися на мостѣ, погибъ розтоптанный конскими копытами, а Ярополкъ занялъ древлянскую область.

По смерти князя Олега, наймолодшій изъ трехъ братьевъ-князей, Владиміръ, потаенно поѣхалъ въ варяжскую землю и тутъ сталъ собирати наемничое варяжское войско. Тѣмчасомъ Ярополкъ занялъ новгородскую область и сталъ княземъ надъ цѣлою русскою землею. Но не надолго. По двохъ лѣтахъ князь Владиміръ привелъ съ собою войско изъ варяжскои, а также изъ новгородскои земли. Князъ Ярополкъ, подмовленный здрадникомъ, воеводою Блудомъ, оставилъ Кіевъ и пошолъ до Владиміра, чтобы погодитися съ нимъ. Коли вступалъ въ дверп дому Владиміра, то воиевы того-же кинулися на него и пробили мечами. Князь Владиміръ занялъ Кіевъ и сталъ княжити самъ одинъ надъ цѣлою Русью. Сталося то 980 р.

И такъ то два братья, князи Ярополкъ и Олегъ наложили оба головами. Нѣтъ дива, что Владиміръ глядалъ помочи у Варягъ, бо варяжскіи племена за гроши нанималися на военную службу каждому, кто добре платилъ. Треба знати, что при Владимірѣ стоялъ его дядя, Добрыня, который отъ восьмого року житья Владиміра былъ его опекуномъ. За его то порадою Владиміръ пошолъ войною на Ярополка, которого погубилъ здрадный Блудъ. Онъ то намовилъ Ярополка, чтобы вышолъ изъ Кіева, за укрѣпленіями котороro онъ могъ ся долго опирати облягающимъ мѣсто войскамъ Владиміра. Ярополкъ замкнулся въ малой крѣпости, Роднѣ, и тутъ облягъ его Владиміръ. Блудъ подмовилъ князя Ярополка, чтобы ишолъ миритися съ братомъ. Дармо вѣрный слуга Варяжко умолялъ Ярополка, чтобы не ишолъ въ дворъ своего брата; Ярополкъ пошолъ за іудиною порадою Блуда и нашолъ тамъ смерть.

Исторія повѣдае, что Владиміръ, закѣмъ осадилъ въ Роднѣ своего брата Ярополка, занялъ полоцкій або кривскій край, убилъ князя Рогволода и его двохъ сыновъ и насильно оженился на его дочцѣ, прекрасной лицемъ Рогнѣдѣ, которая сговорена (обручена) была за Ярополка. Теперь придивитися намъ треба владѣнію князя Владиміра въ найблизшихъ восьми лѣтахъ, ажъ до хвили, коли благодать Господа Бога просвѣтила его и привела до познанія Христовои вѣры.

Владиміръ Великій

(отъ 980—1014 р.).

Князь Владиміръ сталъ владѣти всею русскою землею. Многи племена, покорены Руси, не хотѣли платити дани. Для того князь Владиміръ мусѣлъ пти на нихъ воіною. И такъ на востоцѣ покорилъ онъ сбунтованныхъ Вятичей и Радимичей. На полудни побилъ онъ дикихъ Печенѣговъ, а на западѣ Ятвяговъ и Бѣлыхъ Хорватовъ. Въ 981 р. пошолъ онъ въ нынѣшную Галицію на Ляховъ (Поляковъ), которыи заняли были русскіи мѣста Перемышль и Червень (коло Холма). Часть русскои земли между тими мѣстами звалася отъ мѣста Червень „Червоная Русь“. Князь Владиміръ побилъ Ляховъ и отобралъ назадъ русскіи мѣста.

И такъ то, по первый разъ въ нашой исторіи видимъ мы, что хищный Ляхъ берется грабити русскую землю, которой нанесъ онъ, и до нынѣ наноситъ столько бѣды. Походы Владиміра, такъ на Ляховъ, якъ и на другіи сбунтованныи племена, были дуже счастливы и покрыли его великою славою. Но не такъ славне было его житье. Правда, что до восьмого року житья былъ онъ подъ опекою своеи бабки, св. Елены-Ольги Мудрои, но потомъ опековался нимъ дикій поганинъ, Добрыня. Не одно доброе сѣмя, что пало на сердце молоденького Владиміра изъ наукъ св. Ольги, хотя не совсѣмъ затратилося, но такой оно было заглушено. И такъ:

Князь Владиміръ былъ упорнымъ погапиномъ. Онъ поклапялся найбольше идолу божка, Перуна. Идолу тому казалъ онъ приноситп жертвы изъ живыхъ людей. По побѣдѣ надъ Ятвягами, хотѣли поганскіи жрецы принести въ жертву одного молодца, по имени Іоанна. Его отецъ звался Ѳеодоръ. Коли погане хотѣли насильно брати Іоанна, Ѳеодоръ сталъ голосити, что они оба христіане, и что есть только одинъ правдивыи Богъ, а то Богъ христіанскій. Розлюченныи погане убили Ѳеодора и Іоанна. Они погибли за святую христіанскую вѣру и для того Церковь причислила ихъ до лика Мучениковъ.

Ѣ были то первыи и послѣдніи мученики за св. вѣру, которыи понесли смерть изъ рукъ поганскихъ своихъ братьевъ на св. Руси. Бо хотя та Русь была и поганска, то она никому не возбраняла быти христіаниномъ. За попереднихъ князей погане не важилися бы кинути на христіанъ, но якъ сказали мы, князь Владиміръ былъ упорнымъ поганиномъ, и при немъ поганство стало смѣлѣйше подносити голову. Но кто може розслѣдити дороги Божьего провидѣнія? Написано было въ судьбахъ русской земли, что именно тотъ князь поганинъ, и то такъ дуже заслѣпленный, малъ окрестити русскую землю, малъ засіяти блескомъ всякихъ честностъ и стати великимъ равноапостольнымъ Угодникомъ Божіимъ.

Князь Владиміръ росширилъ границы русской державы больше всѣхъ другихъ князей. За него Русь граничила съ трема морями: съ Варяжскимъ (нынѣ Балтійскимъ) моремъ, съ Хвалинскимъ (нынѣ Каспійскимъ) моремъ и съ Русскимъ (нынѣ Чорнымъ) моремъ. Всѣ народы подивляли силу и славу русской земли, а князь Владиміръ, еще яко поганинъ, заслужилъ собѣ на названіе: „Великій“.

Князь Владиміръ пріймаетъ христіанскую вѣру

(988 р.).

Среди найбольшои славы, якои нажилъ князъ Владиміръ, было одно, что не давало ему спокою. Онъ видѣлъ, что не може быти доброю та вѣра, котора приказуетъ покланятися бездушному сотворенію. Все больше и больше приходили ему на мысль науки великои и мудрои его бабки, св. Ольги, которая, якъ знаемъ, была христіанкою. А певно, что еи молитвы умолили для него благодать прозрѣнія, бо вотъ:

Князь Владиміръ Великій пришолъ до познанія, что вѣра поганска не есть добра. За порадою мудрыхъ людей онъ выслалъ пословъ своихъ, чтобы перешли всѣ сосѣдныи земли и придивилися, которая вѣра найлучше имъ подобаеся. Послы вернулися и сказали, что нигде имъ не подобалося, только въ одной Греціи. Они казали, что въ Царьгородѣ, въ церкви въ часѣ богослуженія имъ выдавалося, что то не люди, а ангелы служатъ Богу. Князь Вла-

диміръ Великій рѣшилъ отречися поганства, а приняти святую православную вѣру.

Записанное въ лѣтописяхъ преданіе повѣдаетъ, что до князя Владиміра присылали всяки народы своихъ пословъ, а и проповѣдниковъ своей вѣры, всѣмъ бо имъ ишло о то, чтобы попасти въ ласку могущого владѣтеля великои русскои держазы. Дѣялося то именно въ томь часѣ, коли римскіи папы а за ними латиняне отлучилися отъ святои, апостольскои, соборнои, православнои Церкви. Папы, то есть епископы Рима, забыли на науку Христа Спасителя и на смиреніе, они хотѣли пановати надъ цѣлымъ свѣтомъ. Они пренебрегали Евангеліемъ и апостольскимъ ученіемъ а также рѣшеніями Вселенскихъ Соборовъ. Папы римскіи стали голосити, что они есть видимою головою Христовои Церкви и стали присвоевати собѣ власть надъ тою Церковью, которую то власть мае только Христосъ Спаситель. Они, тѣ римскіи папы, пофальшовали Символъ вѣры, т. е. „Вѣрую“ и въ ученіе св. Церкви ввели многія еретическіи, безбожныи новости. До того хотѣли они, чтобы всѣ патріархи, митрополиты, епископы, всѣ священники, а также и всѣ мірскіи Владѣтели имъ повиновалися и робили все, что имъ гордый папа прикажетъ, хотя бы то было противне даже и науцѣ Христа Спасителя и Его Церкви.

Восточная же Церковь православна, всегда дбала о тое, чтобы ея ученіе осталося такъ чисто, якъ било оно за часовъ Апостоловъ. Она учила и учитъ на основанію св. Писанія, что глава Церкви — то самъ Христосъ, который буде съ тою Церковью по Его власнымъ словамъ, до скончанія міра. Православная Церковь не могла для того признати грѣхамъ подпадающого человѣка, римского епископа, папу, главою Церкви. Также не могла она позволити, чтобы латиняне вводили ересь въ Христовую науку. Патріархи православнои Церкви, полныи любови и лагодности, напоминали латинянъ, чтобы повернули до православного Христового ученія. Но гордыи латиняне не думали о покаянію и длятого дошло до роздѣла Церкви. Латиняне отступили отъ святои, апостольскои, соборнои Христовои Церкви. И такъ востокъ осталъ православнымъ, осталъ при чистомъ апостольскомъ ученію, а западъ, то есть латиняне назвали себе „воинствующою церковью“ безправно и прибрали собѣ названіе „католицкій“, т. е: соборный. Названье то имъ совсѣмъ не належится, бо каѳолическою, соборною, правдивою, Христовою есть только наша православная Церковь. Ихъ такъ звана римская, латинская, папежская Церковь есть усохлою галузью, что оторвалася отъ пня животворнои православнои Церкви; она есть еретическа и остане нею такъ долго, якъ долго не повернетъ въ роскаянію до учінія св. православнои, единоспасительнои Церкви, и якъ долго не откажется главенства папежа и другихъ своихъ блудовъ. Именно тогда, коли Русь все больше и больше приклонялася до познанія святои христі-

анскои вѣры, переводился окончательный роздѣлъ латинянъ отъ святои православнои, Христовои Церкви. Русь осталася при Христовомъ ученію, а латиняне стали еретиками. Но папы ихъ мали за собою силу и хотѣли конечно власть свою еще больше поднести. Длятого не диво, что римскій папежъ выслалъ былъ до князя Владимірa своихъ ксендзовъ, чтобы старалися навернути его и Русь до латинства. Но латинство такъ есть противне душѣ русского человѣка, якъ противна вода огню, або свѣтло темнотѣ. Познали то папежскіи послы, бо князь Владиміръ прогналъ ихъ отъ себе.

По преданію приходили до него магометане и жидъ, но одни и други пошли съ ничѣмъ, бо Владиміръ назвалъ ихъ вѣру „мерзенною.“ За то проповѣдь греческого священника, который говорилъ о Христѣ Спасителю и о дни страшного суда, сворушила сердце Владиміра, онъ позналъ правду и затѣмъ послалъ гословъ по всѣхъ земляхъ и тѣ утвердили его въ томъ, что Русь може приняти только одну, правдивую, православную вѣру. „Если бы греческая вѣра не была правдива, то твоя бабка Ольга не была бы ю приняла, она была мудрѣйша отъ другихъ людей“ — говорили послы Владиміру, въ сердцѣ которого мусѣли конечно озватися тѣ науки, якіи чуль онъ въ дитинствѣ отъ тои „Мудрои“ своеи бабки. И такъ рѣшился онъ приняли св. вѣру. Однако гордый на свою силу и славу хотѣлъ онъ все остати повелителемъ. При томъ все еще хотѣлъ онъ отомстити на Грекахъ неудачный походъ отца своего, Святослава. И для того:

Князь Владиміръ Великій собрaлъ въ 988 р. великое войско и пошолъ на Крымъ. Тутъ осадилъ онъ греческое мѣсто Херсонъ, або Корсунь, (коло нынѣшного Севастополя). Корсуняне поддалися, бо не стало имъ въ мѣстѣ воды до питья. Изъ Корсуня послалъ князь Владиміръ до греческихъ цѣсарей, братьевъ Васілія и Константина съ тѣмъ, что онъ хочетъ взяти за жену ихъ сестру, Анну, и что пріймете св. крещеніе. Цѣсари согласилися на то. Анна прибыла съ численнымъ духовенствомъ до Корсуня. До ея прибытья князь Владиміръ захворалъ на очи и не могъ ничего видѣти. Анна предсказала ему, что провидитъ только тогда, коли пріймете св. крещеніе. Князь Владиміръ дался окрестити и сейчасъ по св. крещенію провидѣлъ. Тогда сказалъ онъ сіи слова: „Нынѣ позналъ я истинного Бога“. На святомъ Крещенію да-

по ёму было христіанское имя Василій. По св. крещенію епископъ свѣнчалъ его съ царевною Анною. Разомъ съ княземъ приняли св. крещеніе мести изъ его дружины.

И такъ великій князь, до теперь поганинъ, часто жестокій и кровожадный, стаетъ христіяниномъ. Благодать Господа Бога сходитъ на него и на св. Русь. Осада Корсуня не тревала долго, бо Владиміръ отнялъ мѣсту воду. Правда и то, что греческіи цѣсари не охотно отдавали свою сестру Анну за Владиміра, бо чули о его поганскихъ звычаяхъ, но такъ Анна, якъ и они хотѣли причинитися до просвѣщенія Христовою вѣрою русскои, великои державы. А также росходилося о то, чтобы мати сильного союзника въ Владимірѣ, а не небезпечного противника. И въ самомъ дѣлѣ, великій князь отдалъ имъ всю покоренную нимъ землю корсунскую, за то взялъ съ собою многихъ священниковъ и ученыхъ людей, также всякую утварь церковную, книги и иконы. А потомъ:

Великій князь Василій-Владиміръ съ женою Анною и многими священниками повернулъ до Кіева. Онъ привезъ съ собою также мощи свв. Климента и Фива. Князь Владиміръ и его дружина приняли правдивую, православную вѣру, ихъ крестилъ православный епископъ и они стали сынами святои, православнои Христовои Церкви.

Крещеніе Руси

(988 р.).

Князь Владиміръ по принятію святого крещенія вернулъ до Кіева. Тутъ окрестилося напередъ его двинадцать сыновъ. Владиміръ приказалъ бурити и нищити поганскіи идолы. Идолъ Перуна повалили на зёмлю, тягнули на шнурахъ по улицахъ, били палицами и кинули въ рѣку Днѣпръ. Дальше приказалъ князь Владиміръ собратися одного дня всѣмъ жителямъ Кіева надъ рѣкою Днѣпръ. Всѣ люди собралися, вступили въ воды

Крещеніе Руси.

рѣки, а старши тримали малыхъ дѣтей на рукахъ. Тогда священники всѣхъ ихъ окрестили. Князь Владиміръ стоялъ на березѣ и въ голосъ такъ молился: „Великій Боже, который сотворилъ еси небо и землю, призри на сихъ людей, позволь, чтобы они такъ познали Тебе, правдивого Бога, якъ познали Тебе другіи народы, и утверди въ нихъ православную вѣру". Также по другихъ мѣстахъ русскои земли приказалъ князь Владиміръ крестити народъ и бурити идолы божковъ.

Въ слѣдъ за княземъ Василіемъ-Владиміромъ прибылъ до Кіева изъ Царьгорода митрополитъ Михаилъ, который былъ, такъ сказати, правою рукою великого князя и найревнѣйшимъ поборникомъ святои, христіанскои вѣры. Народъ въ самомъ Кіевѣ не дуже плакалъ за своими божками и казалъ такъ: еслибы нова вѣра не была добра, то князь и его бояре (дружина) не были бы еи приняли. Крещеніе народа отбылося въ мѣстѣ, где на тотъ часъ рѣчка Почайна вливалася до Днѣпра. Треба знати, что передъ крещеніемъ священники, бояре и самъ князь на улицахъ учили народъ правдъ ср. вѣры. Подальше отъ Кіева, н. пр. въ Новгородѣ народъ больше былъ привязанный до поганства и не хотѣлъ наразъ его покинути, но и тамъ до четырехъ лѣтъ уже не было ни слѣда по божкахъ.

Князь Василій-Владиміръ былъ дуже ревнымъ христіанином. Онъ старался ширити якъ найдальше святую православную вѣру. Въ Кіевѣ воздвигъ онъ церковь во имя св. Василія Великого на томъ мѣстѣ, где стоялъ идолъ Перуна. На мѣстѣ, где погане убили святыхъ Мучениковъ, Ѳеодора и Іоанна, воздвигъ онъ церковь во имя Пресвятои Богородицы. Ту церковь назвалъ онъ „Десятинною", бо на еи удержаніе вызначилъ онъ изъ своего маетку десятую часть доходовъ. Въ церкви той сложено привезенныи изъ Корсуня мощи свв. Климента и Фива, а также останки святои Елены-Ольги Мудрои. Князь Владиміръ воздвигъ еще больше церквей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ.

И такъ напримѣръ въ Василевѣ князь Владиміръ изъ благодарности Господу, что спасъ его отъ Печенѣговъ, воздвигъ церковь во имя Преображенія Господня. Церковь ту побудовано за одинъ день. Въ Кіевѣ, близко мѣста, где крестился русскій народъ, воздвигъ онъ церковь во имя св. Апостола Петра; въ сосѣдныхъ Кіеву мѣстахъ Берестовѣ и Бѣлградѣ построено за его повелѣніемъ церковь во имя Христа Спасителя.

Князь Василій-Владиміръ Великій дбалъ также о школы, приказалъ учити боярскихъ дѣтей, хотя матери ихъ плакали и жаловали за ними. Также приказалъ князь Владиміръ постаратися о церковныи книги въ славянскомъ языцѣ(такомъ самомъ, якимъ писаны и нынѣшныи церковныи книги). Книги тѣ перевели изъ языка греческого на славянскій два братья монахи, звять Кириллъ и Меѳодій. Они проповѣдали на Моравіи славянскимъ племенамъ вѣру Христову и, для того, чтобы перевести церковныи книги на славянскій языкъ, придумали славянскую азбуку. За то называемъ ихъ первыми просвѣтителями Славянъ. Книги тѣ приняла также Русь и изъ нихъ на славянскомъ языцѣ служится до нынѣ Служба Божа и другіи церковныи Богослуженія.

Послѣдніи лѣта владѣнія великого князя Владиміра.

Великій князь Василій-Владиміръ по окрещенію Руси владѣлъ еще черезъ 27 лѣтъ. Владѣніе его было дуже справедливе. Онъ не нападалъ на сосѣдныи народы, а только въ потребѣ боронилъ границъ русскои державы. Онъ побудовалъ многіи крѣпости и мѣста при берегахъ рѣкъ.

Между прочими обновилъ онъ мѣста Корсунь и Бѣлгородъ, а основалъ Василевъ, Городецъ и другіи при рѣкахъ: Деснѣ, Острѣ, Трубежи, Сулѣ и др. Въ многихъ мѣстахъ окружилъ онъ границы русскои державы долгимъ, земляянымъ насыпомъ (валомъ). Для сбороны своеи

земли держалъ онъ также и наемныи варяжскіи полки. Въ потребѣ посылалъ онъ греческимъ цѣсарямъ на помощь русскіи войска. Много причинился онъ также до поднесенія торговли. Якъ давнѣйше былъ онъ горячій и жестокій, такъ по принятію христіанскои вѣры руководился только милосердіемъ и даже не хотѣлъ карати злодѣевъ, черезъ что стали множитися на Руси ватаги разбойниковъ. Только тогда, коли епископы упомнули его, что обовязкомъ владѣтеля есть карати злочинство, приказалъ онъ судити и карати виновныхъ.

Великій князь Владиміръ былъ незвычайно милосердный. Каждый бѣдный малъ приступъ до него. Онъ приглашалъ что-денно многихъ убогихъ на обѣдъ. По мѣстѣ розсылалъ онъ возы съ хлѣбомъ и одежею для тѣхъ, которыи сами не могли прійти до него. Вдячный народъ звалъ его за то „ласкавый князь“ и „красное солнышко“ (солнце).

Еще за житья подѣлилъ князь Владиміръ русскую державу на нѣсколько частей и каждую такую часть, або удѣлъ, отдалъ своимъ наслѣдникамъ. И такъ на удѣльное княжество въ Новгородѣ назначенъ былъ его сынъ Ярославъ. Ростовскую землю досталъ сынъ Есрист. Муромскую землю досталъ сынъ Глѣбъ, древлянскую сынъ Святославъ. Владимірское княжество на Волыни досталъ сынъ Всеволодъ. Тмуторооканское княжество досталъ сынъ Мстиславъ. Въ Туровѣ малъ княжити Святополкъ. Онъ былъ сыномъ брата Владиміра, Ярополка, а князь Владиміръ прибралъ его собѣ за сына. Полоцкое княжество досталъ внукъ Владиміра, Брячеславъ. Великое княжество кіевское задержалъ Владиміръ для себе. До его смерти всѣ его наслѣдники уважалися его посадниками. По его смерти мали они стати удѣльными князями. Всѣ удѣльныи князи мали подлягати власти великого кіевского князя.

Уже за житья князя Владиміра показалося, до чего ведетъ дробленье русскои земли. И такъ Святополкъ, удѣльный князь на Туровѣ, женатый былъ съ дочою ляцкого короля Болеслава Храброго, латинника. За намовою того короля Святополкъ загадалъ скинути князя Владиміра Великого изъ престола и самому завладѣти Кіевомъ. Въ безчестныхъ тихъ намѣреніяхъ утверждалъ его также и римскій папа и прислалъ до Святополка латинского бискупа Рейнбернга, чтобы тотъ навернулъ князя до латинства, подмовилъ до занятія Кіева и переведенія русского православного народа на латинство. Но Владиміръ довѣдался о томъ и казалъ бискупа Рейнбернга кинути до темницы, где тотъ умеръ. Есть то доказъ, что уже тогда римскіи папы воевали здрадою и подступомъ и что хотѣли закинути сѣть на русскую, православную землю.

Изъ всѣхъ сыновъ своихъ Владиміръ любилъ найбольше Бориса а потомъ Глѣба, а то за ихъ великую набожность и честноту. Волею его и Кіевлянъ было, чтобы Борисъ по смерти Владиміра сталъ великимъ княземъ въ Кіевѣ. Въ 1015 р. Печенѣги напали на русскіи области а что князь Владиміръ былъ уже дуже слабый, то для того на свое мѣсто выслалъ противъ нихъ Бориса съ войскомъ. Закѣмъ тотъ походъ укончился, постигло Русь неизмѣримсе несчастье, а именно:

Князь Василій-Владиміръ Великій померъ дня 15 іюня 1015 р. въ Берестовѣ коло Кіева. Жена его, Анна, померла 1011 р. Среди великого плачу народа похоронили тѣло князя Владиміра въ Кіевѣ въ Десятинной церкви, коло гроба его жены, Анны. Святое житье и честноты князя Владиміра были такъ велики, что святая Церковь причислила его до лика Святыхъ. Она называе его Святымъ и Равноапостольнымъ и память его празднуетъ всегда дня 15 іюля.

Погасло „краснсе солнышко“, померъ крестителъ и просвѣтитель русскои земли. И съ хвилею его смерти настала надъ Русью ночь братоубійства, сварней и несгоды. Безъ слезъ не можно о томъ даже и писати, но чтожь дѣлати — нехай потомки видятъ, до чего ведетъ раздоръ и неуваженіе Божьяго закона.

Великій князь Святополкъ »Окаянный«

(отъ 1015 до 1019 р.).

По смерти великого князя Василія-Владиміра занялъ силою кіевскій престолъ Святополкъ, князь на Туровѣ. Кіевляне хотѣли имѣти своимъ княземъ Бориса. Онъ вертался тогда съ войскомъ изъ похода на Печенѣговъ. Святополкъ послалъ подмовленныхъ убійниковъ и они замордовали князя Бориса въ ночи на берегу рѣки Альты (въ нынѣшной Полтавской губерніи). Сталося то 24 іюля 1015 р.) Святополкъ хотѣлъ убити также и князя на Муромѣ, Глѣба. Онъ донесъ ему, что отецъ, князь Владиміръ, дуже хорый и хочетъ еще разъ видѣти своего сына, Глѣба. Добрый сынъ пустился въ дорогу. Но за Смоленскомъ на рѣцѣ Слядинѣ, что ведетъ до Днѣпра, напали на него (дня 5 сентября) убійники, высланы Святополкомъ, и убили его. Тѣла обохъ святыхъ Мучениковъ братьевъ князей Бориса и Глѣба, сложено потомъ въ церкви въ Вишеградѣ. Память ихъ празднуется дня 24 іюля.

Такъ то на свѣжую могилу св. Владиміра пала уже кровь неповинныхъ его дѣтей. Святополкъ не даромъ женатый былъ на латинничцѣляшцѣ и недаромъ водился съ папскими послами. Вотъ чого они его научили. Онъ послалъ своихъ слугъ, чтобы пролити кровь братьевъ. Бориса убили они въ ночи изъ субботы на недѣлю. Онъ зналъ уже, что есть окруженный убійцами. Цѣлую ночь молился онъ, священникъ служилъ утреню, а князь Борисъ въ голосъ читалъ псальмы и канонъ. По Богослуженію князь запричастился, розпращался съ слугами своими, а было ихъ при немъ немного, бо войско его осталося на задѣ, онъ же самъ скорымъ походомъ верталъ помолитися надъ гробомъ отца. И коли самъ остался въ шатрѣ, тогда убійцы напали на него и прокололи его списами.

Князя Глѣба убили тогда, коли онъ только что дознался о смерти отца и о злочинствѣ Святополка. Онъ зналъ, что и его ждетъ смерть, и молитвою готовился до неи. Разбойники подплыли до его лодки и ножемъ его убили. Тѣло св. мученика кинули въ лѣсѣ между колоды, где оно лежало больше лѣтъ.

Святополкъ хотѣлъ погубити всѣхъ удѣльныхъ князей. Коли уже были убиты Борисъ и Глѣбъ, то Святополкъ послалъ убійниковъ на древлянского князя, Святослава. Тотъ потайкомъ утекалъ до угорскои земли. Но убійники доняли его въ Карпатскихъ горахъ, коло нынѣшного села Синевѣ, с ла (въ Галичинѣ, въ стрыйскомъ окрузѣ), и тамъ его убили. Мѣсто, где то сталося, называется до нынѣ „Долина Святослава". Святополка покаралъ князь Новгородскій, Ярославъ. Онъ побилъ войско Святополка на берегу Днѣпра, коло мѣста Любеча. Святополкъ утекъ до Польши, до своего тестя короля Болеслава Храброго. На великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ засѣлъ Ярославъ.

Святополкъ утекъ до Польши, глядаючи помощи у своего тестя Болеслава. На то только ждали ляхи, чтобы напасти и ограбити русскіи земли. Болеславъ призвалъ въ помощь Нѣмцевъ, Угровъ и Печенѣговъ. А потомъ:

Святополкъ съ польскимъ кооролемъ Болеславомъ пришли съ войскомъ на Русь. Надъ рѣкою Бугомъ они побили войска князя Ярослава. Ярославъ утекъ до Новгорода. Святополкъ занялъ Кіевъ. Ляхи ограбили русскую землю и сбытковалися надъ русскими людьми. Потомъ Болеславъ съ накраденнымъ добромъ пошелъ назадъ до своеи Польши. По дорозѣ заграбилъ онъ червенскіи мѣста, Червень и Перемышль.

Вотъ первый походъ ляцко-латинского врага на Кіевъ. Страшно сбытковалися ляхи надъ русскими людьми, та довели до того, что самъ Святополкъ радъ былъ якъ найскорше позбытися свого тестя-злодѣя. Всюда начали наши нападати на ляховъ и Болеславъ порозумѣлъ, что лучше ему вертати въ свою Польшу. И пошолъ та съ собою забралъ много добра, бо ляхи обокрали русскіи церкви и много народа побрали въ неволю. На великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ сидѣлъ братоубійца Святополкъ, но не долго.

Ярославъ собралъ въ Новгородѣ новое войско и пошолъ съ нимъ на Святополка. Пришло до кровавои битвы надъ рѣкою Альтою. Войско Святополка было совсѣмъ розбито. Святополкъ утекъ въ чужіи земли. Онъ погибъ по дорозѣ въ чешскихъ лѣсахъ. За его братоубійство и за то, что съ Ляхами ницилъ русскіи земли, названо его ,,Окаянный" (проклятый). Въ Кіевѣ на великокняжескомъ престолѣ засѣлъ снова князь Ярославъ. Было то 1019 р.

Великій князь Ярославъ Мудрый

(отъ 1019—1054 р.).

Не даромъ звался ,,Ярославомъ" тотъ князь, который засѣлъ теперь на престолѣ Владиміра. Бо яркимъ свѣтломъ славы озарилъ онъ русскую землю и разъ еще, на несчастье въ послѣдній разъ, совокупилъ ю въ своихъ рукахъ, на еи честь и славу,

Великій князь Ярославъ Мудрый владѣлъ отъ 1019 до 1054 р. Былъ онъ однимъ изъ найславнѣйшихъ русскихъ князей. Онъ княжилъ надъ великимъ княжествомъ кіевскимъ и надъ княжествами: новгородскимъ, древлянскимъ, туровскимъ, ростовскимъ, муромскимъ и владимірскимъ. Брату своему Мстиславу Удалому, князю тмутороканскому, отступилъ онъ всѣ русскіи земли по лѣвой сторонѣ рѣки Днѣпра, а самъ владѣлъ землями по правой сторонѣ тойже рѣки.

Но все то не обошлося безъ войны. Мстиславъ изъ-за своеи отваги названный ,,Удалымъ," покоривши Хазаръ въ Крымѣ, а потомъ Черкесовъ, занялъ належащій до Ярослава Черниговъ. Черезъ то при селѣ Лиственъ коло Чернигова пришло до кровавои росправы. Мстиславъ побилъ войско Ярослава, но призналъ его старшинство, они мирно подѣлилися землями, а Мстиславъ осѣлъ въ Черниговѣ, где до нынѣ есть по немъ прехорошая церковь Преображенія Господня. Ярославъ велъ также войну съ княземъ Полоцка, Брячеславомъ, и покаралъ его за дерзкій нападъ и ограбленіе Новгорода.

Ярославъ велъ многія войны съ врогами Руси. Онъ былъ все побѣдителемъ. Разомъ съ Мстиславомъ Удалымъ покорили они при Балтійскомъ морѣ Лифляндцевъ. Ярославъ побудовалъ тамъ (1030 р.) мѣсто Юрьевъ (нынѣ Дерптъ). Оба братья отобрали отъ ляховъ загарбленныя Болеславомъ червенскія мѣста. Ярославъ воевалъ побѣдоносно также съ Печенѣгами, Ятвягами, Литвою и Грецією. Князь Мстиславъ Удалый умеръ 1036 р. Всѣ его земли припали великому князю Ярославу. И такъ совокупилъ Ярославъ подъ своимъ владѣніемъ цѣлую русскую державу.

Слава того князя удивляла собою цѣлый свѣтъ. Всѣ сторонныи владѣтели просили его о миръ. Самъ Ярославъ женатый былъ съ дочкою шведского короля, Анною. Сестру свою Марію выдалъ онъ за польского короля Казиміра. Найстаршій его сынъ Владиміръ оженился съ польскою королевною, а сынъ Всеволодъ съ грецкою царевною. Найстарша дочка Ярослава, Елисавета, вышла замужъ за норвежского короля, Гаральда, другая дочка, Анна, была женою французского короля, Генриха I., а дочка, Анастасія, была за угорскимъ королемъ, Андреемъ I. Вотъ якъ славна была тогда наша Русь.

Великій князь Ярославъ былъ дуже набожный и дбалый о просвѣщеніе народа. Въ Кіевѣ воздвигъ онъ величавую Софійскую церковь, а также и Благовѣщенскую церковь. За его владѣнія отнайдено мощи мученика-князя Глѣба и похоронено въ Вышеградѣ. Надъ могилою св. Бориса и Глѣба воздвигъ онъ (1021 р.) великую церковь. Въ Кіевѣ основалъ первую русскую бібліотеку (сборницу книгъ). Онъ приказалъ переводити мудрыи книги изъ чужихъ языковъ на русскій. Въ Новгородѣ заложилъ онъ великую школу, въ которой училося 300 русскихъ дѣтей. Онъ списалъ въ одную книгу законы, ведля которыхъ мали судити судіи всякіи справы. Книга та зовется „Русская Правда“. Также установлялъ онъ на Руси новыи православныи епископ-

ства и назначилъ первымъ изъ русскихъ священниковъ выбраннымъ митрополитомъ (наставникомъ всѣхъ русскихъ епископовъ) святого мужа, Иларіона.

Въ другомъ мѣстѣ будемъ мы читати о устройствѣ русскои Церкви. Тутъ додати треба, что Ярославъ надѣлилъ щедро русское духовенство и Церкви. Примѣромъ Софійская Церковь была такъ пріукрашена мраморомъ и золотомъ, что уважалася за правдивое чудо свѣта. Ярославъ окружилъ Кіевъ новымъ муромъ и построилъ въ немъ золотыя ворота а при нихъ упомянутую Благовѣщенскую Церковь.

Великій князь Ярославъ еще за житья подѣлилъ свою землю между своихъ пятехъ сыновъ. Найстаршій сынъ Изяславъ досталъ землю кіевскую и новгородскую и назначенный былъ великимъ княземъ, начальникомъ цѣлого рода. Святославъ досталъ переяславльское княжество, Вячеславъ Смоленское княжество, а Игорь Владимірское княжество. Великій князь Ярославъ умеръ 19 февраля 1054 р. Онъ прожилъ 70 лѣтъ. Тѣло его похоронено въ Кіевѣ въ Софійской церкви. За его справедливость и дбалость названо его „Мудрый“.

Погасло солнце Руси, погасла ея слава! Отъ смерти Ярослава Мудрого начинается безпрестанная сварня и колотнеча, которая довела Русь до неволи. Среди вѣчнои тои ночи сварней отъ часу до часу являются между князями мужи, посланы Богомъ, чтобы обновити лице русскои земли. О нихъ мы будемъ читати, но за то коротко только розскажемъ о враждахъ и крамолахъ, чтобы не краяти своего и дѣтей нашихъ сердецъ. ЯрославъМудрый на смертельной постели такъ научалъ своихъ сыновъ: „Если будете жити въ мирѣ и сгодѣ и любви, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ враговъ вашихъ. Если же возненавидите другъ друга и начнете жити въ сварнѣ, то сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ, которую они укрѣпили великими своими трудами“. Потомки великого того просвѣтителя Руси волѣли сварню, длятого, на жаль, исполнилися на нихъ вѣщіи слова Ярослава.

Русь по смерти Ярослава Мудрого.

По смерти Ярослава Мудрого сталъ великимъ княземъ его сынъ, Изяславъ. Черезъ десять лѣтъ былъ на Руси миръ и супокой. Потомъ начались между князями свар ки и безпрестанныи борбы.

Ярославъ малъ еще одного сына Владиміра, которому не оставилъ ніякого удѣла. Сынъ того Владиміра, Ростиславъ, выгналъ изъ Тмутороканя внука Ярослава по сынѣ Святославѣ, Глѣба. Святославъ заступился за сыномъ и, побивши войско Ростислава, посадилъ своего сына Глѣба назадъ на тмутороканскій престолъ.

За княжества Изяслава стали нападати на Русь дикіи племена, Половцы. Они не мали сталыхъ селеній, а тели кочевое житье на берегахъ Каспійского моря. Отсюда приближались они до границъ Руси и рабовали русскіи селенія. Русскіи князи, ведучи между собою безпрестанныи войны, наймали за гроши Половцевъ и съ ихъ помощью проливали братнюю, русскую кровь. Въ р. 1068 прииило до великои битвы между русскими князями а Половцями при рѣцѣ Альтѣ. Половцы розбили русскіи войска и сневолили до утечи.

Отъ теперь Половцы мали полную перевагу надъ русскою стороною. Они подходили подъ самый Кіевъ. Одного разу, коли Половцы осадили Кіевъ, великій князь Изяславъ не хотѣлъ дати жителямъ сружія для защиты мѣста, за то Кіевляне прогнали его съ княжескогэ престола. Та не только тотъ разъ, бо:

Великій князь Изяславъ мусѣлъ трикратно утекати изъ Кіева. Первый разъ прогнали его сами Кіевлян». Онъ утекъ до ляцкого короля Болеслава Смѣлого. Тотъ король пришолъ съ своимъ войскомъ, занялъ Кіевъ, заграбилъ великіи достатки посадилъ Изяслава на княжескомъ престолѣ. Два други разы проганяли Изяслава другіи русскіи князи. Изяславъ погибъ въ братоубійственной битвѣ подъ Черниговомъ, въ 1078 р.

Вотъ и видимъ мы другого уже князя, который наподитъ на русскую землю ляховъ. Болеславъ Смѣлый розграбилъ Кіевъ и довелъ до того, что самъ Изяславъ потаенно намовлялъ русскихъ людей нападати на ляховъ. Было то 1069 р. Треба знати и то, что два разы прогоняли Изяслава съ престола его родныи братья. По Изяславѣ княжили въ Кіевѣ его братъ Всеволодъ, а по немъ сынъ Изяслава Святополкъ. Ихъ княженіе — то была одна междоусобица и борба.

Сварня и борба между русскими князями не уставала. Между сынами и внуками Ярослава Мудрого былъ одинъ только справедливый и отважный князь Владиміръ Мономахъ (значитъ только, что „Единственный"). Былъ онъ внукомъ Ярослава Мудрого и княжилъ въ Черниговѣ. Онъ собралъ всѣхъ князей въ мѣстѣ Любечъ надъ Днѣпромъ и тутъ всѣ они присягли, что будутъ жити въ сгодѣ. Было то въ 1097 р. Но присяги они не додержали. Братоубійственная борба между князями тревала дальше.

Даремно, что цѣловали князи св. крестъ, даремно, что до сердца промовлялъ имъ Владиміръ Мономахъ. Сейчасъ по съѣздѣ въ Любечѣ великій князь Святополкъ увязнилъ въ Кіевѣ своего братанича теребовльского князя Василька Ростиславича и въ темницѣ казалъ ему выколоти очи, что дало причину до дальшои братнои борбы. Всежь таки удалося Владиміру Мономаху собрати два разы больши силы и побити наголову Половцевъ, при чемъ много изъ ихъ хановъ, т. е. начальниковъ, погибло или попало въ полонъ (неволю).

Въ р. 1113 засѣлъ на кіевскомъ,великокняжескомъ престолѣ Владиміръ Мономахъ. Былъ онъ дуже побожный, справедливый и за его владѣнія былъ миръ на Руси. Половцы и другіи враги не важилися непокоити Руси войною. Великій князь Владиміръ Мономахъ написалъ дуже мудрую книгу: „Духовное поученіе своимъ дѣтямъ". Въ книзѣ той учитъ онъ, что бы дѣти его жили въ любви, сгодѣ и чтобы хранили Божій законъ. Владиміръ Мономахъ жилъ 72 роки и умеръ набожно 1125 р.

Духъ святого Владиміра и духъ Ярослава Мудрого воплотилися въ Владимірѣ Мономаху. Былъ то мужъ избранный Богомъ, незвычайной набожности, кроткій, смиренный. Не глядалъ себѣ славы, всегда былъ на услугахъ другихъ, дбалъ о сироты, вдовицы и бѣдныхъ и безпощадно по закону каралъ тѣхъ, которыи допускалися злочинства. Лѣтописцы пишуть такъ: „Мономахъ всею душею любилъ Бога, постоянно имѣлъ въ сердцѣ страхъ Божій, добро творилъ врагамъ своимъ, почиталъ священниковъ, соблюдалъ посты и учащалъ въ Церковь такъ пильно, что всѣ удивлялися. Одежду носилъ всегда простую и спалъ на землѣ. Коли молился въ Церкви, то всегда плакалъ. Вотъ намъ образъ православного князя. А треба знати, что былъ онъ незвычайно храбрый. Въ часъ своего владѣнія стбылъ онъ 83 походы на Половцевъ. Его „духовное поученіе своимъ дѣтямъ" то великая, полная сердечности и Божьяго страха наука, якъ треба жити, чтобы угодити Богу. Замѣтити еще мусимъ, что за княженія Владиміра Мономаха два князи, именно перемышльскій Володаръ и теребовльскій Василько (которого ослѣпилъ Святополкъ-Изяславовичь) безпрестанно боролися съ ляхами, и то всегда побѣдительно. Уже тогда Польша острила пазуры на русскую землю, но на счастье, безъ успѣха. По смерти Владиміра Мономаха началися на Руси новыи междо-княжіи борбы. Князи русскіи того часу подѣлилися на три поколѣнья, хотя всѣ они были изъ роду Ярослава Мудрого. И такъ сыны Владиміра Мономаха, званы Мономаховичи, держали слѣдующіи княжества: Кіевское, Новгородское, Переяславское, Волынское, Полоцкое, Смоленское и Ростовско-Суздальскій край. Сыны Олега а внуки Ярослава Мудрого, такъ званы Ольговичи, мали княжества: Черниговское, Новгородъ-Сѣверское, землю Вятичей, Рязань и Муромъ. Правнуки Ярослава Мудрого, по его сынѣ Владимірѣ, а внуцѣ Ростиславѣ, такъ званы Ростиславичи, княжили на цѣломъ Подолью и Червоной Руси.

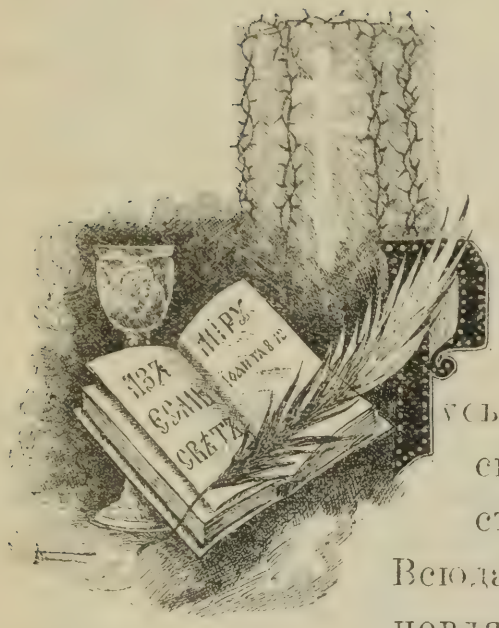
Между Мономаховичами и Ольговичами закипѣла борба о великокняжескій престолъ. Черезъ 7 лѣтъ владѣлъ Мстиславъ Мономаховичъ, по немъ черезъ 6 лѣтъ его братъ Ярополкъ, а по немъ засѣлъ на кіевскомъ престолѣ его братъ Вячеславъ. Но того прогналъ Всеволодъ Ольговичъ. И р. 1146 онъ умираючи оставилъ престолъ своему брату Игорю. Однако Кіевляне насильно завезли Игоря до Переяславля и тамъ ввергли въ темницу, а на великокняжескій престолъ вознесли Мономахового внука Изяслава. Игорь высвободился изъ темницы и постригся въ Кіевскомъ монастирѣ въ монаха. Однако за нимъ заступилися другіи князи и нашли съ войскомъ на Кіевъ. Тогда то Кіевляне за злою подмовою выволокли Игоря изъ монастыря и убили. Несчастный тотъ князь погибъ мученическою смертію. Мощи его прославилися чудесами, а св. Церковь причислила его до лику Святыхъ, и память его обходится дня 5 іюня. Изяславъ умеръ въ 1154 р. Власть великокняжеская въ Кіевѣ свелася на ничь. На полночи оть Новгорода ажъ до Волги розрослося сильное и славное княжество Суздальско-Московское, колыбель Великои

святой Руси. А снова надъ Днѣстромъ возросло сильное и славное Галицкое княжество. И коли:

Борба между „Мономаховичами“ и „Ольговичами“ не уставала, великокняжескій престолъ въ Кіевѣ переходилъ изъ рукъ до рукъ. Власть великокняжеская зошла на ничь. Вмѣсто того росли въ силу два другіи княжества: Суздальско-Московское (на полночи отъ Новгорода до Волги) и Галицкое надъ Днѣстромъ. Суздальскій князь Юрій Долгорукій занялъ Кіевъ и самъ сталъ великимъ княземъ. Сынъ его Андрей Боголюбскій въ 1169 занялъ Кіевъ, розорилъ его и замѣнилъ въ звычайное удѣльное княжество.

Изъ порядка рѣчи мусимъ мы познакомитися съ тѣмъ, что дѣялося въ княжествахъ суздальскомъ и галицкомъ. Колись великій, державный, могучій Кіевъ упалъ черезъ несгоду князей. Но духъ народа осталъ невредимъ, только что перенесся на полночь, тамъ, где уже воздвигнена была будущая твердыня русского духа — мѣсто Москва.

Та и самъ Кіевъ, хотя его великокняжескій престолъ, весь смытый кровію, пересталъ существовати, сталъ все „матерію городовъ русскихъ.“ Онъ былъ всегда жереломъ и основаніемъ христіанского житья нашего народа, былъ твердынею православія, былъ осередкомъ русской Церкви. Но закѣмъ начнемъ дальше наше оповѣданье отъ початковъ Суздальского княжества, киньмо окомъ на розвитье духовного житья среди русского народа ажъ до часовъ, на которыхъ теперь перерываемъ нашое оповѣданье.



Русская Церковь.

Русь дуже скоро стала вся христіанскою, христіанская вѣра распространилася на Руси дуже скоро. Всюда воздвигали князи церкви и установляли при нихъ священниковъ. Надъ священниками были епископы. Надъ епископами (владыками) былъ поставленный Митрополитъ кіевскій.

Первымъ митрополитомъ былъ св. Михаилъ изъ Корсуня. По немъ слѣдували Леонтій, Іоаннъ, Ѳеопемтъ. Всѣхъ ихъ присылалъ на Русь патріархъ царьгородскій, котораго власти подлягала русская Церковь. За владѣнія князя Ярослава Мудрого жилъ въ Берестовѣ дуже набожный и просвѣщенный священникъ Иларіонъ. Былъ онъ великимъ постникомъ и часто удалялся на сосѣднюю коло Берестова гору, где въ пещерѣ долгими годинами молился Богу. Въ р. 1051 на желаніе князя Ярослава Мудрого русскіи владыки выбрали Иларіона кіевскимъ митрополитомъ.

За владѣнія великого князя Изяслава поселилися въ Кіевѣ, въ подземныхъ пещерахъ надъ берегомъ рѣки Днѣпра, два святыи мужи: святый Антоній и Ѳеодосій Печерскіи. Они основали тутъ монашеское житье. До нихъ приходили многи люди и просили принятія ихъ на службу Господу Богу. И такъ постсталъ найславнѣйшій сесю

набожностію русскій монастырь, что гогется: Печерская Лавра. Передъ смертію еще своею оба великіи святыи начали надъ пещерами строити церкоть Успенія Пресвятои Богородицы. Церкоть ту укончено въ р. 1089. Святыи Антоній скончался въ 1073 р. а святыи Феодозій въ 1074 р. Церковь свята зачисляетъ ихъ до найбольше прославленныхъ Святыхъ изъ русскои земли.

Кто щирый русскій человѣкъ, тотъ конечно долженъ перечитати жизнь обохъ тихъ великихъ подвижниковъ Божіихъ. Якъ два ясныи свѣтила на небѣ, такъ явилися они на русской землѣ и хотя крылися въ глубокихъ пещерахъ, то слава ихъ святости сіяетъ до нынѣ. Тысячи Святыхъ дала Кіевопечерская Лавра. Въ еи пещерахъ и монастыряхъ князи побочь найбѣднѣйшихъ людей спасали свою душу. Тутъ еще за жизни св. Антонія подвизался преподобный Исаакій, покоритель діявловъ, и позднѣйшій архіепископъ Новгорода св. Никита. Тутъ осягнулъ вѣнецъ святости Іоаннъ Многострадальный (память его 18 іюня). Тутъ жили преп. Ерасмъ и Маркъ, пещерникъ-гробокопатель, и Прохоръ Лебедникъ, чудотворецъ, и св. врачъ Агапитъ, и многоболѣзненный преп. Пименъ и первый русскій инокописецъ, мужъ великои святости, князь Николай Святоша.

Тутъ въ Кіевопечерской Лаврѣ полилася мученическая кровь монаховъ, коли 1096 р. напали на ню дикіи Половцы и убили много изъ братіи, а св. Евстратія съ 30 иноками взяли въ полонъ и продали корсунскому жиду, который св. Евстратія распялъ на крестѣ, и то на самъ Великдень. Въ половецкой неволѣ потерпѣлъ тяжкіи муки и преп. Никонъ Сухій, но Господь сохранилъ его и повернулъ до Лавры. Инокъ тои Лавры а потомъ епископъ ростовскій, Леонтій, проповѣдалъ поганамъ Христа распятаго и умеръ (1070 р.) мученическою смертію. Между поганами тои страны трудился также св. Исаія, Кіевлянинъ, монахъ Лавры, а потомъ епископъ Ростова (умеръ 1090 р. подобно, якъ и попередникъ преп. Авраамій).

По примѣру Лавры повставали новыи монастыри: Дмитріевскій коло Кіева, Борисо-Глѣбскій въ Торжку, Антоніевъ и Хутынскій въ Новгородѣ. Ихъ основали великіи подвижники, якъ: преп. Ефремъ, преп. Антоній Римлянинъ, преп. Варлаамъ и кто счислитъ всѣхъ тѣхъ, которыи надъ все возлюбили Бога и жили якъ Ангелы и прибралися въ святость яко въ ризу?

А все то дѣялося въ первыхъ часахъ по принятію Русьею христіанства. И между князями, хотя только крамолы происходили, то съ другои стороны сколько великихъ святыхъ подвижниковъ, сколько блеску для православія! Св. Владиміръ, такъ близкій святости Мономахъ и сынъ его

Мстиславъ, и сынъ сына, князь на Псковѣ, Всеволодъ, а дальше Андрей Боголюбскій и того сынъ Глѣбъ! Всѣ они умерли въ благовонію святости. А дальше чи можна не сгадати о преп. Евфросиніи, княжнѣ Полоцкой? Она кинула свѣтъ, молодо ушла до монастыря, поклонилася святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ и тамъ скончалася 1173 р. Но не паломничество сдѣлало ю Святою, а жизнь святости и страданій полна.

Одни молилися въ пещерахъ, другіи проповѣдали слово Божіе. Между ними св. Кириллъ, епископъ туровскій, званный русскимъ Златоустомъ. Онъ передъ смертію все кинулъ и въ отшельничествѣ 1183 р. окончилъ святую жизнь, якую началъ въ молодости на столпѣ. Ровнс-жь на столпѣ служилъ Богу св. Никита, переяславлъскій столпникъ. Долгій часъ сидѣлъ онъ нагій, въ пустинѣ, въ багнѣ, где комары доѣдали останки его тѣла, а потомъ обложенный веригами затворяется на столпѣ и умираетъ обдаренный Богомъ силою творити чудеса, а умираетъ мученическою смертію. Потому и не диво, что при такихъ мужахъ православіе солнцемъ сіяло на Руси. Народъ толпился до церквей, а въ церквахъ не одна святая икона прославилася чудесами. И такъ чудеснымъ былъ перенесенъ Печерскій образъ Богоматери въ 1685 р. изъ Греціи до Кіева, а также и образъ Богоматери, по преданію писанный св. Евангелистомъ Лукою, послѣ перенесенный въ мѣсто Володиміровъ. Народъ билъ земныи поклоны и передъ чудотворною иконою ,,Знаменія Богоматери" въ Новгородѣ.

Книги церковны переведены были на славянскій языкъ. Не бракло и русскихъ Богомъ вдохновенныхъ, писателей. И такъ митрополитъ Иларіонъ пишетъ ,,молитвы за царя и все православіе"; св. Кириллъ Туровскій писалъ наставленіе для братіи, молитвы и пѣсни, а при концѣ XI вѣка извѣстный былъ Григорій, творецъ Каноновъ, по всей вѣроятности первый поэтъ русскои земли.

Кромѣ праздниковъ, установленныхъ вселенскою православною церковью, русская церковь отъ начала торжественно праздновала память св. Апостолъ Славянъ, Кирилла и Меѳодія. Чудесами прославленныи мощи св. Мучениковъ Бориса и Глѣба переношено дважды до новыхъ храмовъ и память ихъ была чтима и славима по всей Руси. Около 1092 р. митрополитъ Ефремъ приказалъ праздновати въ 9 день мая перенесеніе мощей св. Николая Чудотворца изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ Также ублажала русская церковь память св. Владиміра и Ольги. А треба знати, что та земля русская была всегда православная, всегда хранила чистую науку, а всякіи латинскіи блуды не мали до неи приступа. Напротивъ, уже другій кіевскій митрополитъ Левъ выказуе блуды латинскои ереси и митрополитъ Іоаннъ (отъ 1080--1089р.) пишетъ посланіе до папы Климента, въ которомъ заявляетъ, что латиняне не сохраняютъ вѣры въ полной чистотѣ. Православныи священники навертаютъ многихъ папежниковъ-латинянъ до православія. И такъ, ради чудесъ бывающихъ отъ Антонія и Ѳеодосія ,,варяжскій князь Шимонъ, окрещенный лати-

нянами, съ трема тысячами своихъ бояръ, съ родиною и священниками оставилъ латинскую глупость" и присоединился къ единоспасительной православной церкви.

Такое то было духовное житье нашои Руси. Многіи изъ русскихъ людей отбывали паломничество до святои земли. Около 1060 р. былъ тамъ преподобный Варлаамъ, въ сто лѣтъ позднѣйше скончалася тамъ св. Евфросинія. Та еще передъ нею игуменъ Даніилъ, якъ самъ писалъ: ,,поставилъ лампаду на св. гробѣ и поклонился честному гробу и обцѣловалъ съ любовію святое мѣсто, где лежало Пречистое Тѣло Господа нашего Іисуса Христа.

Въ Лаврѣ Кіевопечерской жилъ и спасался найславнѣйшій русскій лѣтописецъ (списователь исторіи) монахъ Несторъ. Онъ описалъ житье святыхъ Бориса и Глѣба и житье святого Ѳеодосія. Также списалъ онъ ,,Временникъ русскій" то есть лѣтопись, въ которой помѣстилъ исторію Руси отъ 852 до 1110 р.

Великій розумомъ а большій святостію труженникъ Несторъ постригся въ Лаврѣ еще за жизни св. Ѳеодосія. Его лѣтопись то одно найдавнѣйшое жерело, изъ которого дознаемся о первыхъ началахъ нашои народнои жизни. А жизнь народа была дѣйствительно свята. Съ Богомъ начинали наши предки каждое дѣло. Передъ битвами воины цѣловали другъ друга, вознесили очи до неба и взывали Бога на помощь, а священники ишли передъ войскомъ и спѣвали кондаки Кресту Честному и канонъ Пресв. Богородицѣ. По битвѣ же русскіи воздавали славу Богу. Всѣ ,,любовь мали" и если бы не често и самолюбіе князей, забывшихъ на ту любовь, то и врата адова не одолѣли бы той святои, православнои угоднои Богу Руси.

Великое княжество Суздальское.

Княжество Суздальское занимало шпрокую пространь земли, отъ Новгородскихъ предѣловъ до рѣки Волги. Великій князь Владиміръ Мономахъ отдалъ то княжество, яко удѣлъ, наймолодшому своему сыну, Юрію. Князь Юрій побольшилъ границы того княжества. Былъ онъ дуже храбрый и дбалый о добро своихъ подданыхъ. Онъ побудовалъ мѣста: Ярославъ на рѣцѣ Волгѣ, Пере-

яславль Залѣскій, Владиміръ на рѣцѣ Клязьмѣ. Князя Юрія звали „Долгорукимъ“ для того, что его княжество было дуже пространно и могуче.

Добрымъ господаремъ былъ Юрій Долгорукій. Ему въ удѣлѣ припала найбольше пустая, холодная и мало залюдненная земля. Но князь Юрій залюднилъ ю дуже скоро. Онъ сталъ спроважовати поселенцевъ изъ южнои части русскои земли, дбалъ о нихъ, сбольшилъ границы своего удѣла и довелъ до того, что княжество Суздальское стало сильнѣйше в ѣхъ другихъ. Владѣніе Юрія то была одна безпрестанна борба, на жаль, съ своими таки сродниками князями.

Князь Юрій Долгорукій побудовалъ на берегу рѣки Москвы, среди лѣсовъ, городъ (мѣсто) Москву. Мѣсто то стало позднѣйше осередкомъ русской державы. Нынѣ есть оно, такъ якъ и Кіевъ, матерью русскихъ мѣстъ, т. е. найдорогшимъ для всѣхъ русскихъ людей мѣстомъ русскои земли.

Малою тогда была та „бѣлокаменная,“ числомъ церквей славная матушка Москва. Юрій побудовалъ ю передъ 1147 р., бо въ томъ то роцѣ, якъ пише лѣтопись, отбылся тамъ съѣздъ Юрія съ Святославомъ Ольговичемъ.

Князь Юрій Долгорукій занялъ въ 1155 р. Кіевъ и сталъ великокняжити. Онъ умеръ въ 1156 р.

По славномъ отцѣ наступилъ не только славный но и набожный, а по смерти зачисленный до лика Свягыхъ, сынъ его Андрей Боголюбскій. (Онъ побудовалъ коло Владиміра надъ Клязьмою величавый храмъ, назвалъ его „Боголюбивымъ“ и для того названо и самого князя, Боголюбивымъ). Въ Андреѣ отжила давная сила русскои земли. Хотя приходилося ему вести безпрестанныи крамольныи войны съ другими князями, то самъ онъ дбалъ о то, чтобы утвердити одноцѣльность своего княжества. Онъ покорилъ вѣчно бунтующихся Новгородцевъ. Такъ само конечностію приневоленъ, мусѣлъ онъ силою заняти Кіевъ, который при той случайности розграблено мимо воли князя Андрея. Но въ Кіевѣ не хотѣлъ онъ жити, набожный князь не могъ дивитися на безпрестанное кровопролитіе между князями; его тягнуло на сѣверъ и онъ жилъ постоянно въ Владиміръ надъ Клязьмою.

По смерти Юрія Долгорукого великимъ княземъ русской земли сталъ его сынъ, набожный и мудрый Андрей Боголюбскій. Въ 1169 р. занялъ онъ опирающійся ему Кіевъ. Самъ жилъ онъ въ землѣ суздальской. За него великокняжество перенесено было изъ Кіева до Владиміра надъ Клязьмою. Андрея Боголюбского убили его бояре (1174 р.). Церковь причислила его до лика Святыхъ. Его память обходится дня 4 іюля.

И такъ повага Кіева сошла на ничь. Андрей нѣсколько разовъ отдавалъ кіевское, уже не великое, а удѣльное княжество своимъ братьямъ и сродникамъ. За то сѣверная Русь росла въ силу и повагу; въ ней былъ осередокъ русского житья. По св. Андрею Боголюбскомъ княжилъ его сынъ Юрій II. Хотя и за него не уставали вѣчныи борбы, то все таки сила суздальскои земли не ослабла. Но пришло найбольшое несчастье — пришли Татаре. Въ первой встрѣчѣ съ ними между другими князями упалъ на полѣ битвы также Юрій II. Надъ Суздальщиною повисла на долгій часъ чорная хмара. Но и она минулася, а русскій духъ укрѣпился и слава Руси засіяла потомъ тѣмъ яснымъ солнцемъ, якое и до нынѣ озаряетъ бѣлокаменную Москву.

Галицкая земля.

Галицкая земля простягалася отъ Карпатскихъ горъ и простиралася до самого устя Дуная. Она граничила съ одной стороны съ Кіевомъ и Волынскою землею, а съ предѣлами Греціи, съ Венгріею и съ Польшею съ другой стороны. Она называлася также „Червонсю Русью“, отъ мѣста Червень.

Тамъ, где вливается Сянъ до Вислы, можно бы покласти границу первобытной галицкои земли. Карпатскіи Славяне, або Червоноруссы, звалися въ давной давнинѣ „бѣлыми Хорватами.“ Отъ Венгріи дѣлили насъ горы Карпаты. Переходовъ между Карпатами боронили укрѣпленныи мѣста, якъ: Коломыя надъ горѣшною частію рѣки Прута и Сянокъ надъ рѣкою Сяномъ. Въ полночной части Галичины мѣстилися укрѣпленныи мѣста Перемышль и Ярославъ. Пограничіемъ между Русію а Польщею была меньше больше рѣка Вислокъ, что вливается пониже Яро-

слава до Сяна. Но православное поселеніе распространялося еще дальше, бо между рѣками Вислою и Вепремъ въ судумірско - люблинской области та и за Вислою. На границѣ между Галицкою а Волынскою землею, надъ рѣкою Серетомъ, лежало старынное мѣсто Теребовля. Сторона коло Перемышля звалася „Подгорье“ сторона же при Днѣстрѣ звалася „Понизье“ (теперешное „Подолье“), что граничило съ Половецкимъ степомъ. На полудніе по притокахъ Дуная, Прута и Серета до устя Дуная лежали многія мѣста, ажъ по границу съ Волохіею и Болгарами. Надъ самымъ Дунаемъ лежало торговельное мѣсто Малый Галичъ (нынѣшній Галичъ). Земля галицкая была плодоносна, густо заселена, найбогатша изъ всѣхъ областей святои православнои Руси. На жаль нынѣ есть оно иначе.

Галицкое княжество основали правнуки Ярослава Мудрого, три братя: Рюрикъ, Володарь и Василько, названы по отцу своемъ Ростиславѣ „Ростиславичами“. Они заняли червенскіи мѣста и въ р. 1078 основали Перемышльское и теребовельское княжество. По смерти Рюрика Володарь владѣлъ перемышльскимъ княжествомъ, а Василько теребовельскимъ.

Тотъ то самъ Василько, которого по съѣздѣ въ Любечѣ (см. ст. 39) черезъ владимірского князя Данилка ослѣпилъ великій князь Святополкъ. Черезъ то пришло до кровавыхъ войнъ. Данилко мусѣлъ пустити на свободу вязненнсго Василька, а за рокъ потомъ мусѣлъ утекати передъ войсками Володаря и Василька. Также великій князь Сватополкъ при помочи Венгровъ хотѣлъ заняти область Ростиславичей. Венгерскій король Коломанъ облягъ Перемышль, но князь Володарь не только оборонилъ свое мѣсто, но побилъ Венгровъ на-голову. И такъ Ростиславичи укрѣпили свое владѣніе и стали наѣзжати на польскіи земли. Разъ черезъ здраду попался Володарь въ ляцкую нѣволю и мусѣлъ сложити за себе великій выкупъ.

Оба братья, Володарь Перемышльскій и Василько Теребовльскій угзэрцили сильно Червоную Русь и умерли въ 1124 р. Сынъ Володаря Владимірко соединилъ оба княжества въ одно. Онъ осѣлъ въ мѣстѣ Галичѣ надъ Днѣстромъ. Оба княжества, Перемышльское и Теребовельское соединилися въ одно Галицкое Княжество, а Владимірко назвалъ себе Галицкимъ Княземъ.

Старинный нашъ Галичъ основанный Владимірком̀ъ около 1140 р. значитъ меньше больше тогда, коли и Москва. Онъ розложился былъ по правомъ березѣ Днѣстра. Между тою рѣкою, а рѣчкою Луква былъ нижный городъ, а на высокомъ прибережномъ Днѣстровомъ холмѣ лежала вышна часть мѣста и тутъ былъ княжескій дворецъ и княжеская церковь имени св. Спаса. Въ нижномъ городѣ мѣстился соборный храмъ Богородицы, что стоитъ и донынѣ. Городъ былъ славный, богатый, стократъ большій чѣмъ нынѣ. Теперь на Холмѣ остались руины замка и церковь, мѣсточко на половину жидовское и польское, хотя есть тамъ и много нашихъ славныхъ духомъ православныхъ мѣщанъ.

Владимірко хотѣлъ присоединити до Галицкого княжества также Волынскую землю, но то ему не удалося. За то онъ нѣсколько разъ побилъ на—голову Половцевъ, Венгровъ и Поляковъ. Онъ помагалъ Суздальскому князю, Юрію Долгорукому, занятиі великокняжескій престолъ въ Кіевѣ. Владимірко былъ дуже справедливый и набожный. Онъ умеръ 1153 р.

Ярославъ Осмомыслъ

(отъ 1153—1187 р.).

По смерти Галицкого князя Владимірка засѣлъ на престолѣ его сынъ, Ярославъ. Онъ былъ такъ справедливый и розумный, что его назвали „Осмомыслъ“. То мало значити, что онъ малъ ажъ осемь смысловъ, коли каждый человѣкъ мае ихъ только пять.

Народная пѣснь того времени пишетъ о Ярославѣ Осмомыслѣ такъ: „Галицкій Ярославе Осмомысле! Высоко ты сидишь на своемъ золстокованномъ престолѣ; ты, подперши Карпатскіи горы своими желѣзными полками, заступилъ дорогу королю венгерскому; затворяешь ворота Дунаю, мечешь бремена черезъ облаки, корабли правишь по Дунаю; грозы твои по землѣ текутъ; отворяешь по своей волѣ ворота Кіеву и мечешь далеко своими стрѣлами на султановъ Половецкихъ“. Вотъ якъ славный былъ тотъ князь! Та и ему, хотя онъ не хотѣлъ вести роздору съ другими князями, пришлося въ оборонѣ своего княжества вести братоубійственную войну съ великимъ княземъ Изяславомъ, которого онъ побилъ коло Теребовли на-голову.

За князя Ярослава Осмомысла галицкое княжество дошло до найбольшои славы и силы. Ни Поляки, ни Венгры не смѣли нападати на него. Галицкая земля завела торговлю, а также и рольництво дуже процвѣтало. Тогда та земля, якъ казали, плыла молокомъ и медомъ, то значитъ, что мала она достатокъ всякого добра. Ярославъ малъ двохъ сыновъ: Владиміра, которому отдалъ только Перемышль, и Олега, которому далъ цѣлое галицкое княжество. Онъ умеръ 1187 р.

Послѣдніи лѣта его владѣнія затрсили ему галицкіи бояре своимъ бунтомъ. Уже за Владимірка бунтовалися они черезъ безмѣрную свою гордость, но оба разы мусѣли поддатись княжіей силѣ. Ярославъ Осмомыслъ, то слава и красота галицкои земли.

Владиміръ Ярославичъ

(отъ 1187—1198 р.).

Сынъ Ярослава Осмомысла, Олегъ, не могъ обняти галицко-княжеского престола. Бояре галицкіи его прогнали, а на князя покликали изъ Перемышля старшого его брата, Владиміра. Онъ не былъ добрымъ княземъ, для того бояре и его прогнали. На престолѣ въ Галичѣ засѣлъ Волынско-Владимірскій князь Романъ Мономаховичъ.

Владиміръ любилъ напиватися, черезъ что утратилъ и престолъ. По злому обычаю тогдашнихъ князей онъ пошолъ до Венгровъ глядати помощи.

За прогнаннымъ Владиміромъ унялся венгерскій король, Бела. Онъ занялъ Галичъ и вмѣсто того, чтобы отдати городъ Владиміру, посадилъ тамъ на престолѣ своего сына, Андрея, а Владиміра забралъ съ собою въ Венгрію и посадилъ его тамъ въ вязницѣ. Князь Романъ уйшолъ назадъ на Волынь. Владиміръ утекъ

изъ вязницы и просилъ о помощь польского короля, Казиміра Справедливого. Но галичане сами прогнали венгерского Андрея, и запросили Владиміра, чтобы у нихъ княжилъ. Князь Владиміръ умеръ 1198 р. На немъ скончился родъ Ростиславичей.

Страшно издѣвалися Венгры надъ русскимъ народомъ въ Галичѣ. Въ Церквахъ Божіихъ они тримали своихъ коней, мордовали людей, грабили ихъ добро. Почули гордыи бояре, что то чужая, вражая рука, и, якій тамъ ужь былъ князь Владиміръ, таки назадъ призвали его до себе. Правда, что наученный практикою каялся онъ, что спровадилъ на Русь Венгровъ, и потомъ правилъ уже справедливо. По его смерти начинается нова доба для галицкои земли; Галицкая и Владимірская земля соединяются въ одно и переходятъ подъ власть Романовичей.

Галицко-Владимірское Княжество.
Князь Романъ
(отъ 1199—1205 р.).

По смерти князя Владиміра засѣлъ на галицко-княжескомъ престолѣ Романъ, князь Волынско-Владимірскій. Обѣ земли, галицкая и волынская, стали одною Галицко-Владимірскою державою. Потомки князя Романа, Романовичи, владѣли Галицкою землею ажъ до 1337 р. Князь Романъ нѣсколько разъ побилъ Половцевъ, Ятвяговъ и Литву. За него галицкое княжество розтягалося отъ Днѣпра и половецкихъ степовъ на полудне до Дуная и Карпатъ, а на западъ по-за Люблинскую и Берестійскую землю.

Романъ, которого совсѣмъ справедливо называли „самодержавцемъ Руси“, могъ осѣсти и въ Кіевѣ, который занялъ и которого жителі повитали его радостно. Но Романъ посадилъ въ Кіевѣ другого князя, а самъ вернулъ до Галича, где уже передъ тѣмъ покаралъ бунтующихся бояръ; многихъ же изъ нихъ покаралъ смертію. Враги дрожали передъ нимъ, бо-жь не даромъ писали о немъ лѣтописи, что былъ онъ дерзкій якъ левъ, сердитый якъ рысь, лѣталъ по вражіей землѣ якъ орелъ, а стважный былъ якъ туръ.

Передъ княземъ Романомъ корилися всѣ другіи державы и просили его о миръ. Римскій папа Иннокентій III прислалъ до него (1204 р.) своихъ пословъ и просилъ, чтобы Романъ принялъ латинскую вѣру. Романъ, яко православный князь, не хотѣлъ о томъ чути. Послы папежа сказали, что папежъ мечемъ святого Петра завоюе цѣлый свѣтъ и дасть больше земель Роману. Тогда Романъ взялъ свой мечъ въ руки и сказалъ: Чи такій самый мечъ у папы? Доколь мой мечъ ношу при боцѣ, я не потребую папского меча. Я сдобываю мѣста кровію, по примѣру моихъ предковъ. Я православный, латинства, яко злои вѣры, не хочу знати!" Застыдженныи папежскіи послы отошли съ ничѣмъ.

Такъ то папы мусѣли всюда и всегда пхатися тамъ, где ихъ не было треба. Но достали достойную науку отъ православного князя. Отвѣтъ тотъ розъярилъ противъ Романа латинскихъ ксендзовъ среди Поляковъ. Романъ вмѣшался въ польскую политику и сталъ подмогати польского князя, Лешка Бѣлого, противъ его противниковъ. И тутъ постигла его смерть.

Князя Галицкого Романа убили подъ Завихостомъ Поляки. Они напали на него здрадою. Романъ съ нѣсколькими воинами выѣхалъ изъ табора на охоту. Тогда сто разъ большая ляшская громада изъ засѣдки напала на него. Романъ боронился якъ левъ, но одинъ врагъ прокололъ его копіемъ. То было 1205 р. Тѣло его похоронено въ соборной церкви въ Галичѣ.

Ненависть ляховъ до храброго князя была такъ велика, что они по его смерти поставили престолъ святымъ Гервазію и Протазію, бо въ ихъ то имени ужь великій герой Руси погибъ отъ ляцкои здрады. Вотъ примѣръ латинскои набожности, которая въ своихъ свьентыхъ видятъ покровителей убійства и здрады. Якая вѣра, таки и святыи еи!

Безурядица на Галицкой землѣ

Князь Романъ Галицкій оставилъ двохъ сыновъ: четырелѣтного Даніила и еще меньшого Василька. Ими опековалася ихъ мати. Въ 1206 р. кіевскій князь Рюрикъ призвалъ Поляковъ въ помощь и съ двохъ сторонъ напалъ на Галицкую землю. За сиротами Романа вступился угорскій король Андрей. Онъ прогналъ изъ Галицкои земли Рюрика и Поляковъ. Также и другіи князи кривдили вдову и дѣтей по Романѣ. За ними заступалися сторонныи народы, а найбольше Венгры. Даніилъ выховался на дворѣ венгерского короля Андрея.

Дважды приходилъ король Андрей робити въ Галичѣ порядокъ. На просьбу бояръ вдова по Романѣ съ десять-лѣтнымъ Даніиломъ вернула до Галича и стала княжити именемъ сына. Но бояре вскорѣ сбунтовалися и прогнали ю. Король угорскій, Андрей, по другій разъ ввелъ Даніила до Галича, но не на долго, бо черезъ буту бояръ мусѣла вдова по Романѣ съ Даніиломъ снова утѣкати. На престолѣ засѣлъ бунтовникъ, богатый бояринъ, Владиславъ Кормиличичъ, за которымъ стояли гордыи, сбунтованныи дуки-бояре. Та не долгое было его владѣніе. Угорскій король Андрей и польскій Лешко Бѣлый, нашли на Галичъ и прогнали самозванца-князя. Но за свой трудъ тяжко казали собѣ заплатити. И такъ: Андрей заручилъ своего пятилѣтного сына, Коломана, съ трилѣтною дочкою Лешка Саломеею, и тоту пару отземковъ посадили на Галицко-княжескомъ престолѣ. Опеку надъ ними и владѣніе Галицкою землею передали они злодѣю венгру, воеводѣ Филѣ. Лешко Бѣлый занялъ собѣ мѣста Перемышль и Любачевъ, а Даніилу и Васильку, властивымъ панамъ тои области, отдали лишь одинъ Владиміръ Волынскій.

Галицкіи бояре бунтовалися безпрестанно и довели до того, что Галицкую землю на якій-то часъ заняли Венгры и Поляки. Посадникомъ Галича сталъ венгеръ, воевода Филя. Онъ страшно гнобилъ русскій народъ. Даніилъ и Василько, сыны князя Романа, жили въ Владимірѣ Волынскомъ. Венгры и Поляки хотѣли имъ и тотъ удѣлъ отобрати. За ними заступился новгородскій князь,

Мстиславъ Удалый: побилъ Филю, а его войско розбилъ такъ, что ни одна нога не ушла изъ Руси. То было 1218 р.

,,Ни одинъ изъ враговъ не вышолъ изъ Галицкои земли, однихъ побили войска Мстислава, другіи потопилися, иныи пошли въ невслю, а остатки перебили селяне по дорогахъ.“ Такъ пишетъ лѣтопись. Филя попался въ неволю, Коломанъ также. Родины богатыхъ, бутныхъ Венгровъ, которыи сбытковалися надъ русскимъ народомъ, продано Половцамъ. А тѣмчасомъ Даніилъ и Василько прогнали Лешка изъ Волыни и отобрали ему Перемышль и Любачевъ. Утѣкалъ Лешко до Польши ажъ за нимъ курилося.

Мстиславъ Удалый освободилъ Галичъ отъ Венгровъ и засѣлъ самъ на княжескомъ престолѣ. Даніилъ взялъ за жену дочку Мстислава, Марію, и владѣлъ на Волынѣ. Оба они жили въ великой сгодѣ. Но теперь явился на Руси найтяжшій изъ всѣхъ враговъ врагъ. То были — Татары,

Смутная картина открыется передъ нами. Надходятъ времена бѣды и несчастья. Русь паленѣетъ цѣла огнемъ. Въ неволю идутъ еи дѣти. Но среди пожарища, среди смерти, среди полону одно, что сіяло русской землѣ, то одно осталося: осталася непоколебимая православная вѣра, и остался нашъ народный прапоръ, православный трираменный крестъ.

ЧАСТЬ ДРУГАЯ.

ТАТАРЫ.

БИТВА ПОДЪ КАЛКОЮ

(1224 р.).

Татары або Монголы, вышли изъ степовъ, что простягалися отъ Волги до Япана, и отъ полудневыхъ предѣловъ Сибира до Китая, Тибета и Каспійского моря въ Азіи. Татары были дикимъ кочующимъ, кровожаднымъ народомъ. Они вели безпрестанныи войны въ Азіи. Татары дѣлилися на племена, которыи звалися ,,орды''. Главный ихъ начальникъ, або по-ихнему ,,чингисханъ'', по названію Темучинъ, выслалъ своихъ воеводъ Чепу и Суботая на Персію. Они ограбили Персію, а потомъ черезъ Кавказскіи горы напали на Половцевъ, которыи жили надъ рѣкою Дономъ. Отсюда наступили они ажъ недалеко Днѣпра, въ сосѣдныи русской державѣ земли.

Что только было дикого, страшного, кровожадного, дышущого ненавистію и жаждного нищити все, палити огнемъ и топити въ рѣкахъ крови, то все то соединилося въ татарвѣ. Съ начала Татары были подчинены Китайцамъ, но скоро выбилися на волю, еще и грабили Китайскіи области. Темучинъ былъ такъ дикій, что сотки своихъ противниковъ изъ другихъ ордъ казалъ живцемъ варити въ 70 великихъ котлахъ. Онъ то первый приневолилъ всѣ орды, что они узнали его найстаршимъ своимъ вождомъ.

А орды тѣ были безчисленны. На малыхъ коникахъ, окрыты овечими тулупами по голомъ тѣлѣ, дробны на око, съ косыми очами, съ малпячимъ лицемъ, Татары съ оглушаючимъ крикомъ нападали на найчисленнѣйшее войско. Были они знаменитыми ѣздоками, бо отъ дитинства держалися коня; оружіе ихъ были луки и далеконосныи стрѣлы, ножи и сабли. На всякіи невыгоды Татары не дбали; ихъ кормомъ было сырое конское мясо или другая яка-нибудь падлина; напоемъ ихъ былъ „кумисъ“, напитокъ изъ кобылячого молока. Смерти они не боялися, не дбали, что тысячи изъ нихъ гибнутъ, за то и сами, коли напали на якій нибудь край, то не попускали никому: что не могли побрати въ неволю, то все ишло на смерть. Мѣста и села, даже и лѣсы палили они. Где перешла Татарва; тамъ все смѣнялося въ одну пустыню, тамъ даже и трава не хотѣла рости.

Русскіи князи видѣли, что изъ стороны Татаръ можно боятися нападa. Галицкій князь, Мстиславъ Удалый, собралъ всѣхъ князей въ Кіевѣ. Тутъ они рѣшили не ждати на Татаръ, а самимъ ити противъ нихъ. Съ русскими войсками мали ити также и Половцы. Собралося великое войско, а съ нимъ нѣскольконадцать русскихъ князей. Головнымъ вождомъ былъ Галицкій князь Мстиславъ Удалый.

Найзнаменитшими князями на Руси были на тотъ часъ: Юрій, великій князь Суздальско-Московскій, Даніилъ (сынъ Романа), князь Волынскій, и три Мстиславы: Галицкій Мстиславъ Удалый, Кіевскій Мстиславъ Романовичъ и Мстиславъ, князь на Черниговѣ. Просто несчислимую силу собрали они противъ Татаръ. Жители Кіева, Смоленска, Чернигова, Путивля, Трубчевска, Курска, Волыня и Галича, а съ ними и Половцы, ишли на войну съ неизвѣстнымъ имъ врагомъ.

Русскіи войска перешли рѣку Днѣпръ и загналися далеко въ степы. Они задержалися надъ рѣкою Калкою. Рѣка та вливается въ Азовское море. Противъ нихъ стояла цѣлая татарская орда. Дня 21 мая 1224 р. пришло до страшной битвы. Половцы настрашилися Татаръ и стали утекати. Черезъ то помѣшали они порядокъ въ русскомъ войску, Татары розбили русскую силу и безпощадно рѣзали всѣхъ. Ледва десята часть русского вой-

ска спаслася и утекла. Мстиславъ Удалый и Даніилъ, князь Волынскій, утекли также. Шесть князей погибло. Трехъ другихъ князей (между ними Кіевскій князь Мстиславъ) достались до неволи. Татары положили ихъ подъ доски, на которыхъ засѣли до обѣда и задусили ихъ. Потомъ Татары не пошли на Русь, но вернулись за Волгу до своего начальника, Темучина.

Самихъ Кіевлянъ погибло тогда надъ 10 тысячъ. Наши князи увлеченны гордостію, числили на то, что дикіи Татары уступлятъ передъ русскими полками, та сталося иначе. Правда, что наши войска билися съ нечуванною въ свѣтѣ отвагою. За то Половцы кинулися утекати, впали безладно на русскіи войска, розбили ихъ и якобы открыли Татарамъ ворота. Отъ коли Русь Русью, то еще николи не была она такъ поражена, якъ надъ Калкою. На русскую землю напалъ страхъ. Но еще 13 лѣтъ не наступила татарская нога въ русскіи предѣлы. За то потомъ огнемъ, громомъ, повенею упала татарва на Русь и затопила ю въ потокахъ крови.

Даніилъ княжитъ въ галицкой землѣ

(отъ 1235—1264 р.).

Кара Божья, якая постигла русскихъ князей надъ Калкою, не вразумила ни ихъ, ни гордыхъ бояръ. Въ Галичѣ бояре сбунтовалися противъ Мстислава Удалого, а одинъ изъ головныхъ зачинщиковъ бунта, Судиславъ, призвалъ притивъ Мстислава Венгровъ и Поляковъ. Правда, что Мстиславъ, при помощи Даніила и его брата Василька, побилъ надъ Звенигородомъ враговъ, но для св. супокою выдалъ онъ свою дочку за угорского королевича, Андрея, отдалъ ему Галичъ, а самъ пошолъ княжити на Подолье. Однакъ Галичане прогнали Андрея, бо Венгры страшно сбытковалися надъ народомъ. Сталося то при помощи Волынского князя Даніила. И такъ:

На великокняжескомъ престолѣ въ Галичѣ засѣлъ въ 1235 р. Даніилъ (сынъ Романа) и сталъ великимъ княземъ Галицко-Волынскимъ. Онъ прилучилъ до своего княжества (1239 р.) Подолье и Кіевъ. Въ Кіевѣ онъ назначилъ посадникомъ своего воеводу Димитрія. Даніилъ побилъ Ягвяговъ и Половцевъ. Полякамъ отобралъ онъ Люб-

линскую землю. За него галицкое княжество стало великою державою. Она простиралася отъ Днѣпра, Чорного моря и Дуная до Люблина и отъ Карпатъ до рѣки Нѣмана на Литьѣ.

Одно не давало Даніилу супокою. Онъ чувствовалъ, что Татары повернутъ изъ Азіи и что треба передъ ними стеречися. На изнемощѣлыхъ русскихъ князей не было что числити, для того Даніилъ думалъ связатися стисло съ Литвою и съ Венграми, чтобы быти гстовымъ на приходъ Татаръ. На жаль не могъ онъ на часъ довершити своей мысли, бо скорше, якъ онъ думалъ, пришли враги.

Другій нападъ Татаръ на Русь.

Кажется, что самое небо предзѣщало, и то на нѣсколько лѣтъ впередъ, страшную Божью кару, якая мала постигнути русскую землю. На небѣ явилася (1232 р.) комета (звѣзда съ долгимъ хвостомъ), въ Новгородѣ и Владимірѣ на Клязьмѣ пожары повторялися дуже часто, горѣли лѣсы, черезъ дожди вылили въ Галицкой землѣ (1229 р.) всѣ рѣки, настaлъ голодъ, въ Новгородѣ бушевало моровое повѣтрье. Въ 1230 р. на полночи и полуднѣ дня 3 мая настало сильное землетрясенье. Въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, пукла стѣна храма Пресв. Богородицы, въ самъ день памяти св. Ѳеодосія, и то въ очахъ митрополита, великого князя и тысячей народа. Въ Переяславѣ Русскій храмъ св. Михаила розсѣлся на двое, часть даху завалилася. Пришло въ Кіевской землѣ затмѣніе солнца. Люди вѣрили, что приходитъ конецъ свѣта. Нѣтъ, то надтягала страшная кара, то ишли Татары.

Въ 1237 р. внукъ татарского начальника, Темучина, Бату-Ханъ, або Батый, сталъ начальникомъ татарской „Златой“, або „Капчакской“ орды. Онъ собралъ нѣсколькосотъ тысячъ Татаръ и напалъ на полночную Русь. Найперше опустошили Татары Рязанскую область. Мѣсто Рязань спалили, а всѣхъ жителей, между ними и князя, убили. Батый пошолъ дальше въ Суздальскую землю. Мѣста Коломну, Москву, Суздаль снищили Татары до тла. Великій князь Суздальскій Георгій II началъ съ Татарами битву при рѣцѣ Сить. Онъ и все его войско погибли. Батый пустился до Новгорода. Однакъ боялся ити черезъ неприходимыи лѣсы и болота и завернулъ до Половецкой земли.

Просто не дается описати, якъ страшно снищили Татары русскую землю. Въ Рязанѣ они роспинали и четвертовали людей, оскверняли церкви, священниковъ живцемъ палили. Въ Коломнѣ всѣ, отъ князя и его родины, ажъ до послѣдного бѣдака, рѣшили умерти за свою отчизну. Всѣ заперлися въ Церкви, а епископъ Митрофанъ молился: „Господи, пріими души православныхъ рабовъ твоихъ со миромъ!“ Погибли всѣ до одного. Въ одномъ мѣсяцѣ спалили Татары 14 мѣстъ. Въ мѣстѣ Козельску семь недѣль опиралися жители Татарамъ и убили ихъ до 4 тысячъ. Однако Татары взяли мѣсто и всѣхъ вырѣзали. Малолѣтный князь утопился въ крови, что рѣкою плыла по дорозѣ. Въ 1239 р. Татары опустошили Переяславль, епископа и всѣхъ жителей вырѣзали. Также и по мѣстѣ Черниговѣ остали только сгарища и трупы.

По опустошенію Татарами полночной Руси, галицкій князь Данилъ самъ поѣхалъ просити о помощь угорского короля. Тѣмчасомъ Батый напалъ (1240 р.) на полудневую Русь. Онъ облягъ и сдобылъ мать городовъ русскихъ, Кіевъ. Татары сбурили Десятинную церковь и Печерскую Лавру. Народъ вырѣзали, мѣсто спалили. Батый кинулся на Волынь и Галицкую землю. Попалилъ онъ по дорозѣ всѣ мѣста, по чемъ сталъ пустошити польскіи и венгерскіи земли. Въ 1241 р. вернули Татары въ свои степы за Волгою.

И такъ Кіевъ, красота русской земли, замѣнился въ розвалины и пепелище. Ибо трудно было опертися Татарамъ, которыхъ было только, что въ Кіевѣ отъ скрыпа ихъ возовъ и рыка верблюдовъ не могъ одинъ чути голосу другого человѣка. Черезъ нѣсколько дней мордовали Татары безвинный народъ. Десятинную церковь спалили Татары въ самъ праздникъ св. Николая Чудотворца. Изъ Кіевскои земли пустилися Татары на Волынь, где осталося только одно мѣсто Кременецъ, а потомъ тучею кинулися на Галичъ. Въ руины пало величавое мѣсто, якъ бы за кару гордости своихъ бояръ, до окола вся земля стала пустынею, осталося только одно мѣсто Холмъ, побудоване и укрѣплене Даніиломъ на недолю до нашествія Татаръ.

Татары подъ проводомъ Батыя, осѣли недалеко устья Волги и тутъ побудовали собѣ головное мѣсто Сарай. Орда Батыя, что звалася до теперь „Златая“ или „Капчакская“ стала отъ теперь зватися также „Сарайскою“.

Но была то только часть татарской силы, найстарший ихъ чингисханъ съ безчисленною громадою жилъ въ глубокой Монголіи (въ Азіи). Батый наложилъ на русскую землю великую дань. Дань ту стягали его урядники, которыи звалися „баскаки".

Среди цѣлковитого погрома и снищенья русскои земли, коли все упало духомъ, коли одна часть народа, оставшого при житью, была въ неволѣ, а другая крылася по лѣсахъ. Богъ не оставилъ таки русскои земли. Онъ послалъ ей двохъ великихъ князей, а тѣ по силѣ и можности старалися облегчити тяжкую судьбу русского народа. Мужами тими были: Александръ Невскій, великій князь Суздальщины. и Даніилъ. великій князь а потомъ король Галицкій. Одинь на полночи, другій на полуднѣ, боронили они останковъ нашои свободы и изъ руинъ подносили опустошенную русскую землю.

Великій князь Александръ Невскій

(отъ 1246—1263 р.).

Коли Татары опустошили Русь, тогда въ Новгородѣ княжилъ князь Александръ. Въ р. 1240 надъ берегами рѣки Невы онъ побилъ на голову Шведовъ, которыи напали были на новгородскіи земли. За ту побѣду благодарный народъ придалъ князю Александру названіе „Невскій". Въ р. 1246 сталъ онъ велпкимъ княземъ и владѣтелемъ всѣхъ русскихъ земель на полночи.

Не только Шведы познали силу того князя. Также и Нѣмцы и Литва непокоили границы русской земли, но князь Александръ побилъ всѣхъ на-голову. Однакъ при цѣлой своей мужественности не могъ онъ и думати о томъ, чтобы остоятися противъ Татаръ. Батый взывалъ князей русскихъ, чтобы они приходили до него, до Сараю, кланялися ему въ ноги и просили о ласку. Покорныхъ отпускалъ онъ и утверждалъ ихъ на княжествѣ. Правда, что княжество то было дуже непріятное, бо треба было платити великую дань, а первый лучшій баскакъ значилъ больше чѣмъ князь. Нѣкоторыхъ изъ тихъ князей посылалъ Батый ажъ въ Монголію где такъ само ,якъ ему въ Сараю, мусѣли они чинчисхану и его дворни приносити богатыи дарунки. Въ татарскомъ таборѣ мусѣли князи для ока хотьбы кланятися татарскимъ поганскимъ идоламъ и приклоняти колѣна передъ Батыемъ. Нѣкоторыи изъ нихъ были на только нечестными,

что клеветали одни на другихъ. Несчастье и неволя не научила ихъ розума; дерлися давнѣйше между собою, а теперь упали такъ низко, что ласкалися завоевателямъ своей земли.

Великій князь Александръ Невскій былъ такъ мудрый, что умѣлъ жити въ сгодѣ съ Татарами. За часъ его владѣтельства, они ни разу не нищили полночной Руси. Онъ сдѣлалъ то, что та Русь платила невеликую дань. Былъ онъ такъ справедливый и дбалый, что народъ еще за его житья называлъ его святымъ. Онъ умеръ въ 1263 р. Вся Русь плакала по немъ. Тѣло его спочивало долгій вѣки цѣлое, нетлѣнное въ мѣстѣ Владимирѣ Залѣсскомъ. Теперь мощи его спочиваютъ въ головномъ мѣстѣ русскои державы, въ Петербургѣ. Церковь причислила князя Александра Невского до лика Святыхъ. Память его обходится дня 30 Августа.

Та не легко то было умолити мира у дикихъ Татаръ. Нѣсколько разъ ѣздилъ князь тотъ до Батыя и до самого чинчисхана, каждый разъ непевный своего житья. Но розумомъ своимъ удирлялъ онъ даже Батыя и другихъ наѣздниковъ. Онъ подбалъ о то, чтобы баскаки не рабовали народа. Татары пускали стяганье дани въ аренду т. зв. „бесерменамъ“ а тѣ обдирали страшно народъ. Доходило до того, что за найменьшу дитину треба было платили подать. Молодыхъ людей брали они въ неволю и продавали такъ въ Азіи, якъ и въ Европѣ. Князь Александръ постарался о то, что Батый казалъ перечислити и списати народъ въ полночной Руси и розложити справедливе подать. Списанію народа противилися найбольше Новгородцы, бо ихъ предѣловъ Татары не были заняли. Отсюда готовился новый походъ Татаръ на Русь, однако Александръ Невскій уговорилъ Новгородцевъ подчинитися и не допустилъ до нововo розграбленія Руси. Другимъ разомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ убилъ безсовѣстныхъ бесурменовъ. И снова сдавалося, что Татары за то опустошатъ русскую землю, но князь Александръ усмирилъ гнѣвъ орды.

Повага его имени было такъ велика, что римскій папа присылалъ до него пословъ и просилъ его приняти унію т. е. едность съ латинскою церкозью. Свягый православный князь съ омерзеніемъ откинулъ нечестивую просьбу. Длятого никто другій, а римскій папежъ іудилъ Шведовъ и Нѣмцовъ, чтобы нападали на православныя русскіи земли. Видимъ снова, что папы пхалися только до могущихъ того свѣта, хотѣли ихъ подойти, схлѣбити ихъ честолюбію и обманути. Но на Руси то имъ не удавалося.

Св. Александръ Невскій умеръ въ 45 р. житья, коли верталъ изъ Сарая на Русь. А съ нимъ снова на долго „закатилося солнце русской земли". Теперь вернемъ до другого защитника русскои земли, владѣтеля галицкихъ земель.

Князь Галицкій, Даніилъ, королемъ.

Коли Батый (1240 р.) сбурилъ Кіевъ и опустошилъ галицкую землю, тогда князь Даніилъ перебывалъ на Венгріи. По поворотѣ на Русь засталъ онъ все въ рупнахъ. Онъ осѣлъ въ мѣстѣ Холмѣ, бо Татары не сдобыли того мѣста. Князь Даніилъ сталъ на ново будовати мѣсто Галичъ и другіи мѣста. Тогда то побудовалъ онъ также мѣсто Львовъ и подарилъ его своему сыну Льву.

И по правдѣ только сгарища засталъ князь Даніилъ на Руси. Народа было дуже мало, длятого Даніилъ позволилъ сторонпымъ людямъ: Ормянамъ, Грекамъ. Полякамъ та и жидамъ осѣдати въ Галицкихъ земляхъ, чтобы лишь поднести торговлю. А хотя уже до основанія была снищена Галицкая земля, то бояре не уставали ни на хвилину бунтоватися. Передъ поворотомъ Даніила одни изъ нихъ заняли Перемышль, другіи Коломыю и князю приходилося назадъ отбирати тѣ мѣста.

Князь Даніилъ оборонялъ русскую землю передъ Поляками, Литовцами и Венграми, которыи нападали на Галицкое княжество. Разомъ съ своимъ братомъ, Васильком, и сыномъ своимъ, Львомъ, опустошилъ онъ польскую землю коло Кракова и Сендоміра.

Та чи мало болѣло Даніила то, что все таки есть онъ подъ властію Татаръ. Черезъ десять лѣтъ не ѣхалъ онъ поклонитися Батыю и въ ордѣ начали на то косо дивитися, тѣмъ больше, что Даніилъ былъ тогда уже широко извѣстный изъ своеи господарности и отваги. Долше не можно было оттягати. Въ 1250 р, онъ поѣхалъ до Батыя, певный, что уже не верне. Однако Батый принялъ его дуже ласкаво, назвалъ своимъ пріятелемъ, а хотя наложеннои на Галицкую землю дани не снесъ, то все таки не высылалъ тамъ баскаковъ и бесерменовъ.—Вѣдомость о томъ, что Татары просто подружилися съ Даніиломъ рознеслася по Европѣ и всѣ сосѣды начали глядати съ нимъ пріязни, чтобы черезъ него придобрита собѣ Татаръ. Польскій король, Болеславъ, сженился съ свячкою Даніила, Анастасіею. А снова сынъ Даніила, Левъ оженился съ Констанціею, дочкою венгерского короля, Белы. Самъ Даніилъ, повдовѣвши

оженился въ другге съ своячкою литовского князя Миндовга, который то князь выдалъ свою дочку за молодшого сына Даніила, Шварна. Третій сынъ Даніила, Романъ, оженился съ дочкою австрійского князя, а по ей смерти съ своячкою Миндовга. Такъ то родъ Даніила спородненный былъ съ всѣми сосѣдами владѣтелями.

Слава князя Даніила росла и удивляла всѣхъ. Римскій папежъ, Иннокентій IV, прислалъ Даніилу королевскую корону и обѣщалъ ему помагати противъ Татаръ. За то просилъ, что бы Даніилъ соединилъ русскую Церковь съ латинскою. Даніилъ корону принялъ, но отъ православной вѣры не отступилъ. Въ 1255 р. въ мѣстѣ Дрогичинѣ вѣнчался князь Даніилъ на Галицкого короля.

Только та гадка, что папа прикажетъ всѣмъ европейскимъ народомъ возстати противъ Татаръ, заставила Даніила приняти корону, и будь-то бы согласитись на унію съ Римомъ. Треба знати, что римскій папа мали великую власть и владѣтели - латиняне мусѣли ихъ слухати. Не правдою однакожь есть, что Даніилъ принялъ якую то унію съ Римомъ. Противно, Даніилъ выразно поставилъ условіе, что дѣло соединенія церквей розсудитъ особный духовный соборъ. Но не треба было собора, бо еще того самого року (1255) Даніилъ сорвалъ всякую связь съ папою. Коли треба было помощи, то папа забылъ о своемъ приреченію. Даніилъ познался на цыганствѣ и не оглядался больше на Римъ. Та за то Татары свернули зоркое око на Даніила и выслали противъ него часть орды подъ проводомъ Куремсы. Даніилъ разомъ съ литовскимъ войскомъ Миндовга три роки воевалъ успѣшно съ Татарами. Но коли на мѣсто Куремсы пришолъ дикій но храбрый татарскій вождь, Бурондай, то трудно было Даніилу устояты ему.

Татары стали боятися, что Даніилъ взросте въ великую силу и послали противъ него цѣлую орду подъ вождомъ Бурондаемъ. Даніилъ не могъ оперти ся переважаючой силѣ. На приказъ Бурондая мусѣлъ онъ самъ, своими людьми, бурити русскія мѣста и крѣпости. И такъ между иными мусѣлъ сбурити Львовъ и Галичъ. Только одинъ Холмъ устоялся. Русскія войска мусѣли чти съ Татарами на Венгровъ, Поляковъ и Литовцевъ. Все то дѣлалъ онъ, чтобы только Татары не мордовали русского народа.

Но сила несчастья спала изъ того на Галицкую землю. Запріязненная Литва стала кроваво мститися за помощь, дану Татарамъ. Вотъ, якіи послѣдствія изъ порозумленіяся съ папежомъ. Отъ нихъ ничего доброго на Русь прійти не могло. Треба знати, что слово „король“ намъ совсѣмъ чужое, а годность великого галицкого князя значила больше, нежели пять королевствъ. И хотя Даніилъ принялъ ту годность только изъ конечности, то однакъ, якъ видимъ, она дуже тяжко отбилася на судьбахъ Галицкои Руси.

Король Даніилъ умеръ 1264 р. Былъ онъ найславнѣйшимъ изъ всѣхъ владѣтелей Галицкои земли. Народъ оплаковалъ его смерть, бо ему завдячалъ, что Галицкая земля по татарскихъ набѣгахъ совсѣмъ не опустошѣла, а двиглася до житья.

Великій князь Галицкій Левъ

(отъ 1264 до 1301 р.).

Король Даніилъ еще передъ своею смертью подѣлилъ Галицко-Волынскую землю. Брату своему Василько отдалъ онъ Волынь, сынъ Левъ досталъ Перемышль и Львовъ, а другій сынъ, Шварнъ, досталъ Галичъ и Холмъ. По смерти Василька (1270 р.) и Шварна (1271 р.) князь Левъ сталъ верховнымъ великимъ княземъ Галицкимъ. Королемъ не хотѣлъ онъ себе звати.

Князь Левъ былъ мужемъ дуже розумнымъ. Онъ позналъ, что безпрестанныи наѣзды Поляковъ, Венгровъ и Литовцевъ ослабляютъ сто разъ больше русскую землю, чѣмъ Татары, которыи домагалися ничего больше, якъ чтобы имъ точно платити дань. Позналъ также князь Левъ, что русскимъ землямъ угрожаетъ найбольшое несчастье отъ Поляковъ. Бо, „сьвьенты войцьецъ“, римскій папежъ видѣлъ Поляковъ, яко подчиненыхъ ему латинниковъ, противъ православной Руси. Его болѣло, что та Русь свято держится чистого, православного, Христового ученія и не хочетъ даже чути о латинской ереси. А земля та была богата и если бы она подалася власти папежа, то онъ потрафилъ бы ю не горше Татаръ обдерти. Все то зналъ князь Левъ и длятого волѣлъ дружбу съ Татарами, чѣмъ съ латинскими крещенными безвѣрниками.

Великій князь Левъ жилъ въ дружбѣ съ Татарами. Они помагали ему въ военныхъ походахъ на Венгровъ и Поля-

ковъ. Князь Левъ нѣсколько разъ опустошилъ Польшу. Съ Нѣмцами жилъ онъ въ мирѣ. Владѣніе его было дуже справедливое. Онъ отбудовалъ мѣсто Львовъ. На горѣ, среди того мѣста, побудовалъ онъ для себе укрѣпленный замокъ. Мѣсто то и донынѣ называется „Высокій Замокъ".

Хотя дружба съ Татарами обезпечила Льва отъ сторонныхъ грабителей, то все таки приходила она очень дорого. Татары, переходячи черезъ русскіи земли, грабили и брали народъ въ полонъ, а сказати имъ не можно было ничего, ибо все то было по пріятельски. Князь Левъ, якъ и отецъ его, Даніилъ, позволилъ на Галицкой землѣ осѣдати стороннымъ людямъ, черезъ что осѣло много жидовъ, якихъ тогда гонили изъ цѣлои Европы. Жиды тѣ съ часомъ стали найбольшими помощниками ляховъ при угнетенію православного народа.

Князь Левъ передъ смертію жилъ въ монастырѣ въ селѣ Спасѣ (въ Галичинѣ, коло Старого Самбора). Онъ принялъ тамъ монашество и набожно умеръ. Тѣло его похоронено въ монастырской церкви сосѣдного села, Лавровъ. Княжилъ онъ 37 лѣтъ, а умеръ 1301 р.

Минуло много лѣтъ. Въ лавровскомъ монастырѣ настала унія; на мѣсто давныхъ, православныхъ, набожныхъ монаховъ-затворниковъ, пришли обголенныи, апостолы мнихи-уніяты, которыи происходили изъ польскои, или сполященнои шляхты. Они для ока только держалися восточного обряда, но душа и бесѣда ихъ была польска. Не дуже спасали они свою душу, за то добре ѣлы, а еще лѣпше пили. (Читай хронику лавровского монастыря, мѣстящуюся тамже). Въ 1767 р. монастырская Церковь въ Лавровѣ сгорѣла. По огнѣ натрафили на домовину великого князя Льва. Домовина была обита грубыми сребренными бляхами, на ней была надпись: „Левъ." Мнихи-уніяты обдерли сребро съ домовины и продали. Что сдѣлали съ костями великого князя, добродѣтеля того монастыря, учрежденного его предками, не зналъ о томъ никто.

И снова минуло много лѣтъ. Галицкіи монастыри (1882 р.) передано въ зарядъ и реформу іезуитамъ. Въ лавровскомъ монастырѣ былъ я, пишущій тѣ слова, монахомъ. Разомъ съ другими мы слѣдили за домовиною князя Льва. Но коли пришло о томъ до бесѣды, то найстаршій іезуитъ, управитель реформы, сказалъ такъ:„Варта бы отнайти кости Льва и выкинути изъ церкви, бо кости шизматика не смѣ-

ютъ лежати въ католицкой Церкви." А чейже и Татары были лучшими отъ тѣхъ „набожныхъ" католиковъ, которыи обдираютъ домовины и выкидаютъ изъ церквей кости князей, которыи тѣ церкви ставили и изъ которыхъ ласки и даровизны мнихи-уніяты и теперь жіютъ. Познайже, народе, якою ненавистію, якою адекою злобою воюетъ та клятая унія, которую накидували нашимъ предкамъ папежи, и якую и теперь всякая уніятская сволочь накинути тебѣ хочетъ.

За короля Данiила, а еще больше за князя Льва, стали Татары и Поляки дѣлити Русь на „Великую" и „Малую". Великая Русь обоймала всѣ полночныи предѣлы русскои земли, а Малая Русь начиналася отъ Волыни, обоймала Галицкую и Кіевскую землю. Названія тѣ удержалися донынѣ. Однако русскій народъ не пріймаетъ ихъ, бо ни Татары, ни Ляхи не мали права дѣлити русскои земли. Нѣтъ ни „Великои" ни „Малои" Руси, чтобы каждая была особна для себе. Есть только одна святая, недѣлимая, православная Русь.

Литва.

Закѣмъ начнемъ дальше оповѣданье о судьбахъ Галицкои земли, мусимъ сказати нѣсколько словъ о Литвѣ.

Надъ рѣкою Нѣманомъ, которая на полночи русскои державы граничила съ Волынскою и Холмскою землею, лежалъ маленькій лѣсистый край. Край тотъ звался Литва. Народъ литовскій былъ дуже бѣдный; онъ жилъ по лѣсахъ и кормился ягодами и дичиною. Литовцы были поганами. Они были подчинены русскимъ князямъ и платили имъ дань, ради бѣдности своеи, метлами и воскомъ.

И не думали русскіи князи, чтобы то бѣдное литовское племя взяло колись верхъ надъ ними. Но коли наши князи стали дертися между собою, то Литовцы, не то что перестали платити дань, а соединилися въ розбойничіи громады и грабили русскіи земли.

Съ часомъ Литовцы возросли въ силу. За владѣнія галицкого короля Даніила литовскій князь Миндовгъ соединилъ въ одно всѣ литовскіи племена и назвалъ себе великимъ литовскимъ княземъ.

Съ тѣмъ то Миндовгомъ породнился король Даніилъ, бо оженилъ своего сына съ его дочкою. Миндовгъ умеръ (1263 р.), а по немъ черезъ два роки, ажъ до своеи смерти владѣлъ Литовскою землею сынъ Даніила, Шварнъ. По его смерти началися на Литвѣ непокой и только въ 1283 р. на княжескомъ престолѣ засѣлъ князь Витенъ. Въ томъ то часѣ надъ Балтійскимъ моремъ осѣли Нѣмцы, которыи звали себе „Крестоносцами.“ Они были на половину монахами, а на половину рыцарями. Призначены они были на то, чтобы насильно навертати поганъ на латинскую вѣру, значитъ были слугами римскихъ папежовъ. Крестоносцы были дуже жестоки; они не меньше Татаровъ мордовали народъ и пускали все съ огнемъ. А что Литва была имъ найблизша, а до того поганьска, то они начали безпрестанную съ нею войну, которая закипѣла и за княженія Витена, которому при боцѣ стоялъ его сынъ Гедиминъ.

Галицкій король Юрій I.

(отъ 1301—1315 р.).

По смерти князя Льва засѣлъ на галицкомъ престолѣ его сынъ, Юрій Первый. Въ р. 1305 сталъ онъ также княземъ Волынскои земли. Тогда то вѣнчался онъ короною своего дѣда Даніила и сталъ себе звати королемъ Галицкимъ.

Мирное и спокойное было житье того, другого изъ ряду короля, Галицкои земли. Онъ старался угодити Татарамъ, а и съ Нѣмцами жилъ въ сгодѣ.

Король Юрій жилъ въ великой дружбѣ съ польскимъ княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ и выдалъ свою дочку, Марію, за сына Болеслава, Тройдена. Сынъ Тройдена и Маріи, Болеславъ Тройденовичъ былъ окрещенный въ православной вѣрѣ и названный русскимъ княземъ.

На другомъ мѣстѣ будемъ читати о томъ, что Юрій I хотѣлъ отдѣлити Галицкихъ и Волынскихъ владыкъ отъ митрополита всеи Руси, который управлялъ русскою Церковью уже не въ Кіевѣ, а въ Владимірѣ надъ Клязьмою. Стараніемъ Юрія былъ поставленный митрополитомъ св. Петръ, (о которого житью будемъ читати въ главѣ: „Русская Церковъ") но св. Петръ осѣлъ въ Владимірѣ, а позднѣйше въ Москвѣ.

Хотя и якъ мирное было житье короля Юрія, а все таки погибъ онъ на полѣ битвы.

Въ р. 1315 Гедининъ, сынъ великого литовского князя, Витена, напалъ на русскіи земли. Онъ сдобылъ мѣста Дрогичинъ и Берестъ и осадилъ мѣсто Владиміръ Волынскій. Король Юрій началъ подъ мурами того мѣста борбу съ Гединиомъ. Литовцы были сильнѣйшіи и розбили русскіи войска. Король Юрій погибъ на полѣ битвы.

Просто конечна потреба приневолила Литовцевъ кинутися на русскіи земли. Крестоносцы напирали на нихъ и грабили ихъ земли. Литовцамъ не было куда рушитися. Витенъ выступилъ противъ Нѣмцевъ, а Гедимина послалъ на Русь. По занятію Владиміра, Гединъ таки сейчасъ вернулъ на Литву, бо довѣдался о смерти своего отца. Та отъ того часу уже Литва мае перевагу надъ Галицкою и Волынскою землею.

Сыны короля Юрія I

(отъ 1315—1324 р.)

Король Юрій Первый оставилъ двохъ сыновъ, Андрея и Льва. Старшій Андрей княжилъ въ Владимірѣ Волынскомъ, а молодшій Левъ въ Луцку. Они хотѣли конечно отомстити на Гедининѣ смерть своего отца, короля Юрія Первого. Они зачали съ Гединиомъ, великимъ княземъ литовскимъ, войну. Однако Гединъ не только розбилъ ихъ войска, но забралъ еще русскіи мѣста: Дрогичинъ, Берестъ и Луцкъ. И такъ князь Левъ лишился своего престола въ Луцку.

Гедиминъ былъ однимъ изъ нийбольшихъ воевниковъ своего времени. Андрей и Левъ напали на него тогда, коли онъ былъ занятый войною съ Крестоносцами. Но Гедиминъ побилъ Нѣмцевъ и свернулся противъ русскихъ князей-братьевъ. Та не кончилося на томъ.

Гедиминъ въ 1319 р. осадилъ и занялъ Кіевъ. Онъ присягъ, что православная вѣра не будетъ въ ничѣмъ гонима. Посадникомъ въ Кіевѣ лишилъ онъ своего воеводу, который звался Миндовъ и былъ православнымъ христіаниномъ. Отъ того часу Гедиминъ сталъ звати себе: Великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ.

И вотъ видимъ, что русская держава подѣлилася на три части. Полночная Русь, о дальшихъ судьбахъ которои будемъ читати въ слѣдующей главѣ, росла все больше въ силу. Полудневая Русь, т. е. часть Волынскои земли и цѣлая Галицкая все больше упадала. А клиномъ между полночною и полудневою Русью врѣзалася третья, подъ владѣніемъ Литвы будущая держава, что протягнулася ажъ за Кіевъ.

Гедиминъ и его бояре говорили всѣ по русски. Гедиминъ самъ былъ поганинъ. Но многіи его бояре были православны. Изъ Кіева забралъ Гедиминъ на Литву много книгъ и ученыхъ людей, переважно священниковъ. Съ Галицкимъ княземъ Андреемъ жилъ въ сгодѣ и оженилъ своего сына, Любарта, съ племянницею Андрея, княжною Бушею. Сынъ Андрея, Юрій, оженился съ дочкою Гедимина.

Сила Гедимина была такъ великая, что онъ не боялся Татаръ. Дошло до того, что князь Андрей, уповаючи на помощь Гедимина, пересталъ платити Татарамъ дань. Братъ Андрея, Левъ, бывшій князь Луцка, погибъ подъ Кіевомъ въ борбѣ противъ Гедимина. Самъ Андрей жилъ мирно, по части въ Владимірѣ Волынскомъ, а по части во Львовѣ.

Великій князь Андрей умеръ 1324 р. По немъ наступилъ сынъ его, Юрій II. Онъ умеръ 1337 р. и не оставилъ по себѣ наслѣдника. Былъ послѣднимъ потомкомъ славнои родины Романа Мстиславича. На немъ кончится рядъ чисто-русскихъ галицкихъ князей.

Галицкое княжество въ чужихъ рукахъ.

По смерти князя Юрія Второго собралися во Львовѣ владыки и бояре, чтобы выбрати нового князя. Изъ родины Романовичей жили только двѣ княгини. Одна, Марія, была женою Мазовецкого князя Тройдена. Сынъ еи Болеславъ Тройденовичъ окрещенъ былъ въ православной вѣрѣ. Друга княгиня, Буша, была женою Гедиминового сына, Любарта. Галицкій народъ призвалъ на княжій престолъ Болеслава Тройденовича.

Не доѣхалъ еще Болеславъ до Львова, а уже дозналися тамъ, что онъ сталъ перекинчикомъ, что онъ покинулъ святую, православную вѣру и принялъ латинство. Львовяне не хотѣли его впустити до мѣста, пока не присягъ на Евангеліе, что въ ничѣмъ не укривдитъ православнои вѣры. Болеславъ присягнулъ. Но что изъ того?

Болеславъ Тройденовичъ былъ злымъ княземъ. Онъ здрадилъ свою православную вѣру и сталъ латинникомъ. Напровадилъ онъ на Русъ латинскихъ ксендзовъ и Нѣмцевъ. Также грабилъ онъ русскіи церкви и утискалъ народъ. За то львовскіи Русины отравили его въ 1340 р.

Развратъ (роспусту), насильство и все, что зле, принесъ съ собою новый князь. И не диво. Кто сталъ Іудою, кто вырекся св. православнои вѣры, а сталъ водитися съ латинниками, тотъ мусѣлъ стати нечестивымъ и безбожнимъ. За то пришла кара. Въ самъ день Благовѣщенія запросили его мѣщане на обѣдъ и дали ему такъ сильную страву, что тѣло его роспуклося на части.

По смерти Болеслава Тройденовича напалъ на Львовъ польскій король Казиміръ и занялъ то мѣсто. Было то 1340 р. Отъ того часу начинается для Галицкои земли найтяжшая доба ляшскои неволи. Княжество Волынское занялъ того самого року литовскій князь Любартъ. Княжество Волынско-Галицкое, когда-то такъ славное, утратило свою независимость.

Въ дальшомъ оповѣданію увидимъ, якъ тяжкою была та ляшская неволя. Теперь повернемъ на полночную сторону святои Руси, о которой прійдется намъ говорити отъ смерти св. великого князя Александра Невского (1263 р.).

Великое княжество Суздальско Московское.

Потомки Александра Невского.

По смерти великого Суздальско-Московского князя, святого Александра Невского, княжество его подѣлили между себе его братья и его сынъ. Между ними пришло до долгихъ сварней и войнъ. Каждый изъ нихъ ѣздилъ до Татаръ обвиняти другихъ князей. Татары за великіи гроши утверждали того или другого князя на престолѣ. Но вскорѣ отдавали княжество другому, кто больше заплатилъ.

Просто страшно подумати, до чего довели сварни между князями. Казалося, что полночную Русь ждетъ съ часомъ такая самая судьба, якая постигла Кіевскую область. Но Господь Богъ сохранилъ ю отъ погибели за еи вѣрную преданность св. православію. Владиміръ надъ Клязьмою, главнсе, престольнсе мѣсто Суздальско-Московскои области, тратитъ на значенію, больше подносятся мѣста Тверь и Кострома. Новгородъ платитъ дань Татарамъ, но нога ихъ не стала въ немъ, а сила Новгорода не ослабла ни на часъ, противно, его значеніе и торговля ростутъ въ гору и Шведы, Нѣмцы и другіи вражіи народы числятся съ Новгородомъ. До великого значенія дошолъ также Псковъ, именно подъ своимъ княземъ Довмонтомъ, ксторый, хотя родомъ изъ Литовцевъ, но былъ найискреннѣйше преданный св. православію и своей псковской родинѣ.

Но было много поменьшихъ княжествъ, что совсѣмъ не причиняли славы русскому имени. Не мѣсто намъ о нихъ воспоминати, за то съ честію треба сгадати великого на дѣлахъ князя Московского Даніила.

Изъ сыновъ святого Александра Невского найславнѣйшій былъ князь Даніилъ Московскій. Онъ присоединилъ до Московского княжества много сосѣдныхъ удѣловъ. Мѣсто Москву укрѣпилъ онъ и побудовалъ въ ней Дани-

ловъ монастырь. Передъ смертію принялъ монашеское постриженіе. Умеръ въ 1303.

Великій духомъ князь Даніилъ Александровичъ положилъ тревалое основаніе русской державы, которой осередкомъ стало теперь мѣсто Москва. Другіи мѣста, якъ Переяславль Залѣсскій, Коломна, Можайскъ, присоединилися до Московского княжества. Дѣло, начатое Даніиломъ, укрѣпилося за владѣнія его сыновъ, Юрія. а потомъ Іоанна Калиты.

По смерти князя Даніила засѣлъ на княжескомъ престолѣ въ Москвѣ его сынъ, Юрій (отъ 1303 до 1328 р.). По его смерти наслѣдилъ тотъ престолъ молодшій его братъ, Іоаннъ Калита.

Іоаннъ Калита

(отъ 1328—1340 р.)

Старинная лѣтопись пишетъ о томъ князю такъ: „Сѣде на великое княженіе Иванъ Даниловичъ и бысть тишина христіанамъ на многіи лѣта и преста Татарове воевати русскую землю.“ Хотя нѣсколько разъ мусѣлъ онъ силою усмирити другихъ удѣльныхъ князей, а также и Новгородъ, го головною его задачею было утвердити цѣлость и едность русской земли.

Князь Іоаннъ Калита былъ сыномъ Даніила а внукомъ святого Александра Невского. Онъ жилъ въ мирѣ съ Татарами и устранилъ ханскихъ баскаковъ, которы кривдили народъ. Отъ теперь онъ самъ собиралъ призначенную для Татаръ дань и отсылалъ ю до орды.

За владѣнія того князя Московская земля заключала въ собѣ все теченіе рѣки Москвы съ мѣстами: Можайскъ, Звенигородъ, Москва и Коломна, дальше простягалася она вверхъ по рѣцѣ Окѣ, а на полночность востоцѣ сягала ажь до Подволжа съ мѣстами: Угличъ, Галичъ Мерскій и Бѣлозерскъ. Многіи мѣста онъ куповалъ отъ обѣднѣвшихъ князей. Слава того князя стягала до Москвы многихъ бояръ изъ Твери, Чернигова, Кіева, Волыни и др.

Іоаннъ Калита не только побольшилъ свои посѣлости, но поднесъ также мѣсто Москву до небывалой свѣтлости. За него митрополитъ всея Руси, святый Петръ, перенесъ митрополію до мѣста Москвы.

Въ слѣдующей главѣ будемъ о томъ обширно читати. Іоаннъ Калита побудовалъ въ Москвѣ соборный храмъ Успенія Пресв. Богородицы, близко своего княжьяго дворца, что звался Кремль.

Князь Іоаннъ Калита первый сталъ себе звати: „Великимъ Княземъ всея Руси". Онъ былъ дуже милосердный и всегда носилъ съ собою калиту, т. е. мѣшокъ съ грошми для бѣдныхъ. Оттого назвали его „Калита". Передъ смертію принялъ онъ монашеское постриженіе. Умеръ въ 1340 р.

Въ томъ самомъ роцѣ померли также: послѣдный изъ Романовичей Галицкій владѣтель, Юрій II, и владѣтель Литовско-русскои державы Гедиминъ. Дивны есть дороги Божьяго Провидѣнія! Коли въ Галицкой землѣ пропадаетъ народная самостоятельность, то въ томъ самомъ часѣ на полночи сила и духъ русского народа въ мѣстѣ Москвѣ воздвигаетъ себѣ храмъ, что нетронутый рукою врага стоитъ донынѣ. Судьбы обоихъ тѣхъ земель розділяются на цѣлыи вѣки, они и нынѣ еще не совсѣмъ соединены, но прійдетъ время, коли Русь будетъ во едно святою православною вѣрою и во едно народнымъ своимъ сознаніемъ.

Русская Церковь.

Среди страшного опустошенія русскои земли черезъ Татаръ потерпѣла также много и русская Церковь. Въ Кіевѣ Татары спалили Софійскій Соборъ, Печерскую Лавру и другіи церкви. То само сталося на цѣлой Руси. Владыки, священники и тысячи вѣрныхъ умерли мученическою смертію. Однакъ никто изъ нихъ не вырекся святои, православнои вѣры.

Въ часѣ снищенья Кіева митрополитомъ Руси былъ Іосифъ. Что съ нимъ сталося, никто не знаетъ, среди татарского наитія погибъ и онъ, якъ гибли тысячи другихъ. Среди найбольшого несчастья владыки не оставляли своихъ вѣрныхъ, они приготовляли ихъ до мужественной смерти, якою умирати должны христіане. И такъ въ Рязани, коли Татары подпалили церковь, въ которой было полно народа, епископъ Митрофанъ молился за всѣхъ въ голосъ: „Господи, пріими въ миръ души рабовъ Твоихъ" и разомъ съ паствою своею погибъ.

По разоренію Кіева Богъ послалъ русской Церкви мужа, который управлялъ ею мудро и на славу св. православія. Былъ нимъ Кириллъ II, митрополитъ всея Руси. Онъ склыкалъ первый русскій церковный соборъ, т. е. возвалъ всѣхъ владыкъ на нараду надъ добромъ русской Церкви. Было то въ Владимірѣ Суздальскомъ 1274 р.

Митрополитъ Кириллъ II избранъ былъ 1243 р. но только въ 1250 р. посвятилъ его царьгородскій патріархъ. Кириллъ былъ игуменомъ (наставникомъ) одного изъ монастырей полудневой Руси. Хотя цѣлая Русь представлялася якъ одна пустыня, всежь таки митрополитъ Кириллъ не только не далъ упасти на дусѣ священству, но что больше, онъ исправлялъ где-якіи злы звычаи, что вкоренилися на русской землѣ. Въ тойто цѣли созвалъ онъ высше упомянутый соборъ, на который кромѣ него прибыли епископы: Далматъ изъ Новгорода, Ѳеогностъ изъ Сарая и Симеонъ Полоцкій. Треба бо знати, что митрополитъ Кириллъ въ Сараю где была орда Батыя, основалъ особное епископство. Владыка Сарая былъ на помощь и утѣшеніе тысячныхъ русскихъ плѣнниковъ, которыи страдали въ неволѣ, а также для русскихъ, которыи пріѣзжали сюда для поклоненія Татарамъ и неразъ мѣсяцами, або и лѣтами мусѣли тамъ сидѣти.

Митрополитъ Кириллъ II объѣзжалъ русскіи земли, всюда училъ и подносилъ духъ въ народѣ. Также написалъ онъ „Правило Кирилла Митрополита," въ которомъ даетъ предписаніе, чтобы рукополагати въ священниковъ лишъ достойныи особы, — дальше, якъ маютъ удѣляти св. Тайны и т. д. Что до св. Тайны Крещенія, то забороняетъ онъ крестити черезъ поливанье водою, а приказуетъ крестити черезъ трикратное погруженіе.

Митрополитъ Кириллъ Вторый ѣздилъ самъ до Сарая, до татарскои орды и тутъ заступался за русскимъ духовенствомъ. Отъ того часу Татары не стягали отъ владыкъ и священниковъ дани, и не рабовали церквей.

Повага Кирилла была дуже велика. Запримѣтити треба, что митрополитъ Кириллъ перебывалъ переважно не въ Кіевѣ, а въ Владимірѣ надъ Клязьмою. Онъ умеръ въ 1280 р. а тѣло его перевезено до Кіева.

Наслѣдникъ Кирилла, митрополитъ Максимъ, былъ родомъ изъ Греціи. Въ 1299 р. перенесъ онъ митрополію изъ Кіева до Владиміра надъ Клязьмою. Черезъ то Кіевъ уже остаточно упалъ.

Митрополитъ Максимъ, по примѣру своего попередника, безпрестанно объѣзжалъ русскіи земли. Перенесеніе митрополіи было конечнымъ дѣломъ; осередокъ духовнего житія долженъ былъ мѣститися тамъ, где соединялася жизнь русского народа, что мало мѣсто и то отъ давна уже въ полночной части Руси.

Въ тѣ часы русская Церковь прославилася новыми Мучениками. И такъ пострадалъ въ Сараю за святую вѣру Черниговскій князь Михаилъ и его бояринъ Ѳеодоръ. Они не хотѣли, хотя бы для ока, брати участи въ поганскихъ забобонахъ. На всѣ намовы отвѣчалъ князь такъ: „Я христіанинъ и покланяюся только одному Богу; души моей не погублю“. Татары жестоко ихъ убили. Послѣдное слово князя-Мученика было: „Я христіанинъ“. Сталося то 20 сентября 1246 р. За святую вѣру замучили Татары также Рязанского князя Романа Ольговича. Ему отрѣзали языкъ, уши, носъ, сдерли съ его тѣла шкуру, а наконецъ отрубали голову. Сталося то 19 іюня 1270 р.

Но на потѣху святои Церкви даже среди поганъ—Татаровъ наверталися нѣкоторыи до св. вѣры. И такъ Ростовскій владыка Кириллъ въ самой ордѣ передъ ханомъ оповѣдалъ о чудесахъ, якіи дѣялися при мощахъ многихъ святыхъ. А коли сынъ хана смертельно занедужалъ, то владыла Кириллъ молитвою своею уздоровилъ его. Черезъ то одинъ молодый своякъ хана утекъ изъ ордыˊ до Ростова и принялъ св. Крещеніе, получивши на томъ имя Петръ. Онъ построилъ въ Ростовѣ храмъ во имя св. ап. Петра и Павла и побудовалъ монастырь, въ которомъ самъ въ глубокой а набожной старости умеръ. Приняли христіанство также и многіи другіи погане.

Кромѣ Мучениковъ засіяла въ томъ часѣ русская Церковь также многими Святыми. Святымъ былъ великій князь Александръ Невскій. Въ Ростовѣ владыка Игнатій причисленный есть до лика Святыхъ. Въ мѣстѣ Устюзѣ жилъ юродивый Христа ради, св. Прокопій.

Когда-то латинникъ, позналъ онъ правду, принялъ св. православную вѣру, терпѣлъ поруганія, въ легкой одежѣ, лѣтомъ и зимою босый, осмѣянный людьми, святымъ былъ онъ передъ Богомъ и одаренный силою пророчества. Умеръ дня 8 іюля 1285 р. у воротъ монастыря. Мощи его прославилися чудесами.

Найбольшою славою русскои церкви тѣхъ временъ былъ святый Петръ, митрополитъ всеи Руси. Онъ родился въ Галичинѣ. Молодцемъ поступилъ онъ въ монастырь. Позднѣйше жилъ въ пещери на пустынѣ при рѣцѣ Рата (въ Галичинѣ въ жолковскомъ округѣ). Съ часомъ побудовалъ онъ тамъ монастырь. Галицкій князь Юрій Первый хотѣлъ, чтобы Галицкая земля мала особного митрополита, и выбралъ на него святого Петра. Патріархъ царьгородскій Аѳанасій высвятилъ св. Петра и послалъ на Русь. Однакъ святый Петръ поѣхалъ не до Галича, а до Кіева, потомъ же до Владиміра надъ Клязьмою. Онъ былъ не только галицкимъ митрополитомъ, но управлялъ цѣлою русскою Церковью. Святый Петръ засіялъ всякими честнотами и Господь надѣлилъ его еще за житья даромъ пророчества.

Мимоволи прослезитися муситъ каждый, кто читае жизнеописаніе великого того Святого. Смиренный, тихій, онъ потерпѣлъ оклеветанія, а коли на нарочно скликаномъ въ той цѣли соборѣ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (1311 р.) вышла на верхъ невинность Святителя, онъ простилъ клеветнику. На томъ соборѣ св. Петръ связался узами великои любови съ княземъ Іоанномъ Калитою.

Святый Петръ перенесъ митрополію изъ Владиміра надъ Клязьмою до Москвы. И такъ Москва стала сердцемъ духовного житья русского народа. Св. Петръ умеръ

21 декабря 1326 р. Мощи его почили въ церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Москвѣ. Богъ прославилъ его чудесами.

Св. Петръ упросилъ князя Іоанна Калиту, что тотъ началъ строити въ Москвѣ величавый храмъ Успенія Пресв. Богородицы. Святитель пророческимъ духомъ предсказалъ великому князю, славную будущность русскои державы: „Если ты послухаешь мене, сынъ мой, говорилъ онъ, и создашь храмъ Пресв. Богородицѣ, то и самъ прославишся надъ всѣхъ другихъ князей и мѣсто твое буде прославлено, сяятители будутъ въ немъ жити и вознесутъ руки свои на враговъ твоихъ и Богъ въ немъ прославится и кости мои въ немъ спочнутъ!“

А коли уже строили храмъ, то св. Петръ самъ доглядалъ роботы и въ недоконченной еще будовѣ приготовилъ для себе гробницу. Богъ объявилъ ему часъ смерти и Святитель наставилъ всѣхъ на дорогу честноты, роздалъ все, что малъ, передалъ свое благословеніе великому князю и среди молитвы на вечернѣ упокоился въ Господѣ. Пророческое его предсказаніе исполнилося. Москва прославляется донынѣ, и въ ней донынѣ хранятся честныи мощи великого заступника и ходатая русской земли, св. Петра.

Хотя русская земля была опустошена, то князи строили новыи церкви и монастыри. Именно великій князь всеи Руси, Іоаннъ Калита, побудовалъ въ Москвѣ много церквей, а между ними соборъ Успенскій.

Именно построилъ онъ каменную Церковь въ честь св. Іоанна Лѣствичника. Дальше построилъ онъ храмъ въ честь св. Михаила, а также церковь св. Преображенія (Спаса). За его примѣромъ шли и другіи князи. Также и между мірянами процвѣтала великая любовь до православія и богочестное житье. Большая часть князей передъ смертію принимаетъ постриженіе въ монахи. Многіи князи повинуются приказамъ митрополитовъ, которыи на упорствующихъ въ грѣсѣ кидали клятву. Между церковными писателями, кромѣ Кирилла II, мы видимъ кіевопечерского архимандрита, позднѣйше Владимірского епископа, преп. Серапіона. Онъ оставилъ по собѣ нѣсколько наукъ, въ которыхъ перестерегаетъ передъ закоренившимися тогда въ народѣ пороками и доводитъ до честного, православныхъ христіанъ достойного житья. Великимъ книжникомъ и философомъ былъ Волынскій князь, Владиміръ Васильковичъ. Онъ строилъ и пріукрашалъ церкви, самъ переписовалъ церковныи книги, а при томъ велъ найбольше набожное житье.

Черезъ Русь ширилася православная вѣра также и на Литвѣ. И такъ князь Войшелгъ, сынъ Миндовга, дальше сыны Гедимина, и много изъ бояръ приняли черезъ священниковъ святое крещеніе. Въ 1347 р. погански жрецы замучили двохъ литовскихъ молодцевъ братьевъ, Антонія и Іоанна за то, что не хотѣли поклонитися идоламъ. Разомъ съ ними былъ замученный Евстафій, которого оба они уже среди мученій навернули до православной вѣры.

А тѣмчасомъ римскіи папежи не засыпляли. Мы видѣли, что они безлично пхалися до св. Александра Невского и до Галицкого Даніила. Они то бунтовали Поляковъ, Нѣмцовъ и Шведовъ противъ св. православія. Ихъ высланники употребляли свѣдомо брехни и клеветы, чтобы обманути русскихъ князей. Въ дальшомъ оповѣданію мы увидимъ, что папы вязалися даже съ Татарами, что мечемъ казали истрєбляти галицкій православный народъ. Такъ то тѣ, которыи звали себе замѣстителями Христа и головою Церкви, вмѣсто голосити любовь, несли всюда латинскую здраду, ложь, и безчестіе. Въ рукахъ ихъ былъ не крестъ, а мечъ, и не Христосъ, а діяволъ злобы былъ ихъ проводинкомъ.

Но св. православная вѣра не устрашилася латинства; якъ солнце ясно сіяла она всему свѣту, процвѣтала якъ цвѣтъ польный, еднала до себе новыи народы, въ страданіяхъ укрѣплялася и обогащала новыми заступниками передъ Господнимъ престоломъ во знамено, что былъ, есть и во вѣкъ съ нею будетъ самъ Христосъ Спаситель, яко единственная глава тои Церкви. которая не отреклася св. православія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВѢКИ НЕВОЛИ.

Судьбы русской земли раздѣлилися теперь. Волынская, Галицкая и Кіевская область пошли въ вѣковую неволю, полночная же Русь станетъ все сильнѣйшою. Для лучшого перегляда тутъ мусимъ занятися напередъ судьбою порабощенной полудневой Руси, чтобы въ томъ яснѣйшомъ свѣтлѣ показати потомъ отрадный для насъ взростъ полночной русской державы, которая въ найтяжшихъ для насъ часахъ пришла намъ съ сестринною помощью. И такъ въ дальшомъ оповѣданію прійдется намъ затосковати надъ судьбами полудневой Руси.

ЛЯХИ и ЛИТВА.

Въ р. 1340 занялъ Галицкую землю польскій король Казиміръ. Въ томъ самомъ часѣ Волынскую область забралъ собѣ Любартъ, сынъ великого князя литовского, Гедимина. Король Казиміръ обрабовалъ мѣсто Львовъ и вернулъ до Польши. Того самого однакъ року нашолъ онъ съ великимъ войскомъ по другій разъ на Галицкую землю и занялъ кромѣ Львова также Перемышль, Любачевъ, Галичъ и Теребовлю. По всѣхъ замкахъ оставилъ онъ польское и нѣмецкое (наемное) войско.

Горше Татарвы впала Польша на русскую землю. Король Казиміръ не малъ найменьшого права мѣшатися до русскихъ земель. Онъ однако юдженный римскимъ папою, а до того веденный захланностію, тайкомъ якъ волкъ, подкрался подъ Львовъ и хитростію занялъ то мѣсто, присягнувши попередно, что въ ничемъ не укривдитъ жителей и св. православія. Мѣсто не было приготовано до обороны а Казиміръ уже занялъ былъ предмѣстье св. Юра (тамъ где нынѣ соборная, на жаль, уніатская церковь св. Георгія) и вырѣзалъ жителей. Потому Львовяне мусѣли поддатися и заприсягнули Казиміру вѣрность. Польскій королъ обвязался

клятвою, что не нарушитъ церковного маетка, но присяги по ляшскому звычаю не додержалъ: забралъ бо не только все, что было въ княжьемъ замку, но ограбилъ церкви и позабиралъ драгоцѣнныи кресты и сосуды. Потомъ вернулъ до Кракова.

Того самого року король Казиміръ по другій разъ нашолъ съ войскомъ на Галицкую землю, сдобылъ подступно майже всѣ укрѣпленныи мѣста, оставилъ во Львовѣ польское и нѣмецкое войско и вернулъ до Польши. Римскій папежъ похвалилъ Казиміра за то, что онъ мордовалъ православныхъ христіанъ а латинскимъ бискупамъ наказалъ, чтобы бунтовали латинниковъ до великои войны противъ православнои Руси.

Такъ то латинство мстилося на галицкой землѣ за то, что князи Романъ и король Даніилъ не хотѣли чути о ніякой уніи. Папежъ, тотъ самъ, который называлъ себе намѣстникомъ Христа Спасителя и главою Церкви, намовляетъ до кровопролитія и похваляетъ злочинство. Богъ уже тогда послалъ на латинниковъ заслѣпленіе; они выреклися Христовои любови, діяволъ ненависти вступилъ въ ихъ сердца и они наказували рѣзати христіанъ, за то, что тѣ христіане свято держалися православія. Та былъ то только початокъ гоненія, якимъ карті малъ русскую землю Римъ съ своими папежами.

Поляки страшно угнетали русскій народъ въ Галицкой землѣ. Народъ тотъ подъ проводомъ двохъ бояръ, Димитрія Детка изъ Перемышля и Даніила изъ Острога, призвалъ на помощь Татаръ. Въ 1342 р. Татары нашли польскую землю, а русскій народъ прогналъ изъ Галицкои земли всѣхъ Поляковъ, та еще и опустошилъ Польшу ажъ подъ главное еи мѣсто, Краковъ.

Еще въ 1340 р. воеводы Детко и Даніилъ порозумѣвалися съ татарскимъ ханомъ, Узбекомъ. Однако римскій папежъ сталъ письмами своими просити хана, чтобы пощадилъ Польшу и приобѣщалъ ему за то великіи дары. Но Узбекъ скоро померъ и на его мѣсто сталъ ханомъ Чанибекъ. Тотъ не вѣрилъ папскимъ обѣщаніямъ и разомъ съ русскими войсками кинулся на Польшу. Въ Галицкой землѣ не осталася ни одна ляшская нога. А что венгерскій король былъ пріятелемъ Польши, то Татары опустошили также и Венгрію, а потомъ вернули назадъ за Донъ въ свою орду.

Земля Волынская и Кіевская належала тогда до Литвы. Въ Литвѣ княжили два славныи братья, Ольгердъ и Кестуйті. Они воевали безпрестанно съ Нѣмцами-Крестоносцами. Тѣ Крестоносцы на приказъ римского папежа нападали на Литву и мордовали тамъ народъ. Литовцы были еще тогда погане, но великая часть ихъ народа была уже православная. Въ р. 1349 Нѣмцы надъ рѣкою Сгравою, на Литвѣ побили литовскіи и русскіи войска. Довѣдался о томъ король Казиміръ и напалъ на Волынскую и Галицкую землю. Подступомъ сдобылъ онъ тѣ земли и взялъ въ посѣданье.

Вотъ, что пише лѣтопись: „Въ лѣто 1349 прійде король Казиміръ съ многою силою, и взялъ лестію землю Волынскую и много зла христіанамъ сотворилъ а церкви святыи претворилъ на латинское богомерзкое служеніе". На несчастье того самого року бѣсилася на русской землѣ страшная зараза, чума, отъ которои погибли миліоны народа. Горше однакъ отъ тои чумы бѣсилися на Руси ляхи. За войскомъ Казиміра ишли латинскіи ксендзы и готовилися заводити на Руси латинскую еретическую вѣру. А треба знати, что такъ Казиміра на разбой русскои земли, якъ латинниковъ на угнетеніе св. Православія, благословилъ снова римскій папа. Онъ отрекся даже десятиннои части доходовъ, якіи ему изъ Польши слали ксендзы и подарилъ ю Казиміру, чтобы тотъ нищилъ русскіи земли. А латинскимъ бискупамъ наказалъ папа, чтобы подъ угрозою клятвы неволили даже подальшіи народы, якъ-напримѣръ Чеховъ, а снова венгерскому королю даровалъ папежъ всѣ русскіи земли, якіи тотъ король себѣ забереть и якіи навернетъ онъ до латинства. И такъ вышло на то, что папежъ раздаривалъ то, что не было его, а два злодѣи, короли польскій и венгерскій сталися сварити о тѣ земли, до якихъ не мали найменьшого права. А потомъ погодилися такъ: Казиміръ малъ сплатити гроши венгерскому королю за его выдуманныи права до галицкои земли. Если-же Казиміръ умретъ, а не оставитъ по себѣ сына, то земли тѣ переходятъ на властность Венгріи. Если по Казимірѣ останется сынъ, то и тогда венгерскій король мае право откупити русскіи земли.

Тѣмчасомъ Ольгердъ ужъ 1352 р. прогналъ Поляковъ изъ Волынскои земли, а также изъ многихъ мѣстъ въ Галичинѣ. Однако прізналъ

Полякамъ право посѣданья тои земли, и даже заключилъ съ ними перемиріе. Потомъ началъ Ольгердъ войну съ Татарами, побилъ ихъ наголову и забралъ имъ всю землю отъ границъ Волынскои земли ажъ по Черниговъ и Новгородъ Сѣверскій.

Король Казиміръ сталъ заводити на Руси польскіи порядки. Онъ будовалъ латинскіи костелы и насильно приказалъ перетягати православныхъ людей на латинство. Римскій папежъ назначилъ на Русь латинскихъ бискуповъ. Казиміръ хотѣлъ розбити едность святои православнои русскои Церкви. Для того онъ въ 1370 р. казалъ выбрати особного митрополита для полудневои Руси. Митрополитъ тотъ не былъ зависимый отъ Московского Митрополита. Казиміръ большую часть галицкои земли роздалъ польской шляхтѣ. Онъ спровадилъ тутъ также много жидовъ и далъ имъ великую вольность. Польская шляхта и жиды стали угнетати и кривдити русскій народъ. Казиміръ умеръ 1370 р. Польскимъ королемъ по его смерти сталъ венгерскій король Людвикъ.

Сколько потерпѣла Галицкая земля за часовъ того правдивого Кази-міра, то только одинъ Богъ знаетъ. На искони русской землѣ, где николи не пахло ляшскимъ духомъ, нарѣзъ вводится чужое намъ латинство. Часть галицкого боярства идетъ на подлу іудиную дорогу: лакомится на польскіи обѣтницы, кидаетъ православную вѣру, принимае скверное латинство. Въ старинномъ русскомъ мѣстѣ, Перемышлѣ, уже 1354 р. сидитъ латинскій бискупъ, а и для Львова и другихъ мѣстъ вызначили польско-латинскихъ ксендзовъ. Великимъ несчастьемъ былъ также роздѣлъ митрополіи. Главою русскои Церкви былъ одинъ митрополитъ, который жилъ въ Москвѣ. И вотъ Поляки хотѣли розорвати тоту связь и розорвали: поставили Галицкого митрополита, чтобы тѣмъ легче перетягати русскій народъ на латинство, ибо московскій митрополитъ не оглядался на польского короля, а Галицкій былъ отъ Польши зависимый и не могъ смѣло боронити св. Православія.

И такъ то Польша горше Татаръ угнетала народъ. Бо Татары не отберали народу вѣры, а тутъ Поляки напосѣлися на то, чтобы снищити св. Православіе. Но вѣра того народа не сгинула, и среди найтяжшихъ страданій народъ сохранилъ свое достоинство и честно стоялъ при св. своей православной Церкви.

МеждуОльгердомъ и Польшею тревала безпрестанная война о русскія земли ажъ до1377р. Въ томъ же року заключилъ Ольгердъ съ Польшею миръ и отступилъ ей земли Белзкую и Холмскую. Ольгердъ умеръ 1377 р. Онъ оставилъ одинадцать сыновъ, а всѣ они были православны. Передъ своею смертію принялъ Ольгердъ монашеское постриженіе. Великимъ княземъ Литы назначилъ онъ своего молодшого сына, Ягела (або Ягайла).

Ягайло, Витолдъ, Свидригайло.

По смерти короля Казиміра перешла Галицкая земля на властность венгерского а разомъ и польского короля Людвика. Однако народъ сталъ гнати изъ цѣлои земли Поляковъ и латинскихъ ксендзовъ, та бискупоіъ. Потому Людвикъ даровалъ галицкую землю своему свояку, Владиславу Опольскому. Было то 1372 р. Владиславъ княжилъ всего семь лѣтъ. Онъ на-ново сталъ латинщити русскую землю и спровадилъ на ню полно ксендзовъ. Народъ сталъ бунтоватися и нападалъ на войско Владислава. Для того онъ изъ страху отрекся русско-галицкои земли и отдалъ ю назадъ Венграмъ. По смерти венгерского короля Людвика, галицкая земля перешла на властность его доньки, Маріи. Молодшая его донька, Ядвига, стала польскою королевою. Она то въ 1387 р. присоединила галицкую землю назадъ до Польши.

Такъ то черезъ 17 лѣтъ Галицкая Русь была подъ чужимъ владѣніемъ. На славу нашихъ предковъ треба сказати, что сни не только противилися латинщенію русской земли, но таки насильно гнали изъ неи ксендзовъ. Такій Владиславъ Опольскій черезъ весь часъ своего владѣтельства переписовался съ папежомъ, наводилъ на Русь всякую ксендзовскую сволочь, а не удалося ему ничего сдѣлати. Въ Галичѣ латин-

ский бискупъ не могъ жити, бо якъ каже лѣтопись: ,,Въ Галичѣ латинянамъ отъ напасти православныхъ даже и жити годѣ". А на что пхалися они въ искони русскую, православную землю?

Видѣлъ Владиславъ, что не дасть собѣ рады, бо русскій народъ сталъ вести переговоры съ Татарами, и католикъ-княжикъ утекъ изъ Руси. Теперь завладѣлъ Львовомъ самъ угорскій и польскій король Людвикъ. Сей хотя также рвяный (заѣлый) католикъ, но уже не важился онъ такъ явно латинщити русскіи земли. Надалъ онъ мѣстамъ где-якіи добрыи права, та зато за него осѣло тамъ много чужинцевъ и жидовъ. По его смерти мала осѣсти на польскомъ и угорскомъ престолѣ старшая его дочка, Марія. Но она мусѣла остановитися только на венгерскомъ королевствѣ, бо Поляки не подобали себѣ еи и взяли себѣ за королеву еи молодшую сестру, 15 лѣтнюю красавицу, Ядвигу.

По смерти Ольгерда, сталъ великимъ княземъ литовскимъ Ягайло. Его мати была изъ роду русскихъ князей. Онъ самъ былъ православный. Но яко великій князь сталъ здрадникомъ своеи отцовскои вѣры, покинулъ православіе и принялъ латинство. Зато оженился съ польскою королевою, Ядвигою, и сталъ польскимъ королемъ. Было то 1386 р. Якъ каждый отступникъ отъ вѣры, сталъ онъ переслѣдовати православныхъ и перетягати ихъ на латинство.

Кость русской кости, православный отъ дѣтинства, Іуда-камѣнникъ, Ягайло, продаетъ свою вѣру и за польскую коруну, та за жену Ядвигу, принимаетъ латинство. Латинники такъ ненавидѣли православіе, что казали Ягайлѣ еще разъ окреститися по папежскому обычаю. Ядвига на очи не хотѣла видѣти Ягайла, но паны-шляхта приневолили ю выйти за него. Ибо былъ онъ человѣкъ злый, чего доказомъ, что своего дядька, Кестутія казалъ замордовати, хотя тотъ Кестутій разомъ съ своимъ братомъ Ольгердомъ лѣтами боролся за Литву и Русь. Полякамъ шло о то, чтобы соединити Польшу и Литву въ одно. Они поставили Ягайлѣ условіе, что онъ окрестить, полатинщитъ Литву, и что снищитъ на Руси св. Православіе. Подлый здрадникъ согласился на то. За то Поляки назвали его ,,Владиславъ" (онъ назывался христіанскимъ именемъ Яковъ, но перекинчику оно не подобалося), и съ великою парадою оженили его съ Ядвигою. Ягайло по весѣлю казалъ всѣмъ вельможамъ, которыи съ нимъ пріѣхали, перекреститися на латинство. Два изъ русскихъ вельможъ сказали, что не вырекутся православноі вѣры и за то имъ, на приказъ латинника Ягайла, отрубали головы, на потѣху латин-

скихъ ксендзовъ и самого папежа. Потомъ поѣхалъ Ягайло на Литву и казалъ всѣмъ креститися, а православнымъ принимати латинство. Кто не слухалъ, того сѣкли розгами и мордовали. Кто малъ православную жену, то мусѣлъ ю покинути и женитися съ католичкою. Еслижъ православный женился съ католичкою, то мусѣлъ приняти латинство.

(Такое самое наказалъ Римъ и для русскихъ, такъ званыхъ уніатовъ, живущихъ теперь, въ 523 лѣтъ по Ягайлѣ, въ Америкѣ. Несчастныи тѣ уніаты зависятъ отъ Рима, и вотъ Римъ выдалъ наказъ, буллу, что кто женится съ латиничкою, а самъ есть греческаго обряда, тотъ муситъ перейти на латинство. То уже не король перекинчикъ, а ляшокъ въ владычьихъ ризахъ, римско-уніатскій бискупъ пріѣхалъ тутъ, чтобы неволити уніатовъ до перехода на латинство. Такъ видимъ, что римская нетерпимость взглядомъ православного народа не уступила ни на часочекъ)

Король польскій, перекинчикъ Ягайло, сталъ насильно перетягати всѣхъ на латинство. Онъ хотѣлъ отдати Литву и Русь цѣлкомъ въ руки Полякамъ. Два братья Ягайла выступили противъ него. Они звалися: Витолдъ и Свидригайло. Витолдъ былъ католикъ (латинникъ), и за нимъ стояли Литовцы - католики. Свидригайло былъ православнчій, и за нимъ стояла вся Русь которая належала до Литвы. Землю Галицкую забрали Ягайло и Ядвига назадъ для Польши. Витолдъ началъ войну съ Ягайломъ, и тотъ призналъ Витолда великимъ княземъ Литвы. То было 1392 р. Въ тои войнѣ стояли по сторонѣ Витолда также русскіи козаки изъ за Днѣпра.

Такъ то Литва посбылася на часъ Ягайла и польского ига. До Литвы належали тогда русскіи земли: Волынь, Подолье и все надъ Днѣстромъ. Витолдъ всюда назначилъ своихъ посадниковъ, изъ которыхъ большая часть были православны Витолдъ малъ двѣ главныи столицы: на Литвѣ мѣсто Вильно, а на Руси мѣсто Луцкъ. На Литвѣ ширилъ онъ усильно латинство, но на Руси не переслѣдовалъ св. Православія, бо при первой пробѣ попекся дуже на томъ. Было оно такъ:

Великій князь Литвы, Витолдъ, хотѣлъ завести на Руси церковную унію, то есть едность съ Римомъ. Православныи мали задержати свой греческій обрядъ, но ма-

ли признати римского папежа видимою головою Церкви. Однакъ Русь не хотѣла выречися правдивои вѣры и еднатися съ еретиками. Князь Свидригайло собралъ русскіи войска и побилъ надъ мѣстомъ Вильномъ Витольда. Тогда Витольдъ не думалъ уже больше о уніи.

И только въ 200 лѣтъ позднѣйше удалося Полякамъ насильно завести ту унію въ одной части русской земли. Слѣды тои уніи остались и донынѣ въ Галичинѣ, а еи тѣнь погасаетъ тутъ въ Америкѣ, где русскій народъ съ радостію и восторгомъ повертаетъ назадъ до св. Православія.

Поляки конечне хотѣли чтобы цѣлая Литва досталася въ ихъ руки. Они въ 1413 р. на съѣздѣ Ягайла съ Витолдомъ заключили въ мѣстѣ Городлѣ такъ звану „унію Городельскую.“ Они сгодилися, что: 1) Если Ягайло умретъ скорше, то Витолдъ будетъ польскимъ королемъ, а если Витолдъ умретъ скорше, то Ягайло будетъ княземъ Литвы и Руси. 2) Литва мае мати сеймъ, то есть шляхетскую раду, такую саму якъ мала ю Польша. 3) Витолдъ надасть Литовцамъ-перекинчикамъ шляхетство и польскіи гербы. (Гербъ, особенный знакъ яко доказъ шляхетства.) 4) Шляхтичемъ и урядникомъ може быти только католикъ латинникъ. Унія та была найбольшою кривдою для всѣхъ православныхъ Литовцевъ и Русиновъ.

То было найбольшое несчастье Витолда, что его всегда что-то тянуло до Поляковъ. Черезъ ту его непостоянность пришло до великои вражды между нимъ, а его братомъ, Свидригайломъ. Витолдъ велѣлъ схватити Свидригайла и замкнулъ его въ вязницѣ, где Свидригайло мучился черезъ 9 лѣтъ. Правда, что Витолдъ былъ ослабленный безпрестанными войнами. И такъ 1399 р. надъ рѣкою Ворсклою за Днѣстромъ Татары розбили совсѣмъ литовско-русскіи войска, а потомъ страшно опустошили Подолье и Волынь. Потомъ велъ онъ безпрестанныи войны съ Нѣмцами-Крестоносцами и только въ 1410 р. Ягайло и Витолдъ, найбольше при помощи русскихъ войскъ разъ на всегда сломили силу Крестоносцевъ, бо розбили ихъ подъ Гринвальдомъ въ пухъ и прахъ. Та и

Свидригайло, закѣмъ попался въ руки Витолда, ставалъ всегда въ оборонѣ св. Православія, а были такіи часы, якъ то будемъ въ своемъ мѣстѣ читати, что Свидригайло поддался спекѣ Великого князя Василія I, владѣтеля полночнои Руси. Потому мимо-воли оглядался онъ на польскую помощь и пристать на унію съ ляхами, хотя уніи той каялся онъ до конца своего житья. А видно, что самъ Господь Богъ каралъ Польшу за всѣ еи цыганства. За унію городельску пришла на Польшу чума, якую Поляки завлекли и на Галицкую землю. До того во Львовѣ и Галичѣ за приказомъ Ягайла въ страшный способъ переслѣдовали ляхи православную вѣру, якъ то будемъ читати въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

На счастье однако два русскіи воеводы-вельможи, Федорько Острожскій и Александръ Носъ освободили изъ неволи князя Свидригайла, а онъ помирился съ Витолдомъ. Вся Русь отдохнула легче, бо только было еи охороны, что тотъ, правдиво православный еи опекунъ и защитникъ.

Первая жена Ягайла, королева Ядвига, молодо умерла. Позднѣйше Ягайло оженился съ княжною русского роду, Софіею. Она была матерію наслѣдниковъ и потомковъ Ягайла. Они довгими лѣтами засѣдали на польскомъ королевствѣ и были найславнѣйшими польскими королями. Ихъ называли Ягайлонами, а всѣ они походили изъ русского роду.

Софія, иначе Сонька Ольшанская была четвертою женою Ягайла. На жаль и она приняла, уже яко польская королева, латинство. Всежь таки Ягайло, отъ коли оженился съ нею, пересталъ угнѣтати православныхъ. А еще русскій митрополитъ Фотій, который былъ тогда митрополитомъ всеи Руси, пріѣхалъ изъ Москвы въ Галицкую землю и видѣлся съ Ягайломъ. Слова того святителя вразумили Ягайла и хотя онъ не отрекся латинства, то все таки не думалъ больше о ніякихъ церковныхъ уніяхъ. Та за то Поляки не перестали думати о томъ, чтобы все тѣснѣйше вязати Литву съ Польшею. Коли Софія принесла Ягайлѣ сына, Владислава, то Поляки и Литовскіи шляхтичи (польскіи подлизанки) съѣхалися въ Брестѣ (1425 р.) и тутъ ухвалили, что тотъ Владиславъ есть наслѣдникомъ польского и литовского престола. И такіи то уніи они заключали часто, та и не оглядалися ни на Ягайла, ни на Витолда. Ягайлѣ надоѣла гордость буинои польскои шляхты и онъ вѣчно уѣзжалъ, съ своею женою, Софіею, на Русь. Видно, что совѣсть не давала перекинчику спокою. Также и Витолдъ роздумовалъ надъ

тѣмъ, якъ сорвати всѣ тѣ уніи, чтобы Литва таки совсѣмъ была свободна отъ польскои опеки. Ягайло, хотя былъ польскимъ королемъ, то все таки потаенно спріялъ родному своему брату, Витолду. А тотъ познался уже и на штучкахъ римского папежа, а также позналъ, что лучше было на Литвѣ и Руси, коли тамъ царствовала св. православная вѣра. Онъ сталъ жити въ дружбѣ съ Великимъ княземъ Московскимъ, Василіемъ I, и съ Московскимъ митрополитомъ, Фотіемъ, а также съ нѣмецкимъ цѣсаремъ Жигмонтомъ, съ дунскимъ королемъ Ерикомъ и съ другими владѣтелями. Онъ запросилъ ихъ всѣхъ на съѣздъ до Луцка. Было то 1429 р. А славный былъ то съѣздъ! Прибыли изъ Москвы Великій князь Василій II, и митрополитъ Фотій, прибылъ нѣмецкій цѣсарь Жигмонтъ, также и дунскій король Ерикъ, дальше воевода Молдавскій и два ханы, яко начальники двохъ татарскихъ ордъ (бо Татары давно уже подѣлилися на чотыри орды). Та не только сами владѣтели прибыли, бо съ ними прибыли тысячи славного рыцарства. Встъ тутъ рѣшили всѣ, что Великій князь Литвы, Витолдъ, мае приняти королевскую корону, что мае зватися королемъ Литвы и Руси и что королевство то мае быти совсѣмъ независимое отъ Польши и другихъ сосѣднихъ державъ. На съѣздѣ томъ были также послы Греческого цѣсаря и посланникъ римского папы, и тутъ рѣшено было собрати войска всѣхъ христіанскихъ державъ противъ Турковъ, которыи тогда уже владѣли великою частію Европы.

А что на съѣздѣ томъ былъ Ягайло и польскіи паны, то они согласилися на войну противъ Турковъ. Но даже не хотѣли чути ничего о окремомъ Литовскомъ королевствѣ. Именно польскій бискупъ-латинникъ изъ Кракова, Збигневъ Олесницкій, роспинался за уніею Польши и Литвы. Но коли Поляки увидѣли, что на ихъ голосъ никто не уважаетъ, то они съ гнѣвомъ отъѣхали, а Ягайло, хотя и нерадъ, мусѣлъ ѣхати за ними.

Тѣмчасомъ другіи, которыи на зъѣздѣ, урадили, что вѣнчаніе (коронованіе) Витолда на русско-литовского короля мае отбытися дня 8 сентября 1429 р. Цѣсарь Жигмонтъ обѣщалъ, что пришлетъ королевскую корону. Витолдъ далъ знати Полякамъ, что онъ не дбае на ихъ гнѣвъ и будетъ вѣнчанный на короля. Тогда Поляки дуже налякалися. Они урадили, чтобы Ягайло отрекся престола и чтобы королемъ польскимъ сталъ Витолдъ, на что Ягайло согласился. Поляки выслали своихъ пословъ до Витолда, а папа написалъ до него, и всѣ думали, что Витолдъ съ радостію прійметь польскую корону и уже разъ на всегда свяжетъ Литву и Русь съ Польшею. Но завелися на томъ дуже. Витолдъ короны не принялъ, а папѣ написалъ, чтобы не мѣшался до несвоего дѣла. Онъ бо, т. е. Витолдъ, христіанинъ, и не думаетъ своему брату отбирати корону. Впрочемъ Витолдъ, яко король Литвы и Руси малбы десять разъ большую силу, якъ Польша, которая сама въ себѣ была дуже нужденна.

И такъ надошолъ часъ коронаціи Витолда. Съѣхалися гости, а тутъ короны нѣтъ. Цѣлый мѣсяцъ ждали на корону. Ибо тогда цѣсарь нѣмецкій уважался найстаршимъ пануючимъ и корона должна быти отъ него. Но показалося, что Поляки на всѣхъ дорогахъ поставили стражу и коли послы цѣсаря Жигмонта съ короною надъѣхали, они ихъ завернули. Послы хотѣли другою дорогою черезъ Угорщину и Львовъ переѣхати потаенно, но Поляки задержали ихъ во Львовѣ. Пословъ до Литвы не пустили, а корону украли. И такъ то:

Великій князь Витолдъ хотѣлъ короноватися на короля Литвы и Руси и сорвати всякую связь съ Польшею. Всѣ сосѣдныи державы согласилися на то. Однако Поляки затримали пословъ, которыи везли корону, а корону украли. Черезъ то не могся Витолдъ коронова-ти. Онъ загрызся тѣмъ дуже, занедужалъ и умеръ 1430 р. Умираючи проклиналъ Польшу и унію съ нею. Жилъ онъ 80 лѣтъ.

Свидригайло

(отъ 1430 до 1452 р.).

По смерти великого князя Литвы и Руси, Витолда, сталъ княземъ его братъ, Свидригайло. Поляки домогалися чтобы Свидригайло сложилъ присягу на вѣрность Ягайлѣ и требовали, чтобы онъ отдалъ для Польши Волынь и Подолье, которыи они здрадою заняли сейчасъ по смерти Витолда. Свидригайло собралъ русскіи войска и прогналъ Поляковъ изъ Подолья и Волыни. Потомъ перешолъ до Галичины. Подъ Теребовлею, Львовомъ Рогатиномъ и Белзомъ побилъ онъ польскіи войска. Тогда то въ Галичинѣ погибли тысячи ляховъ, угнетателей русского народа.

Сейчасъ по смерти Витолда католики-литовцы хотѣли выбрати великимъ княземъ его брата, Жигмонта, великого пріятеля папежа и Поляковъ. Но всѣ русскіи бояре отдали свои голосы на Свидригайла.

Найбольше утѣшился тѣмъ король Ягайло и поѣхалъ изъ Кракова до своего брата, Свидригайла, до мѣста Вильна, пожелалъ ему счастливого владѣнія и загостилъ у него. Но польскіи паны давно уже не оглядалися на Ягайла. Они послали русского перекинчика, Грицька Кердеевича и тотъ здрадою занялъ Подоле, а въ Каменцѣ, где была сильная крѣпость и где онъ пріѣхалъ яко гость, вымордовалъ русскую стражу и то среди гостины, при братскомъ обѣдѣ. Помагалъ ему въ той роботѣ латинскій бискупъ изъ Каменца. Вотъ такъ то римскій папа училъ своихъ бискуповъ, чтобы мордовали безборонныхъ людей. Довѣдался о томъ Ягайло и яко король, наказалъ сейчасъ отдати Каменецъ, но Поляки приказали польскимъ командирамъ не слухати корсля. Ягайлѣ было добре въ Вильнѣ среди Литовцевъ и Русиновъ, и онъ не спѣшился до опротивѣвшого ему Кракова. Тогда Поляки всюда розсѣяли клевету, что Свидригайло держитъ Ягайла въ неволѣ, а дѣлали то нарочно, чтобы найти послухъ и помощь у постороннихъ владѣтелей. Тѣмчасомъ на Волынѣ и Подолью еще никто не зналъ о смерти Витолда, и Поляки хотѣли еще дальше здрадою забирати русскіи мѣста и крѣпости.

Но Свидригайло уже напалъ на наѣздниковъ. Русскій народъ муромъ стоялъ за нимъ и безпощадно билъ Поляковъ и готовился ити даже на Польшу и разъ покончити съ нею.

Поляки боялися, что Свидригайло отберетъ имъ Галицкую землю и станетъ пустошити Польшу. Они собрали великое войско и (1431 р.) облягли мѣсто Луцкъ, где былъ Свидригайло съ своими войсками. Свидригайло спалилъ мѣсто, а самъ замкнулся въ луцкомъ замку. Подъ тѣмъ замкомъ его войска сокрушили цѣлкомъ польскую силу. Однако добросердечный Свидригайло не хотѣлъ кровдити брата своего, Ягайла, и заключилъ съ Поляками миръ.

Добросердіе Свидригайла спасло Польшу отъ остаточной погибели. Ягайло не хотѣлъ ити на братоубійственную войну, но его приневолили до того паны-шляхта. Уже изъ дороги хотѣлъ онъ повертати, но краковскій бискупъ, Олесницкій, не допустилъ до того. Онъ сбунтовалъ шляхту и та кричала, что хочетъ „рѣзати схизматиковъ“, якъ они называли православный народъ. А тотъ народъ готовилъ ляхамъ дорогу. Сами люди палили свои хаты и села и все замѣняли въ пустыню, чтобы ляхи скорше зазнали, что то голодъ. Свидригайлѣ помагали Молдавіане и Крестоносцы, и они теперь озлобилися на него, бо чтобы не его милосердіе, то по Польшѣ былъ бы и слѣдъ пропалъ.

Поляки начали страшно мститися на Галицкой землѣ за то, что она помогала Свидригайлѣ въ войнѣ противъ Польши. Ягайло казалъ убивати людей. Русскіи церкви мусѣли платити дань на польскіи костелы. До теперь звалась Галицкая область: „Галицкимъ княжествомъ“ Ягайло завелъ въ ней чисто польскіи порядки и отъ теперь звалася она: „воеводство русское“.

Для того не дивно, что привязанье русского народа до Свидригайла дуже ослабло. Русь видѣла въ немъ своего свободителя, а тутъ подъ Луцкомъ, онъ освободилъ не Русь а Польшу, что уже лежала подъ его ногами. Но Поляки отвдячилися ему чисто по своему.

Папежъ римскій освободилъ Литовцевъ отъ присяги, якую они сложили Свидригайлѣ Латинскіи бискупы сбунтовали литовскую шляхту Шляхта съѣхалася до Вильна и оголосила, что Свидригайло не есть княземъ для того, что православный. Великимъ кяземъ выбрали его брата, латинника Жигмонта.

Жигмонтъ только ждалъ на то. Онъ присягъ на вѣрность Польшѣ и отрекся независимости Литвы; коротко сказати, отдалъ ю въ подданство Польши. Свидригайло мусѣлъ уступати на Русь. Тогда то два великіи русскіи мужи, Федько Острожскій и Александръ Носъ радили ему, чтобы онъ прогналъ Поляковъ изъ земель русскихъ и соединилъ всю полудневую Русь въ одну сильную державу, яка была за временъ Даніила. А потомъ уже легко буде прогнати Жигмонта и отобрати цѣлую Литву, а также и пріучити Польшу розуму. Но Свидригайло хотѣлъ конечне сейчасъ отобрати Литву. И такъ:

Свидригайло началъ новую войну съ Польшею. Онъ самъ пошолъ съ войскомъ противъ Жигмонта. Съ початку не велося ему и мусѣлъ вертати на Русь. За то два русскіи полководцы, Федько Острожскій и Александръ Носъ на Волынѣ и Подолью всюда били польскіи войска. Въ томъ часѣ умеръ здрадникъ вѣры, польскій король Ягайло (1434 р.)

Поляки налякалися, что теперь певно стратятъ Галичину. Ибо славный Федько Острожскій уже сближался до еи границъ, а где онъ только ступилъ ногою, тамъ ляхи стелилися якъ солома. Длятого Поляки послали якъ можно найбольше войска до Галичины. Ягайло умеръ въ Городку, коло Львова, где поховали въ латинскомъ костелѣ его сердце, а тѣло повезли до Кракова. Королемъ польскимъ выбрали 12-лѣтняго сына Ягайла и Софіи, Владислава II. И снова закипѣла война между Свидригайломъ а Польшею и Литвою. Русскіи войска вѣрно стояли при немъ, но вражіи силы перемогли. А до того сталося великое несчастье. Свидригайло подъіудженный кѣмъ-то, допустился нечуванного дѣла: онъ казалъ спалити живцемъ православного Смоленского владыку, Герасима, бо подозрѣвалъ его о сговоръ съ Жигмонтомъ. Также казалъ онъ замкнути до темницы Федька Острожского, найбольшого воеводу тѣхъ временъ и найбольшого своего пріятеля. Слава Федька Острожского была просто нечуванно велика; Поляки дрожали, коли чули его имя. Онъ, якъ соколъ изъ хмаръ, нападалъ на нихъ и то все нечаянно, а Поляки казали, что онъ знается съ вѣтрами и что вѣтры его на себѣ носятъ. До того онъ былъ найбогатшимъ изъ всѣхъ русскихъ бояръ и онъ то освободилъ Свидригайла изъ тюрмы, где тотъ мучился черезъ 9 лѣтъ. За то Свидригайло безневинного человѣка заслалъ въ тюрму.

Обурило то самихъ Поляковъ, и два изъ нихъ освободили Федька Острожского изъ тюрмы. Розжаленный Острожскій зробилъ дуже зле, бо присягъ съ своею родиною на вѣрность польскому королю и отдалъ ему великую часть Подолья.

Свидригайло долго еще велъ войну съ Польшею и Литвою. Однакъ ему уже не счастилося. А 1436 р. призналъ онъ польского короля, Владислава Второго (сына Ягайла) своимъ верховнымъ владѣтелемъ. Бато Поляки мали лишити Свидригайлѣ Кіевъ, Луцкъ и часть Волыни. Поляки заприсягли ту сгоду, однакъ уже другого року (1437) прогнали его изъ Луцка, а его посѣлости отдали князю литовскому Жигмонту. Свидригайло мусѣль скитатися по чужихъ земляхъ. Война Руси съ Польшею и Литвою устала. Полудневая Русь попадала все больше въ неволю.

И такъ Свидригайло поклонился полякамъ, и еще разъ позналъ на себѣ, что Поляки, хотя клялися на крестъ, то каждую присягу ломали, та за то еще доставали похвалу отъ римского папежа. На Руси наста-

ли безпорядки, и Польша и Литва господарили тамъ, а всѣ кривдили и обдирали русскій народъ. До того еще:

Татары напали 1438 р. на Русь и спицили Подолье, Волынь, а найбольше галицкую землю. По ихъ отходѣ осталось одно великое згарище. Народъ обѣднѣлъ и мусѣлъ тяжко робити. Но не на себе онъ робилъ, а на пановъ шляхтичей польскихъ и на польскихъ ксендзовъ.

О судьбахъ русскои Церкви будемъ читати позднѣйше, тѣперь мусимъ придивитися, якъ росла въ силу и славу полночная Русь, которои жизнь сосредоточена была въ славномъ и на сквозь православномъ мѣстѣ — Москвѣ.

Великое княжество Московское.

Симеонъ Гордый

(отъ 1340—1353 р.).

Великій князь московскій Симеонъ, названный „Гордымъ", былъ сыномъ славного великого князя, Іоанна Калиты. Симеонъ Гордый вступилъ на княжій престолъ 1340 р. и княжилъ 13 лѣтъ. Съ Татарами жилъ онъ въ сгодѣ и черезъ то владѣніе его было мирно и счастливо. Другіи князи полночнои Руси повиновалися ему. Великій князь пріукрасилъ мѣсто Москву и приказалъ вымалевати живописью главныи еи церкви. Онъ умеръ 1353 р.

Правдиво счастливое было владѣніе того князя. Ханъ Татарскій Чанибекъ, далъ ему „ярлыкъ," то есть потвержденіе на великое княжество, и черезъ цѣлыхъ 13 лѣтъ Татары ани разу не нападали на полночную Русь. Два братья Симеона, хотя мали свои удѣлы, но жили разомъ съ нимъ въ Москвѣ, мали его „во отцево мѣсто", были всѣ „за одного" и слухали того, что приказалъ имъ „Господинъ великій князь". На тоежь они поклялися въ Архангельскомъ храмѣ на гробѣ отца своего, славного Іоанна Калиты.

Одинъ Новгородъ не былъ вдоволенный тѣмъ, что посадники великого князя стягали дань. А ужежь дань ту треба было платити Татарамъ, бо иначе они въ рѣкахъ крови и огня затопилибы были русскую землю. Новгородцы хотѣли даже насильно опиратися, но коли почули, что вел. князь Симеонъ собираетъ войска, просили прощенія, а ихъ послы мусѣли на колѣнахъ, еще и босо, извинятися передъ вел. княземъ. Кажется, что длятого то его назвали ,,Гордый.“

Князь тотъ жилъ въ сгодѣ и съ литовскимъ княземъ Ольгердомъ, а даже выдалъ за него, свою свояченицу. Друга свояченица князя Симеона была за братомъ Ольгерда, княземъ Любартомъ. Въ 1352 р. постигла русскую землю чума, страшная пошесть, что ю звали тогда ,,чорная смерть“. Захворалъ человѣкъ — и до двохъ дней умиралъ, а тѣло его почорнѣло, — вотъ чему звалося то чорная смерть. Лютилася она такъ страшно, что по словамъ лѣтописи священники не успѣвали хоронити окремо усопшихъ, а до одной могилы спускали нѣсколькодесять труповъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, якъ въ Глуховѣ и Бѣлозерску, не остала ни одна живая душа; все вымерло на ту слабость. Въ 1353 р. навѣстила она Москву и отъ неи померли митрополитъ Ѳеогностъ, въ шесть недѣль по немъ и самъ вел. князь Симеонъ, а сейчасъ по немъ молодшій его братъ Андрей. (По смерти Андрея о нѣсколько недѣль родила его жена сына, Владиміра, позднѣйше званого ,,Храбрый“).

Великій князь Димитрій Донскій.

По смерти Симеона Гордого на великокняжескомъ престолѣ засѣлъ его братъ, Иванъ Ивановичъ, або Иванъ II Красный. Лѣтопись кажетъ, что былъ онъ ,,кроткій, тихій и милостивый“. Но не малъ онъ силы и рѣшительности. Потому князи Тверскій и Муромскій, которыи уже добре научилися быти послушными Іоанну Калитѣ и Симеону Гордому, теперь мало что и оглядалися на доброго, но слабого Ивана II. Рязанцы насильно отобрали одну десятую часть давнои своеи области, Лопасну, что уже давно належала до Московского Княжества. Новгородъ, а также Суздальскій князь не хотѣли узнати съ начала власти великого князя, но потомъ помирилися съ нимъ.

А великій князь Литвы сталъ мѣшатися также до дѣлъ полночнои Руси. Онъ бунтовалъ жителей Пскова, который не хотѣлъ отлучитися отъ Новгорода. Потому Ольгердъ далъ Пскову своего сына Андрея, чтобы княжилъ у нихъ. Еще больше мѣшался Ольгердъ до справъ Смоленского княжества. Въ р. 1355 заграбилъ онъ смоленское мѣстечко, Ржевъ, а дальше Бѣльчу и Мстиславль, также заграбилъ онъ дробныи Черниговo-Сѣверскіи удѣлы, якъ Брянскъ, Черниговъ, Новгородъ Сѣ-

верскій и Стародубъ Сѣверскій. Всюда по мѣстахъ назначилъ онъ своихъ сыновъ посадниками. И такъ все ишло до того, что мусѣло дойти до войны между полночною Русью, а Литвою, которая въ своихъ рукахъ держала мало не цѣлую полудневую Русь. Иванъ II умеръ въ разцвѣтѣ житья 1359 р. Онъ оставилъ по собѣ двухъ сыновъ, Димитрія и Ивана, изъ которыхъ Димитрій малъ заняти великокняжескій престолъ.

Великій князь Владимірскій и Московскій, Димитрій, былъ внукомъ князя Симеона Гордого. Другіи князи задумали не допустити его до великокняжеского престола, но то имъ не удалося. Въ р. 1362 Димитрій обнялъ владѣніе.

Сейчасъ по смерти Ивана II, княжики и княжата стали подкупствомъ и лизунствомъ выманивати въ ордѣ для себе ярлыкъ на великокняженіе. Найпершій изъ всѣхъ былъ князь Суздальскій, также Димитрій и онъ купилъ собѣ ярлыкъ отъ хана Золотои орды. Но тогда въ родѣ ханы змѣнялися что пару мѣсяцевъ, одинъ убивалъ другого. И вотъ насталъ новый ханъ, и той далъ ярлыкъ законному наслѣднику великого престола, Димитрію Московскому. Разъ и другій мусѣлъ молодый князь выступати съ войскомъ противъ Суздальцевъ, а то проучило крамольниковъ: они увидѣли, что минули уже часы, коли безкарно можна было бунтоватися. Вскорѣ затребовали Суздальцы нарады и суду великого князя, а найбольше потребовалъ того ихъ князь, тотъ самъ, который подступомъ юдилъ Татаровъ на великого князя, ибо снова противъ него возсталъ его ро—ный братъ и захватилъ мѣсто Нижній Новгородъ. Только острый наказъ великого князя, та и клятва, якою загрозилъ тогдашній митрополитъ, св. Алексій, докончили братную крамолу и Нижній Новгородъ остался при Суздальцахъ.

Князь Димитрій отбудогалъ мѣсто Москву, которая въ 1365 р. до тла выгорѣла. Именно побудовалъ онъ изъ каменя княжій дворецъ и многіи при немъ церкви, и обвелъ ихъ муромъ. Величавая та будова называлася Кремль.

Добре случилося, что по великомъ „Всесвятскомъ“ пожарѣ Москви, (которая начала горѣти отъ Церкви Всѣхъ Святыхъ) малъ князь Димитрій спокой съ сосѣдними князями. Для утвержденія того супокою оженился онъ (въ 15 роцѣ житья) съ Евдокіею, дочкою суздальского князя Димитрія Константиновича. Но спокой не былъ долгій, бо изъ

другой стороны начиналися новыи смуты, дробныи княжата сварилися все между собою. А уже найбольше причинилъ лиха Михаилъ, князь Тверскій, бо тотъ началъ долгую сварню и войну съ великимъ княземъ Димитріемъ Московскимъ, а что больше, до помощи призвалъ себѣ изъ Литвы Ольгерда.

Кремль сталъ твердынею, которая боронила мѣсто Москву. Князь Литовскій, Ольгердъ, два разы подошелъ подъ Москву и хотѣлъ ю сдобыти, но мусѣлъ со стыдомъ уступити. За третьимъ разомъ, коли пустился онъ занимати Москву, князь Димитрій разбилъ его передовыи войска и Ольгердъ мусѣлъ утекати на Литву.

Такъ то отъ 1370 до 1372 р. три разы пхалася Литва въ осередокъ русскои державы, но не повезло ей ни одинъ разъ. Позднѣйше князь Димитрій приневолилъ Тверского князя покоритися и просити мира. Также рязанскій князь Олегъ, хотя сначала признавалъ власть московского князя, то потомъ началъ бунтоватися, пока Московскіи войска (1371 р.) не проучили подъ Скарнищевомъ Рязанцевъ, которыи на побоищѣ „падали якъ снопы и были убиваемы якъ свиньи“ Но все то были безпотребныи, силу Руси ослабляющіи братоубійственныя ѳрбы, которыи долго еще тягнулися. За то по смерти Ольгерда два его сыны Андрей, который княжилъ въ Плоцку, и Димитрій, князъ на Трубчевѣ, добровольно поддалися въ опеку Московского князя. Также князи Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій и тесть Димитрія, князь нижегородскій, значитъ майже цѣлая Суздальская область, а по неволѣ и Рязанская, держалися Москвы, противъ которой только одна Тверская земля потаенно выступала. Такъ то

Князь Димитрій соединилъ майже всю полночную Русь и сталъ готовитися до великои войны съ Татарами. Въ многихъ мѣстахъ народъ убивалъ татарскихъ пословъ, которыи собирали дань съ русскои земли. Между татарами былъ тогда найбольше заѣлый ханъ, Мамай. Онъ ненавидѣлъ Русь и явно готовился разбити ю единство.

Именно въ Нижнемъ Новгородѣ народъ вымордовалъ всѣхъ Татаровъ, и то найбольше розъярило Мамая. Но пока пришло до остаточного съ нимъ обчисленія русскихъ кривдъ, то Московско-Суздальскіи войска въ зимѣ 1375 р. пошли на Камскую Болгарію за Волгою, [illegible] ня-

ли мѣсто Казань, Татаровъ покорили, а ханы Асанъ и Махметъ признали надъ собою власть великого князя и уплатили великую дань,

Мамай (1378 р.) выслалъ на Москву свои войска. Но князь Димитрій между рѣками Окою и Вожею напалъ на Татаровъ и побилъ ихъ на голову. Тысячи изъ нихъ потопились въ рѣцѣ Вожѣ. Мамай рѣшилъ теперь пойти на Русь съ несчисленнымъ войскомъ и покорити ю цѣлковито Татарамъ. Онъ призвалъ на помощь литовского князя, Ягайла, сына Ольгерда. Такъ Татары, якъ и русскіи стали готовитися до рѣшительнои войны.

Битва на Куликовомъ полѣ

(1380 р.).

Лѣтомъ 1380 р. пришла до Москвы вѣсть, что Мамай готовитъ свои полчища на покореніе Руси. За нимъ тягли Татарская и Половецкая орды, дальше Бесермены, т. е. Турки, которыи жили за Каспійскимъ моремъ, дальше Черкесы и многіи наемны, на Руси еще не виданы, племена. Съ другои стороны тягнула Литва съ Ягайломъ: Ишли они увѣрены, что до тла снищатъ и спустошатъ Москву и сами подѣлятъ между себе русскую державу.

А тамъ, въ Москвѣ, великій князь Димитрій началъ отъ молитвы и покаянія. Зналъ онъ, что пришолъ великій день Божьяго суда. Но кто будетъ побѣдителемъ? Судьбы народовъ лежатъ въ рукахъ Всевышняго; побѣдитъ тотъ, кому Богъ поможетъ. На всѣ стороны разослалъ князь грамоты, чтобы русскіи князи являлися съ войсками въ Москву. Первый изъ всѣхъ прибылъ двоеродный братъ Димитрія, Владиміръ Серпуховскій, найщиршій его другъ и помощникъ. А тутъ наразъ пришла вѣдомость, что Рязанскій князь, Олегъ, кость русскои кости, тотъ самъ, который присягалъ Димитрію вѣрность, сталъ здрадникомъ Руси, который связался съ Мамаемъ и Ягайломъ, чтобы за то достати колись великокняжій престолъ.

Вѣдомость о той здрадѣ переполнила сердце Димитрія великимъ болемъ, ибо найстрашнѣйшое то дѣло, если русскій еднается съ поганами и безбожниками противъ своихъ православныхъ братьевъ. Но что было робити? Собранныи на военной радѣ полководцы рѣшили не ждати на Татаръ, а ити имъ на встрѣчу. Войскамъ казали идти ссбиратися въ мѣстѣ Коломнѣ, где мали они собратися найдальше до 15 августа, т. е. на самое Успеніе Божія Матери, ибо уже не было никому тайно, что:

Мамай собралъ неисчислимыи войска и поволи сталъ приближатися до рѣки Дона. Русскіи войска собралися также и готовилися до похода молитвою и покаяніемъ. Великій князь принялъ благословеніе отъ святого Сергія Радонежского, игумена (настоятеля) монастыря святои Живоначальной Тройцы. Святый игуменъ далъ ему въ помощь двохъ монаховъ, которыи давнѣйше были воинами. По всей русской землѣ народъ просилъ у Господа побѣды надъ Татарами.

Смиренный, кроткій сердцемъ станулъ великій князь передъ св. Сергіемъ, о которого подвигахъ будемъ читати въ слѣдующей главѣ. Тутъ св. мужъ пророчьимъ духомъ предсказалъ вел. князю, что Мамая ждетъ погубленіе и запустѣніе; а тебѣ отъ Господа Есга и Пречистои Богородицы и Святыхъ будетъ помощь и милость и слава". На просьбу князя, св. Сергій отпустилъ съ нимъ двохъ давнѣйшихъ рыцарей богатырей, а теперь смиренныхъ монаховъ, Пересвѣта и Ослабя, приказалъ имъ взяти на себе рыцарскую збрую, поверхъ которои наложилъ на нихъ монашескую мантію. Потомъ св. игуменъ окропилъ всѣхъ священною водою и поблагословилъ словами: „Господь Богъ будетъ вамъ помощникъ и заступникъ; Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ и прославитъ Русь".

А снова 20 августа въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, отслужено напутственный молебенъ. Потомъ князь молился долго при гробѣ своего дѣда и отца. На площадяхъ за Кремлемъ священники осѣняли крестомъ и окропляли священною водою русскіи полки. Сѣлъ князь на коня и сталъ прощатися съ женою и дѣтьми. А потомъ громко промовилъ до своихъ войскъ тѣ слова: „Братіе мои милые, я не пощадилъ житья своего за христіанскую вѣру, за святыи церкви и за землю русскую!"

Якъ голосъ грома понесся изъ сотокъ тысячъ грудей одинъ отвѣтъ: „Готовы сложить свои головы за вѣру Христовую и за тебя, Государь, великій князь".

Ударили въ бубны, заграли трубы и трема дорогами пошло славное русское воинство, сильною вѣрою въ помощь Господа. Съ княземъ шли слѣдующіи князи: двоюродный братъ Владиміръ, князи Бѣлозерскіи, Ѳеодоръ Романовичъ и Силеонъ Михайловичъ, Андрей Кемскій, Глѣбъ Каргопольскій и Кубенскій, удѣльныи князи Ростовскіи, Ярославскіи, Устюжскіи, Андрей и Романъ Прозоровскіи, Левъ Курбскій, Андрей Муромскій, Юрій Мещерскій, Ѳеодоръ Елецкій и другіи. Та за то, кромѣ князя Рязанского, который связался съ Татарами, не дали

помощи великому князю: Михаилъ Тверскій, дальше: Смоленскъ и Новгородъ, а даже и тесть Димитрія, князь Нижегородскій.

Коли войска наши переходили побочь Рязанскихъ земель, то вел. князь строго возбранилъ обижати жителей. Въ часѣ похода присоединилися до него два сыны Ольгерда, князь Андрей Псковскій и Димитрій Брянскій, оба славныи полководцы.

Русского воинства было выше сто тысячъ. Надъ берегами рѣки Дона рѣшили князи перейти черезъ ту рѣку, за которою о нѣсколько дней дороги стояли Татары. Великій князь Димитрій побудовалъ мосты и все войско переправилося на другій берегъ рѣки.

На военной нарадѣ многіи не были за тѣмъ, чтобы переправлятися черезъ рѣку. Но вел. князь промовилъ такъ: „Братія! Мы пришли на тое сюда, чтобы освободити русскую землю отъ плѣненія и разоренія, або чтобы положити тутъ головы; бо честная смерть есть лучша отъ злого житья. Нынѣ идѣмъ за Донъ и тамъ або побѣдимъ и сохранимъ все отъ побѣды, або сложимъ свои головы за святыи церкви за православную вѣру и за братьевъ нашихъ христіанъ!“

Дня 7 сентября войско переправилося черезъ рѣку и расположилося обозомъ на лѣсистыхъ холмахъ, за которыми лежало широке „Куликовое поле“. Среди того поля плыла рѣка Смолка. За нею увидѣли русскіи Татаровъ. Мамай не ждалъ уже на Ягайла (тотъ былъ о день дороги отъ него), а спѣшилъ надъ Донъ, чтобы недати русскимъ переправитися черезъ рѣку Донъ. Но пришолъ запоздно.

Дня 8 сентября, въ самъ праздникъ Рождества Пресвятои Богородицы пришло на „Куликовомъ полѣ“ до великои битвы между русскими войсками, а Татарами. Князь Димитрій, въ одежи простого воина боролся въ первыхъ рядахъ. Подъ нимъ убили нѣсколько коней. Настала страшная рѣзня. Въ одномъ мѣстѣ перемогали Русскіи, въ другомъ Татары.

Якъ двѣ хмары наперли на себе двѣ силы. По словамъ лѣтописи „списи ломилися якъ солома, стрѣли падали дождемъ, пыль закрывала лучи сонца, мечи сверкали блыскавками, люди падали якъ трава подъ косою, кровь лилася якъ вода и текла потоками.“ Тысячи умирали подъ конскими копытами. Битва замѣнилася въ рукопашную. Татары

розбили лѣвое крыло русскихъ войскъ и уже стали тѣшитися побѣдою. Въ томъ „якъ соколы на журавлинное стадо" грянулъ на Татаръ особный русскій полкъ, что былъ на засѣдцѣ и до теперь не бралъ участи въ битвѣ, и однимъ напоромъ розбилъ і равое, татарское крыло. Теперь рухнули наразъ всѣ войска.

Битва продолжалась нѣсколько часовъ. Татары не могли устоятися; Мамай, его воеводы и войска стали утекати. Русскіи полки гнали за ними ажъ до рѣки Мечи и тысячи Татаръ убили. Цѣлый татарскій обозъ съ великими богатствами достался нашимъ войскамъ. Русь отнесла великую побѣду надъ Татарами. Великого князя, Димитрія, найдено живого, но безъ памяти, между трупами. Вся его збруя была погнута, изъ многихъ ранъ лилася кровь. На счастье раны тѣ не были небезпечны.

По битвѣ всѣ затревожилися, что нѣтъ великого князя. Его видѣли, якъ пѣшо боролся среди найбольшого татарского напора. На счастье найдено его и приведено до житья, а двоюродный братъ, Владиміръ, обвѣстилъ ему, что Богъ послалъ Руси славную побѣду. А вел. князь ослабленный и окровавленный, среди того, кровію просякнутого поля, упалъ на колѣна и душа его розплылася въ благодарственной молитвѣ до Бога, который спасъ святую православную Русь. Другого дня была недѣля. Воинство благодарило Бога, а по Богослуженію вел. князь объѣзжалъ поле битвы, покрытое стосами труповъ, и лужами запеклои крови. Вел. князь не могъ повздержати слезъ. На побоищи лежало нѣскольконадцать князей (около 15), лежали также два богатыри монахи, Пересвѣтъ и Ослабя, а тамъ сотни воеводъ и найзнаменитшихъ бояръ.

Русского воинства погибло на Куликовомъ полѣ около пятьдесятъ тысячъ. Всѣхъ забитыхъ честно похоронено ведля христіанского обычая. Потомъ войско вертало на Русь. Народъ радостно виталъ всюда великого князя Димитрія. Въ Москвѣ по всѣхъ церквахъ служили священники благодарственныи молебны. Князь ѣздилъ до святаго Сергія просити благословенія. Также роздалъ онъ много милостыни и обдарилъ щедро церкви и монастыри. Благодарный народъ придалъ

князю Димитрію названіе „Донскій". Русская Церковь празднуетъ каждого року память по убитыхъ на Куликовомъ полѣ, або такъ зовимую „субботу Димитріевскую".

Была то одна изъ найславнѣйшихъ побѣдъ, якій коли-нибудь отнесло надъ Татарами. Была то также сплата за Калку. Первый разъ тягнули русскіи князи на Татаръ гордо, певны себе. До того въ несогодѣ, съ руками, обагренными братнею кровію, и подъ Калкою Богъ покаралъ ихъ гордость. Тутъ шли всѣ съ вѣрою въ Бога и съ упованіемъ, шли сильны едностію, въ имя св. православной Руси, и Богъ поблагословилъ ихъ подвигъ. Ягайло опозднился на Куликовое поле, а то и ему былося бы достало. Онъ, довѣдавшися о пораженію Мамая, чѣмъ скорше утекъ на свою Литву. Однако Куликовская битва не была остаточною побѣдою Руси надъ Татарами. Она усмирила ихъ и научила почитати силу русского оружія. Та все таки не мало єще пеплыло русской крови изъ причины Татаръ. Мамай хотѣлъ конечно помститись на Руси за Куликовое поле, но немалъ уже на то часу. Пришло бо до войны между самыми Татарами и надъ рѣкою Калкою (где то колись Татары розбили русскіи войска) Мамая побилъ ханъ Тохтамышъ, до котораго пристали всѣ Татары изъ Золотой орды. Тохтамышъ возстановилъ сильную татарскую державу и двинулъ ю противъ Руси. Великій князь, Димитрій, довѣдался о томъ поздно. До того по Куликовской битвѣ на Руси мало было войска, та и князи не держалися сгоды а многіи изъ нихъ съ подхлѣбствомъ и лизунствомъ пшли до Татаръ. И сталося такъ, что Татары въ неприсутствію вел. князя Димитрія, осадили Москву и здрадою заняли ю. Они убили выше 20 тысячъ народа, а еще больше захватили въ полонъ, а церкви и боярскіи домы ограбили такъ, что на якій-то часъ „Москвы честь измѣнилася, когда она была взята и спалена". Сталося то 1381 р. Татары опустошили и спалили мѣста: Владиміръ, Звенигородъ, Можайскъ, Юріевъ, Дмитровъ, Боровскъ, Рузу, Переяславль-Залѣсскій и Коломну.

Послѣдніи лѣта владѣнія великого князя, Димитрія Донского, минали въ оборонѣ границъ Московского княжества передъ Татарами и передъ бунтующимися, неблагодарными князями. Вел. князь умеръ 19 мая 1389 р. Онъ жилъ 39 лѣтъ. По его смерти остался четыре сыны, изъ которыхъ Василій Первый сталъ великимъ княземъ. Князь Димитрій Донскій былъ однимъ изъ найславнѣйшихъ князей, якихъ Русь коли-нибудь мала. Память его останется вѣчно для всѣхъ свята.

По правдѣ. что смутныи то были тѣ послѣдніи лѣта его владѣнія. Долго тягнулася обновлена съ вѣроломнымъ рязанскимъ Олегомъ война. Олегъ черезъ долгій часъ былъ горою и пустошилъ Московскіи земли. Только 1386 р. вразумилъ его св. Сергій, который въ той цѣли лично до него поѣхалъ. Между Димитріемъ а Олегомъ станулъ вѣчныи миръ, и вправдѣ даже между ихъ потомками не пришло николи до войны. Также и Новгородъ не переставалъ бунтоватися, но тутъ обошлося безъ пролитія крови. Новгородъ при своихъ богатствахъ, отъ найдавнѣйшихъ временъ давалъ найгоршій примѣръ непослушанія и бунта. На Куликовское поле не выслалъ онъ ни одного человѣка, хотя численныи банды Новгородцевъ розбойничали по русскихъ земляхъ. За то и постигла ихъ, хотя знатно позднѣйше, тяжкая кара.

Черезъ цѣлый рокъ хоровалъ Димитрій Донскій. За житья еще надалъ онъ сынамъ удѣлы, но великокняжеская власть остала при его найстаршомъ сынѣ, „а се благословляю сына своего, князя Василія, своею отчизною, великимъ княженіемъ“. Сынамъ приказалъ онъ любитися и во всемъ слухати матери. И умеръ тотъ великій оборонитель русскои земли, умеръ молодо и предвчасно. Память его на дѣлѣ идетъ отъ рода въ родъ, яко память князя, въ которомъ не знати, что больше подивляти, чи великость геройского мужества, чи еще больше смиреніе и преданность Господу Богу.

Василій I.

(отъ 1389 до 1425 р.).

По смерти великого князя, Димитрія Донского, засѣлъ на престолѣ найстаршій его сынъ Василій I. Онъ оженился съ дочкою великого князя Литвы, Софією. Василій жилъ въ его часъ съ Татарами. Онъ присоединилъ до своего княжества Нижній Новгородъ.

Татары дали ему Ярлыкъ на великокняженіе и на нижнегородское княженіе, что стояло однакъ дуже много грошей. Также и нижнегородскіи бояре далися перекупити, впустили московскую и татарскую стражу до мѣста, а своего князя Бориса прогнали. И такъ занятіе того мѣста не стояло ни одной капли крови. Та позднѣйше, хотя Нижнегородъ удержался при Московскомъ княжествѣ, то пришлося о него вести кровавыи борбы съ свояками Бориса, которыи при помощи татаръ хотѣли конечно отомстити Москвѣ за ея заборъ. Тѣмчасомъ

между Татарами шли безпрестанныи войны. Ханъ убивалъ хана. Ажъ насталъ одинъ между ними, великій воевникъ Тамерланъ (Тимуръ-Ленга). Тотъ совокупилъ при себѣ головныи татарскіи сили, разорилъ Капчакско-татарское царство и кинулея на полночь, за Донъ.

Въ 1395 р. могучій татарскій ханъ, Тамерланъ напалъ на полночную Русь. Князь Гасилій Первый съ войскомъ станулъ подъ Коломною, коло рѣки Оки. Не было надежды розбити десять разъ сильнѣйшихъ Татаровъ. На желаніе князя, митрополитъ Кипріанъ послалъ священниковъ до мѣста Владимірa по чудотворную икону Пречистои Дѣвы. Весь народъ выполъ на встрѣчу и молился горячо до Заступницы русского народа и просилъ Ю о помощь. Въ тотъ самъ часъ Тамерланъ въ своемъ таборѣ заснулъ. Во снѣ увидѣлъ онъ идущихъ съ высокои горы святителей съ золотыми жезлами (епископская палица). Надъ ними стояла на воздухахъ лучезарная жена. Она приказала Тамерлану оставити русскую землю, бо иначе онъ умреть. Тамерланъ пробудился и дуже встревоженный уступилъ въ свои степы.

Василій I. по поворотѣ до Москвы на памятку того чудесного освобожденія русскои земли воздвигъ на Кучковомъ полѣ храмъ въ честь Богородицы, а при немъ Стрѣтенскій монастырь, а русская Церковь празднуетъ съ того часу дня 26 августа свято Стрѣтенія Владимірскои иконы.

За Василія I. Витолдъ литовскій декократно занялъ Смоленскъ и другіи полскіи русскіи мѣста. Черезъ то между нимъ, а его зятемъ, Василіемъ, мало не пришло до великои войны. Трикратно собирали они противъ себе войска, но все таки до битвы не пришло, ажъ въ 1403 р. при рѣцѣ Угрѣ заключили они миръ. Установили границы русскои и литовскои державы, и Витолдъ уже не думалъ безпокоити ни Москвы, ни Новгорода и Пскова. Также и князь Свидригайло прибылъ и былъ на дворѣ вел. князя Василія, а тотъ надѣлилъ его нару мѣстами. Но Свидригайло видѣлъ, что Василій не дасть ему помощи противъ Витолда и вернулъ на Литву, где попался въ руки Витолда, а тотъ якъ знаемъ, кинулъ его заразъ въ темницу.

Великій князь Василій Первый пересталь платити Татарамъ дань и совсѣмъ не ѣздилъ кланятися ханамъ до Сараю. Черезъ то 1408 р. Татары нечаянно напали на Москву. Но хотя долго облягали мѣсто, то Москва не поддалася. Татары мусѣли отступити отъ облоги.

Татары подступомъ выманили отъ Москви 3 тысячи рублей. Но черезъ якій-то часъ Василій таки поѣхалъ съ поклономъ въ Сарай и сталъ платити, хотя невеликую дань.

Дальнѣйшое владѣніе князя Василія Первого было мирне и счастливе. Онъ умеръ 1425 р. и оставилъ великокняжескій престолъ своєму сыну Василію Второму „Темному“.

Василій II. »Темный«

(отъ 1425 до 1462 р.).

По смерти Василія I. еще разъ, и то въ нечуванно крамлivый и долгій, но за то послѣдній способъ, поднесла голову междукняжеская лависть и подступное, здрадне, юджніе єдныхъ на другихъ.

Великій князь Василій Второй малъ десять лѣтъ, коли вступилъ на великокняжескій престолъ. Однако братья его отца бунтовалися противъ него и три разы прогоняли его изъ Москвы. Однакъ ханъ татарскій призналъ Василію великокняжескій престолъ. Черезъ то Василій попалъ снова въ зависимость отъ Татаръ.

Ажъ соромно подумати, что русскіи князи удавалися на судъ до Татаръ! Главнымъ противникомъ Василія былъ его дядя Юрій, который княжилъ въ маленькомъ мѣстѣ, Галичѣ Мерскомъ. По татарскомъ судѣ Василій для святого спокою надалъ Юрію также и другіи мѣста, но черезъ то крамола совсѣмъ не устала. Юрій малъ сыновъ, Василія Косого и Димитрія Шемяку. Они то почали дальшую войну съ великимъ княземъ а отецъ ихъ Юрій нечаянно напалъ на Москву. Занялъ

великокняжескій престолъ, а Василія заслалъ въ мѣсто Коломну. Однакъ жители Москвы скоро прогнали Юрія, а призвали до себе назадъ Василія. Война не уставала и по смерти Юрія. Теперь стали дертися о право до великого престола его сыны. Именно Василій Косой всякими нечестными способами пустошилъ русскіи земли, до чого нанималъ даже простыхъ разбойниковъ. Та перебралася мѣра злобы, и онъ попалъ въ руки вел. князя, а тотъ приказалъ Василія Косого ослѣпити.

За часовъ великого князя Василія Второго римскіи папа хотѣлъ конечно притягнути восточную церковъ до едности съ римскою церковью. Въ той цѣли скликалъ онъ (1437 р.) соборъ, т. е. съѣздъ епископовъ, до италійского мѣста Флоренціи. На томъ соборѣ митрополитъ всеи Руси, Исидоръ, сталъ здрадникомъ православнои вѣры. Онъ согласился быти уніятомъ, т.е. поддатися папѣ и его грѣшному ученію. Исидоръ вернулъ до Москвы и хотѣлъ тутъ заводити унію. Однако великій князь назвалъ его здрадникомъ и волкомъ въ овечьей шкурѣ и прогналъ его. Исидоръ утекъ изъ Руси и марно погибъ. Русь даже не хотѣла чути о папежскомъ безвѣрію. Она держалася вѣрно св. Православія.

Въ слѣдующей главѣ мы обширнѣйше поговоримъ о той флорентійской уніи. Правда, что и такъ она николи не была бы принялася, но всежъ таки найбольшой похвалы достойно есть выступленіе великого князя Василія, который такъ успѣшно короткимъ словомъ обличилъ отступника отъ вѣры, Исидора.

Въ 1438 р. а потомъ въ 1445 р. Татары стали пустошити русскіи земли. И хотя вел. князь Василій всегда выступалъ противъ нихъ, то черезъ здраду другихъ князей не могъ ихъ одолѣти, а разъ попался въ татарскую неволю, изъ которои выкупили его за великіи гроши.

Въ 1446 р. вел. князь Василій поѣхалъ на богомоліе въ Троицкую Лавру (монастырь). Тутъ здрадою напали на него его двоюродныи братья, князи, которыи завидовали ему великокняжеского престола. Одинъ изъ нихъ,

Димитрій Шемяка приказалъ ослѣпити великого князя. Отъ того часу зтали его Василіемъ „Темнымъ". Шемяка самъ засѣлъ на московскомъ престолѣ, а Василія Темного приказалъ держати въ мѣстѣ Угличѣ, въ тюрмѣ. Однако народъ прогналъ Шемяку, освободилъ Василія и посадилъ его назадъ на отцовскомъ престолѣ.

Розумѣется, что вишли изъ того новыи борбы. Конецъ былъ такій, что въ 1450 г. московскіи войска сдобыли Галичъ Мерскій. Битва та была послѣдною значительною битвою княжескихъ междоусобій на Руси. Шемяку отразилъ его поваръ. Теперь уже могъ Василій Темный спокойно княжити въ Москвѣ. Запримѣтити треба, что до теперь всегда великій престолъ привязанный былъ до мѣста Владиміра надъ Клязьмою, а хотя попередники Василія жили въ Москвѣ, то все таки вѣнчалися они на княжество въ Владимірѣ. Первый Василій II. вѣнчался въ Москвѣ, и то въ присутствіи ханского посла, который „садилъ его на великое княженіе у Пречистыя, у Золотыхъ дверей". Такъ то бѣлокаменная Москва стала и въ дѣйстности великокняжескимъ городомъ.

Василій Темный, въ послѣдніи лѣта своего княженія сталъ робити ладъ между княжатами и далъ имъ познати, что мае надъ ними власть. За найменьшую провину стбиралъ имъ удѣлы и такъ поволи всѣ давнѣйшіи удѣлы московскои земли совокупилъ въ своихъ рукахъ. Московскіи войска присмирѣли все бунтующійся Новгородъ и заняли нелѣпшую отъ него Вятку. Рязань и Тверь мусѣли признати первенство Москвы.

Великій князь, Василій II. Темный умеръ 1462 р. Онъ княжилъ 37 лѣтъ. Его наслѣдникомъ на великокняжескомъ престолѣ былъ найстаршій его сынъ, Иванъ Третій, который первый принялъ названіе: „Царь Руси".

Въ тимъ самомъ часѣ полудневая Русь была въ скорбѣ и смутѣ. Та славити Господа Бога, что хотя въ полночной Руси закончилися междоусобія, что росла она въ силу и славу и честь, которая то слава и сила и честь стали позднѣйше удѣломъ также и Кіевской и Волынскои земли, якъ станутъ они удѣломъ и подъяремной ещо иныѣ Галицкои земли.

Русская Церковь.

Якъ отмѣнныи были политичныи судьбы одноі и другоі части русскоі земли, такъ само отмѣнно розвивалася въ нихъ и русская Церковь. Мы уже читали о еі судьбахъ въ Галицкоі землѣ, и тутъ не можемъ о тихъ судьбахъ сказати что-то потѣшающого. Ливнемъ несчастья и проклятія и кары упала на землю Галича Польша съ противнымъ русскому сердцу и духу латинствомъ. Римскіи папежи съ чисто діавольскою заѣлостію безпрестанно напирали на Полякыъ и Венгрыъ, чтобы они безпощадно воевали православныи земли и чтобы насильно переводили все на латинство. Подхлѣбствомъ и подкупствомъ вкрадалися латиняне на дворы русскихъ бояръ, насильствомъ-же замѣняли русскіи церкви на польскіи костелы. А потомъ, коли уже Кази-міръ поклалъ безопасно свою злодѣйскую руку на Галицкую землю, тогда уже не было мѣры въ переслѣдованію св. Православія.

На земляхъ русскихъ отъ Сяна по Днѣпръ было тогда 7 русск - провославныхъ епископовъ, а именно: въ Перемышлѣ, Холмѣ, Галичѣ, Луцку, Владимірѣ, Туровѣ и Кіевѣ. Римскій папежъ еще въ р. 1351 писалъ до польскихъ бискуповъ, чтобы они старалися на мѣсто 7 русскихъ владычествъ основати 7 латинскихъ бискупствъ. Но за православными владыками стоялъ православный народъ и папежъ мусѣлъ назначити только для ока своихъ бискуповъ, которыи не мали на Руси что робити, а и ѣсти не было что. Но римскіи папежи не теряли надежды и не уставали въ ненависти до св. Православія. Казиміръ строилъ польскіи костелы и кляшторы, а найрадше забиралъ русскіи церкви и монастыри и отдавалъ латинникамъ. Такъ во Львовѣ забралъ онъ Русинамъ величавую церковь Пресв. Богородицы и замѣнилъ ю на польскій костелъ. Также побудовалъ онъ также великую ,,катедру'' (соборъ), что стоитъ донынѣ и страхае собою людей, бо выглядае якъ стайня съ высочезнымъ коминомъ.

А уже Ягайло, здрадникъ и перекинчикъ своеі православноі вѣры издѣвался всякими способами надъ православнымъ народомъ. Тотъ уже забиралъ не только церкви, но села и земли, что належали до русскихъ владычествъ и отдавалъ ихъ латинскимъ бискупамъ, якъ то примѣромъ сдѣлалъ онъ въ Перемышлѣ и Галичѣ. Онъ спровадилъ много латинскихъ книховъ, которыи звалися ,,доминикане'' и ,,францишкане'', надѣлялъ ихъ маетками, чтобы только они переводили православныхъ на латинскую вѣру. Что больше: Ягайло установлялъ польскихъ бискуповъ даже въ русско-литовскихъ земляхъ якъ въ Луцку, Каменцѣ Подольскомъ и Кіевѣ, хотя до того не малъ ніякого права, бо тѣ земли не належали до него.

Довѣдался папежъ, якій то ревный латинникъ изъ перекинчика Ягайла, и давай его хвалити, а и себѣ ихати носъ на Русь. Онъ назначилъ для Львова польского „архибискупа“ и подчинилъ его власти всѣхъ русскихъ, православныхъ владыкъ. Правда, что никто не робилъ себѣ ничего съ того, бо папежъ не малъ до Руси ніякого прага, но все то доказуетъ, якъ великая была папская безличность. Ну а за его безстыднымъ примѣромъ ишли на русской землѣ латинскіи ксендзы и мнихи. Въ искони русскомъ мѣстѣ Галичѣ они при самой соборной церкви побудовали свой „кляшторъ“ и то такъ, что загородили совсѣмъ входъ до церкви. Тогда то русскій владыка съ своими крылошанами перенесся до сосѣдного села на постоянное житье. Село то донынѣ называеся „Крылосъ“, при самомъ Галичѣ.

Въ Перемышлѣ Ягайло отдалъ соборную русскую церковь латинникамъ, а тѣ перетворили ю на свою „катедру“, что стоитъ и донынѣ, яко свидѣтелство папежско-латинского злодѣйства. Перемышлскій владыка оставши безъ соборной церкви, перенесся до мѣста Самбора, и для того то Перемышльскіи русскіи епископы (нынѣ на стыдъ и жаль еще уніатскіи) зовутся также „Самборскими“. Такъ то однимъ словомъ:

Русская Церковь въ Галицкой землѣ была гонима всякими способами отъ римскихъ папежовъ и Поляковъ. Они насильно забирали русскіи церкви и перемѣняли ихъ на латинскіи костели. Также забирали они маетки, принадлежны до русскихъ владычествъ и отдавали ихъ латинскимъ бискупамъ. Православныхъ называли они „шизматиками“. Римскіи папы казали православныи земли насильно забирати, а православныхъ на войнахъ убивати.

Иначе совсѣмъ было въ полночной Руси. Тамъ, хотя земля та страдала много черезъ татарскіи наѣзды. Церковь Христова процвѣтала и славилася своими митрополитами.

Въ полночной Руси Церковь православная розвивалася дуже славно. **Митрополиты всеи Руси жили въ мѣстѣ Москвѣ. Имъ подчинены были всѣ православныи церкви на цѣлой Руси, а также на Литвѣ. По смерти святого Петра былъ митрополитомъ св. Ѳеогностъ, а по немъ святый Алексій.**

Св. Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, пошолъ вѣрно слѣдами великого своего попередника, св. Петра. Посвященный въ 1328 р. онъ посѣтилъ Кіевъ, Владиміръ и Москву, где и поселился. Дважды ѣздилъ онъ до Сарая, чтобы получити вольности для церквей. За другимъ побытомъ Татары домогалися отъ него дани и мучили его всякими муками, но потомъ отпустили на Русь. Св. Ѳеогностъ былъ вѣрнымъ союзникомъ великого князя Іоанна II. и горячо любилъ русскую землю. Умеръ 1353 р.

Святый Алексій, митрополитъ всеи Руси, былъ мужемъ, которого Господь Богъ еще за житья надѣлилъ силою творити чудеса. Молитвами своими уздоровилъ онъ слѣпую жену хана Чанибека и она провидѣла. Святый Алексій былъ въ великомъ почитанію у всѣхъ князей и они слухали его мудрыхъ радъ. За то потерпѣлъ онъ темницу и мало что не смерть отъ польского короля, Казиміра, и отъ Ольгерда, князя Литвы. Великій тотъ Святитель скончался въ 1378 р.

Предостойный наслѣдникъ св. Петра соединялъ онъ въ себѣ святость житья съ любовію до русской земли. Помощникъ Іоанна Красного и Димитрія Донского, онъ мудрыми своими совѣтами былъ душею русскои жизни. Родомъ изъ Чернигова, въ 15 роцѣ житья поступилъ онъ въ Богоявленскій монастырь, где пресіялъ всякими чесностями. Яко митрополитъ всеи Руси выстарался онъ у Татаръ о новыи для русскои Церкви вольности. Смиренный и кроткій, где ходило о добро Руси, тамъ ставалъ по сторонѣ правды и грозилъ крамольнымъ князикамъ церковною клятвою. Видѣлъ онъ, что только соединеніе и единство съ московскою митрополіею можетъ спасти Православіе въ полуднѣвсѣй Руси передъ насильствомъ латинянъ, и для того такъ щиро заохочалъ свой народъ до того единства. За то пострадалъ отъ латинянъ, но Богъ видимимъ чудесомъ спасъ его житіе.

По смерти великого того Угодника Божьяго настало короткое зашательство въ зарядѣ русскои церкви. Князь Димитрій Донскій хотѣлъ видѣти митрополитомъ своего любимца, Титяя, но тотъ умеръ на дорозѣ до Царѣграда. И только по 14 лѣтахъ отъ смерти св. Алексія, засѣлъ на митрополичіемъ престолѣ св. Кипріанъ, родомъ Сербъ. Былъ то мужъ ученый и дбалый о добро православнои Церкви. За него то Господь прославивъ Русь новымъ чудомъ и спасъ ю̀ молитвами Пречистои Дѣвы, которая во снѣ явилася татарскому хану, Тамерлану, и казала ему утекати съ войскомъ изъ предѣловъ русскои земли (см. ст. 103) Онъ умеръ 1406 р. и причисленъ єсть къ лику Святыхъ русскои земли.

Было волею Всевышняго, чтобы въ часахъ, коли Татары нищили Русь, а съ другои стороны латинство бѣсилося противъ св. Православія, на митрополичьемъ русскомъ престолѣ засѣдали правдиво святыи люди. Наслѣдникомъ Кипріана былъ св. Фотій, родомъ Грекъ. Онъ, якъ то годится добрему пастырю, научалъ священниковъ и вѣрныхъ, писалъ пастырскіи посланія, остерегалъ передъ Ересью и усердно старался не допустити до розділа русскои Митрополіи. Богъ чудеснымъ способомъ предъявилъ ему часъ его смерти, и св. Фотій скончался 1430 р., а Церковь причислила его до лика Святыхъ своихъ Заступниковъ. И такъ то:

На митрополичьемъ престолѣ русскои земли засѣдали мужи, полныи честности. Почавши отъ св. Петра, четыре его наслѣдники причислены къ лику Святыхъ, именно святыи Ѳеогностъ, Алексій, Кипріанъ и Фотій. Потомъ сталъ митрополитомъ Исидоръ, но тотъ со всѣмъ не управлялъ русскою Церковью. Онъ принялъ унію съ римскимъ папежомъ, и яко отступникъ отъ святого Православія былъ прогнанъ изъ Руси. На митрополичьемъ престолѣ засѣлъ тогда святый Іона.

Ажъ жаль беретъ за сердце, что не можемъ тутъ описати всѣхъ подвиговъ тихъ Святителей. Ихъ житье, то найкрасшіи свѣтила святои Руси. Кротки набожны, миролюбивы и миротворны, где ишло о спасеніе душъ и о Православіе, тамъ они всегда были на смерть готовы. И гдежь правда, чи за тѣми Святителями, чи за римскими папежами, которыи благословили своихъ латинниковъ на убійство и крадежь и все то приказовали дѣлати немовь-то въ Имя Христа Спасителя?

Церковь русская, кромѣ святыхъ митрополитовъ, славилася также многими Святыми, между которыми найпершими были преподобный Сергій Радонежскій и св. Стефанъ Пермскій. Святый Сергій былъ игуменомъ монастыря Животворящои Троицы коло Радонежа. Житье свое посвятилъ онъ молитвѣ, постамъ и добрымъ дѣламъ. Онъ то благословилъ князя Димитрія передъ битвою съ Татарами на Куликовомъ полѣ. Богъ за житья наградилъ его чудесными видѣніями и силою пророчествъ. Св. Сергій умеръ дня 25 сентября 1392 р.

Малымъ еще хлопцемъ св. Сергій проявлялъ великую набожность. Сердце его рвалося до монашеской жизни, но только по смерти родителей поступилъ онъ въ монастырь, где уже спасался его братъ, Стефанъ. Оба они среди лѣсовъ, на 2 мили отъ Радонежа, надъ берегомъ рѣчки Кончуры побудовали маленькую церковь во Имя Живоначальной Тройцы и стали вести пустынное житье. Стефанъ въ якій-то часъ потомъ перенесся до Москвы, где прославился яко игуменъ Богоявленского монастыря и духовникъ нѣсколькихъ князей. А св. Сергій среди безпрестанныхъ постовъ и молитвы томилъ свое тѣло и душу возносилъ до Господа, пріукрашалъ ю все большими честнотами и велъ ангело-подобное житье. Стали горнутися до него подражатели его житья и вотъ устроился монастырь, въ которомъ св. Сергій былъ игуменомъ а и слугою братіи своєи. Онъ, хотя священникъ, исполнялъ найтяжшіи роботы, носилъ воду, пекъ хлѣбъ, латалъ одежи, мылъ посуду. А до монастыря горнулся изъ всѣхъ сторонъ народъ, чтобы найти пораду у святого игумена и просити его благословенія. Пріукрасилася церковь, убогіи находили при монастырѣ пріютъ, но найбѣднѣйшій тѣломъ былъ между ними — св. Сергій.

Великій Святитель Алексій хотѣлъ назначити его своимъ заступникомъ на митрополіи. Но св. Сергій отказался: „Прости менѣ, Владыко, сказалъ онъ, я отъ юности не носилъ золота, то тѣмъ больше въ старости желаю жити въ нищетѣ“. А коли на Куликовомъ полѣ русское воинство сражалося съ Татарами, св. Сергій молился въ своєй обителѣ и хотя отдаленный о сотни миль, тогоже дня сказалъ братіи, что Русь побѣдила и подалъ имена многихъ, которыи въ тотъ день пали въ честномъ бою.

Не долго до смерти явилася ему Пречистая и сказала, что всегда будетъ заботитися а его обителѣ. Святый зналъ годину своєи смерти. Долгій часъ передъ нею прожилъ онъ въ безмолвію. А въ послѣдной хвилѣ житья собралъ братію, благословилъ ихъ, научалъ и свято скончался. Нынѣ молится за насъ, чтобы всѣ мы были сильныи и одни св. Православіемъ.

Святый Стефанъ Пермскій, яко молодый монахъ, привелъ до Христовои вѣры поганъ Зыряского края надъ рѣками Вымa и Вычегда. Онъ перевелъ на ихъ языкъ церковныя книга, побудовалъ церкви и монастыръ. Позднѣйше былъ тутъ первымъ епископомъ. Богъ прославилъ его многими чудесами. Умеръ 1396 р

А дальше идетъ цѣлый рядъ тѣхъ, которыи прославилися святостію житья и засіяли въ рядахъ Угодниковъ Божьихъ изъ русскои земли. И такъ видимъ мы учениковъ св. Сергія, Никона, Іоанна и Павла, который 15 лѣтъ прожилъ въ уединенію. Побочъ него, въ томъ самомъ лѣсѣ, спасался св. Сергій, Аѳонскій отшельникъ. Въ Бѣлозерскихъ пустыняхъ просіяли святостію свв. Кириллъ и Ѳерапонтъ. Въ Переяславльщинѣ прославился святостію житья преп. Димитрій. Другіи снова проповѣдали поганамъ науку Христа, якъ прѣп. Арсеній Новгородскій на островѣ Коневцѣ, преп. Кириллъ между Чудею, а св. Лазаръ между Лопарями. Въ многолюдномъ Новгородѣ достигли святости два юродивы Христа ради, Ѳеодоръ и Николай Качановы.

А между Угодницами Божьими мы видимъ блаженную Евдокію, жену Димитрія Донского. По святомъ житью яко жена и матерь, спѣшитъ она до монастыря и тутъ подвизается добрымъ подвигомъ. За ея молитвою открываются очи слѣпого, за ея заходомъ повстаютъ новыи церкви и монастыри. Въ иночествѣ приняла она имя Евфросиніи, по смерти причисленна до лика Святыхъ. А хотя Татарва ницила и опустошала русскую землю, то мимо того множатся монастыри, и въ томъ часѣ было ихъ больша 180. И такъ коло Звенигорода ученикъ св. Сергія, Савва, основуетъ Сторожевскій монастырь. При рѣцѣ Вологдѣ повстаетъ Спасо-Прилуцкій, на берегу Галицкого озера Успенскій, недалеко того Предтеченскій-Желѣзнобарскій, въ Бѣлозерскомъ краю Ѳерапонтовъ и Кирилловъ, коло Костромы Ипатіевскій, при Нижномъ Новгородѣ Печерскій монастырь. Сгадати аще хотябы слѣдующіи: Евфиміевскій въ Суздалѣ, Желтоводскій надъ Волгою, Унженскій, Отрочъ въ Твери, а коло Новгорода Древлянницкій, Волитовъ, Сковородскій, Покровскій Щиловъ, Троицкій-Клопскій. На Соловецкомъ островѣ, среди Бѣлого озера св. Зосима основуетъ монастырь на мѣстѣ, где спасался и скончалъ великій подвижникъ, св. Савватій. И сколько то другихъ святыхъ обителей повстало въ то

время, и якъ свята и угодна Богу была жизнь тысячныхъ подвижниковъ св. Православія.

Житье народа было набожне и чисте. Правда, что были и пороки, однако не такъ разящіи, якъ у другихъ народовъ. Повага владыкъ была велика, передъ ними клонили головы и волю сами князи. А всѣ были привязаны до церквей Божіихъ, и въ тяжкихъ дняхъ татарскихъ нападовъ крылися по церквахъ, чтобы, если придется уже умирати, то умерти при Божіемъ престолѣ. И такъ примѣромъ въ мѣстѣ Владимірѣ-Залѣсскомъ ключарь Успенского храма сховалъ передъ Татарами всѣ церковныи драгоцѣнности. Враги пекли его розпаленнымъ желѣзомъ, за ногти били скалки, сдирали живцемъ шкуру, волокли конями, а онъ не здрадилъ, где есть церковное добро, хотя оно было укрыто о одинъ шагъ отъ мучителей. Скончался мученикомъ, якъ скончалися ними сотки другихъ пострадавшихъ за вѣру.

Однимъ изъ ударовъ для русскои Церкви были забѣги роздѣлити русскую митрополію, чтобы тѣмъ легче привести до постыдной уніи полудневои окраины Руси.

Надъ цѣлою русскою Церковью стоялъ московскій митрополитъ. Однако уже Казиміръ, король польскій, хотѣлъ отдѣлити полудневую Русь отъ Московскои митрополіи. Онъ загрозилъ царьгородскому патриархѣ, что переведетъ Русь на латинство, если патріархъ не надасть для полудневои Руси особного митрополита. Патріархъ посвятилъ тогда епископа Антонія на особного Галицкого митрополита. Было то 1370 р.

Митрополія та однакъ скоро перестала существовати. Правда, что 16 лѣтъ передъ тѣмъ уже Ольгердъ постарался о то, что 1354 р. для полудневои Руси назначенъ быль особный митрополитъ Романъ. Ольгерду ишло о то, о что ишло позднѣйше также Казиміру, чтобы сорвати всякую связъ духовную и народную между обѣими частями св. Руси. Но по смерти Романа (1362) Ольгердъ уже и не думалъ о окремой митрополіи для полудневои Руси, а она съ радостію вернула подъ власть единственнего настоятеля русскои Церкви, митрополита московского, св. Алексія. За Казиміра назначено Антонія митрополитомъ „Малои Руси" а поддано его власти слѣдующіи епархіи: Холмскую, Туровскую, Перемышльскую, Владиміро-Волынскую и Галицкую съ Галичемъ, яко

мѣстомъ пребыванія. Видячи то, Ольгердъ сталъ домагатися также особнаго митрополита Кіевско-Литовскаго для тѣхъ православныхъ, которыи были подъ Литвою. Патріархъ снова уступилъ и назначилъ Кіевско-Литовскимъ митрополитомъ Кипріана, позднѣйшаго митрополита Московскаго. Такъ вотъ между 1373 а 1389 р. было на Руси аль трехъ православныхъ митрополитовъ, что страшно ослабляло церковное единство и было на руку латинянамъ. Въ 1389 р. св. Кипріанъ сталъ митрополитомъ Московскимъ и соединилъ подъ своею властію всю Русь въ давныхъ ея прадѣлахъ.

Великій князь литовскій собралъ 1414 р. въ Новгородку православныхъ епископовъ Литовской Руси, чтобы они выбрали особнаго Кіевскаго митрополита. Они вибрали Григорія Цамблака. Патріархъ не потвердилъ его, хотя Григорій былъ мужъ ученый и смѣло выступалъ противъ латинства. Позднѣйшие патріархъ царьгородскій согласился на особную Кіевскую митрополію. Поромъ 1461 Московскіи митрополити перестали называтися Кіевскими. Связь святой православной Церкви была разбита.

Даремно, что св. Фотій сохранилъ единства св. Церкви и семъ ѣздилъ до Витолда. Гордый князь, хотя былъ сятемъ Московского великого князя, Василія I. не допустилъ святого Фотія до себе, а то за то что св. Фотій поставленный митрополитомъ, не хотѣлъ остатися въ Кіевѣ, а поѣхалъ до Москвы. Витолдъ просилъ патріарха, чтобы онъ потвердилъ Григорія Цемблака на Кіевского митрополита, но патріархъ отказался. Тогда Витолдъ собралъ соборъ, который посвятилъ Григорія и разсудилъ, что онъ ничемъ не выступаетъ противъ звычаямъ св. Церкви, что собору принадлежитъ право вибрати митрополита. По правдѣ соборъ не малъ права выбирати митрополита на несуществующую митрополію. Творити новыи митрополіи малъ право только патріархъ.

Цамблакъ былъ мужъ ученыи и великій защитникъ святого Православія. Онъ дорѣкалъ неразъ Витолду, что тотъ держался скверного латинства. Та не долго былъ Цамблакъ митрополитомъ. Уже въ 1419 р. выѣхалъ онъ въ Молдавію. Лишилъ по собѣ память мужа ученого

и доброго писателя, По его отъѣздѣ на короткій часъ еще наступало единство Руси подъ московскими митрополитами, но единство то майже не далося уже отчувати, и связь церковная между Кіевомъ а Москвою ослабѣла, а потомъ и устала на долгіи часы. Латинники добилися того, чего хотѣли, римскій папежь малъ чего тѣшитися;

Сдавалося бы може, что че езъ нашествія Татаръ устало на Руси всякое умственное движеніе. Но такъ не было. Правда, что подупали школы, но не на долго. Изъ Болгаріи и Греціи прибивали ученыи люди, а дуже много ученыхъ было и между русскими. Изъ Сербіи привезъ много книгъ св. Кипріанъ, а также изъ горы Аѳонъ привозили монахи церковныи книги и поученія. Митрополитъ Кипріанъ не только, что самъ былъ великимъ ученымъ, но также былъ великимъ покровителемъ науки и просвѣщенія. Такимъ самымъ былъ и Григорій Цамблакъ, по которомъ остало много писаныхъ поученій. Найбольше читали тогда книги Житья Святыхъ. Где-якіи монастыри, якъ Троицко Сергіевская Лавра и монастырь св. Григорія Богослова въ Гостелѣ славилися своими книгосборами. Великими жизнеписателями были Епифаній Премудрый и Пахомій Сербъ. А уже на Литвѣ княжескій языкъ то былъ языкъ русскій. Многи русскіи ученыи ишли на Литву и тутъ принесли просвѣщеніе. На княжескихъ дворахъ на Литвѣ всѣ говорили по русски и всѣ письма писали по русски. Такъ само было и въ монастырскихъ школахъ.

Такъ то подъ мудрымъ правленіемъ св. Прав. Церкви хотя и въ тяжкихъ часахъ, Русь не только сама училася, но просвѣщала еще и другихъ.

Флорентійская унія
(1439 р.).

Заликовалъ на хвилю римскій папежъ. Ему сдавалося, что онъ уже покорилъ подъ свои ноги цѣлый свѣтъ. Вотъ въ мѣстѣ Флоренціи въ 1439 р. на лжесоборѣ Греки признали власть папежа и подписалися на сгоду съ нимъ Коротко сказати было оно такъ: Греческая держава

подъ напоромъ Турковъ уже ледво дыхала. Помощи не было; въ державѣ безпорядки. И вотъ римскій папежъ, якъ звычайно, здрадно и хитро сказалъ, что если Греки примутъ унію, то онъ имъ поможетъ и прикажетъ всѣмъ христіанскимъ державамъ идти на Турковъ войною. А такъ якъ митрополити всеи Руси были зависимы отъ царьгородскихъ патріарховъ, то папежъ домогался, чтобы патріархъ притягнулъ и Русь до тои уніи.

На Руси умеръ въ 1431 р. митрополитъ, св. Фотій. На его мѣсто былъ назначенъ св. Іона (позднѣйшій митрополитъ) и онъ малъ уже ѣхати до Царьгорода до высвященія. Но тогдашній царьгородскій цѣсарь, Іоаннъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ сами отъ себе высвятили на митрополита всеи Руси Болгарина, Исидора. А что уже тогда была у Грековъ гадка согласитися на унію съ папежомъ, то патріархъ выбралъ нарочно Исидора, бо зналъ, что онъ есть великій приклонникъ тои уніи и папежа.

Въ Москвѣ владѣлъ тогда вел. князь Василій Темный. Онъ не хотѣлъ порознитися съ греческимъ цѣсаремъ, бо они оба были спороднены, и принялъ Исидора. Тотъ сейчасъ по прибытью на Русь сталъ собиратися на лживый соборъ, скликанный папежомъ Вел. Князь отпустилъ его, бо думалъ, что Исидоръ будетъ боронити св. Православія. Но Исидоръ былъ волкъ въ овечьей шкурѣ, онъ одинъ изъ першихъ подписалъ унію и согласился на всѣ блуды латинства та призналъ папежа головою церкви. Потомъ верталъ на Русь а по дорозѣ всюда братался съ латинниками. Въ мѣстахъ Тарновѣ и Краковѣ (нынѣшня западная Галичина) служилъ по польскихъ костелахъ; уже тогда заводилъ унію на извѣстный ладъ: „то вшистко едно".

Та въ Москвѣ такъ не удалося. Коли бо онъ передъ вел. княземъ признался, что подписалъ унію, и отдался папежу, то вел. князь уже

сенный справедливымъ гнѣвомъ, казалъ его, яко зрадника и Іуду, взяти подъ стражу. Исидору удалося утечи и самъ пропалъ въ Греціи, бо папежъ высмѣялъ дурня и за вѣрную службу не далъ ему ничего.

Та и самъ папежъ не заробилъ на уніи ничего. Она совсѣмъ не принялася на востоцѣ; православныи остали православными, якими будуть до конца всего свѣта. На Руси унія даже не прикоснулася никого. А Грековъ, чтобы не торговали вѣрою и не вязалися съ папежами, покаралъ Богъ тяжко: дня 29 мая 1453 р. Турки здобыли Царьгородъ; церковь св. Софіи замѣнили на божницю, и самостоятельность Греческои державы перестала существовати.

РУСЬ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ САМОДЕРЖАВНЫХЪ ЦАРЕЙ.

Іоаннъ III. Васильевичъ

(отъ 1462 до 1505 р.).

Было то дня 22 января 1440 р. Въ Новгородѣ проживалъ тогда мужъ, который посвятился на службу Богу, юродивый Христа ради Михаилъ Клопскій. У помянутого дня сталъ онъ звонити въ церковныи звоны, а коли сошолся сдивованный народъ, а пришолъ также и владыка Евѳимій II., то Михаилъ оголосилъ пророческимъ духомъ, что у великого князя Василія Темного родился сынъ, который удивитъ свѣтъ своею силою. Пророчество то было правдиве; въ тотъ самъ день въ Москвѣ родился Иванъ сынъ Василія, позднѣйше владѣтель русской земли, а тамъ и первый русскій справедливый государь (царь). По смерти Василія Темного вступилъ на великокняжескій престолъ его сынъ, Иванъ Третій. Онъ правилъ дуже мудре. Коли земля Новгородская хотѣла оторватися отъ едности Руси и соединитися до польского короля, то великій князь Иванъ покорилъ разъ на всегда Новгородъ. Отъ того часу Новгородъ повиновался всегда Москвѣ.

Мы читали уже, что Новгородъ извѣстный былъ изъ своей непостоянности. И теперь, за владѣнія Ивана III значительная часть бояръ клонилася больше на сторону короля польского и литовского князя, Казиміра IV. На челѣ бунтовщиковъ стояла вдова бывшего посадника Новгорода, Марта Горецка, женщина дуже розумна, но честолюбива. За нею стояли ей сыны, Димитрій и Ѳеодоръ, и многіи бояре. За то бѣдный народъ сильно держался той мысли, что только въ единости и не дѣлимости Руси лежитъ ей спасеніе. Треба знати и то, что сторонниковъ Казиміра подозрѣвали, что они не держатся щиро св. православной вѣры, та что готовы они согласитися на проклятую унію, которую на флорентійскомъ лжесоборѣ (см. ст. 115) конечно хотѣли накинути тѣмъ русскимъ землямъ, что держали съ Польшею. Великій князь предостерегалъ Новгородцевъ, ибо не хотѣлъ идти на нихъ войною, но коли то не помогло, то выправилъ противъ нихъ свое войско. Воевода Іоанна, князь Даніилъ Холмскій, побилъ новгородчанъ на берегу озера Ильменъ, а другій разъ на рѣцѣ Шелони. Было то 1471 р. Потомъ занялъ Иванъ III. само мѣсто Новгородъ. Марту Горецку постригли въ монастыри въ чернины, сынъ ей Димитрій и еще другіи бунтующіися бояре были покараны смертію. Самому мѣсту великій князь простилъ, взялъ только дань съ него (15 тысячъ рублей), а жители присягли, что уже николи не будутъ бунтоватися, а всегда будутъ вѣрно держатися св. православной, единоспасительной вѣры.

Но все таки еще разъ пришлося великому князю идти съ войскомъ на непокорный Новгородъ. Послѣ новгородской земли сами признали великому князю названіе „государь", та потомъ Новгородчане стали отпиратися отъ того. Но коли войска великого князя вошли въ новгородскую землю, то Новгородъ уже остаточно покорился. Великій князь заборонилъ непокорнымъ жителямъ созиватися на вѣча; вѣчевый звонъ вывезено до Москвы, где также переселено многихъ знатныхъ но непослушныхъ бояръ съ ихъ родинами. И такъ остаточно только 1479 р. Новгородъ черезъ свою непокорность утратилъ остатки своихъ вольностей, а великій государь могъ быти спокойный, что отчизну свою, Великій Новгородъ, привелъ въ свою волю и учинился на немъ государемъ, якъ и на Москвѣ

Государь Иванъ III. пересталъ платити дань Татарамъ и освободилъ русскую землю разъ на всегда отъ татарского ига. Также на русской землѣ всѣ удѣльныи князи, якіи еще были, узнали надъ собою власть государя. И такъ русская земля соединена была въ одну великую державу.

Двѣсти лѣтъ тяготѣло надъ Русью татарское ярмо. Та давна сила Татаръ уже ослабѣла, они подѣлилися на численныи орды и нищили себе взаимно. Иванъ III. жилъ въ дружбѣ съ крымскимъ ханомъ, Менгли-Гиреемъ и допомогъ ему разъ на всегда розбити колисъ такъ славную Золотую Орду. Треба знати и то, что польскій король Казиміръ IV. все подмовлялъ Татаръ противъ Ивана III., все прирекалъ имъ помощь, но обѣтницы николи не додержалъ. И такъ Татары перестали быти страшными для русской земли, но не для всей, бо полудневая часть той земли, остающая подъ Литвою и Польшею, долго еще мусѣла страдати отъ татарскихъ набѣговъ.

Иванъ III. оженился (по смерти первои жены) съ греческою царевною, Софіею, сестрою послѣдняго греческого цѣсаря, Константина Палеолога. Цѣсари гречески уже утратили власть, бо землю ихъ забрали Турки (1453 р.). Оженившися Иванъ III. соединилъ старый русскій державный гербъ (знамя) представляющій святого Георгія на конѣ, убивающого змія, съ гербомъ греческихъ цѣсарей, т. е. съ двоглавымъ чернымъ орломъ. Сдѣлалъ онъ то на знакъ, что православныи русскіи цари приняли на себе обязанность греческихъ цѣсарей боронити св. православную вѣру.

Коли Иванъ III. задумалъ оженитися съ Софіею, то она проживала тогда въ Римѣ. Папа римскій хотѣлъ корыстати изъ того, чтобы намовити государя до уніи съ латинствомъ, и коли Софія отъѣзжала до Россіи, послалъ съ нею своего посла, якого то бискупа Антонія. Однако штука не удалася. Антонію въ Москвѣ не отдали ніякои чести, бо православный митрополитъ, Филипъ

сказалъ, что нигдѣ нѣтъ мѣста, если латиннику папежнику, который высмѣваетъ православную вѣру, будуть отдавати честь. Треба додати и то, что царица Софія была дуже горячо предана св. Православію.

Государь Иванъ III. выдалъ свою дочку, Елену, за великого князя литовского, Александра, сына и наслѣдника Казиміра Ягайловича. Александръ пріобѣщалъ, что его жена, княгиня Елена, будетъ мати для себе особую православную церковь. Но онъ, яко католикъ, сталъ принуждати ю, чтобы покинула свою православную вѣру и чтобы приняла латинство. Кромѣ того католики литовски гнобили русскіи земли приналежавшіи подъ власть государя Ивана III, а также хотѣли его подступомъ узяти. Черезъ то пришло до войны между Иваномъ Третимъ, а Литвою. Подъ Дорогобужемъ русскіи войска побили Литовцевъ, которыми предводительствовалъ гетманъ, Константинъ Острожскій. Война тревала кілька лѣтъ съ великою стратою и шкодою для Литвы. Она мусѣла отдати государю Ивану полуночни земли и цѣлыи области, а принадлежавшіи до теперь до Литвы, съ мѣстами: Черниговъ, Стародубъ, Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Послѣ заключено въ 1503 р. примиреніе на шесть лѣтъ.

Тутъ прійдется намъ представити короткій образъ того, что дѣялося на литовско-русскихъ земляхъ. На литовско-княжескомъ престолѣ въ Вильнѣ сидѣлъ Казиміръ, сынъ Ягайла. Хотя и католикъ, все таки онъ не дуже оглядался на свою сосѣдку Польшу, въ которой былъ королемъ его братъ Владиславъ, котрого также и Венгри выбрали на своего короля. Казиміръ держалъ сторону русскихъ и тѣхъ Литовцевъ, которыи даже не хотѣли чути о якій то едности съ Польшею. А Поляки розумѣли ту едность (именно унію) такъ, что Литовцы и соединены съ Литвою русскіи земли мають совсѣмъ отдатися подъ власть Польши и покорно ей служити. Противники Польши уважали всякіи уніи, а прежде всего, Городельскую унію (см. ст. 80) за обманство со стороны Польши, и хотѣли розорвати всякую связь съ нею, на что Казиміръ совсѣмъ годился.

Треба знати, что жилъ еще и старый Свидригайло и княжилъ на Луцку и Волынѣ. Онъ поѣхалъ до Вильна, до Казиміра и сказалъ ему просто: „держи ты въ своей власти русскіи и литовскіи земли а Полякамъ не поддавайся.“ Случилося такое, что въ 1444 р. польскій и угорскій король Владиславъ былъ забитый въ войнѣ съ Турками подъ Варною. Турки его убили, бо онъ сломалъ присягу, нарушилъ миръ и напалъ на нихъ войною. Тогда то Поляки, чтобы конечно охватити литовскіи и русскіи земли, выбрали Казиміра своимъ королемъ. Онъ сразу не хотѣлъ даже чути о томъ, бо не дбалъ о Польшу, та 1446 р. дался подмовити и принялъ польскую корону съ тѣмъ, что литовско-русскими землями будетъ управляти яко совсѣмъ не зависимый отъ Польши великій князь литовскій.

Поляки на то пристали, бо оно уже така польская удача, что на все годятся и присягаютъ, та отъ коли Польша Польшею, то еще ни одной присяги они не додержали. Поляки начали перти до того, чтобы Литва и Русь конечно подчинилися ей, а снова съ противной стороны не хотѣли чути о якой тамъ едности съ ляхами. И такъ отъ 1447 р. до 1492 р. безпрестанно скликовали Поляки всякіи сеймы, чтобы конечно привести на свое, но Русь и Литва не покорилися, а часто-густо на такихъ съѣздахъ (якъ въ Петрковѣ, Люблинѣ, Парчевѣ) еще высмѣяла польскую захланность. Доходило до того что самъ король Казиміръ грозилъ Полякамъ, что покинетъ ихъ и выѣдетъ до Вильна, на Литву, что нерезъ робилъ. Но съ часомъ польскіи паны овладѣли совсѣмъ Казиміромъ и онъ уже сталъ на все годитися, давалъ имъ всякіи права и на паперѣ присоединялъ Литву до Польши. Но только паперомъ могли тѣшитися Поляки а больше ничѣмъ.

А тутъ бѣдной Польши не велося всюда. На великое еи несчастье удалося еи умолити о миръ великого русского князя Василія Темного. За то Татары нападали на несчастныи русскіи земли, что были подъ Польшею, а снова на Волощинѣ православный господаръ (князь-воевода) Богданъ побилъ войско Казиміра на-голову за то, что Поляки хотѣли мѣшатися въ справы Молдавско Волошскои земли, въ которой хотѣли шибатися якъ на своей нивѣ. Было се 1450 р.

По то не довело Польши до розума. Она начала дальше спорити съ Литвою и русскими землями. Ей забаглося конечно заграбити подъ свою власть Волынскую и Луцкую землю. Славный князь Свидригайло умеръ дня 10 февраля 1452 р., но передъ смертію приказалъ онъ, чтобы земли его отдано подъ власть Литвы, а польскимъ духомъ чтобы даже не смѣло вѣяти на нихъ. И такъ стался. Поляки страшно злилися, но все то не помогло, хотя ихъ король Казиміръ уже совѣтъ имъ подавалъ. Скликали они 1473 р. сеймъ до Нарчева и тутъ хотѣли здрадою перебити всѣхъ знатнѣйшихъ русскихъ и литовскихъ великожъ, но то имъ не удалося. Русско-литовскіи послы стояли таборомъ въ пограничномъ мѣстѣ Берестью. Сии послали до сосѣдного Нарчева запросити ляховъ на обѣдъ. Ляхи утѣшилися и уradили подчасъ обѣду напасти на нашихъ пословъ и убити ихъ. Но коли съ великою силою и збруею заѣхали до Берестя на обѣдъ, то застали только порожное мѣсто. Наши послы отъѣхали, а на память лишили ляхамъ поломаны и обезчещенныи польскіи гербы. Отъ того часу уже черезъ долгій часъ не было вспольныхъ сеймовъ, та все таки Поляки роздумовали надъ тѣмъ, чтобы Литву и Русь собѣ покорити и назвати все одною Польшею.

Тѣмъ часомъ великій князь всеи Руси, Василій Темный померъ 1462р. а на престолѣ засѣлъ мудрый владѣтель, Иванъ Ш. Василій Темный мира ради не хотѣлъ починати гойны съ Поляками. Но коли они побачили, что Иванъ Ш. старается скрѣпити и соединяетъ русскую державу то они не на жартъ уляклися. И стали Поляки по своему звычаю идти подступомъ. Якъ мы уже читали, сии подбурили Новгородъ, сбѣшали ему помощь, та обѣтницы не додержали. Такъ само подбурили противъ Ивана Ш. татарскую Золотую Орду, обдурили ю и сами ничсто не выграли, а Иванъ Ш. сталъ ихъ уважати за явныхъ своихъ вороговъ.

Еще до того Поляки где могли тамъ кривдили и неволили руский народъ. Въ Кіевѣ княжилъ изъ руки Казиміра славный, мудрый и горячо православный князь Симеонъ Олельковичъ, внукъ Василія Темного. Кіевляне задумали сорвати связь съ Польщею, а тогда князь Симеонъ отдавался подъ власть Ивана III. Но на несчастье князь Симеонъ молодый еще вѣкомъ умеръ (1471 р.) а Поляки сейчасъ наслали своевойско, замѣнили Кіевское княжество въ звычайное „воеводство" и стали тревожно притѣсняти рускихъ, мѣстныхъ и доокрестныхъ бояръ. Черезъ то сердца всѣхъ рускихъ вельможъ обертались до Ивана III. яко до единственной надежды руского народа, а то еще дуже болѣло гордыхъ Поляковъ и за то они стали хитро бунтовати Новгородъ и татарску орду. Штучка не удалася. Казиміръ боялся, что прійдеть для него день отплаты, и упросилъ Ивана III. о миръ. А хотя великосердечный государь не отказался, то все таки война уже якъ бы висѣла въ воздусѣ, тѣмъ больше, что воеводы Казиміра, будучи католиками, всюда угнетали православныхъ, а тѣ снова не видѣли въ никомъ помощи, только въ православномъ государю.

Та все таки за житья Казиміра, не дойшло до войны. Онъ умеръ 1492 р. и лишилъ трехъ сыновъ, Іана-Альбрехта, Александра и Жигмонта, а всѣ они по очереди были польскими королями. Литовцы по смерти Казиміра выбрали своимъ великимъ княземъ его средного сына, Александра, и совсѣмъ сорвали всякую связь съ Польщею, а до того Александръ выдалъ право, что ниякій ляхъ-шляхтичъ не смѣетъ на Литвѣ и въ рускихъ съ нею совокупленныхъ земляхъ, жити, або землю купити. Литва-Русь мала свой соймъ, а урядовымъ ихъ языкомъ былъ языкъ рускій. Всежъ таки Иванъ III. зналъ о томъ, что всѣ рускіи земли хотятъ идти подъ его власть. Именно просили его о то жители черниговской области, а и други, бо католики не уставали угнетати православныхъ. Коли до того словлено двохъ ляшковъ, которыи признались, якобы небощикъ Казиміръ подмовилъ ихъ убити Ивана III. то мѣра переобрала черезъ верхъ — началася война (1493 г.).

Русскіи войска заняли часть Черниговщины, а союзникъ Ивана III. ханъ Менгли-Гирей подступилъ подъ Кіевъ, кинулся на русско-литовскіи земли и не уступалъ, хотя Александръ хотѣлъ его за велики гроши перекупити. И была бѣда съ Александромъ; онъ мусѣлъ покоритися, просилъ о миръ, призналъ Ивану III. годность государя всеи Руси, а для скрѣпленія мира просилъ, чтобы Иванъ III. выдалъ за него свою дочку, Елену. Онъ присягъ, что побудуетъ для неи православную придворную церковь и не будетъ въ ничемъ стѣсняти еи вѣры. А мусимъ знати, что Иванъ III. былъ дуже благочестивый государь; онъ, отправляючи свою дочь Елену до Вильна, наказовалъ ей такъ: въ латинскую, божию не ходи, а ходи въ свою церковь. Но Александръ сталъ неволити Елену на латинство, церкви не побудовалъ до чого намовлялъ его папежъ, Александръ IV. И по всюду стали латинники преслѣдовати святое православіе; изъ русско-латинскихъ земель поднесся кличъ отчаянія, часть Чернигово-Сѣверной земли изъ-за утиска въ вѣрѣ оторвалася, отъ Литвы и поддалася власти Ивана III. Война закипѣла.

Русскіи войска заняли много мѣстъ, а подъ Дорогобужемъ, надъ берегами рѣки Ведрони, побили на голову литовскіи войска, якими полководилъ Константинъ Острожскій, который попался въ неволю. Было то 14 іюля 1499 р. А тутъ Молдавяне и Татары не давали спокою, и Александру пришло уже на судный день. Но все таки онъ бунтовалъ противъ Ивана III Шведовъ и Литовцевъ, (хотя безуспѣшно) неволилъ свою жену Елену до латинства и угнеталъ православныхъ. А коли видѣлъ, что уже бѣда, то давай молити Ивана III о прощеніе. Тогда то государь написалъ ему такъ: „Зятю мой, уже запоздно просишь ты и признаешь менѣ годность государя всеи Руси. Жена твоя, а дочь моя, даже не мае своеи церкви и отъ латинскихъ бискуповъ она чуетъ ругательства на св. православную вѣру. А что ты творишь на Литвѣ? Будуешь костелы по русскихъ мѣстахъ, отнимаешь женъ отъ мужей, дѣтой у родителей и крестити велишь на латинство. И кажешь, что не гонишь св. вѣры? А я чи могу дивитися равнодушно на утискъ св. православія?

Такъ писалъ православный государь. А до свои дочки Елены писалъ онъ такъ: „Не слухай лестныхъ словъ рад не перетерпи муки, а сохрани св. православную вѣру, въ которой ты родилася и возросла, а храни ю подъ угрозою Божяго и моего проклятія". Войска русскіи и не думали уступити изъ полночныхъ предѣловъ Литвы. Въ 1501 р. умеръ польскій король и братъ Александра, Янъ Альбрехтъ. Александръ обѣщалъ Полякамъ, что разъ на всегда соединитъ Литву и Русь съ Польшею и они выбрали его своимъ королемъ (но жены его, Елены, яко православнои, не вѣнчали на королеву). Александръ согласился на паперѣ на все, чего забагли Поляки-паны. Но Иванъ III. велъ дальше войну, а Александру не помогли его Поляки.

Въ 1501 р. русскіи войска побили войска литовского воеводы, Евстафія Дашковича, (жаль, что по родѣ и вѣрѣ былъ онъ русскій человѣкъ). Татары снищили всю землю, коло Луцка, Белза, Львова ажъ по Краковъ. А снова господарь Волошскій, Стефанъ занялъ на Днѣстрѣ — Коломыю, Галичъ, Снятынъ и всюда гналъ Ляховъ. (По его смерти 1504 р. они отобрали тѣ земли назадъ). Александръ просилъ римского папежа, чтобы тотъ просилъ за нимъ Ивана III. но на папежскіи прошенія государь даже не далъ отвѣта. И самъ Александръ сталъ просити мира, но былъ на столько безличный, что домагался сверху тѣхъ полночныхъ земель, яки русскіи войска заняли были. На то получилъ такій отвѣтъ отъ государя: „Твоя отчизна, то Польша и Литва, а Русь то моя отчизна, что за Божіею помощію я сдобылъ, то мое, а еще заберу Кіевъ, Смоленскъ и другіи мѣста, что належатъ до русскои земли."

Но въ 1503 р. Иванъ III. согласился на шестилѣтный миръ Сѣверна часть Литвы-Руси ажъ по Днѣпръ (майже по самъ Кіевъ) мала остати по вѣчныи часы при русской державѣ. Вотъ такій то былъ перебѣгъ тои первои, долголѣтнои войны между православною Русью а католицко-латинскою Литвою и Польшею. Та жаль только что въ войнѣ той по сторонѣ Литвы ставали переважно

русскіи войска. Сневолены литовскою и польскою ие ревагою они мусѣли идти противъ братьевь своихъ съ которыми вязалъ ихъ одинъ родъ и одна вѣра.

Государь Иванъ III. былъ владѣтелемъ дуже мудрымъ и для того названо его „Великій." Онъ надалъ русскей земли дуже мудрыи права, а такж пріукрасилъ новыми церквами и каменными палатами Москву и другіи мѣста. Иванъ III. умеръ (дня 27 сентября) 1505 р. На престолѣ русскои державы засѣлъ его сынъ, Василій III. Ивановичъ.

И вправдѣ „Великій" былъ Иванъ III. сборонитель св. православія. Еще на рокъ передъ его смертію Александръ просилъ его о вѣчный миръ, а и тогда государь отписѣлъ, что даруетъ Литву миромъ, ис коли она добровольно отдасть Смоленскъ и Кіевъ. Иванъ III. сосбиупилъ русскую землю, его сынъ засѣлъ на престолѣ яко правдиво самодержавный государь и защитникъ св. православія. Великую почесть малъ Иванъ III. у всѣхъ, владѣтелей тогдашнихъ; онъ жилъ въ дружбѣ съ угорскимъ королемъ, съ цѣсаремъ австрійскимъ и римскымъ съ молдавскимъ господаремъ, а только гналъ отъ себе пословъ римского папежа. По немъ осталися въ Москвѣ вельчары Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій соборы, далше каменный великокняжескій дворецъ, нѣсколько башень Кремля и Грановая палата, а все то побудовано славными мастерами (майстрами), которыхъ государь привиалъ изъ далекихъ, італійскои и нѣмецкои земель. Вѣчная память великому и слазному государю, Ивану III.

Василій III Ивановичъ
(отъ 1505 до 1533 р.).

Новый государь пошолъ слѣдомъ великого своего отца. Онъ зналъ, что главный его обовязокъ хоронити русскіи земли и заступатися за св. Православіе. Яко самодержавный владѣтель, онъ высоко цѣнилъ царское достоинство.

Государь Василій III. Ивановичъ мусѣлъ начати нову войну съ Литвою и Польшею, надъ которыми то державами владѣлъ Жигмонтъ Старый. Война та тревала 15 лѣтъ (отъ 1507 до 1522 р.) Русскіи войска при помощи князя Михаила Глинского, покривдженного черезъ Пе

ляковъ, заняли мѣсто Смоленскъ и разъ на всегда присоединили его до русской державы.

Король Александръ умеръ бездѣтно 1506 р. Одна часть Литво-Руси хотѣла присоединити тѣ земли до русской державы и поддати ихъ Василію III, но католицкое сторонництво поспѣшно выбрало литовскимъ княземъ Жигмонта Старого, брата Александра, котораго Поляки выбрали ровнежь и сесимъ королемъ. Гетманомъ Литвы былъ тогда православный, русскій князь Михаилъ Глинскій. Но коли Жигмонтъ пріѣхалъ до Вилна, то окружился ляхами, а тѣ стали высмѣвати и притѣсняти православныхъ, якъ также не пощадили и славного Глинского. Тотъ покинулъ Литву и подчинился власти государя Василія III и началъ войну съ Жигмонтомъ. Поляки стали просити о миръ и добросердный Василій III согласился на то. Но Поляки стали, якъ звычайно подступно бунтовати противъ Руси крымскихъ Татаръ, которы обѣщали платити что-рочно по 15 тысячъ червенцехъ, чтобы они нападали на русскіи земли. Дальше собралъ Жигмонтъ великіи сеси, польско-литовски войска и поставилъ на челѣ ихъ Константина Острожского. Тотъ Острожскій былъ ревный православный человѣкъ и для православія въ литовско-русскихъ земляхъ онъ сдѣлалъ дуже много. Именно много жертвовалъ онъ на церкви и школы. Черезъ деліи лѣта, бо отъ програнной битвы подъ Дорогобужемъ (1500 р.) жилъ онъ въ Москвѣ. А также и Евстафій Дашковичъ добровольно подчинился былъ (1505 р.) власти Ивана III и проживалъ въ Москвѣ въ почестяхъ. Но оба они всегда покланялися по старому Польши и въ 1508 р. вернули до неи. Жигмонтъ поставилъ храброго Острожского начальникомъ своихъ войскъ, а Дашковичъ занялся устройствомъ козацкого войска, о чемъ будемъ на другомъ мѣстѣ читати.

Тойже Жигмонтъ ажъ рвался до войны съ Василіемъ III Онъ сталъ кривдити сестру Василія, а вдову по Александрѣ, Елену, а на конецъ велѣлъ ю насильно порвати изъ православной церкви и замкнути въ Троицкой крѣпости, где ажъ 1513 р. умерла. Василій III все таки хотѣлъ удержати миръ. Ажъ тутъ сыны умирающего уже майже Менгли-Герея, перекуплены Жигмонтомъ напали на царскіи земли и опустошили ихъ ажъ по Рязань, где однакъ царскіи войска стерли ихъ на порохъ. По такой здрадѣ со стороны ляхов. царь Василій III повѣлъ имъ войну и занялъ Смоленскъ. Разъ однакъ не повелося царскимъ войскамъ, бо надъ Оршею Константинъ Острожскій одинесъ надъ ними великую побѣду (1514 р.), однакъ Смоленска не отобралъ. Поляки дуже утѣшилися тою побѣдою и подъ небеса хвалили, величали и честували Острожского, устроили ему побѣдоносный въѣздъ до Вилна, а потомъ не хотѣли его допустити до сейма для того, что онъ былъ православный. Вотъ якъ то ляшско-латинско-католицка вѣрность! И нынѣ она не лучша.

Тѣмчасомъ Глинскій, нерадъ изъ того, что царь не отдалъ ему въ зарядъ Смоленска, сталъ по-тихо сноситися съ Жигмонтомъ. Но здрада была открыта. Глинского сковали и заслали до Москвы въ тюрму. Война съ Польшею не уставала. Въ 1515 р. за ляшскіи гроши крымскіи Татары, а съ ними на свой стыдъ и соромъ также украинскіи козаки подъ проводомъ Дашковича ишли воевати царскіи земли, но не только не заняли ни одного мѣста, но мусѣли еще и утекати. А снова въ 1517 р. русскіи войска подъ Опочкою отплатили Конст. Острожскому за Оршу и розбили его полки. Также здрадливый сынъ Менгли-Гирея, Махметъ-Гирей, отлучился отъ Польши, наклонился на сторону Москвы и въ 1519 р. выслалъ своего сына Богатыря противъ Польши. Сынокъ опустошилъ землю ажъ подъ Краковъ, а подъ мѣстомъ Сокалемъ при Бузѣ розбили войска Конст. Острожского. Ровночасно русскіи войска опустошили Литву ажъ подъ Вильно. Казалося, что уже пришолъ ей конецъ, но Жигмонтъ выпросилъ у Василія Ш миръ на 6 мѣсяцевъ.

Но потомъ война не уставала, бо Махметъ-Гирей кидался то тутъ то тамъ. И такъ за польскіи гроши в 1521 р. напалъ онъ на русскіи земли, и то тогда, коли царь Василій Ш съ всѣма войсками былъ въ сторонахъ Смоленска. Татарамъ помагалъ Дашковичъ съ козаками. Они подступили подъ Москву и сдерли съ неи дань, но, повертаючи назадъ, попалися въ клѣтку, бо русскіи войска побили ихъ на-голову. А потомъ дошло до того, что Татары стали бити украинскихъ козаковъ, а самого Дашковича схватили якъ собаку на арканъ и загнали въ неолю.

Польскій король, Жигмонтъ Старый, сталъ просити (1522 р.) русского царя Василія Ш о миръ на шесть лѣтъ. Онъ мусѣлъ признати царю назву „Государь всеи Руси“ и отказался разъ на всегда отъ Смоленска. Миръ тотъ обновлено позднѣйше и продолжено ажъ до 1533 р. Такъ то ляхи мусѣли просити о ласку и помилованье русского царя. Государь Василій Ш два разы ходилъ войною на казанскихъ Татаръ и покорилъ ихъ. Мудрый тотъ царь умеръ 1533 р. Наслѣдникомъ своимъ назначилъ своего трехлѣтняго сына, Ивана, названного позднѣйше „Грознымъ.“ Именемъ молодого царевича мала управлять державою его мати, вдова по Василію, Елена.

Правовѣрный и богочестивый царь Василій передъ смертію прійялъ монашество. Онъ уже давнѣйше простилъ Михаилу Глинскому и назначилъ его членомъ думы, которая мала помагати царицѣ Еленѣ въ правленію державы. Членовъ тои думы поучалъ онъ, чтобы берегли христіанство и опековалися его сыномъ. На нѣсколько уже днеи передъ смертію его окружали священники и монахи, а онъ каждого дня причащался Найсв. Дарами. Поблагословилъ онъ своего сына, престолонаслѣдника, трехлѣтняго Ивана, и молодшого еще сына, Юрія, а потомъ казалъ спѣвати при своемъ ложи акафисты. При умирающомъ стоялъ священникъ съ Найсв. Дарами, чтобы запричастити его, когда душа станетъ отдѣлятися отъ тѣла. До послѣдниси хвили житья онъ шепталъ молитвы, а коли уже уста не могли открытися, то умильно глядѣлъ на образъ Богородицы. На умирающого положили монашескую мантію, а на груди Евангеліе. И тогда то „духъ его отошелъ аки дымецъ палъ“ тихо, свято. Такъ умиралъ великій, могучій православный царь. А коли тѣло вынесли съ домовиною на площадь, то народъ такъ заголосилъ, что не было можна чути даже звоновъ. И не диво, для русскои державы мали начатися дни великои тревоги, а воть она хоронила одного изъ царей, которыхъ память для неи отъ рода въ родъ.

Конецъ литовско-русскои независимости и судьба Галицкои земли.

Надъ Литвою и тѣми землями русскими, которыи были ей подчинены, владѣлъ Жигмонтъ Старыи, которыи былъ также королемъ Польши. Онъ надалъ Литвѣ и Руси книгу законовъ, котора то книга была писана русскимъ письмомъ и на русскомъ языцѣ и звалася: „Статутъ литовскій.“ Она надавала многи права велможамъ (панамъ, шляхтичамъ) русскимъ и литовскимъ. Однакъ убогій народъ отдавала она въ руки тѣхъ бояръ и приказувала ему робити тяжкую панщину. По смерти Жигмонта Старого сталъ владѣти надъ Литвою его сынъ, король польскій, Жигмонтъ Августъ.

Только то свѣчки и воску, что „Статутъ Литовскій" былъ писанный по русски. Ляхи змѣрковали, куда зайти русскихъ вельможъ; они надали имъ всякіи права, якіи мала польская шляхта. Зато простонародіе было вынято изъ подъ права. Селянинъ мусѣлъ робити до 200 дней на рокъ безъ платы на пана, онъ подлягалъ шляхотскому суду, шляхтичъ малъ право убити селянина и торговати нимъ. Правда, что „Статутъ Литовскій" заборонялъ польской шляхтѣ осѣдати на Литвѣ и Руси, но было то написано только для ока, для поддобреніяся тѣмъ изъ вельможь, которы не хотѣли еще отдатися совсѣмъ подъ ляшску перевагу. И сталъ Жигмонтъ-Августъ осторожно стремѣти до того, чтобы разъ уже и то конечно поддати Русь и Литву подъ польскую власть. Правда, что дѣлалъ онъ то помаленьку, но таки допнялъ свого и то, на жаль, при помощи русскихъ вельможь.

Король Жигмонтъ-Августъ скликалъ 1569 р. сеймъ до мѣста Люблина. На томъ сеймѣ польски и русскіи, до Литвы належащіи послы, подписали унію. Ведля тои уніи землю Волынску, Кіевску и Подолье, яки належали еще до Литвы, присоединено до Польши. Польша, Литва и Русь мали творити одну державу подъ польскимъ королемъ. Унію ту названо „Люблинская Унія", и Литва на то пристала. Черезъ ту унію Литва и соединены съ нею русскіи земли утратили свою независимость и поддалися Польшѣ.

И показалося, таки сейчасъ, что то за „унія." Знатна часть рускихъ вельможь та и литовскихъ запротестовала противъ неи, но Поляки насильно отобрали имъ маетки. На Русь и на Литву повенею стала налѣзати польска шляхта, именно Волынску и Кіевску землю забрала она совсѣмъ въ свои руки и стала ю безстыдно полячити и латиншити. Правда, что унія убезпечала свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, но Поляки стали безмилосердно перетягати русскихъ на латинство. Народъ въ крѣпатствѣ, въ неволѣ, гинулъ подъ батогами польскои шляхты. А снова, русски, православныи бояре были изъ-за своеи вѣры понижены яко, „схизматики" и большая часть изъ нихъ ишла на слѣдъ Юды и вырекалася благочестивои, православнои вѣры, та ишла на безбожне, плюгаве латинство. Гнетъ за вѣру росъ что-разъ больше, ажъ отбился онъ въ козацкихъ войнахъ. Для ляховъ „Люблинская Унія" что-то великого они добились черезъ ню того, до чего только лѣтъ стремѣли, снишили ос-

танки свободы Литвы и Руси. Фальшивы и вѣроломны они кричатъ отъ того часу, что Польша, Русь и Литва то „вшистко едно.“ Въ безличности своей они важатся поровнати ту едность до едности Святои Троицы. На памятку тои уніи высыпали они во Львовѣ высокій курганъ, и то тамъ, где былъ замокъ русскихъ князей. И стоитъ тотъ курганъ, якобы могила надъ безбожностію, подлотою и лайдацтвомъ ляшскои самоволи, на которой до конца свѣта будетъ проклятіе русского народа.

Судьба Галицкои земли была найстрашнѣйша. Поляки уважали ту землю за свою и переслѣдовали въ ней всѣхъ православныхъ русскихъ людей. Татары нападали на Галицкую землю, палили села, а народъ вели въ неволю. Шляхта польска утекала и оставляла Галичину безъ обороны. Въ мѣстѣ Львовѣ и въ другихъ мѣстахъ чисто русскихъ, православныи не смѣли даже належати до громадскои рады. Они мусѣли платити десятину на польски, католицки костелы, а также платили податокъ за то, что были православны. За то жиды мали всяку свободу и ласку въ очахъ католиковъ.

Не знаемъ, чи памятаютъ о тѣмъ тѣ здрадники, что розбиваются за уніею съ латинствомъ и за сгодою съ ляхами. Если было якое полекшеніе для православныхъ, то было оно за короля Владислава въ 1443 р. Тотъ король выдалъ наказъ, что православныи владыки маютъ таке саме право якъ и латински бискупы, а также приказалъ отдати православнымъ тѣ церковныи маетки, яки заграбили имъ безправно латинскіи ксендзы. Но православныи сейчасъ познали, куда идетъ королевская ласка. Было то по флорентійской уніи (см. ст. 115), коли король хотѣлъ поддобритися православнымъ и затягнути ихъ подъ папежское ярмо. Но тутъ штука неновела; наши предки муромъ стояли за единоспасительною православною вѣрою, они волѣли за то страдати, а не пошли слѣдомъ отступниковъ-бояръ. А королевскій указъ осталъ на паперѣ.

Для православныхъ не было права, ни суда. Живый примѣръ лайдацкого поступованія польскои шляхты видимъ на разбойничьемъ насиліѣ, дополненномъ на Гальшцѣ Острожской, дочцѣ и сиротѣ по православномъ князю, Иліи Острожскомъ, который лишилъ ей велики

маетки на Волынѣ и Подолью. Поляки хотѣли загарабити тѣ маетки, тѣмъ больше, что Гальшка была изъ лица дуже хороша. Одинъ ляшокъ, Димитрій Сангушко, насильно повѣнчался съ Гальшкою и утекъ съ нею ажъ на Чехію, но тамъ догналъ его свояк Гальшчинои матери, Мартинъ Зборовскій, и велѣлъ Сангушка убити. Гальшка вернула до матери и мала выйти за русского православного князя, Симеона Слуцкого.

Но нашолся другій ляхъ, Лукашъ Гурка, и тотъ купилъ себѣ у польского короля право насильно повѣнчатися съ Гальшкою. Она перебывала съ матерію своею во Львовѣ, и тутъ напалъ ихъ Гурка съ цѣлымъ войскомъ. Обѣ женщины замкнулися въ укрѣпленномъ монастырѣ, а Гурка приступилъ до облоги. Тѣмчасомъ князь Симеонъ Слуцкій въ перебранью достался до монастыря и законно повѣнчался съ Гальшкою. Однако Гурка сдобылъ монастырь и силою завелъ Гальшку до престола и латинскій ксендзъ повѣнчалъ его съ нею. Гальшка сойшла съ розума и вскорѣ умерла. Такое потоптанье Божьяго закона был ничѣмъ для католиковъ, ибо они за ничь не мали православнои вѣры, а своего папежа ставили выше самого Христа, якъ то и нынѣ роблятъ. А если они такъ поступали съ русскими княжными, то что дѣялося съ тѣмъ беззащитнымъ народомъ?

Коли настала „Люблинская унія“, то православныи граждане мѣста Львова выслали пословъ до короля Жигмонта-Августа, а тѣ послы розповѣли ему о всѣхъ притѣсненіяхъ, якіи въ Галицкой землѣ терпитъ благочестіе. Король выдалъ наказъ, что православныи маютъ такіи сами права, якъ и католики, и наложилъ кару на тѣхъ, кто будетъ кривдити православныхъ. Но во Львовѣ польска рада высмѣяла королевскій наказъ и еще горше угнетала православныхъ, которымъ не вольно было даже помершихъ съ крестнымъ ходомъ хоронити. А все то дѣялося на искони русской землѣ.

Тѣмчасомъ безпрестанно нападали на ту землю Татары и палили и нищили. И такъ въ 1448 р. кровью сплыло цѣлое Подолье, въ 1450 р. Татары замѣнили Галичину ажъ по Городокъ, за Львовомъ, въ одну пустыню, особенно же снищили Бельзку сторону, въ 1453 р. орда спалила передмѣстье Львова, а въ 1497 р. Менгли-Гирей опустошилъ Львовъ, Перемышль, Ярославъ и чи не цѣлу Галичину. То само сталося 1502 р. и въ 1515 р. а снова 1519 р. Татары замѣнили въ пустыню Сокальщину и побили на-голову Константина Острожского. Якъ горохъ при

дорозѣ, такъ несчастною и безталанною была ты земле Галича. Подупалъ народъ, ледва не-ледва было видно бѣдный, деревяный, низенькій, соломою крытый храмъ. Духовенство было бѣдне, зато всюда пышалися католицки „кляшторы“. Та еще мало прійти горше, бо на Русь тягнула еще чорнѣйшая отъ татарщины хмара, тягнули ксендзы — іезуиты.

Царь Иванъ IV „Грозный“.

По смерти государя, Василія III, наслѣдилъ его престолъ трилѣтній сынъ его, Иванъ. Державою управляла его мати, Елена, при помощи нѣсколько знатныхъ бояръ. Она умерла, коли Ивану было восемь лѣтъ (1538 р.).

Иванъ, сынъ Василія III родился дня 25 августа 1530 р. Трилѣткомъ осталъ Иванъ по смерти отца. Мати Елена, изъ дому Глинская, дочь брата Михаила Глинского, стала управляти державою при помощи могучихъ бояръ Шиговыхъ, Глинскихъ, Шуйскихъ и Бѣльскихъ. Правленіе свое начала оть того, что такъ Михаила Глинского якъ и братьевъ покойного своего мужа, Василія III, именно Юрія и Андрея велѣла убити. Найбольшу ласку въ еи очахъ малъ князь Иванъ Овчина Телепневъ-Оболенскій, молодый, гордый и умный бояринъ. Онъ то покорилъ литовского Жигмонта, который разомъ съ Крымскимъ ханомъ напалъ на Сѣверскую область. Русскіи войска заняли Вильно и опустошили его окрестность, а Литва заключила съ Еленою миръ.

Треба было также покончити и съ Казанскими Татарами, ибо они стали грозити русскимъ землямъ. Елена повелѣла собирати войска, до окола Москвы воздвигнуто рядъ укрѣпленій, (что звалися Китай-Городъ), но нечаянно и нагло она умерла. Ивану было всего восемъ лѣтъ. Изъ природы былъ умный и быстрый мальчикъ, но не было кому нимъ занятися. Ибо упомянуты боярски роды, именно Шуйскіи, Бѣльскіи, просто стремѣли до того, чтобы власть загорнути въ свои гордыи руки. Они вороговали взаимно на себе. Сначала мали верхъ Шуйскіи, наразъ дорвалися власти Бѣльскіи, именно Иванъ, а при немъ также митрополитъ Іоасафъ. Однако Шуйскіи снова взяли верхъ; Ивана Бѣльского убили, а митрополита лишили власти и заперли въ монастыри. До власти дорвался Андрей Шуйскій. А всѣ они або не сважали на молодого царевича, або схлѣбляли ему и вели его на злу дорогу. Доходило до того, что въ присутствію Ивана бояре били по лицѣ его повѣрниковъ, а на просьбы царевича не сважали. Иванъ все то видѣлъ и

гнѣзъ закипѣлъ въ его сердцѣ, онъ постепенно ожесточалъ, а съ часомъ узналъ, что и онъ также мае власть карати и убивати начальниковъ.

Уже въ 13 роцѣ житья онъ показалъ боярамъ, что можетъ. Андрея Шуйского велѣлъ псярамъ схватити и убити, другому боярину велѣлъ вырѣзати языкъ, и такъ то пошло дальше, а „бояре начали имѣть въ государю страхъ и послушаніе". До власти дорвалися Глинскіи, и за ихъ намовою Иванъ послалъ на смерть мнимыхъ своихъ грабовъ. А было таки за что карати. Самъ Иванъ позднѣйше писалъ о самоволѣ бояръ и о своемъ дитинствѣ такъ: „Насъ съ роднымъ братомъ кормили они якъ убогую челядь. Чего не натерпѣлися мы въ пищѣ и одеждѣ! Съ нами не то не обходилися по родительски, но такъ, якъ и съ рабами не поступали".

Сами вельможи убили за малку душу въ Иванѣ, [illegible] огонь пристрасти и ненависти, а уже съ дитинства его розумъ стался помалу помрачати. И не диво, сколько бо разовъ пришлося малому царевичу дивити на насильства и убійства, нанесены людямъ на его очахъ. И не диво, что несчастный царевичъ позднѣйше сталъ „Грознымъ". Ни онъ не виненъ, ни родители его, а виновата злоба безсовѣстныхъ вельможъ.

Коли царевичу Ивану было лѣтъ шестнадцать, онъ оженился съ дочкою боярина Кошкина, Анастасіею, и вѣнчался на царство. Онъ первый принялъ названіе: Царя Московского и всеи Руси." Сталося то 16 января 1547р. Потомъ просилъ онъ о благословеніе на царство Царьгородского патріарха, и получилъ оное. Первыи лѣта его царствованія были дуже справедливы. Дорадниками царя Ивана Четвертого были священикъ Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ, оба дуже честны и умныи мужи.

Женитьба Ивана повліяла на него найлучше. Иванъ занялся и то найщирше судьбою народа. Онъ созвалъ до Москви первый земскій Соборъ, на который съѣхалися посланники со всѣхъ сторонъ. Царь вселюдно сказалъ народу, якъ тяжко тотъ народъ кривдили безчестныи бояре, а потомъ сказалъ тѣ слова: „Не можна направити того, что минулося, но въ будущемъ я спасу васъ отъ грабежей и притѣсненій. Соединимся всѣ христіанскою любовію. Отнынѣ я вашъ судья и защитникъ.

Сильвестръ и Адашевъ достали приказъ отберати отъ бѣдного

народа всѣ жалобы и творити справедливость. Земскій Соборъ утвердилъ также новый „Судебникъ“, то есть сборникъ законовъ. Громады мали вязатися въ общины и выбирати себѣ судіевъ и правителей, а таки судіи могли карати даже и смертію.

Царь Иванъ Четвертый два разы выправлялся съ войскомъ на Казанскихъ Татаръ и въ р. 1552 здобылъ мѣсто Казань и казалъ побудовати тамъ церковь во имя Спаса, а и други. Также освобождено изъ неволи нѣсколько тысячъ вязненныхъ христіанъ. А снова въ 1556 р. Астраханское царство присоединено разъ на всегда до русскои земли.

Завоеваніе Казани и цѣлого Волжского понижья было для русскои державы просто неоцѣнено. Передъ нею свободно лежалъ цѣлый далекій востокъ; торговля поднеслася, пустошены до теперь стороны при Волгѣ заселилися. По занятію Астрахани Кавказскіи племена, которы жили при рѣкахъ Терекъ и Кубань, именно Черкесы, Абхазы и Кумыки, сами отдалися подъ покровъ Ивана и стали платити дань. Правда, что чрезъ то крымскіи Татары выступили враждебно противъ русскои державы. Въ 1571 р. они нечаянно напали на Москву, убили до 80 тысячъ народа, а въ плѣнъ взяли больше 100 тысячъ. Но и ихъ силы уже кончилися. За то началася другая долголѣтная и несчастная для русскои державы война съ Ливоніею и Польшею.

Между Литвою, Финскимъ заливомъ и русскою державою лежала земля, которая звалася тогда Ливонія, а которою управляли нѣмецкіи рыцары, что-то подобного якъ крестоносцы. Если русская держава хотѣла вести торговлю съ другими землями Европы, то дорога вела только або черезъ вражую Литву, або черезъ Ливонію. Была еще дорога черезъ Бѣлое море, но Русь не мала тогда кораблей и дорога та открылася знатно позднѣйше. Однако Ливонія тоже не дуже спріяла русской державѣ, бо боялася, что чрезъ сношенія съ Европою Русь наберетъ еще больше просвѣщенія и силы. Для того царь Иванъ задумалъ пріучити гордыхъ рыцаровъ и пошоль на нихъ войнсю.

Въ 1559 р. началъ царь Иванъ Четвертый войну съ сосѣдною Ливоніею, что граничила съ русскою державою. Русскіи войска заняли древныи мѣста Юрьевъ (Дерпть), Коливань (Ревель) и много другихъ. Ливон-

цы видѣли, что не устоятся передъ русскими войсками, и для того поддалися подъ власть Польши. Отсюда пришло до долголѣтной войны съ Польшею.

Не чужого глядалъ царь Иванъ. Передъ 300 лѣтами Нѣмцы заняли ту часть русскои земли и покорили ю себѣ. Пришолъ часъ отплаты! Русскимъ войскомъ предводилъ князъ Курбскій. Уже въ р. 1558 русскіи войска въ силѣ 40 тысячъ выступили изъ Пскова, ограбили знатную часть Лифландіи и повернули съ великою добычею. Лифляндцы просили о перемиріе на полъ года. Но миръ тотъ былъ на водѣ писаный; Нѣмцы, Ливонцы, не такъ сильны, якъ бутны и вѣчно пьяны, на очахъ русскихъ спалили въ мѣстѣ Нарвѣ икону Божіей Матери. Тогда жители противо-бережного мѣста Иванъ-Городъ (надъ рѣкою Нарвою) кинулися на Нѣмцевъ, заняли мѣсто Нарву, зачѣмъ началася дальшая война. Русскіи войска сдобывали мѣсто за мѣстомъ. Главный вождь (министръ) Ливонцевъ, Кетлеръ, всюда, где только могъ, глядалъ помощи, а на конецъ въ р. 1561 поддался подъ опеку и власть Польши. Часть Ливоніи съ мѣстомъ Ревель присоединилася Швеціи. И такъ пришлося царю Ивану начати войну съ Польшею и съ Шведами. Цѣль первѣстно начатои войны съ Ливоніею была та, чтобы овладѣти мѣстами Рига и Ревель, где были двѣ главныи корабельныи пристани Балтійского моря. Мимо многихъ побѣдъ отнесенныхъ надъ Ливонцами, русскіи войска той цѣли не осягли; противно, Рига принадлежала отъ теперь Польшѣ. Началася долгая, кровавая война. Въ Москвѣ бояре, а также Адашевъ и Сильвестръ явно противилися той войнѣ. Они все боялися набѣговъ со стороны крымскои татарскои орды, за которою стояли Турки, на тогда дуже сильны и страшны всей Европѣ. Война съ Ливоніею не заповѣдалася счастливо; всѣ бо доокрестныи державы просто боялися возраста Россіи, которая съ хвилею занятія приступовъ до Балтійского моря могла статися грезною для своихъ сосѣдъ. Царь Иванъ болѣлъ дуже надъ тѣмъ, что бояре, для которыхъ онъ николи не малъ доброго ока, не повинуются его замѣрамъ. А надоѣло ему также и то, что Сильвестръ и Адашевъ, уповаючи на свое на него вліяніе, стали забывати на честь, повинну государю и уважали его всегда за незрѣлого до повновластного владѣнія. До того на несчастье въ 1560 р. померла царица. Съ тою хвилею, по всей вѣроятности съ жалю за нею, въ царю Иванѣ насталъ душевный переворотъ. Враги Сильвестра и Адашева съумѣли приблизитися до царя, они вмовили въ него, что оба тѣ верховоды черезъ чары приспѣшили смерть царицы. Начались для бояръ злая година. Сильвестра увязнено въ Смоленскомъ монастыри, а Адашева въ крѣпости въ Дерпѣ, где онъ въ два мѣсацы умеръ отъ горячки. Многи бояре изъ найзнатнѣйшихъ родовъ были осуждены на смерть; царь Иванъ не зналъ пощады, слѣ-

по иноль за голосомъ новыхъ своихъ заушниковъ и сталъ прозвищо „грозный".

Многіи изъ бояръ, чтобы спасти себе передъ смертію, утѣкали въ Польшу або Литву, а тогдашній польскій королъ, Жигмондъ-Августъ надѣлялъ ихъ землями и достоинствами. Колиялъ въ 1564 р. также князь Курбскій сталъ здрадникомъ отчизны, бо подался польскому королю и разомъ съ нимъ сталъ воевати противъ русского царя, тогда гнѣвъ царя Ивана перемѣнился просто въ ярость. Казнямъ не было уже мѣры, но мало прійти что-то горшого. И пришла „опричина".

На три недѣли передъ Рождественскими праздниками в 1564 р. царь Иванъ собралъ всѣхъ приклонныхъ себѣ заушниковъ, забралъ державную касу и съ значнымъ войскомъ выѣхалъ изъ Москвы до Александровской слободы (нынѣ мѣсто Александровскъ, Владимірскои губерніи, отъ Москвы отстоитъ о 120 верствъ). За якій-то часъ онъ послалъ въ Москву свои грамоты, въ которыхъ заявилъ, что бояре, то отвѣчныи его враги, что они здрадили его, а высшое духовенство, вмѣсто чтобы мало стояти вѣрно при царю, держитъ съ его врагам и противится тому, чтобы бояръ казнити. Изъ-за того онъ, т. е. царь, хочетъ покинути царство и уѣхати изъ русскои земли.

Сворушился народъ въ Москвѣ, коли почулъ о томъ. Ибо народъ въ царю всегда видѣлъ помазанника Божьяго, призванного Богомъ на царство. А зналъ народъ и то, что хотя царь и „Грозный", то гроза та отбивается на головахъ бояръ, которыи со своеи стороны сгнушалися надъ народомъ и грабили простолюдіе прямо безъ милосердія. Такъ подъ натискомъ народнои воли сами бояре упросили митрополита, чтобъ онъ, на челѣ высланниковъ изъ бояръ и простонародія ѣхалъ до царя, просити прощенія и помилованія.

Царь дался упросити, но заявилъ, что введе совсѣмъ другій ладъ, что окружитъ себе людьми, на которыхъ можетъ уповати, что судъ самъ беретъ въ свои руки, а его приказамъ всѣ мусятъ безъ ропоту повиноватися. Отвѣтно своему слову онъ окружился новымъ дворомъ, и всѣхъ, кто былъ при немъ, назвалъ „опричниками", або „кромѣшниками", то есть „окрэмо" избранными. На содержаніе опричины, призначилъ онъ доходъ изъ многихъ мѣстъ (Можайскъ, Вязма, Смоленскъ и др.), въ Москвѣ призначилъ для опричниковъ домы богатыхъ бояръ, которыхъ або казнено, або вывезено на поселеніе. Опричники были найгоршими посѣпаками; они выбиралися изъ найподлѣйшихъ безсердечныхъ людей, готовыхъ на все, что зле и нечестне. Каждый

изъ нихъ привязувалъ до сѣдла собачью голову и мѣтлу на знакъ, что опричина мае грызти измѣнниковъ и выметати русскую землю.

Въ мѣсяцѣ февралѣ 1565 р. царь Иванъ вернулся въ Москву и сейчасъ начался тутъ судный денъ. Умъ царя былъ якобы помраченъ; уже не поодинокіи люди, а сотки ихъ ишли на смерть. Опричники мордовали людей, обезславляли невѣсть, робили ложныи доносы, за которыми ишла смерть, и то среди найтяжшихъ мукъ. На челѣ опричины стояли: князь Вяземскій, Басмановъ и найгоршій изъ всѣхъ, Малюта Скуратовъ. Царь вибралъ 300 опричниковъ и самъ постригъ ихъ и себе въ монашество: ранками всѣ они служили въ церквахъ правило, а потомъ казнили людей и допускалися всякои нечести.

Съ болемъ сердца приходится намъ писати о мученической смерти митрополита Москвы, Филиппа. Среди страшныхъ кровію и насильствомъ писаныхъ подѣй того времени, митрополитъ Филиппъ является якобы ясное солнце благочестія. Былъ онъ игуменомъ Соловецкои обители. Смиренный, тихій монахъ можно и не зналъ, что слава его святости понеслася по всей русской землѣ. Коли померъ московскій митрополитъ, Аѳанасій, царь позвалъ на его наслѣдника Филиппа. Тотъ всѣми силами отказовался отъ тяжкого уряда, но мусѣлъ уступити воли духовенства, царя и народа. Но коли усѣлъ на митрополичьемъ престолѣ, тогда оказался пастыремъ, который кладетъ душу за свои овцы. Явно и вселюдно выкидувалъ царю его жестокость и злобу опричниковъ, а даже отказовалъ ему своего благословенія.

Царь приказалъ мучити и казнити приклинниковъ митрополита, грозилъ ему своимъ гнѣвомъ, но святитель не убоялся.

,,Я не просился на то достоинство, говорилъ онъ, я не глядалъ его черезъ другихъ, я не подкуплялъ никого, на что призвалъ ты, царю, тутъ мене?

Судьба того, неустрашимого угодника Божьяго была рѣшена. Для ока созвано соборъ, на которомъ подкупленный игуменъ Соловецкого монастыря, Паисъ, юдинымъ способомъ оклеветалъ Филиппа. Соборъ осудилъ митрополита, и не первый то разъ правда мусѣла стати на судѣ діявольскои злобы.

Филиппъ сказалъ царю тѣ слова: ,,Я умру такъ честно, якъ я жилъ, и я готовъ радше потерпити всѣ муки, якъ молчати на всякіи беззаконія.

Дня 8 ноября (1568р.) въ Успенскомъ соборѣ служилъ онъ послѣдную Службу Божу. Въ церковь впалъ Басмановъ съ опричниками, насильно стягли съ Филиппа священныи рызы и мѣтлали прогнали его

изъ церкви. Посадили его на простыи сани, народъ же толпою ишолъ за нимъ и плакалъ. Святителя-мученика повезли въ Тверскій-Отрочь монастырь. Въ р. 1569 царь Иванъ, въ дорозѣ до Новгорода приказалъ Малютѣ Скуратову поступити до митрополита Филиппа и просити благословенія. Филиппъ сказалъ, что благословитъ только добрыхъ и на доброе дѣло. Тогда то Малюта власными руками удусилъ старика.

И кровъ не уставала плысти. Пришла черга на Новгородъ. Богатства того мѣста не даромъ манили опричниковъ. Новгородъ все уважался за мѣсто, что не позабыло о когдашной своей вольности и славѣ. Тѣмъ легче было опричникамъ вговорити въ царя, что Новгородчане хотятъ поддатися польскому королю. Въ Софійскомъ соборѣ того мѣста найдено подложену тамъ грамоту, яко мнимое доказательство здрады. Царь въ декабрѣ 1569 р. съ всѣми опричниками выступилъ въ походъ; сталъ разоряти тверскую область, опричники тысячами убивали людей, не жалѣли ни женъ, ни дѣтей, мѣста и села палили, лишали за собою одну пустыню. Въ день по св. Василію 1570 р. опричина окружила Новгородъ и то такъ, что ни одна душа не могла изъ него уйти. Домы бояръ и купцевъ опечатано а ихъ самихъ отдано подъ судъ. По пріѣздѣ царя, всѣхъ монаховъ убито палкали, Софійскій соборъ и другіи церкви, домы богатыхъ людей ограблено. Бояровъ, ихъ женъ и дѣтей мучено всякими способами, живцемъ палено и топлено въ рѣцѣ Волхвѣ. Въ монастыряхъ не то, что все ограбили, но даже все сбоже нарскомъ палили. Десятки тысячъ народа погибло, домы попалено, на 300 верстъ до окола была одна пустыня. Лѣтописцы пишутъ, что каждаго дня гибло до 1000 людей.

Въ поворотѣ до Москвы ограблено церкви въ Псковѣ, но никого не убивано. За то въ Москвѣ начался муки для мнимыхъ здрадниковъ державы. На торговой площади при 18 висѣльницахъ розложено всякіи орудія мучительствъ, въ 4 годинахъ казнено до 200 людей. Малюта Скуратовъ вытиналъ несчастнымъ поясы съ живого тѣла. Коли нестало живыхъ, то топоромъ рубалъ тѣла убитыхъ, и кидалъ псамъ. Погибли всѣ знатнѣйшіи бояре, а казнь не уставала и дальше. Помраченный умъ царя видѣлъ во всѣхъ измѣнниковъ, и кровь плыла потоками ажъ по саму кончину жизни несчастного царя.

Война съ Польшею тревала отъ р. 1561 до р. 1582. Ведена она была съ измѣннымъ счастьемъ. Въ р. 1563 царь Иванъ здобылъ мѣсто Полоцкъ. Польша просила о миръ но царь Иванъ не присталъ на то. Въ р. 1569 королемъ польскимъ сталъ Стефанъ Баторій. Онъ соединился

съ Шведами и война ставалася для русскихъ войскъ некорыстна. Король Баторій отобралъ Полоцкъ изъ русскихъ рукъ. Въ 1582 царь Иванъ заключилъ съ Польшею и Швеціею миръ на десять лѣтъ, и отступилъ имъ всѣ мѣста, якіи занялъ былъ въ Ливоніи.

Коли въ 1561 р. Ливонцы поддалися по части Польши, а по части Швеціи, то Польша выслала сейчасъ литовского гетмана Радзвила, чтобы онъ въ Ливоніи продолжалъ войну съ войсками царя Ивана. Но не посчастилося ляхамъ; они не могли одолѣти русскихъ, а въ р. 1563 царь Иванъ занялъ Полоцкъ. Поляки просили о миръ; Полоцкъ и Дерпть отдавали Руси, но домогалися отступленя имъ Ливоніи. Ни царь, ни скликанный соборъ не согласилися съ тѣмъ; ибо цѣль войны была сдобыти для Руси береги Балтійского моря, именно же мѣсто Ригу. Заключено отже не миръ, а перемиріе на три роки. Польскіи послы обѣцали, что по смерти ихъ короля Жигмонта Августа Польша покличе на королевскій престолъ або царя Ивана, або его сына, царевича Ивана.

По примиренію съ Польшею, царь Иванъ, разомъ съ датскимъ принцомъ Магнусомъ сталъ воевати ту часть Ливоніи, что поддалася Швеціи, но въ той войнѣ русскіи войска не мали счастья.

Тѣмчасомъ крымская орда, подмовленна Турками, напала на Астрахань, но мусѣла скоро вертати, иза за великого голоду. За то въ р. 1571 крымская орда нечаянно впала ажь за рѣку Оку, дня 24 мая станула подъ Москвою, и спалила мѣсто ажъ по Кремль. Въ поворотѣ отъ Москвы Татары взяли въ ясиръ больше якъ 150 тысячъ народа. Царь Иванъ былъ на тогда въ Ростовѣ. За то на другій рокъ, коли розсмѣлены Татары снова ишли на Москву, на берегу рѣки Лопасны (50 верствъ отъ Москвы) пришло до нѣсколькодневнои битвы, а русскіи войска розбили татарву.

Въ Польшѣ померъ старый король, Жигмонтъ-Августъ. Царь Иванъ не вѣрилъ польскимъ обѣтницамъ и не старался о то, чтобы его выбрали королемъ. Такъ отже въ 1576 р. засѣлъ на польскомъ тронѣ Стефанъ Баторій, славный изъ своего мужества семиградскій всевода, а врагъ русскои державы. Черезъ первыи три роки онъ заводилъ въ Польшѣ ладъ, укоротилъ шляхотскую буту и самоволю и постарался о сильное войско. Царь Иванъ уже въ 1577 р. обновилъ войну въ Ливоніи и занялъ много мѣстъ. Баторій въ 1579 р. выступилъ съ своимъ войскомъ въ походъ, и то не до Ливоніи, а просто на мѣсто Полоцкъ. Мимо, того, что мѣсто отчаянно боронилося, Баторій при помощи нѣк-

герскихъ своихъ полковъ, сдобылъ его, потомъ занялъ крѣпость Соколъ, а въ 1581 р. послы царя Ивана уже старали ся о миръ. До сгоды не дошло, началася дальшая война. Псковъ мужественно оперся польской облозѣ. Но цѣла та война была дуже губительна и несчастна для русского войска, тѣмъ больше, что Шведы забрали мѣсто Нарву и утѣсняли полночныи окраины державы.

Тогда то царь Иванъ свернулся до римского папежа и припомнулъ ему, что Баторій воюетъ съ христіанами, коли властиво долженъ онъ былъ покорити Турковъ. Папа Григорій XIII скорысталъ изъ того, бо думалъ, что при той случайности удастся ему притягнути царя и Русь до римского ученія. И такъ:

Папа Григорій XIII выслалъ былъ до царя Ивана ксендза-іезуита, Антоніа Поссевина, чтобы тотъ намовилъ царя пристати до римскои церкви. За то обѣщалъ папа, что другіи народы проженутъ Турковъ изъ Царьгорода, а царь Иванъ будетъ также и тамъ владѣти. Но царь Иванъ не хотѣлъ даже чути о томъ, чтобы соеднятися съ папою. Онъ сказалъ такъ: „Если папежъ не живетъ ведля науки Христа, то онъ волкъ. Я родился въ святой, православной вѣрѣ, а латинства не хочу знати". Застыдженный іезуитъ отъѣхалъ до папы съ ничѣмъ. Такъ то всегда и всюды Русь стояла твердо за святою православною вѣрою.

И черезъ мысль не пришло николи царю Ивану о якомъ то примиренію съ Римомъ. Папа тогда приказувалъ всѣмъ своимъ католицкимъ королямъ; онъ хотѣлъ якъ найскорше покоренія Турковъ. Для того царь Иванъ обратился до него, чтобы онъ, то есть папа, вразумѣлъ Баторія. Война о Ливонію была со стороны Польши несправедлива; земли тѣ отъ споконвѣка належали до русскои державы и только насильствомъ Нѣмцы ихъ заграбили. Всежь таки папа, съ извѣстною римскою захланностію, числилъ на то, что если допоможетъ до заключенія мира между царемъ Иваномъ а Польшею, то царь погодится съ Римомъ и его наукою. Онъ послалъ Пассевина съ великими дарами для царя. Польскіи историки пишутъ ложь, что Поссевинъ приневолилъ Баторія согласитися на миръ. Польскіи силы перемогали силы царя Ивана, но подъ Псковомъ велося Полякамъ дуже зле. До того польскій сеймъ не хотѣлъ давати грошей на дальшую войну. Такъ

Баторій присталъ самъ отъ себе на миръ, а царь Иванъ безъ потребы оступилъ Полоцкъ и Ливонію. Черезъ то двадцатлѣтная война стала пропавшою и безуспѣшною, тѣмъ больше, что царь Иванъ отступилъ Швеціи коренніи, русскіи, пограничныи мѣста: Яма, Иванъ-Городъ, Копорье. Вмѣшательство Поссевина было пятымъ колесомъ у воза. Миръ между царемъ, а Баторіемъ заключено въ январѣ 1582 р.

По заключенію мира Поссевинъ въ Москвѣ хотѣлъ съ царемъ на единѣ говорити о вѣрѣ. Но царь не согласился на то и сказалъ, что: „Мы не сойдемся во вѣрѣ. Намъ говорили, что вашего папу кселы носятъ на престолѣ, а на его чоботахъ крестъ. Папа не Христосъ, престолъ, на которомъ его носятъ, не облаки, а тѣ, что носятъ, не ангелы. Коли папа не живетъ ведля науки Христа, то онъ волкъ, а не пастырь".

„Коли папа волкъ, сказалъ на то Поссевинъ, то я уже не маю что говорити!" И забрался изъ русскои земли. Была то послѣдня папская попытка наклоняти русскихъ царей до римскои ереси.

Въ р. 1581 и 1582 атаманъ козацкій, Ермакъ Тимоѳеевичъ занялъ за Уральскими горами безмежныи просторы при рѣкахъ Тоболъ, Объ и Иртишъ. Онъ малъ при собѣ всего 850 козаковъ. Съ ними побилъ онъ войска сибирского хана, Кучумы, и занялъ его столицу Сибиръ. Потомъ выслалъ посольство до царя Ивана, чтобы царь принялъ въ свое владѣтельство Сибирское царство. Сибирская область цѣла до нынѣ належитъ до русскои державы.

Царь Иванъ позволилъ былъ богатому русскому купцу, Григорію Строганову, и его братямъ занять пусти на тогда земли на берегахъ рѣки Камы. Строганови могли держати также и вооруженную сторожу для охороны отъ набѣга иноплеменниковъ. Строганови знали, что за Уральскими горами есть богаты земельны просторы и они думали надъ тѣмъ, чи не можнобы тѣ землѣ присовукопити до русскои державы. Въ томъ часѣ изъ за Дону надъ Волгою явилася розбойничья ватага, подъ проводомъ козака Ермака. Они нападали на степовы, дикіи племена и грабили ихъ. Строганови намовили ихъ до похода за Уралъ. Ермакъ въ 1581 р. пустился въ сибирскую землю; въ нѣсколько бигзахъ сборолъ тамошного хана, Кучуму, и занялъ мѣсто Сибиръ. Козаковъ было мало, но они мали стрѣльбы, что дикимъ племенамъ до

тогдѣ не были извѣстны. Кучума собралъ новую орду и выслалъ ю подъ проводомъ сибирского богатыря, Маметкуна, противъ Ермака. Но и теперь козацкая ватага розбила орду, а Ермакъ занялъ землю ажъ по-за Иртишъ. Коли въ Москвѣ явилося козачье посольство, которое сложило у стопъ царя Ивана побѣду надъ сибирскою землею, то царь, а съ нимъ вся Русь, обрадовалися дуже. Было то якобы отшкодованье за долголѣтную, несчастную войну о Ливонію.

Царь Иванъ Грозный умеръ дня 18 марта 1584 р. Найстаршій его сынъ Иванъ умеръ три роки скорше. Въ живыхъ остался сынъ Ѳеодоръ, который наслѣдилъ по немъ царскій престолъ и дволѣтный сынъ Димитрій.

Уже отъ долшого часу передъ смертію здоровье царя Ивана сильно пошатнулося. Онъ якобы предчувалъ свою кончину. Смертъ наступила нечаянно въ одну хвилю. Передъ смертію митрополитъ постригъ его въ монахи. Народъ на вѣдомость о смерти государя заходился отъ плачу; во виду ангела смерти позабылъ о томъ, что померъ „Грозный“, а плакалъ надъ кончиною „царя“. Такъ высоко было тогда почитано царское достоинство. По при темныхъ сторонахъ владѣніе Ивана Грозного принесло русской державѣ много добра, хотя бы въ первыхъ лѣтахъ его царствованія. По его смерти нашли на русскую землю смуты, о много страшнѣйши, якъ грозность помершого царя.

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ

(отъ 1584 до 1598 р.).

По смерти царя Ивана Грозного засѣлъ на русскомъ престолѣ его сынъ, Ѳеодоръ Ивановичъ. Былъ онъ дуже набожный и надзвычайно доброго сердца, но слабый тѣломъ. Державою управлялъ онъ при помощи брата своей жены, Бориса Ѳедоровича.

Царь Ѳеодоръ женатый былъ съ Ириною, рода Годуновыхъ. Былъ онъ воплощеніемъ доброты, и годности, а перше всего набожности. Уже при концѣ владѣнія Ивана Грозного въ управленію державы помагали два мужи, Никита Романовичъ Захаріинъ Юрьевъ

и бояринъ Борисъ Годуновъ, родный братъ жены царевича, а затемъ и царя Ѳеодора. Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ умный, незвычайно честолюбивый безпереченно храбрый, потому малъ великое вліяніе на царя Ѳеодора. Тотъ передался цѣлковито богомолію, а правленіе державою отдалъ обомъ своимъ повѣреннымъ.

Въ р. 1586 Никита Романовичъ умеръ, и такъ Годуновъ сталъ, можно сказати, одинокимъ управителемъ русскои державы. Признати треба, что управлялъ онъ нею дуже мудро и совѣстно. Отъ Шведовъ отобралъ онъ где-якіи мѣста, заняты ними за Ивана Грозного; нѣсколько разъ разгромилъ напады крымскихъ Татаръ, а разъ и отогналъ ихъ отъ стѣнъ самои Москвы. Для поднесенія торговли вошолъ онъ въ сношенія съ Нѣмеччиною и Англіею, а на Ѣлемъ морѣ устроилъ „Архангельскую пристань". Въ Сибирѣ приказалъ онъ заложити новыи мѣста на восточныхъ притокахъ рѣки Енисей. Пріукрасилъ Москву новыми будовлями и мурами За его стараніемъ воздвиженъ былъ въ память побѣды надъ Татарами Донскій монастырь передъ самою Москвою.

За владѣтельства царя Ѳеодора утверждено въ Москвѣ патріаршество, т. е. надано московскому митрополитѣ достоинство и власть патріарха. Есть то найвысшая власть и найвысшое достоинство въ православной Церквѣ. За того самого царя начало обязовати крестьянъ (селянъ) крѣпостное право. Имъ не вольно было опускати земли, на которой жили, и переселятися въ другіи стороны. Съ часомъ крепатство стало для селянъ дуже тяжкое и замѣнилося въ неволю.

Еще передъ занятіемъ Турками Царьгорода повага царьгородского патріарха понизилася незвычайно Византійскіи императоры чтобы спастися передъ Турками, понизили Православіе до того, что хотѣли запродати вѣру римскому папѣ (Флорентійскій соборъ). Пришли Турки и стали утискати христіанство; повага патріарха сошла на ничь. Очи православного міра свернулися на русскую державу, бо только отъ неи можно было надѣятися помощи и защиты. Митрополитъ всеи Россіи не могъ даже сноситися съ патіархами востока, бо Турки не допускали до того. И такъ отнесся царь Ѳеодоръ до восточныхъ патріарховъ и тѣ согласилися на то, чтобы въ русской землѣ утвердити окремый патріархатъ. Колижъ въ 1588 р. прибылъ до Москвы гонимый Турками патріархъ Іеремія, то дѣло покончено совсѣмъ благополучно. Іеремія не хотѣлъ приняти сана московского патріарха, и такъ выбрано

на то достоинство московского митрополита Іова, и тотъ сталъ первымъ всероссійскимъ патріархою (1589 р.).

Прикрѣпленіе крестянъ къ землѣ было отъ части конечно. На Руси рабами были только военныи плѣнники и тѣ, что черезъ долгъ, або добровольно запродали себе въ неволю. Крестьяне получали отъ помѣщиковъ (властелиновъ земли) участки, за что платили роботою (панщиною). Но въ осени, въ „Юріевъ день осенній“ (26-го ноября) селяне мали право свободного перехода, то есть могли переноситися съ мѣста на мѣсто, где имъ было выгоднѣйше. Черезъ то опустошали неразъ цѣлыи помѣстья, властелины которыхъ не могли управляти землю, а тѣмъ самимъ не могли платити дани. Привязаніе крестьянъ къ землѣ, то есть забороненіе и снесеніе права перехода, служило на хосень только помѣщикамъ. Крестьяне были прикованы къ землѣ и тогь примусъ замѣнился потомъ въ крѣпаство легче чѣмъ въ другихъ державахъ, но все таки розвающееся неволѣ и дающее поле до всякихъ злоупотребленій

Борисъ Годуновъ, при вѣрной службѣ державѣ, былъ человѣкъ дуже честолюбивый. Маетокъ у него былъ такъ великій, что онъ самъ могъ удержати сто тысячъ войска. Онъ задумалъ, якъ бы то по смерти бездѣтного, а слабосильного царя Ѳеодора самому стати царемъ. Въ Угличу, большомъ мѣстѣ, жилъ тогда ужъ 9-лѣтній Димитрій, другій сынъ царя Ивана Грозного. При немъ была его мати Марія, изъ роду Нагихъ, и еи братья. На случай смерти царя Ѳеодора, Димитрій являлся престолонаслѣдникомъ. Сталося, что 15 мая 1591 р. найдено царевича Димитрія убитого ножемъ. Сейчасъ рознеслася поголоска, что сталося то изъ намовы Бориса Годунова. Потрясенный тѣмъ царь Ѳеодоръ вызначилъ слѣдство, а избранныи на то бояре донесли ему, что царевичъ случайно упалъ на ножъ и отъ того умеръ.

Но донесенію тому никто не давалъ вѣры. Всежъ таки до 200 Угличанъ, которыи явно осуждали Годунова о злочинъ убійства, а его заушниковъ убили, понесло казнь. Матерь убитого св. Димитрія (Церковь причислила его къ лику святыхъ Мучениковъ) насилно заслана въ монастырь, а родина Нагихъ подвергнена была жестокому гоненію. Въ шесть лѣтъ позднѣйше, въ январѣ 1598 р. умеръ бездѣтный царь Ѳеодоръ. Коли умирающого пытали патріархъ, на кого оставляетъ онъ государство, то богочестивый царь отвѣтилъ: „На волю Божію“. Умеръ онъ полень святости; въ рукописныхъ святцахъ того времени называють его: „святый, благовѣрный царь“ и „новый всея Россіи чудотворець“. Житье его, полно честноты было якобы отмоленіемъ грѣховъ его отца.

Итакъ померъ „послѣдній царственный цвѣтъ Русской земли". На царю Ѳеодорѣ прекратился домъ св. Владиміра, что основалъ русскую державу, и просвѣтилъ ю Христовою вѣрою. Россія осиротѣла на протяженіе 15 лѣтъ настати мали тяжкіи, всею русскою землею потрясающіи смуты.

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ

(отъ року 1598 до р. 1605).

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ умеръ 1598 р. Молодшій его братъ, Димитрій, умеръ скоропостижною смертію о 6 лѣтъ скорше (1591 р.) въ девятомъ роцѣ життя. На царю Ѳеодорѣ Ивановичу скончился владѣющій родъ Рюрика. На престолѣ царскомъ засѣлъ теперь царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

По смерти царя Ѳеодора вдова по немъ, царица Ирина, отказалася отъ престола и приняла монашество въ Новодѣвичьемъ монастыря. Борисъ Годуновъ, хотя и якъ желалъ царства, всежь таки для ока отказался отъ него. Тогда то патріархъ созвалъ соборъ, на которомъ рѣшено просити Годунова, чтобы принялъ царствованіе. Только по долгихъ просьбахъ Годуновъ согласился на то. Початки его правленія были спокойны, онъ сносился съ другими державами, главна же его цѣль была утвердити свой родъ на царскомъ престолѣ. Всежь таки въ народѣ не уставали толки о томъ, что не кто другій а онъ есть виновникомъ смерти царевича Димитрія. Зналъ о томъ новый царь и сталъ позбыватися всѣхъ могучихъ здрадниковъ и приклонниковъ своего попередника. Именно родина Романовыхъ зазнала его мести. Нѣсколько ей членовъ насильно пострижено въ монахи и монашки, другихъ выслано на заточеніе. Онъ окружался дуже радо иностранцами, надѣлялъ ихъ землями, а все то ширило въ народѣ неохоту противъ него. А до того:

За царствованія Бориса Годунова насталъ страшный голодъ. Через три роки (1601 до 1604) былъ цѣлко итый неурожай, а потомъ насталъ моръ (заразливая слабость). Въ самой Москвѣ въ протягу двохъ лѣтъ погибло до

127 тысячъ народа. Въ р. 1603 появился въ Полшѣ самозванецъ, который голосилъ, что онъ есть Димитріемъ, сыномъ царя Ивана Грозного. Онъ голосилъ, что въ молодости онъ чудесно спасся отъ смерти, и что ему належится царствованіе въ русской державѣ. На дѣлѣ былъ онъ обманщикъ, дьячокъ изъ Чудова—монастыря, и звался Григорій Отрепьевъ. Поляки знали, что онъ есть самозванецъ. Но іезуиты, дальше римскій папежъ, польскій король и польская шляхта для ока признавали, что онъ есть вправдѣ Димитрій. Польскій панъ, Юрій Мнишекъ, поручилъ за него свою дочку, Марину. Самозванецъ потайки отрекся православной вѣры и присягъ, что всю Русь навернетъ до римской вѣры и отдасть полякамъ. За то король польскій, Жигмондъ третій, далъ ему войско, чтобы онъ силою занялъ для себе царскій престолъ въ Москвѣ.

Въ часѣ своего вѣнчанія царь Борисъ сказалъ такъ. „Богъ менѣ свидѣтель, что въ моемъ царскѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ, а въ потребѣ послѣднюю рубаху роздѣлю съ всѣми". Но слова тѣ не исполнилися. Насталъ такъ страшный голодъ, спонуканый трехлѣтнымъ неурожаемъ, что народъ гибъ отъ него. Повстали шайки голодныхъ розбишакъ, и тѣ нападали по дорогахъ, не оставляли даже и Москвы въ спокою. На домѣръ несчастя пришла зараза. Царь, что могъ, то и робилъ, чтобы облегчити народу, но всякая помощь была недостаточна. Въ народѣ все голоснѣйше роптали, что Богъ караетъ Русь за неповинную кровь царевича Димитрія.

А все то было только початкомъ несчастья. Изъ Литвы пришла вѣдомость, что тамъ появился самозванецъ, что оголосилъ себе быти царевичемъ Димитріемъ, что будь то бы онъ, т. е. царевичъ избѣгъ въ Угличѣ смерти, а на его мѣсто убито сына одного священника. На дѣлѣ обманщикъ, который притворялъ себе царевичемъ, былъ дячокъ, іеродіаконъ, Юрій Григорій Отрепьевъ. Безперечно былъ онъ человѣкъ способный, краснорѣчивый, письменный, но все то обернулъ на злодѣйство. Якій то часъ былъ онъ дьячкомъ при патріаршѣ Іовѣ. Тутъ въ Москвѣ обзнакомился онъ съ ходомъ дѣлъ и тутъ уже сродилася въ немъ мысль совершити найбольшое злодѣйство, стати самозванцемъ. Въ Чудовомъ монастырѣ онъ неразъ говорилъ, что засядетъ на царскомъ пре-

столѣ, за что ему плевали въ очи. Дознался о томъ власти и казали его, яко сумасшедшого заслати въ далекій монастырь, но по дорозѣ онъ утекъ. Потомъ сталъ волочитися отъ монастыря до монастыря, пока не попалъ на Литву и въ Польшу. Якій то часъ онъ учился латинского и польского языка, а потомъ поступилъ на службу до польского вельможи, Адама Вишневецкого. Теперь явно оголосилъ себе быти царевичемъ Димитріемъ.

Первыи занялися нимъ іезуиты. Злодѣйскимъ способомъ мѣрковали они, что удастся имъ черезъ самозванца внести замѣшаніе въ русскую державу. Польскіи паны хотя не всѣ, станули по его сторонѣ, бо думали, что удастся имъ помстити на русской державѣ, и посадити злодѣя на еи престолѣ. Король польскій Жигмонтъ Ш не малъ нізкои своеи воли, онъ былъ цѣлковито въ рукахъ іезуитовъ, и за ихъ а также за папежскимъ приказомъ призналъ самозванца русскимъ царевичемъ, вызначилъ ему годичное удержаніе и далъ средства на войну съ царемъ Борисомъ. Польша ликовала, бо вѣрила, что если на престолѣ великорусскои державы засядетъ самозванецъ, тогда Польша будетъ мати вѣчный миръ, а что еще скорше, она завладѣетъ цѣлою Русью.

Злодѣй Гринько у іезуитовъ въ Краковѣ отрекся православноі вѣры, а потомъ заручился съ Мариною, дочкою Юрія Мнишка. Вѣнчаніе мало отбытися ажъ по занятію Москвы. Ляшня собрала войско, лже-Димитрій вступилъ въ предѣлы русскои земли. А тамъ былъ голодъ и несчастье. Дошло до того, что люди ѣли траву, что больше, кормилися людскимъ мясомъ, бо голодъ до всего доведетъ. Народъ на вѣдомость о появленіюся Лжедимигрія, остолпѣлъ. Многи вѣрили, что вправдѣ Богъ чудомъ сохранилъ царевича Димигрія, не свважаючи на то, что Польша и іезуиты не могли николи быти оружіемъ въ Божіихъ рукахъ. Всякая сволочь, розбойники, а и враги царя, стали горнутися до самозванца. Войско стало также колебатися.

Самозванецъ Димитрій вступилъ съ войскомъ, якое дала Польша, въ предѣлы русскои земли (1604 р.) Мѣста Путивль, Черниговъ и другіи сдалися ему. За то Новгородъ Сѣверскій отогналъ его отъ своихъ стѣнъ. Въ битвѣ при Добрыничахъ русскіи войска розбили полчища Лжедимитрія. Однако Польша прислала ему въ помощь больше войска. Также часть русскихъ войскъ присягла ему на вѣрность. Тѣмчасомъ въ Москвѣ умэръ (1605 р.) царь Борисъ Годуновъ. На престолъ

засѣлъ его сынъ, царь Ѳеодоръ. Но уже по трехъ мѣсяцахъ его скинули съ престола. Самозванецъ занялъ Москву и оголосилъ себе царемъ всея Руси.

И такъ неправда на часъ побѣдила. Царь Борисъ умеръ скоропостижно. Молодый его сынъ и наслѣдникъ не могъ уже ничего сдѣлати. Войско, сбунтованное своимъ полководцемъ Басмановымъ, перешло до Лжедимитрія. Тотъ сталъ слати въ Москву ласкавы грамоты съ всякими обѣтницами. Въ мѣстѣ настало бунтъ, не бачавшого еще на царство Ѳеодора, и его родину взяли подъ стражу, а заушники злодѣя Гринька убили его. Москва открыла свои ворота передъ самозванцемъ. Патріарха Іова низвержено съ престола за его правость и любовъ отечества. Дня 20 іюня 1605 р. злодѣй вступилъ въ Москву. Передъ нимъ, за нимъ, доокола ляхи, іезуиты, вся дрянь, что иначе и не смѣла подумати о вольномъ вступѣ въ святую Москву. Патріархомъ назначенъ былъ грекъ Игнатій, архіепископъ рязанскій. Онъ противъ совѣсти призналъ Лжедимитрія царевичемъ и онъ вѣнчалъ его на царство. А въ часѣ вѣнчанія Москва дожила того, что въ Успенскомъ соборѣ іезуитъ смѣлъ выголосити до лжецаря слово. Лжецарь спровадилъ свою невѣсту, ляшку, каличку, Марину, оженился съ нею и приказалъ ю вѣнчати яко царицу.

И начался въ Москвѣ польскій ладъ, польское безобразіе, польская роспуста. Завелися банкеты, на которыхъ лжецарь сѣдалъ лицемъ до ляховъ, а спиною до русскихъ бояръ. Ляхи, іезуиты насмѣвалися съ нашои вѣры, о которую злодѣй совсѣмъ на дбалъ. Еще въ Польшѣ обѣщалъ онъ королю, а дальше своєму тестю Мнишку и другимъ вельможамъ выплатити величезныи гроши за ихъ помощь. Лжецарица Марина, на которои головѣ, на посрамленіе только наше, спочила корона Мономаха, завела польскіи бали, никто не дбаль на пость, все, что русское, правовѣрное, было понижено, ляхи и іезуиты уже были певны, что взяли цѣлую Русь въ свои руки и стали уважати русскихъ за „быдло“. Паны ночами по улицахъ рубали саблями людей, безчестили женъ и дѣвицъ, для ляховъ не было ніякого закона.

Но недолго то тревало. Русскій народъ отъ первого дня, коли Лжедимитрій пріѣхалъ до Москвы, позналъ, что то не царь, а злодѣй, обманщикъ. Духовенство не могло терпѣти пониженія св. Православія, народъ горшился польскими злодѣями. И такъ;

Не долго, бо только рокъ и то не цѣлый, владѣлъ злодѣй Лжедимитрій. Онъ понижалъ православную вѣру. Поляки, что съ нимъ прибыли, мордовали и безчестили

русскихъ людей. Тому народъ повсталъ подъ проводомъ князя Василія Шуйскаго противъ самозванца. Дня 17 мая 1606 р. погибъ самозванецъ среди повстанья сполнованного народа. Въ тотъ день убито большую часть полякокъ, что съ самозванцемъ пріѣхали до Москвы. Жона Лжедимитрія, Марына, и ей отецъ Мнишекъ, остали въ живыхъ.

Насталь день народного суда. А судъ тотъ упалъ на Лжедимитрія якъ громъ изъ ясного неба. Князь Василій Шуйскій съ давна подготовляль народъ. Его цѣль была самому стати царемъ, что и сталося. Народъ окружилъ царскій дворецъ, даремно, что заушники Лжедимитрія думали его боронити. Онъ самъ пробовалъ утекати, выскочилъ окномъ, сломилъ ногу и розбилъ грудь. Толпа сдерла съ него царскую одежду, а потомъ убила его, якъ убивается пса. Якое житье, такая и смертъ. Тѣло злодѣя, отступника вѣры, на которого оправданье не дастся ничего сказати, кинено на лобномъ мѣстѣ, где онъ въ пору ганію лежаль три дни. Марина Мнишакъ его жена и гдеякіи польскіи вельможи пошли въ плѣнь. Тѣла самозванца было спалено а попелъ изъ него смѣшано съ порохомъ и выстрѣлено изъ пушки въ ту сторону, изъ которои злодѣй пришолъ въ Москву. Вотъ награда здрады и іудиного запроданья вѣры.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

(отъ 1606 до 1610 р.).

По позорной смерти злодѣя, самозванца, званного Лжедимитріемъ, выбрано въ Москвѣ царемъ князя Василія Шуйского. Онъ вступилъ на престолъ яко Василій Четвертый. Надъ русскою державою зависли великіи смуты. Рознеслися вѣдомости, что Лжедимитрій не убитый, а утекъ до Польши. Нашлися злыи люди, которыи поднесли бунтъ въ державѣ. Въ мѣстѣ Стародубѣ явился другій Лжедимитрій. Начался домашніи войны. Русская держава переживала тогда дуже тяжкіи времена.

И такъ на престолѣ русского государства засѣлъ Василій Шуйскій, потомокъ одного изъ найстаршихъ, можно сказати прарусскихъ боярскихъ родовъ. Человѣкъ онъ былъ дуже честолюбивый, якъ знаемъ, положилъ онъ великіи заслуги къ устраненію Лжедимитрія, но не малъ тои силы и способности, чтобы въ найтяжшую хвилю спасти неприкосновенность русскои державы. А хвиля была больше, якъ тяжка. Сейчасъ по выборѣ нового царя рознеслися вѣдомости, что Лжедимитрій не убитый, что въ днѣ 17 мая убито вмѣсто него кого-то другого, а онъ спасся бѣгствомъ въ Польшу, и что съ новымъ войскомъ вернетъ въ Москву. Въ общемъ безпорядку многіи поприлипали тому, а что новый царь, Василій, малъ много враговъ, то тѣмъ скорше ширилася злобная вѣдомость о поворотѣ самозванца. Въ Сѣверской области воевода Григорій Шаховскій первый поднесъ бунтъ противъ царя. Съ нимъ соединился простый, якъ то кажутъ, хлопъ Болотниковъ, въ Рязанской области повстали Прокопій Ляпуновъ и воевода Сунбуловъ, въ Тулѣ якій то бояринъ Пашковъ поднялъ бунтъ, донскіи и запорожскіи козаки пришли въ помощь, надъ всѣми ними сталъ верховодомъ Болотниковъ и вся та бунтующаяся чернь двинулася на Москву. Скоро однакъ познали, что Болотниковъ простый злодѣй, то рязанскіи и тулоскіи дворяне усунулися отъ него, Ляпуновъ и Сунбуловъ повинновалися царю Василію. При Болотниковѣ держалъ князь Шаховскій, но ватагу ихъ розбилъ царскій, храбрый, хотя только 24 лѣтній полководецъ, Скопинъ-Шуйскій. Недобитки замкнулися въ мѣстѣ Тулѣ, откуда послали въ Польшу глядати мнимого Лжедимитрія. Царь Василій сдобылъ Тулу, Болотникова казнили, Шаховского послано въ заточеніе.

Въ тотъ часъ въ Стародубѣ явился другій самозванецъ, Лжедимитрій II. Былъ то якійсь польскій пройдисвѣтъ, даже съ лица неподобный до перзоны, за которого себе держалъ. Но и теперь всякая чернь, что глядала только поживы, стала горнутися до него. Пришли донскіи козаки подъ начальствомъ своего атамана, Заруцкого, пришли многіи ляхи, которыхъ въ Польшѣ не ждало ничего, кромѣ висѣлицы; между ними разбойники Лисовскій, Янъ Сапѣга и Рожинскій. Все что жило злодѣйствомъ нечестію, грабожію, все то горнулося при другомъ злодѣю.

Вся та разбойничья, но отважна и сильная чернь подъ мѣстомъ Болховомъ разбила царскіи войска и явилася недалеко Москвы.

Само тогда царь Василій заключилъ съ Польшею миръ, силою котораго пустилъ онъ на волю всѣхъ плѣнныхъ ляховъ, за что польскій король малъ откликати всѣхъ ляшковъ, что служили при Лжедимитрію II. Тогда пущено на волю также Марину и ея отца Мнишка. Ляхи, доставши волю, пошли просто до табора Лжедимитрія, а король польскій даже не откликовалъ ихъ, бо зналъ, что голота его не послу-

хаетъ. Мнишекъ спродалъ Лжедимитрію Марину и она голосила, что другій тотъ злодѣй по правдѣ есть ей мужемъ Гринькомъ.

Сомозванецъ укрѣпился въ мѣстѣ Тушинѣ, отъ чего его названо: „Тушинскій злодѣй". Разбойники его не допускали довозити до Москвы съѣстныхъ припасовъ, такъ, что тамъ былъ голодъ, а злодѣи жили припѣваючи, бо изъ безпрестанной грабежи. Царь Василій изъ за недостатка войскъ не могъ выступити противъ Лжедимитрія. А что король польскій и не думалъ додержати условій мира, то царь заключилъ миръ съ королемъ Швеціи Карломъ IX, найбольшимъ врагомъ Польши. Карлъ обязался (и додержалъ) прислати царю 5 тысячъ найлучшого войска, за то досталъ нынѣшное мѣсто Кексгольмъ.

Но и Лжедимитрій не спалъ. Его разбойничое войско заняло мѣста Суздаль, Владимиръ, Переяславль-Залѣсскій, Ростовъ и Ярославль, а и другіи мѣста. Въ Ростовѣ былъ тогда извѣстный святостію митрополитъ Филаретъ. Злодѣи изъ Тушина напали на митрополичій храмъ въ часѣ богослуженія, храмъ ограбили, вѣрныхъ убили, а святителя Филарета, сорвавши съ него рызы, убрали въ подертый польскій контушъ и татарскую шапку. Потомъ въ Тушинѣ держали его черезъ два роки въ заключенію, пока воевода Скопинъ-Шуйскій не освободилъ его. Подобныи насильства и грабежи, якихъ допускалися злодѣи изъ Тушина, открыли народу очи, всѣ видѣли, что то не царь, а злодѣй и обманщикъ нищитъ русскую землю. А уже найбольше заслѣпленнымъ открылися очи, коли разбойники важилися облягти Тройце-Сергіевскую обитель. Облога началася дня 25 сентября, въ самъ день праздника св. Сергія. Злодѣямъ предводили Сапѣга и Лисовскій, а мали они надъ 30 тысячъ войска, коли тѣмчасомъ въ обители было не полно полтора тысяча людей. Но за ними былъ самъ Господь Богъ и помощь св. Сергія, который нѣсколько разъ въ снѣ являлся братіи и остерегалъ передъ новыми нашествіями врага. По 16 мѣсяцахъ облоги враги отступили, бо видѣли, что ничего не сдѣлаютъ.

Въ часѣ той облоги, Лжедимитрій II. нѣсколько разъ хотѣлъ заняти Москву, но совсѣмъ безуспѣшно. Въ лѣтѣ 1609 р. царскіи войска отнесли надъ нимъ сильную побѣду. Царь воззвалъ всѣхъ, чтобы собиралися при немъ для остаточного покончeнія съ сомозванцемъ. И дѣйсвительно стали съ всѣхъ сторонъ горнутися войска. Тѣмчасомъ пришло новое несчастье, пришла война съ Польшею.

Въ осени 1609 р. польскій король Жигмонтъ третій выповѣлъ русскому царю, Василію, войну и облягъ русскій городъ, Смоленскъ. Польскіи войска, подъ проводомъ гетмана Жолкѣвского при селѣ Клушинѣ разгромили

русскіи войска (24 іюнія 1610 р.). Царь Василій четвертый уступилъ съ престола. Русская держава осталася безъ царя. Правленіе нею перенялъ тѣмчасомъ патріархъ Гермогенъ.

Облога Смоленска была то месть за примиреніеся царя съ Шведами. Король польскій возвалъ ляховъ, что разбойничали коло Тушина, чтобы сейчасъ вернули подъ Смоленскъ. Знатна ихъ часть послухала. Оставшіи послали до него посольство, якобы отъ цѣлои русскои земли, чтобы онъ, т. е. польскій король, назначилъ сына своего, Владислава, на царскій престолъ. Но Жигмонтъ не найлучшій былъ отецъ; онъ не о сынѣ думалъ, а о себѣ и не таился, что самъ хочетъ быти русскимъ царемъ. Смоленскъ боронился завзято. Царскіи войска, разомъ съ пять тысячами Шведовъ ишли ему на отсѣчь. Чтожь, коли вождомъ надъ ними былъ братъ царя, Димитрій Шуйскій, вообще нелюбленный а до того слабый полководецъ. Подъ Клушиномъ Жолкѣвскій побилъ на голову русскіи войска.

Въ Москвѣ противники царя Василія, приписовали ему всю вину и домагалися, чтобы онъ уступилъ съ престола. Царь согласился на то, и его насильно постригли въ монахи. Русь остала безъ царя. А тутъ Шведы измѣнили и стали уже отъ битвы подъ Клушиномъ явными нашими врагами, полчища Лжедимитрія держали многіи мѣста, ватаги злодѣевъ-ляховъ розлилися по всей державѣ.

И тогда однакъ Господь не полишилъ насъ. На патріаршомъ престолѣ сидѣлъ мужь великои святости и неменьшой любови своеи отчизны, Гермогенъ. На часъ безцарствія въ его рукахъ спочило управленіе деджавою. Онъ взывалъ, чтобы безпроволочно избрати царя изъ русского рода, но и на то не было сгоды, а собора всеи земли не можь было созвати. Жолкѣвскій грозилъ, что займетъ Москву, если бояре не воззвуть на царство Владислава. Въ мѣстѣ было много сторонниковъ Лжедимитрія II. Потому бояре, абы зыскати на часѣ, стали переговорювати съ Жолкѣвскимъ, просили его, чтобы на часъ переговоровъ станулъ съ войскомъ подъ мурами Москвы и отогналъ Лжедимитрія II. А коли Жолкѣвскій былъ ужъ подъ мѣстомъ, бояре присягли вѣрность Владиславу, но подъ условіемъ, что онъ прійметь св. Православіе и оженится съ православною. Жолкѣвскій отнесся съ тѣмъ до короля, а тѣмчасомъ прогналъ Лжедимитрія изъ Коломенска до Калуги. Замѣтити треба, что бояре числили на то, что король не позволить на то, абы Владиславъ обнялъ царскій престолъ; на правду и не думали они отдати власть ляхамъ.

Чтобы догодити Жолкѣвскому, они выслали ростовского митрополита Филарета и князя Василія Голицына въ посольствѣ до короля Жиг-

монга, который облягалъ Смоленскъ. А въ сентябрѣ 1610р. противъ рады Гермогена бояре впустили Жолкѣвского съ его войскомъ до мѣста. Колижъ Жолкѣвскій почулъ, что король и недумаетъ пустити Владислава на царство, то онъ отдалъ начальство надъ войскомъ Гонсѣвскому, а самъ поѣхалъ подъ Смоленскъ. А оба русскіи послы переслѣдчилися тутъ, что ляхамъ не идетъ такъ о царскій престолъ, которого они николи не могли быти певны, якъ о то, чтобы заграбити наибольше русскихъ мѣстъ. Ляхи неволили пословъ, чтобы приказали Смолянцамъ сдатися, но послы не сдѣлали того помимо угрозъ. Поляки выслали до Москвы двохъ здрадниковъ, чтобы они наклонили боярскую думу до отдачи Смоленска и призванія короля до Москвы. Знатна часть бояръ годилася на то, но патріархъ Гермогенъ съ всею рѣшительностію опереся. А коли дошла до него вѣдомость, что якій то злодѣй убилъ злодѣя Лжедимитрія II., тогда св. тотъ мужъ, патріархъ, не дбаючи на польское войско сталъ голосно взывати всю русскую землю, абы шла освобождати Москву отъ ляховъ.

Польскіи войска заняли мѣсто Москву. На воззваніе патріарха Гермогена съ многихъ сторонъ сталися собирати охотничіи войска на выруку Москвѣ. За то ляхи кинули его въ вязницу, а потомъ заморили святого Мученика голодомъ на смерть.

И стрепенулася русская земля. Даже и тѣ, которыи якій то часъ держали съ тушинскимъ злодѣемъ, стали думати о освобожденію Москвы. Ляхи, что въ ней были, настрашилися надтягающои грозы. Король подъ Смоленскомъ ждалъ, коли бояре воззвутъ его до Москвы, но тѣ безъ призвола Гермогена не хотѣли того сдѣлати. Ляхи кинули обохъ пословъ, Филарета и Голицына въ темницу А въ Москвѣ ляхи и іуды, здрадники своего отечества увязнили патріарха Гермогена. Они хотѣли его приневолити, чтобы откликалъ грамоты, якими взывалъ всю Русь до ополченія противъ ляховъ. Гермогенъ отповѣлъ: ,,Коли вы измѣнники, а и всѣ ляхи выйдете изъ русскои земли вонъ, тогда я откличу грамоты. Истинную вѣру еретики пригнетаютъ, Москвѣ приходить разореніе, св. церквамъ запустѣніе, въ царскомъ дворцѣ еретики завели свой костелъ латины. Я не могу слухати латинскоге пѣнія". А коли загрозили ему смертію, онъ сказалъ: ,,Вы грозите менѣ злою смертію, а я надѣюся чорезъ ню на мученическій вѣнецъ." Видячи его неустрашимость, ляхи замкнули святителя въ Чудовомъ монастырѣ и тутъ заморили его голодомъ. Св. мученикъ скончался 17 февраля 1612 року.

Грамоты, взывающія на святую войну за вѣру и отечество росходилися найбольше изъ Сергіевои обители. И они сдѣлали свое.

Народъ не могъ долше терпѣти насильства ляховъ. Въ Нижномъ Новгородѣ въ 1611 р. староста Козьма Мининъ-Сухорукъ воззвалъ народъ идти на помощь Москвѣ. Новгородцы воззвали другіи мѣста, чтобы соединилися съ ними. Воеводою ихъ сталъ славный вождь, князь Димитрій Пожарскій. Мининъ завѣдовалъ казнею (касою) военною. Ополченіе (оружная сила) Новгородцевъ по дорозѣ до Москвы розбило и розгромило останки разбойничьихъ ватагъ. По долгой осадѣ Москвы поляки поддалися и уступили изъ мѣста. Было то дня 27 ноября 1612 р. Москва стала свободна. Народъ благодарилъ Господа, всѣ плакали отъ радости. А дня 21 февраля 1613 р. Соборъ всеи русскои земли выбралъ на царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Та не легко пришло то все. Ляхи отъ долгого часу видѣли, что не удержатися имъ въ Москвѣ. Они просили своего короля идти имъ въ помощь. Но тотъ само тогда сдобылъ Смоленскъ и поѣхалъ до Польши тѣшитися побѣдою. Обохъ нашихъ пословъ, Филарета и Голицына завезено также въ Польшу и держано ихъ въ вязницы. Король и не думалъ идти выручати своихъ, что были въ Москвѣ. Поляки держалися тамъ всею силою. Упереджаючи то, что мало наступити, они 19 марта 1611р. вырѣзали нѣсколько тысячъ безневинного и беззащитного русского народа. Въ одной части мѣста народъ подъ прозодомъ князя Пожарского ставилъ ляхамъ отпоръ и притисъ ихъ такъ, что они мусѣли утекати въ Кремль. Отъ того часу они не смѣли уже ни ногою выйти за его муры.

Колижь изъ Сергіевскои обители пришла грамота до Нижнего Новгорода, тогда Козьма Мининъ промовилъ такъ до народа: „Если хочемъ помочи Москвѣ, то мы не смѣемъ ничего жаловати; продамо домы, заставимъ женъ и дѣтей и будемъ глядати вождя, который заступится за православную вѣру!“

Вождомъ сталъ князь Пожарскій, который лѣчился отъ ранъ, якіи начесли ему въ Москвѣ ляхи, коли онъ боролся съ ними. Народъ въ Новгородѣ воспламенѣлъ любовь отчизны озвалася всею силою. До другихъ мѣстъ пошли грамоты, чтобы: „всѣ были съ нижегородцами за одно и чѣмъ скорше ишли на литовскихъ людей“.

Тогда то ляхи и іуды здрадники хотѣли приневолити Гермогена, чтобы онъ заборонилъ русскимъ идти на помощь Москвѣ. А св. Мученикъ сказалъ имъ: ,,Нехай благословенны будутъ тѣ, которыи идутъ очистити Московское государство, а вы, измѣнники, будьте прокляты!

Русское ополченіе поволи ишло подъ Москву, по дорозѣ скрѣплялося все новыми людьми. Но пришло на самъ часъ и то тогда, коли ляхамъ пришолъ на помощь гетманъ ихъ Хоткѣвичъ. Пришло до кровавыхъ битвъ, русскіи побѣдили, Хоткѣвичъ мусѣлъ уступити. Ляхи, что замкнулися въ Кремлѣ, увидѣли, что нѣтъ для нихъ спасенія. Наконецъ ляшская гордость повалилася въ порохъ; ляхи мусѣли сдатися и останки ихъ недобитковъ полишили Кремль и Москву. Радости русского народа описати не можно. Есть наложилъ на насъ тяжкій крестъ, но Богъ далъ также побѣду надъ врагами. Въ Кремлѣ и слѣда не остало по ,,костелахъ латины". Духъ св. Православія мусѣлъ побѣдити. И побѣдилъ. А коли наступилъ миръ, тогда духовѣнство, бояре и народъ хотѣли якъ найскорше выбрати православного государя-владѣтеля русскои столько потерпѣвшои земли. Собрался Соборъ, а на немъ рѣшено, что царемъ не можетъ быти ниякій иностранецъ ни иновѣрецъ, а мае нимъ быти русскій, Богу, православію и отечеству вѣрный бояринъ

По совѣсти и чести избрали они молодого Михаила Ѳеодоровича Романова. Отецъ его, когда-то насильно по приказу Бориса Годунова постриженный былъ въ монахи, при чемъ принялъ въ монашествѣ имя Филарета. Мы читали о немъ; онъ тотъ же самъ, который былъ узникомъ тушинского злодѣя, а потомъ посломъ отъ Москвы въ таборѣ польского королика подъ Смоленскомъ. Въ хвилѣ, коли сына его выбрано на царство, онъ самъ мучился въ польской вязницѣ. Страдалъ за св. вѣру и за св. Русь, которымъ буди слава во вѣчны вѣки.

Русская Церковь

Русская Церковь, якъ мы то уже читали (см. ст. 117) даже и чути не хотѣла о якой то уніи съ Римомъ. Нечестивый Исидоръ, что подписалъ въ Флоренціи актъ уніи, ледва съ житьемъ утекъ изъ Москвы. Соборъ русскихъ пастырей выбралъ митрополитомъ всеи Руси св. Іону, мужа, надѣленного силою творити чудеса, правдивого печальника о всей русской землѣ, якъ тогда звали московскихъ митрополитовъ за ихъ усердіе для добра отечества. Его наслѣдникъ Ѳеодосій и Геронтій устранили изъ церковнои жизни многіи неудобности; Геронтій укрѣпилъ Іоанна III въ томъ, чтобы скинути съ Руси постыдное иго Татаръ, въ память чего установлено прадзникъ въ честь иконы Божіей Матери Владимірскои (23 іюнія).

А Церковь русская славилася новыми святыми и Угодниками Божіими. Въ Волоколамской пустынѣ спасаетъ себе и братію преп. Іссифъ, великій розобличитель ереси жидовствующихъ. Въ скитѣ коло Бѣлоозерска удивляетъ всѣхъ святостію жизни преп. Нилъ Сирскій, святители Іона Новгородскій, Герасимъ, Питиримъ, Іона Пермскій, свв. подвижники: Макарій Желтоводскій, Савва Вышерскій, Пафнутій Боровскій, Саввятій, Зосима и Германъ Соловецкій и десятки другихъ, то свѣтила русской Церкви, угодны Богу, зачислены къ лику Его святыхъ. И такъ то:

Всемилосердный Господь, Утвердитель русской земли, и въ найтяжшихъ бѣдствіяхъ не полишалъ того, что было основаніемъ ружизня, не полишалъ русской Церкви. Въ хвиляхъ найтяжшихъ, коли казалося, что конецъ приходитъ русской державѣ, тогда то:

Русская Церковь все незмѣнимо вела до спасенія своихъ сыновъ. Въ каждомъ часѣ она трудилася надъ ширеньемъ Христового царства. Святители ей стояли всегда неустрашимо за храненіемъ Божьяго закона. Многіи изъ нихъ много потерпѣли за св. вѣру и удостоилися быти Мучениками за вѣру.

Дикся за часовъ Ивана Грозного жизнь духовна не ослабѣла. Митрополитъ Макарій, мужъ великои святости, созывалъ соборы (1547 1549, 1551 р.) на которыхъ пильно раджено надъ добромъ русской церкви Цѣлъ тихъ нарадъ было исправленіе церковныхъ книгъ, открытіе школъ, искорененіе суевѣрія и т. д.

По занятію Казани и Астрахани, началася тамъ проповѣдь Христовои науки между татарами поганами. Найболъше потрудилися епископы Казанскій, св. Гурій, его наслѣдникъ, св. Германъ и св Варсонофій.

О подвигахъ св. Филиппа, игумена Соловецкои обители, а позднѣйше митрополита Москвы, мы уже читали. Его неустрашимость, съ якою упоминалъ царя, ставитъ его на ровнѣ съ великимъ Святымъ Іоанномъ Златоустымъ. Мощи св. Филиппа перенесено 1591 г. въ Соловецкій монастырь, а въ р. 1652 въ Москву, где донынѣ почиваютъ

въ Успенскомъ соборѣ. А тѣхъ, кто клеветалъ и ложно присягалъ противъ св. Филиппа, Богъ тяжко покаралъ; архіепископа Пимена по занятію и розгромленію Новгорода, Иванъ Грозный велѣлъ замкнути въ Веневскомъ монастырѣ, где Пименъ умеръ изъ голеда. Така сама судьба постигла также игумена Паисія.

Но не только св. Филиппъ не убоялся гнѣва Ивана Грозного. Въ Псковѣ жилъ мужъ, полень святости, юродивый Христа ради, преп. Николай Салосъ. Тотъ предложилъ царю кусень сирого мяса, а коли царь сказалъ, что въ постѣ мяса не ѣсть, св. мужъ сказалъ ему: „мяса не ѣшь, а людей губишь, и кровь христіанскую пьешь, суда Божьяго не боишь ся"! Въ Новгородѣ преп. Арсеній явно грозилъ царю Божьимъ судомъ и заповѣлъ ему, что не узрить небесного царства.

За владѣнія Ивана Грозного Церковь русская прославилася многими Святыми, и такъ: Въ Переяславлѣ Залѣскомъ подвизалися преп. Даніилъ и Герасимъ, которыхъ Богъ за свягое ихъ житье, надѣлилъ даромъ творити чудеса. Въ Олонецкоій сторонѣ прославился чудесами пустынникъ Адріанъ. Въ далекой пустынѣ на полночи вели ангельскую жизнь св. Антоній Сійскій, и преподобный Ниль. Въ Псковѣ понесъ мученическую смерть св. Корнилій.

Все то были мужи великои святости, подвижники Христовы, ангелы въ людскихъ тѣлахъ. Въ Москвѣ жилъ блаж. Василій, юродивый Христа ради. Неразъ видѣли люди, якъ онъ сухою ногою ступалъ по водѣ. Богъ ему далъ даръ видѣнія будущности; онъ передъ смертію предсказалъ сыну Ивана Грозного, Ѳеодору, что тотъ засядетъ на престолѣ, хотя тогда жилъ престолонаслѣдникъ царевичъ Иванъ.

Великимъ благочестіемъ отзначился первый патріархъ всеи Руси, Іовъ. За него установлено празденство въ честь Василія Блаженного и въ честь святителей Петра, Алексіа, и Казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонорія. Заушники Лжедимитрія въ часѣ Богослуженія насильно сдерли съ святителя ризы и вывезли его въ Старицкій монастырь. Разъ еще вернулъ онъ въ Москву, на перенесеніе мощей св. Мученика младенца, Димитрія, при которого гробѣ въ Угличѣ дѣялися многіи чудеса. О подвигахъ и мученической смерти св. Гермогена читали мы уже. Также извѣстно намъ житье неустрашимого митрополита, Филарета, позднѣйшого патріарха. Число мучениковъ росло съ каждымъ днемъ. Коломенского епископа Іосифа ляхи вбили въ сѣняхъ,

а при облозѣ якого мѣста привязывали его напереди пушки, чтобы въ тотъ способъ устрашити жителей мѣста. Тверскій епископъ Геоктистъ понесъ смерть изъ рукъ злодѣевъ тушинского вора. Новгородского протоіерея Амоса Шведы въ часѣ облоги живцемъ спалили. Въ Вологдѣ ляхи убили святого старца, затворника Галактіона. Преп. затворникъ Иринархъ близко Ростова нѣсколько разъ обличалъ польскихъ наѣзниковъ, а Яну Сапѣзѣ предповѣлъ смерть на русской землѣ, что и исполнилося. Въ Синезерской пустынѣ ляхи убили преп. Евфросина и ученика его, Іова.

Въ часахъ найбольшихъ смутъ, коли народный духъ сталъ упадати, монастыри змѣнилися въ чертоги найбольше патріотическихъ подзигозъ. Соловецкій монастырь отдалъ 17 тысячъ рублей на нужды отечества. Спасоприлуцкій монастырь отдалъ на ту цѣль все, что только малъ. Сергіевская обитель удивила всю Русь мужественною защитою своеи лавры при ясно наглядныхъ чудесахъ и доказахъ Божьей опеки. Монахи ишли передъ русскими войсками на брань, подносили въ нихъ духа, вели до побѣды. Эсли коли, то въ хвиляхъ найтяжшихъ, священство наше дало доказъ, что любовь отечества цѣнитъ оно неизмѣримо высоко. А въ тихъ борьбахъ треба было спасати святость и непоколебимость св. православноі вѣры, ибо латинство насильно пхалося въ русскую землю. И изчезло оно, яко дымъ, а св. Благочестіе остало во вѣки угольнымъ камнемъ русскоі жизни.

А теперь придивимся, что дѣялося въ земляхъ русскихъ, которыи не счастными судьбами попали въ вѣковую ляшскую неволю.

Въ русскихъ земляхъ, что были подъ польскимъ игомъ, польскіи ксендзы и шляхта съ каждымъ днемъ все больше угнетали православныхъ. Именно іезуиты, монахи-ксендзы, старалися конечно замѣнятп русскіи церкви въ латинскіи косцьолы. Православныхъ насильно переводили на латинство.

Іезуиты отзначалися незвычайною ненавистію до св. Православія. Не даромъ же они были возлюбленными чадами Рима. Въ Польшѣ тогда ажъ кишѣло отъ протестантовъ, но іезуиты мало на то свертали уваги, они стремѣли до того, чтобы чѣмъ скорше стерти въ Польшѣ даже слѣдъ св. Православія. За панованья Стефана Баторія іезуитамъ тяжше было вести свое адское дѣло, ибо Баторій не хотѣлъ насиловати ничіеи совѣсти. Всеже таки, по занятію Полоцка, за намовою

іезуитовъ, онъ отдалъ имъ большую часть православныхъ церквей. За ихъ намовою Баторій приказалъ православнымъ приняти григоріанскій (латинскій) календарь, но весь народъ оперся тому. Латинскіи бискупы и ксендзы вдиралися въ церкви и прогоняли изъ нихъ православныхъ священниковъ. Особливо отзначился звѣрскою жестокостію латинскій арцибискупъ, Суликовскій.

Іезуиты іудили польскую шляхту, чтобы насильно отбирала русскимъ церквамъ маетки. Польскій шляхтичъ малъ право житья и смерти надъ бѣднымъ народомъ. Онъ православнсго не уважалъ даже за человѣка, православныхъ же священниковъ неволилъ до найтяжшихъ роботъ. А всежь таки народъ держался св. Православія, о латинствѣ и чути нехотѣлъ. Чему? Бо вѣра предковъ нашихъ была православна. Чисту, православную вѣру принялъ св. Владиміръ изъ Царьгорода. Русь знала, якъ знае и теперь, что только православная церковь есть едина, святая, соборная и апостольская, а только св. православная вѣра есть единоспасительна. И для того, сколько разъ коварный Римъ старался наклоняти русскихъ князей и царей до сгоды съ нимъ, только разъ мусѣлъ въ посрамленію уступати, бо Русь съ найбольшою рѣшительностію боронила своего достоянія, святои, православнои вѣры.

Познали то іезуиты и въ хитрости своей призадумали другую дорогу, чтобы снищити въ предѣлахъ Польши св. Православіе.

Іезуиты и шляхта познали, что народъ русскій николи не прійметь латинства. Тогда они задумали ввести такъ звану: „церковну унію“. Унія, есть то латинское слово и значитъ только, что „соединеніе“. Унія церковна значила соединеніе православныхъ съ Римомъ. Православныи мали признати, что римскій папежъ есть головою церкви. Также мали они приняти другіи заблужденія римскои вѣры. Зато мали заховати свой восточный обрядъ. Унія та мала сблизити православныхъ съ латинниками на то, чтобы помалу вводити въ восточный обрядъ латинскіи звычаи. Съ часомъ мала она тотъ обрядъ заступити всецѣло латинствомъ.

Якъ видимъ, то іезуиты обдумали дѣйствительно діавольскій планъ. Съ хвилею, коли на престолъ вступилъ король Жигмонтъ Ш. человѣкъ со-

всѣмъ преданный іезуитамъ, они начали свои намѣренія осуществляти. Одинъ изъ нихъ, Петръ Скарга, написалъ особную книгу о томъ. Король и польскіи вельможи пособляли іезуитамъ. Король отдавалъ владычьи престолы людямъ самымъ нечестнѣйшимъ, переважно ляхамъ, шляхтичамъ, которыи принимали епископство ради доходовъ, якіи оно приносило. Таки владыки были людьми безъ вѣры и чести. Коли царьгородскій патріархъ, Іеремія переѣзжалъ до Москвы, где утвердилъ патріархатъ всеи Руси, то онъ былъ также въ предѣлахъ полуднево-русскои митрополіи, якая не стояла въ ниякой связи сь Великою Русью. Тутъ засталъ онъ крайныи безпорядки. На митрополичьемъ престолѣ въ Кіевѣ сидѣлъ двоеженецъ, Онисифоръ Дѣвочка, который даже не былъ владыкою, бо яко двоеженецъ (два разы женатый передъ принятіемъ священства) не могъ нимъ быти. Патріархъ лишилъ его митрополичьяго достоинства. Тогда то король назначилъ митрополитомъ Михаила Рагозу, человѣка слабодушного, совсѣмъ преданного іезуитамъ.

Въ Луцку былъ владыкою Кириллъ Терлецкій, также двоеженецъ, а до того человѣкъ найгоршихъ обычаевъ, вѣрный слуга шляхты. Во Львовѣ былъ владыкою Гедеонъ Балабанъ, который также наклонювался до уніи, а то для того, что патріархъ Іеремія надалъ львовскому успенскому братству право „ставропигіи“ т. е. вынялъ его изъ-подъ власти епископа, а подчинилъ прямо власти царьгородского патріарха.

Мы уже сказали, что владыками ставали обыкновенно такіи люди, которыи глядали только наживы. А коли былъ хлѣбъ, то захотѣлося имъ и почести. Латинскіи бискупы были всѣми почитаны, а на православного владыку шляхта дивилася не лучше, якъ на каждого хлопа. Польскіи ксендзы мали „схизматицкихъ“ владыкъ въ погордѣ. Потому тѣ владыки хотѣли приняти унію, ибо думали, что тогда будутъ ихъ заодно почитати съ латинскими бискупами, ибо они будутъ уже „вшистко едно“. Та и на томъ завелися они дуже.

Отъ такихъ владыкъ не можно было даже требовати привязанія до св. вѣры, до Православія и до церкви. А и въ монастыряхъ не дѣялося лучше. Правда, что монахи были честны и уставъ хранили; но игуменами были звычайно мірскіи люди, которыи або насильно заграбили въ свои руки игуменскую власть, а съ нею монастырскіи земли и доходы, або достали ту власть изъ рукъ якого вельможи. Польша все стояла безпорядкомъ и беззаконіемъ; нѣтъ дивности, что польскіи паны силою забирали русскіи монастыри, по ихъ католицкому ученію така крадежь не то, что не была грѣхомъ, а противно, за ню удостоивалися они благословенія іезуитовъ и „сьвентего ойца“ изъ Рима.

Для защиты православной вѣры возникали братства. Были то религійныи товаришества,а ихъ цѣль была сохраняти непорочность православной вѣры. Братства мали надзоръ надъ нѣкоторыми монастырями, закладали школы шпитали, и печатали церковныи книги. Такіи братства были во Львовѣ,Вильнѣ,Луцку, Острозѣ и другихъ мѣстахъ. Львовское братство звалося,,Успенское", бо заложено было въ честь Успенія Пресвятои Богородицы. Патріархъ царьгородскій Іеремія надалъ ему названіе ,,ставропигіальное" т. е. такое, что само рядитъ собою, и вынято есть изъ-подъ власти владыкъ. Братство то существуетъ во Львовѣ донынѣ. Оно печатаетъ церковныи книги, удержуетъ церковь Успенія Пресв. Богородицы (Волошскую), бурсу для бѣдныхъ учениковъ, школу спѣву и великую книгарню.

Мы уже сказали, что патріархъ Іеремія, отъѣзжаючи въ Москву увидѣлъ много соблазни между владыками. Онъ приказалъ митрополитѣ Рагозѣ созвати на 1591р. соборъ до Замостья, на которомъ между иными нарадами малъ отбытися духовный судъ надъ Кирилломъ Терлецкимъ за его соблазняющее грѣшное житье. Но Рагоза собора не скликалъ, а то за намовою Терлецкого. Патріархъ, вертаючи изъ Москвы, прибылъ до Замостья на соборъ, но ждалъ даремно, затѣмъ и уѣхалъ до Царьгороду. Передъ отъѣздомъ прислалъ онъ Мелетію, Владимірскому владыцѣ, а также и митрополитѣ Михаилу (на которого уже не много числилъ) грамоты, силою которыхъ мали они созвати соборъ и осудити Терлецкого.

Грамоты тѣ Терлецкій подступомъ выманилъ и досталъ въ свои руки. Теперь маль онъ щирого помощника въ Ипатію Поцѣю, который за ходатайствомъ іезуитовъ сталъ Владиміроволынскимъ владыкою, а то по смерти владыки Мелетія (1590р). Поцѣй былъ католикомъ, потомъ принялъ еретическую нѣмецкую вѣру, а въ концѣ сталъ для ска православнымъ, чтобы заняти богатое владычество. Всеже таки Терлецкій боялся суда патріарха, ибо было его за что судити, кромѣ двоеженства славный онъ былъ изъ нечистого житья, изъ оружейныхъ наѣздовъ на монастыри, изъ робленья фалшивои монеты (грошей) и т.п. Не лѣпшими отъ него были владыки: Холмскій, Діонисій Сбируйскій и Пинскій, Леонтій Пельчинскій.

Страхъ передъ судомъ патріарха сневолилъ всѣхъ тихъ обманщиковъ народа и волковъ въ владычьихъ одеждахъ, приблизитися и идти рука въ руку. А где дѣялося якое нибудь злодѣйство, тамъ іезуиты мусѣли всегда вмѣшатися, и теперь дорадили они Терлецкому, чтобы онъ и другіи православныи владыки поддалися римскому папѣ, приняли унію, а тогда патріархъ не будетъ мати до нихъ ниякого права. Что больше, найдутъ они ласку у короля и польскои шляхты.

Великимъ защитникомъ святого Православія и покровителемъ русскои церкви былъ князь Константинъ Острожскій. Онъ также хотѣлъ соединенія церквей, однакъ хотѣлъ такого соединенія, на якое согласятся всѣвосточныи, православныи патріархи, а также московскій патріархъ. О иномъ мирѣ и о другоій сгодѣ даже и чути не хотѣлъ.

Іезуиты добре пильновали дѣла. Они наклонили до своеи мысли короля и вельможъ державы. Съ хвилею, коли въ Москвѣ учреждено патріархатъ для всеи Руси, православный народъ, который жилъ подъ гнетомъ Польши, тамъ, до Москвы, сверталъ свои очи. Польша знала, что Великая Русь скорше, чи позднѣйше станетъ въ защитѣ православныхъ, которыи страдали подъ ляшскимъ игомъ. А тогда пропала Польша и еи коруна. Потому въ интересѣ Польши было оторвати русскій народъ отъ св. Православія, отчуждити его отъ патріарховъ и Великои Руси, а на всегда приковати до себе римскимъ ланцухомъ.

Унію съ Римомъ стали заводити Кириллъ, епископъ луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ Владиміроволынскій. Оба они были люди злого житья. Помагали имъ іезуиты. Духовенство и народъ ничего не знали о уніи, а вѣрно держалися св. православнои церкви. Терлецкій и Поцѣй пофальшовали подписи другихъ владыкъ. Потомъ просили польского короля, чтобы позволилъ имъ приняти унію. Король послалъ ихъ обохъ за свои гроши до Рима, до папежа.

Въ 1593 р. Терлецкій и Поцѣй объѣхали чи не всѣхъ владыкъ. Нѣкоторыи согласилися на унію, бо пахла имъ польская ласка,

другихъ, который не хотѣли о ней чути, неволили угрозою королевского гнѣва, або просто фальшовали ихъ подписи. Одинъ только перемышльскій владыка. Михаилъ Копыстинскій рѣшительно и публично заявилъ, что о уніи не желаетъ даже чути. Тогда то князь Острожскій писалъ до Поцѣя, что безъ согласія патріарховъ не можно и думати о мирѣ съ коварнымъ Римомъ. Патріархи александрійскій и царьгородскій остерегали передъ римскою ересью, а царьгородскій загрозилъ клятвою тѣмъ, которыи отступлятъ отъ св. Православія.

Однако Терлецкій и Поцѣй не убоялися того. Они стали дѣлати все потаенно, бо боялися гнѣва народа. Въ р. 1595 они внесли прошеніе до короля и папы, чтобы ихъ присоединити до римской церкви. Прошеніе то было якобы отъ всего духовенства и отъ всего народа. Но самъ Поцѣй писалъ тогда, что „не всѣ архіереи согласилися на унію, а меньшая братія (духовенство), хотя и ревныи слуги Божіи, вовсе не знаютъ о томъ".

Король Жигмонтъ III универсаломъ отъ 30 іюня 1595 выдалъ грамоту, которою уніатскому духовенству давалъ таки самыи права, якъ и латинскому. Права тѣ ажъ до послѣднихъ дней панованья Польши остали на паперѣ.

Потаенно злодѣйско-волчіимъ путемъ поѣхали Терлецкій и Поцѣй до Рима. Тутъ поцѣловали патынокъ папежа, Климентія VIII, и отъ имени всеи Руси, которая конала подъ Польшею, просили принятн ихъ до едности, т. е. до уніи, а то подъ слѣдующими условіями:

Тайна Евхаристіи мае быти всецѣло хранена подъ двома видами (у латинниковъ она удѣляется подъ однимъ, только въ оплаткахъ).

Въ Тайнѣ Крещенія и Миропомазанія не смѣетъ быти ниякои змѣны.

Всѣ восточныи обряды маютъ во вѣки быти неизмѣнно сохранены.

Звычаи и обычаи восточнои Церкви маютъ быти ненарушены.

Священникамъ и на дальше вольно (передъ принятіемъ священства) женитися.

Папежъ мае вставитися до польского короля, чтобы уніатскіи владыки мали вступъ до сойма и сената, заровно съ польскими бискупами (о что здрадникамъ найбольше ишло).

Потомъ оба іуды приняли отъ Рима еретическое ученіе о происхожденію св. Духа отъ Отца и Сына, дальше признали верховную власть папежа (замѣняли главу св. Церкви, Іисуса Христа, за череватого Италіана, папежа), приняли науку о отпустахъ и все другое, чужое св. Православію. Папежъ на все то согласился, бо что шкодило ему пріобѣщати то, чего не думалъ николи додержати. И такъ:

Терлецкій и Поцѣй въ Римѣ дня 23 декабря 1595 р. запри-
сягли римскому папѣ вѣрность, цѣловали его паты-

нокъ и приняли унію, т. е. злую, еретическую, Христу противную римскую вѣру. Римъ обѣщалъ, что въ ничемъ не нарушитъ восточного обряда. Обѣтницы тои однакъ Римъ не додержалъ. Папежемъ тогда былъ Климентій VIII.

Заликовалъ папа и его слуги. Имъ не такъ ишло о полудневорусскую митрополію, якъ о то, что въ уніи онъ видѣлъ стежку до великои, богатои, а съ нимъ непримиримои державнои Руси. На памятку тои хвили, коли іуды цѣловали его копыто и просили о унію, т. е. о принятіе ихъ въ римское ярмо, папа казалъ выбити особную медаль съ надписью: „Ruthenis receptis“ (Въ память принятія Русиновъ).

Кажется, что не дуже весело верталося обомъ здрадникамъ до краю. Они знали, что здрада ихъ выйдетъ на верхъ. Имъ-же никто не далъ права присягати именемъ всего духовенства и всего народа; единственна ихъ надежда, то былъ король, іезуиты, шляхта и ихъ властна безличность.

Вѣдомость о ихъ здрадѣ рознеслася на Руси еще до ихъ поворота. И сейчасъ нашлися мужи, которыи стали въ защитѣ св. Православія. Князь Острожскій, который николи и не думалъ о томъ, чтобы въ такъ подлый способъ можно было запродати св. вѣру, обуренный, розослалъ по всюду грамоты съ протестомъ противъ насильно накидованнои уніи. Возстали противъ неи всѣ братства, владыки: львовскій, Гедеонъ Балабанъ, и перемышльскій Михаилъ Копыстинскій станули рѣшительно въ оборонѣ св. Православія. Одинъ изъ учителей Виленского братства, Стефанъ Зизаній явно училъ, что папа то антихристъ и что отъ него только зло придти можетъ на св. церковь.

Но за здрадниками стоялъ король и іезуиты. При такой поддержцѣ въ Польшѣ можно было все сдѣлати. Однакъ:

Народъ русскій выступилъ единодушно противъ здрады Терлецкого и Поцѣя. Онъ не хотѣлъ ниякои уніи съ Римомъ. На челѣ православныхъ стоялъ славный князь Константинъ Острожскій. Даже розумнѣйшіи изъ поляковъ радили королю не мѣшатися до уніи. Но король пошолъ за радою іезуитовъ. Онъ казалъ митрополитѣ Михаилу Рагозѣ созвати Соборъ духовный въ Брестѣ, где мала затвердитися церковна унія съ Римомъ.

Соборъ скликано на первыи дни октября 1506 р. Православныи на воззваніе князя Острожского, прибыли громадно до Бреста. Прибыли тамъ заступники патріарховъ— царьгородского Никифоръ и александрійского Кириллъ Лукарисъ; дальше владыка львовскій Балабанъ и перемышльскій Михаилъ, бѣлогородскій митрополитъ изъ Славоніи, Лука, много духовенства, игуменовъ, дальше вельможъ и весь дворъ князя Острожского съ нимъ на челѣ. По сторонѣ здрадниковъ уніатовъ были Терлецкій, Поцѣй, дальше Полоцкій епископъ Ермогенъ, Пинскій, Иванъ Гоголь и Холмскій Денисъ. Папскимъ представителемъ былъ іезуитъ Петро Скарга. Были королевскіи послы и много латинскихъ ксендзовъ. Найбольше вешталися зачинщики тои соблазни іезуиты. Митрополитъ Рагоза пріѣхалъ послѣдній. Православныи не знали по чіей онъ станетъ сторонѣ, но онъ пошолъ на путь нечестивыхъ. Даремно что православныи запротестовали противъ того Собора, митрополитъ совсѣмъ отдался здрадѣ.

Тогда по рѣшенію православныхъ состоялся особый Соборъ. Поцѣй, до епархіи которого належалъ Брестъ, позамыкалъ всѣ православныи церкви, чтобы не допустити до нихъ православныхъ владыкъ членовъ Собора. Уніаты стбывали свсе лукавое сонмище въ церкви св. Николая. Но ихъ Соборъ то была только комедія, бо все было съ горы уложено. И такъ:

Дня 9 октября 1596 р. на соборѣ въ Брестѣ, отступники отъ православнои вѣры, митрополитъ Рагоза и его сторонники, въ присутствіи польскихъ ксендзовъ и іезуитовъ приняли, утвердили и заприсягли унію съ Римомъ. Сдѣлали то противъ воли православного духовенства и народа. Въ тотъ самъ день Соборъ православныхъ, что отбывался также въ Брестѣ, кинулъ клятву на отступниковъ отъ св. вѣры. Соборъ оголосилъ, что митрополитъ и тѣ владыки, которыи держатъ за уніею, позбавлены суть своихъ достоинствъ. Отъ тои хвили въ православной полуднево-русскои митрополіи наступилъ роздѣлъ. Отступники отъ православнои вѣры стали зватися „уніатами“.

Лукавое сонмише уніатовъ кинуло клятву на участниковъ православного Собора, но тѣмъ лишь себе выставили на смѣхъ. А Польша не

знала, что соборъ въ Брестѣ то початокъ конца Польши. Былъ онъ искоркою, изъ которои повсталъ величезный огонь. Въ немъ сгорѣла и польская держава. Унія сталася причиною долголѣтнихъ, кровавыхъ военъ, черезъ ню пролито потоки крови. Всѣхъ несчастій, якіи нанесла она за собою, не счислити. Та о томъ, что послѣдувало за нею, будемъ читати въ дальшомъ оповѣданію. Памятати намъ однакъ треба, что:

Унія заведена остала здрадою, насиліемъ противъ волі русского народа. Унія есть отступленіе отъ единоспасительнои православнои вѣры, которую принялъ св. Владимиръ. Кто держится уніи, тотъ есть еретикъ. Унияты зовутъ себе также православными католиками. Но то неправда. Они есть отступниками отъ православнои вѣры.

Часть IV.

Козачество. Его ростъ и его возстанія.

Мы знаемъ, якъ тяжко жилося русскому народу подъ ляшскимъ игомъ. Именно селянское населеніе, отданное всецѣло власти польскои шляхты, и жидовъ арендаровъ, прямо не могло выдержати нелюдского ихъ гнета. Заслабы, чтобы силою отперти насиліе, наши люди утекали въ широкіи степы между Днѣпромъ и Дономъ, где не могла ихъ уже досягнути ляшская самоволя. Тутъ вязалися они въ ватаги, або дружины. Занималися охотою (полеваньемъ) на дикихъ звѣрей, або рыболовствомъ. А что степы тѣ были якобы границею между христіанскимъ міромъ, а татарскими ордами, которыи безпрестанно нападали на русскіи земли, то тѣ вольныи дружины, якіи жили въ степахъ, были якобы передовою стражею русскихъ земель. Отважныи, всегда готовыи на бой съ татарами, среди битвы просто неустрашимы, готовы на всякую удалость, были они пострахомъ для татаръ, которыи звали ихъ „козаками“ т. е. отважными чортами. Такъ:

Козаки были то люди со всѣхъ сторонъ Руси, которыи изъ властнои охоты на степахъ между рѣками Донъ и Днѣпръ вели постоянну борбу съ татарами. Козаки

поселялися на окраинахъ русскои земли, именно въ Кіевщинѣ, Брацлавщинѣ и Черниговщинѣ. Они были дуже отважны и готовы боронити св. православную вѣру. Тѣ козаки, которыи жили надъ Дономъ, звали себе донскими. Они принадлежали до Великои Руси. Козаки, которыи жили накъ Днѣпромъ, на окраинѣ русскихъ земель, звали себе украинскими козаками.

Козачество, то одна великая вольница. Гнетенный ляшскимъ игомъ сынъ русскои земли ишолъ въ широкій степъ, где не было ни пана, ни ярма. Широкоя русская удалость находила тутъ поле до попису. Куде кинешь окомъ, всюда разлогій степъ, гуляй конемъ, купайся въ морѣ зелени, солнце тебѣ стрѣхою, мати земля дае кормъ, заботитися нѣтъ чѣмъ. Козаковъ еднала найбольшая любовь; одинъ за всѣхъ, всѣ за одного. Новоприбывшого козака никто не пыталъ, откуда онъ; всѣ знали, что або недоля, або жажда свободного, необузданного житья привела его въ степъ. Но непремѣнно пытали: чи ты православной вѣры? И только православныхъ принимали. Степъ кишѣлъ отъ татарвы, тутъ треба было безпрестанно сторожити, чтобы житьемъ не поплатити. Та разъ мати родила! Козакъ зналъ, что военному человѣку на полѣ битвы суждено класти молодую голову. Чи скорше, чи позднѣйше, чтобы только въ военной славѣ, въ блескахъ геройскои доблести. Вѣдь битва для нихъ была забавкою, потребою житья. Неразъ кидалися козаки на стократно большіи силы, и ихъ отвага, погорда смерти дѣлала ихъ страшными для врага.

Одного не забывалъ козакъ, именно, что онъ русскій и православный. Такъ коли Польша стала угнетати православный народъ, коли заведено унію, тогда козаки стали въ оборонѣ святои вѣры, были якобы мечемъ Божьеи кары, которыи мстили на ляхахъ всѣ кривды русского народа.

Часть козаковъ розложилася таборомъ за Днѣпровыми порогами (якъ назывались подводныи скалы въ рѣцѣ Днѣпрѣ)на островѣ Томаковка. Таборъ свой (званый „кошемъ“) обвели они засѣками и назвали „Сѣчь“. Тѣ козаки звали себе „Запорожцами“. Найстаршій въ Сѣчи былъ кошевый атаманъ. Войско запорожское дѣлилося на отряды, что звалися „курени“. Каждый

курень малъ свое названіе и своего „куренного атамана“. Изъ Сѣчи козаки доплывали лодками до моря, а моремъ въ турецкую, або якъ они звали, бессерменскою землю. Они не узнавали надъ собою ниякои власти, кромѣ власти своего атамана. Невѣстамъ невольно было жити въ Сѣчи. Другіи козаки, такъ званы украинскіи признавали надъ собою власть Польши. Женатыи козаки поселялися въ степахъ въ поодинокихъ хуторахъ, або селеніяхъ. На часъ большои войны кидали они домашное житье и вертали на Сѣчь.

Немножно означити, коли наступила организація Сѣчи. Нѣкоторыи историки относятъ еи основаніе до 1511р. Устройство въ Сѣчи было простое, но совсѣмъ отвѣчающее потребѣ. Въ часѣ военного похода найбольша карность и послушаніе, трезвость (пьянство въ походѣ караю смертію); въ часѣ хвилевого спокою одно гулянье, веселость и беззаботность. Часть добычи отдавали въ спольну касу, часть ишла на удержаніе куреней, а решту дѣлили между собою. Убожество, богатство не мали тамъ значенія, кто храбрѣишій, кто все готовый на то, что выдавалося не доосягненія, тотъ и лучшій козакъ.

Первыми козацкими атаманами были Евстафій Дашковичъ, по немъ былъ атаманомъ князь Димитрій Вишневецкій, позднѣйше Иванъ Свирговскій, а потомъ славный князь Богданъ Ружицкій.

Дашковичъ выбралъ изъ козаковъ 4 тысячи самыхъ доблестнѣйшихъ молодцевъ, подѣлилъ ихъ на полки и сотни, надалъ имъ войсковый судъ, завелъ всякіи порядки. Что-року отпускалъ 2 тысячи козаковъ на поселеніе въ степы, а принималъ новыхъ. Въ потребѣ всѣ козаки ставали до бою. Разомъ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ розбивалъ онъ крымскихъ татаръ. Польскій король Жигмонтъ далъ ему въ посѣданіе мѣста Черкассы и Каневъ.

Димитрій Вишневецкій, славный удалецъ воевалъ съ татарами, помагалъ якій-то часъ Ивану Грозному, но потомъ перешолъ на службу Польшѣ. Въ 1564 р. подчасъ похода на Молдавію попалъ въ турецкіи руки и погибъ геройскою смертію.

Иванъ Свирговскій, ставши козацкимъ атаманомъ, прославился такъ, что при немъ было уже 30 тысячъ войска. Онъ нищилъ турецкую

землю, нападалъ на Царьгородъ, освобождалъ Христіанъ, которыи мучилися въ турецкомъ ярмѣ, страшный былъ крымскимъ татарамъ. Козаки подъ нимъ не дбали на угрозы польского короля, который жилъ тогда въ мирѣ съ Туреччиною, и боялся, что турки черезъ козацкіи наѣзды сорвутъ тотъ миръ. Козакамъ не было чего боятися ни Польши, ни бесерменовъ. Свирговскій погибъ въ войнѣ Молдавіанъ противъ Турковъ. Онъ помагалъ Молдавіанамъ, но тѣ здрадили его и такъ 1574 р. погибъ онъ, а съ нимъ больше 2 тысячи козацкого войска. Найславнѣйша доба козачества началася за гетмана Богдана Ружинского.

Король польскій, Стефанъ Батюрій завелъ новый порядокъ въ козаччинѣ. Онъ подѣлилъ ю на полки, которыи были розмѣщены по всей такъ званной тогда Украинѣ (то есть въ пограничныхъ мѣстностяхъ русскихъ земель). Каждый полкъ отъ мѣстности, где стоялъ таборомъ, малъ свое названіе. Итакъ былъ полкъ Чигиринскій, Корсунскій, Уманскій, Кіевскій, Полтавскій и другіи. Всѣ полки выбирали одного гетмана. Гетманъ подлягалъ польскому королю. Изъ всѣхъ козаковъ выбрано 6 тысячъ самыхъ доблестнѣйшихъ молодцевъ и записано ихъ въ „реэстръ“ (списъ). Они звалися „реэстровыи козаки“. Все то касалось украинскихъ козаковъ, бо до запорожскихъ польскій король не малъ ниякои власти. Реэстровцамъ невольно было безъ позволенія короля воевати съ Турками и Татарами. Но они совсѣмъ не дбали о королевскій заказъ.

Коня, стрѣльбу, спису, теплый кожухъ на зиму и одного червонца на рокъ получалъ реэстровецъ. За то малъ онъ служити польскои речипосполитой. И якъ сталося, что козаки могли подчинитися Баторію? Баторій былъ одинъ изъ найславнѣйшихъ полководцевъ сво его часу, великій ворогъ турковъ, а другъ козаччины. Черезъ то козаки ишли за его голосомъ. Та они покончили на томъ, что дали подѣлитися на полки. Принялп они также отъ короля мѣста Трехтимировъ и ново побудованное для гетмана мѣсто Батуринъ. Но козацкая удача не могла поддатися приказамъ короля, при первой случайности козаки съ атаманомъ своимъ, Ружицкимъ, напали на Крымъ. Въ той вой-

нѣ погибъ Ружицкій. Гетманомъ сталъ Шахъ и дальше велъ войну съ бесерменами. За его гетманства въ козацкомъ войску славный былъ Иванъ Подкова, братъ молдавского господаря (владѣтеля), доблестный славный козакъ, такъ сильный, что въ рукахъ ломилъ конскіи подковы. Коли Турки убили его брата, господаря, тогда Шахъ съ козацкимъ войскомъ пошолъ на Турка мстити смерть Иванового брата. Противъ козаковъ выступили турки разомъ съ польскимъ войскомъ. Видѣлъ Шахъ, что не ровны силы, и, не хотячи проливати даремно козацкои крови, вернулъ на Украину. Подкову ляхи заманили до Львова, где на приказъ Баторія его казнено.

Козаки страшно мстилися за смерть Подковы на туркахъ и татарахъ, такъ, что тѣ загрозили Баторію войною, если онъ не усмиритъ козацкои мести. Баторій не зналъ, что робити; онъ боялся и бесерменовъ и козаковъ. На его просьбы уступилъ Шахъ съ гетманства. Баторій прислалъ на его мѣсто поляка Самуила Зборовского, но козаки не позволили себѣ накидати гетмана. Зборовскій вернулъ съ ничѣмъ до Польши, а козаки выбрали гетманомъ Даміана Скалозуба. Первое дѣло нового гетмана было повести козаковъ на бесерменовъ. Польша увидѣла, что съ козачествомъ ничего не вдѣетъ.

Козаки идутъ противъ Польши.

Настала унія. Присягли вдрадники православнои вѣры, присягли папежу и ляхамъ. И съ тою хвилею началося гоненіе православныхъ и то такъ жестокое, что прямо въ ничемъ не уступало оно гоненію первыхъ христіанъ за поганскихъ временъ. Польша стала силою заводити унію. Іезуиты, дальше ксендзы, шляхта хотѣли конечно доказати, что за уніею не только зрадники-епископы, а также и народъ. Но тотъ народъ такъ далекій былъ отъ уніи и Рима, якъ далеко есть солнце отъ земли. Ляхи начали отъ того, что сейчасъ по своемъ соборѣ въ Брестѣ увязнили представителя царьгородского патріарха, Никофора, который былъ предсѣдателемъ православного Собора. Въ его оборонѣ станулъ князь Константинъ Острожскій и въ сенатѣ въ очи королю Жигмонту сказалъ тѣ приснопамятныи слова:

,,Ваша Милость! нарушаете нашіи права, топчете ногами нашу волю, дѣлаете насиліе совѣсти нашой. Яко сенаторъ, я не только самъ дознаю сневаги, но вижу, что все тое ваше дѣйствіе ведетъ до погибели польского королевства. Ведля того, что дѣется, никто не есть безпечный своего права и своей воли. Предки наши, присягаючи на вѣрность свому владѣтелеви, принимали и отъ него присягу, что онъ будетъ наглядяти, дабы дѣялась справедливость на безпеченство каждаго. Между ними была обоюдная присяга. Отямтесь, Ваша Ко-

ролевская Милость! Я уже въ глубокой старости и скоро надѣюсь оставити сей міръ, а вы сневажаете мене, отнимаете отъ мене найдорожшее, т. е. православную вѣру! Отямтесь, Ваша Милость! Поручаю Вамъ того духовного Достойника (Никифора); Богъ будетъ на Васъ поглядовати крови его, а менѣ дай Боже не видѣти больше такого нарушенія права, но противно, нехай Богъ позволитъ менѣ на старость почути о лучшой охоронѣ такъ державы, якь и нашихъ правъ".

Король для ока сворушился, хотѣлъ святителя Никифора пустити на свободу. Но на дѣлѣ заслали его до еще тяжшои вязницы въ Магдебургу, где онъ умеръ, яко мученикъ за святую православную вѣру.

Уніатскіи епископы стали теперь насильно вводити унію. За ними было польское войско и польское насиліе. Вотъ что писали лѣтописи того времени: „Отягощенія и насильства множилися все больше и больше, именно со стороны латинского духовенства и нѣкоторыхъ изъ шляхты латинского происхожденія. Часто случается, что нѣкто изъ православныхъ, въ якій бы онъ не попалъ кутъ польскои державы, не чувствуетъ себе безпечнымъ. Наши церкви, монастыри, соборы по большой части уже захвачены, разорены и опустошены, а все то съ грабежомъ, и мучительствомъ съ поруганіемъ надъ живыми и мертвыми. Священники наши за твердостъ въ исповѣданію терпятъ переслѣдованія, на нихъ нападаютъ въ ихъ домахъ, грабятъ обезчещиваютъ, вязнятъ, рабуютъ". Все то дѣялося уже отъ первыхъ дней по лжесоборѣ въ Брестѣ. Въ дальшомъ оповѣданію увидимъ, до якого безчестія, просто сказати звѣрства, дошли гонители православнои вѣры.

Росли кривды, но росъ въ силу также и ихъ мститель козачество. Росло оно потому, что Польша хотѣла сломити его силу, хотѣла покорити козаковъ, что однако ей не удалося.

Наслѣдникъ короля Баторія, Жигмонтъ третій, хотѣлъ обмежити всѣ права реэстровыхъ козаковъ и хотѣлъ самъ пановати надъ ними. Народъ русскій, именно селяне, были страшно гнетены польскою шляхтою. Сами ляхи писали тогда такъ: „Простый народъ въ Польшѣ терпитъ пекольныи муки, а мы, паны, роскошуемъ, якъ въ раю". Черезъ то много народа утекло изъ неволи въ степы, до козаковъ. Гетманъ козацкій, Христоферъ Косинскій, сталъ въ оборонѣ бѣдного народа и воздвигъ повстанье противъ Польши. Разомъ

съ нимъ стоялъ народъ, а съ народомъ атаманъ, Иванъ Лобода. Однако польскіи войска въ битвѣ подъ Пяткою разгромили козаковъ. Косинскій въ битвѣ полягъ, а решта козаковъ съ Лободою вернула на Сѣчь.

Возстаніе Косинского то былъ первый всенародный протестъ противъ ляшскои самоволи. Ибо король Жигмонтъ задумалъ стерти козаччину съ лица земли. Онъ приказалъ, что реэстровыхъ козаковъ не можетъ быти больше якъ 4 тысячи. Гетмана мае назначати король, а отамановъ будетъ назначати самъ гетманъ. Въ земляхъ русскихъ несвободно козакамъ продавати не то пороху и оружія, а даже хлѣба и соли. Всѣ ,,хлопы", якъ насмѣшно ляшня называла русскихъ селянъ, мали робити ляхамъ панщину. А панщина та, то была просто неволя. Лѣтописецъ пишетъ такъ: ,,Даже въ турецкой неволѣ не издѣваются такъ надъ человѣкомъ, якъ въ Польшѣ. Король роздалъ русскіи земли своимъ вельможамъ, а тѣ послали тамъ своихъ посѣпаковъ, послѣднюю, отъ мотуза оторванную дрянь, яко завѣдателей маетковъ. Русскій хлопъ не уважался за человѣка, ляхъ малъ право убити его, розлучити съ женою, дѣтьми, спродати, якъ продается худобу, даровати, замѣняти за коня, або пса, програти въ карты. Честь русскихъ женокъ и дѣвчатъ зависима была отъ доброи воли шляхты, но у католиковъ тои доброи воли не было николи. Было одно звѣрство, одинъ грѣхъ, а все то сильне благословеніемъ іезуитовъ и римского папежа.

Козачество, кость кости и кровь крови русского народа, отчувало всѣ тѣ кривды. Ибо каждый изъ козаковъ самъ вышолъ изъ тои неволи. Кривда братьевъ, то была его кривда. А кривда та всмоглася теперь въ десятеро. До теперь мучили только тѣло. Теперь стала ляшня класти оковы и на душу. Теперь настала — клятая унія.

По оголошенію Брестскои уніи народъ возсталъ противъ того насилія. Съ народомъ соединилися козаки въ силѣ 20 тысячъ людей. На челѣ ихъ былъ гетманъ Павелъ Наливайко. Онъ выповѣлъ Польшѣ войну. По всѣхъ русскихъ земляхъ розослалъ онъ грамоты (листы), чтобы никто не важился приниматн уніи. Атаманъ Лобода на челѣ нереэстрованныхъ коваковъ соединился съ Наливайкомъ. Козаки пустошили польскіи земли. Ляхи выслали противъ Наливайка войска съ гетма-

маномъ Жолкѣвскимъ. Надъ рѣкою Тясминомъ, коло Чигирина гетманъ Наливайко побилъ на-голову ляховъ. Больше, якъ 17 тысячъ ляховъ пало трупомъ на полѣ битвы.

То была отповѣдь, якую народъ русскій далъ за Брестскую унію. А народъ русскій начиналъ бой во имя Господа Бога. На окопахъ русского табора виднѣли три знамена, т. е. три бѣлы хоругвы съ золоченными крестами, а на нихъ подпись: „Миръ Христіанамъ, а на зачинщиковъ вражды Богъ и Его Крестъ". Поляки поступили чисто по католицки, они на своихъ окопахъ поставили три висѣлицы (хиба для папежа одну, для короля другу, а для Жолкѣвского третью). Борба была заѣла, ляхи перемогали силою, но Наливайко врѣзался въ середину ихъ полковъ, а Лобода докончилъ дѣло.

Счастье военное отмѣняется. Въ другой битвѣ, подъ Лубномъ, ляхи перемогли силою козацкія войска. Жолкѣвскій просилъ козаковъ; чтобы уступили за Днѣпръ. Король польскій готовый есть (такъ говорилъ Жолкѣвскій) надати козакамъ повныи права и наградити всѣ кривды русского народа. Но треба, чтобы Наливайко и старшины козацкіи сами поѣхали до короля. Наливайко поѣхалъ до табору Жолкѣвского. Тутъ ляхи оковали его въ кайданы и отослали до Варшавы (головное мѣсто Польши). Въ Варшавѣ въ темницѣ мучили его и другихъ, которыи съ нимъ пріѣхали, черезъ три дни. Лѣтомъ 1597 р. ляхи публично, на серединѣ мѣста спекли Наливайка въ мѣдяномъ быку. По цѣлой Руси ляхи стали казнити народъ. Въ потокахъ крови затопили они другое народное возстаніе.

Кто знаетъ польскую исторію, того не удивитъ совсѣмъ поступокъ Жолкѣвского. У католиковъ присяга не значитъ ничего, ляхи присягали сотки разовъ, короли ихъ цѣловали евангеліе, и того самого дня ломали присягу. Мучити живцемъ людей, дерти псяси съ живого ихъ тѣла, печи ихъ на скороводахъ, сдирати шкуру съ

Походъ Козацкій.

ихъ тѣла, крушити имъ кости, обливати [illegible], коли въ розпеченномъ до червоности быку, все то было чисто по католицки. Вѣдь въ Римѣ не иначе дѣялося. А коли публично мучили козаковъ, то ксендзы іезуиты молилися для ока, не за душу погибающихъ, (такои молитвы козакамъ не треба было), а молилися за то, чтобы якъ найбольше „схизматиковъ", якъ они звали православныхъ, погибло. Коли хорый на умѣ царь Иванъ Грозный казнилъ людей, то ляхи кричали, что онъ звѣрь, а коли они сами выдумовали найтяжшіи муки на православныхъ, то тогда они были возлюбленнѣйшими сынами Рима. Якая вѣра, такая и мораль.

Гетманъ Сагайдачный
(отъ 1660 до 1622 р.).

Смутна и бездольная стала Русь по усмиренію другого народного возстанія. Ляхи начали горше чортовъ издѣватися надъ православными. Вотъ что пишетъ о томъ одна лѣтописъ: По истребленію гетмана Наливайка вельможи польскіи на соймѣ въ Варшавѣ провозгласили народъ русскій отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтующимъ, осужденнымъ на рабство и преслѣдованіе. Слѣдствіемъ того приговора было тое, что дворянъ и вельможъ русскихъ выключено на всегда отъ выборовъ, отъ военныхъ урядовъ и судебныхъ мѣстъ, а названо ихъ хлопами. Отъ всѣхъ русскихъ высшихъ урядниковъ, якіи были еще изъ русского роду, отобрано староства, села и другіи доходы, а на ихъ мѣсто поставлено Поляковъ. Въ городахъ русскихъ укрѣплено польскіи залоги и самымъ воинамъ польскимъ надано полную власть надъ селянами и мѣщанами. А что только може вымыслити сваволя и нелюдскость, все тое дѣлали тіи воины надъ народомъ. Грабежи, насилованья, побои, убійства превзошли всякую міру. Людямъ русскимъ запрещено собиратись на якіи-нибудь и найневиннѣйшіи собранія, а где зошлось до купы нѣсколько Русиновъ чи то для розмовы, чи для розрывки, то польскіи лакеи розганяли ихъ палками. Церкви насиліемъ обращены были на унію. Польскихъ ксендзовъ, которыи съ тріумфомъ ѣздили по краю для подсмотру и понужденія въ унію, мусѣли возити наши люди по-неволѣ отъ церкви до церкви. Церкви же, нехотѣвшіи приступити до уніи, отдавано жидамъ въ аренду. Видячи такое пониженіе православія, решта дворянъ русскихъ и вельможъ по-неволѣ и изъ отчаянія переходили не на унію, а радше на вѣру латинскую.

Козачество на якій-то часъ лишило Польшу въ спокою. Оно росло въ силу, гуляло по Крымѣ, ишло въ Туреччину, а потаенно готовилося до новои росправы съ ляхами. Польша присмирѣла также. Она вмѣ-

шалася въ войну съ Россіею и боялася, чтобы козаки не начали нового возстанія. Устали на часъ гоненія православныхъ, тѣмъ больше, что некаріоты іуды, Терлецкій и Поцѣй померли. Также по сторонѣ православного народа, въ борьбѣ его съ уніею, насталъ хвилево, но хвилево только, незначный застой. Умеръ великій поборникъ православія, благочестивый князь Константинъ Острожскій. Корыстаючи изъ хвилевого усмиренія умовъ,

Поляки перетягнули на свою сторону реэстровыхъ козаковъ. Король позволилъ имъ выбирати себѣ уже не гетмана, а только атамана. Реэстровыхъ козаковъ было 4 тысячи. Каждый козакъ доставалъ на рокъ червонца и новый кожухъ. Также не реэстровы украинскіи козаки пошли на службу Польшы. Всѣ разомъ звалися они: „козацкое войско“. Войско то пошло съ ляхами на войну съ Россіею.

Горда Польша въ потребѣ умѣла быти смиренною. Король послалъ на Украину гетмана Жолкѣвского, а тотъ „простилъ“ именемъ короля всѣмъ, что боролися за волю русского народа. Ляхи съумѣли перетягнути на свою сторону украинскихъ козаковъ и пвели ихъ на войну съ Великою Рускію, повели брата на брата. Но по-за реэстровцями была еще сильна, вольна, не узнающая надъ собою Польши —Запорожская Сѣчь.

Атаманомъ кошевымъ въ Запорожской Сѣчи былъ на тогда Петръ Конашевичъ Сагайдачный. Былъ онъ одинъ изъ найславнѣйшихъ вождовъ козацкого войска. При немъ было по-надъ 30 тысячъ козаковъ. Также реэстровы козаки горнулися до него. Сагайдачный звалъ себе „Гетманомъ обоихъ сторонъ Днѣпра и всего войска Запорожского“. Онъ былъ горячимъ защитникомъ православной вѣры. На Украинѣ ляхи изъ страха передъ нимъ перестали переслѣдовати православныхъ. Черезъ 12 лѣтъ Сагайдачный съ козаками пустошили турецкую и татарскую землю. Король польскій боялся его дуже, призналъ его законнымъ гетманомъ, слалъ ему богатыи дары и звалъ его найлучшимъ пріятелемъ.

Великую славу Сагайдачного затьмило только то одно, что онъ съ запорожскымъ войскомъ пошолъ войною въ Великую Русь, чтобы выручати тамъ польского королевича Владислава. О томъ будемъ на своемъ мѣстѣ читати. Но яко поборникъ и защитникъ св. Православія, онъ поклалъ просто неоцѣненныя заслуги. Правда, что на Украинѣ поляки примирѣли, но на Волыни, Литвѣ и въ Галичинѣ православныи страдали все одинаково. Уніаты забирали церкви, православныхъ владыкъ не было. Со всѣхъ русскихъ земель, что были подъ ляшскимъ игомъ, несся до неба вопль страданія. Король приказалъ, что только львовскій православный владыка, Іеремія Тиссаровскій, мае власть рукополагати священниковъ, ибо кромѣ него и перемышльского владыка больше православныхъ владыкъ въ тихъ земляхъ не было. Уніатскимъ митрополитомъ по Рагозѣ былъ здрадникъ Поцѣй, а по немъ Веніаминъ Рутскій, изъ роду протестантъ, потомъ римс-католикъ, а наконецъ на приказъ папежа уніатъ. Онъ насильно занялъ въ Вильнѣ монастырь св. Тройцы. Тутъ то подъ проводомъ іезуитовъ стали выховуватися монахи базильяне. Большость изъ нихъ были поляки, а всѣ отличалися великою заѣлостію противъ св. Православія. Изъ того монастыря выйшолъ самый заѣлый врагъ православной Церы, Іосафатъ Кунцевичъ, позднѣйшій уніатскій епископъ Полоцка и Витебска. Та сама „побожность“, которая католикамъ приказовала палити въ мѣдяныхъ быкахъ живыхъ людей, проявлялася въ немъ, но стократъ горьше. Кровопійчій тотъ папештакъ не только, что позамыкалъ всѣ православны Бѣлорусскіи церквы, повязнилъ и мучилъ православныхъ священниковъ, мучилъ народъ, который неустрашимо держался своеи отцовскои православноі вѣры, но Онъ приказовалъ изъ гробовъ выкидати кости тѣхъ, которыи померли въ благочестію. Найвысшій польскій министръ (канцлерь) Левъ Сапѣга писалъ до него письмо, въ которомъ закидовалъ ему звѣрство и кровопійство, вразумлялъ его, что поступае противъ христіанского закона, но ничего не помогло.

Со всѣхъ сторонъ православныи вносили жалобы противъ насилія ляховъ и ксендзовъ. Повернули времена первыхъ христіянскихъ гоненій. Польскіи „жолнѣры“ съ голыми саблями приневоляли народъ по церквахъ клякати на уніятскихъ омшахъ, насильно открывали людямъ уста, чтобы принимали причастіе, подаване имъ уніатскимъ ксендзомъ. Польскіи ксендзы ѣздили по селахъ въ повозахъ, а повозы тѣ тягнули не кони, а православныи люди. Ксендзы забирали село отъ села православныи церкви. Кто твердо стоялъ при православію, тотъ гинулъ подъ нагаями, або на колѣ.

На каждомъ сеймѣ православныи жаловался на адскій гнетъ. Посолъ изъ Волынской земли, Лаврентій Древинскій, говорилъ въ сеймѣ, въ Варшавѣ (1620 р.) такъ:

„Двадцать лѣтъ, якъ на каждомъ сеймѣ и головномъ съѣздѣ горкими слезами вымолюемъ и не можемъ вымолити, чтобы оставити насъ при нашихъ правахъ и вольностяхъ. Ктожь, о Боже, не видитъ того, якіи притѣсненія, якіи невыносимы скорби, терпитъ русскій народъ за свое благочестіе! Начну отъ Кракова. Уже въ большихъ мѣстахъ церкви запечатаны, маетки церковны розграблены, въ монастыряхъ, вмѣсто людей, запираютъ скотъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви запечаны, священники розогнаны, въ Пинску то само. Дѣти умираютъ безъ крещенія, дорослыи и старики безъ сповѣди, народъ жіе безъ вѣнчанія въ нечистотѣ. А что дѣеся во Львовѣ? Кто не склоняется до уніи, а остое православнымъ, тому нѣтъ мѣста въ мѣстѣ, тотъ не мае права на торговлю, ни на продажу вина, того нигде не пріймаютъ. А коли умеръ? Его не можно явно хоронити, а до слабого невольно нести святыхъ Тайнъ. А въ Вильнѣ, чижь не вопіющое тамъ царитъ гоненіе? Даже и воды не можно свободно брати; монаховъ, неприклонныхъ уніи, ловятъ и бютъ, хватаютъ на дорогахъ и кидаютъ въ темницу.

И не было помощи, не было пощады. Іезуиты хотѣли конечно снищити православіе и не пугалися ніякихъ и найгоршихъ средствъ. Сами уніаты увидѣли, что Риму и ляхамъ не идетъ о унію, о едность, а идетъ о то, чтобы остаточно слатинщити русскій народъ.

Ляхи держали унію за ничъ. На паперѣ была „едность“ а на дѣлѣ ляхи бридили ся уніатами, може и горьше, якъ православными. Они-же видѣли въ уніатахъ то, что было правда, видѣли въ нихъ отступниковъ правдивои вѣры, а такими каждый мусится бридити. Уніатскій митрополитъ николи не вошолъ до сената, а уніатскій епископы не мали вступу на сеймъ. Римскій папежъ неразъ пригадовалъ Жигмонту, что онъ поклялся сровнати уніатское духовенство съ латинскимъ. Король не могъ однако даже сгадати о томъ, бо шляхта уважала то за сневагу для себе. Наймолодшій латинскій ксендзъ уважалъ себе за высшого отъ уніатского митрополита. Уніатское сельское духовенство было темне и бѣдне. Шляхтичъ въ „русскомъ попѣ“, хотя тотъ былъ и уніатъ, не узналъ человѣка; великая и рѣдкая была ласка, если тотъ попъ не робилъ панщины. Оторвати уніатского ксендза отъ престола и влѣпити ему середъ церкви, або передъ нею сотню бузиновъ, то была звычайная рѣчъ, польско-католицкая совѣсть позваляла на то.

За уніею стояли іезуиты и король. Шляхта видѣла, что унія стается поводомъ тяжкихъ и долгихъ военъ, потому не навидѣла ю.

Подстрекаема іезуитами, она переслѣдовала православныхъ, но не пощадила и уніатамъ. Такъ то-подло задуманное дѣло здрады карало само себе.

Гетманъ Сагайдачный былъ великимъ врагомъ уніи. Въ р. 1620 запросилъ онъ до Кіева іерусалимского патріарха Ѳеофана. Тотъ пріѣхалъ и на просьбу Сагайдачного посвятилъ Іова Борецкого на православного митрополита тѣхъ русскихъ земель, что были подъ Польшею. Также посвятилъ онъ 9 православныхъ епископовъ. Поляки казилися изъ злости, но мусѣли на то согласитися бо боялися Сагайдачного.

Такъ отже во всѣхъ епархіахъ были теперь благочестивыи владыки, которыи могли противодѣйствовати уніатскимъ бискупамъ. Православіе укрѣпилося, духовенство и народъ поднеслися духомъ. Король не могъ на разѣ противитися тому, онъ боялся и потребовалъ Сагайдачного. Въ тотъ бо самъ часъ Турки въ силѣ 300 тысячъ войска ишли на Польшу. Противъ нихъ выслали ляхи гетмана Жолкѣвского. Король хотѣлъ просити о помощь запорожцевъ, но гордый Жолкѣвскій сказалъ, что съ Грицями не будетъ воевати, нехай они пасутъ свиньи. Высоко лѣталъ гордый панъ а низко упалъ. Въ битвѣ подъ Цецорою Турки побили ляховъ на-голову, Жолкѣвскій погибъ. Тысячи шляхти застелили поле трупомъ, други пошли въ неволю.

Слѣдучого року (1621) началася новая война. Король просилъ Сагайдачного о помощь. Тотъ обѣцялъ ю, но подъ условіемъ, что православный народъ будетъ мати полную свободу вѣры, а православны епископы будутъ королемъ признаны. Поляки согласилися на то, розумѣется только для ока. Тогда то

Гетманъ Сагайдачный пошолъ 1621 р. на помощь полякамъ противъ Турковъ. Съ нимъ было 30 тысячъ козацкого войска. Подъ Хотимомъ козаки розбили турецкое войско. Сагайдачный былъ въ томъ бою такъ порубанный, что отъ тихъ ранъ слѣдующого року (1622) умерь. Былъ онъ найбольше славный, а для православія и Руси найбольше заслуженный мужъ того вѣка.

Позмерти Сагайдачного ляшня кинулася съ всею злобою на православныхъ. Папежъ Урбанъ наказалъ королю, чтобы истребилъ козаковъ, а православныхъ владыкъ каралъ и проганялъ. Останки русской шляхты переходили на латинство. На православныхъ наложено постыдную дань, даже пасхи не вольно имъ было печи у себе, а примусово мусѣли, ю куповати у жида. Іосафатъ Кунцевичъ угнеталъ православныхъ такъ, что мѣра терпеливости перебралася. Въ р 1623 въ Витебску мѣщане не могли уже дальше страдати и убили Кунцевича. Котюзѣ по заслузѣ. Но ляхи стали теперь еще горше угнетати народъ. Въ Витебску 20 людей покарано смертію, всѣ православныи церкви отдано уніатамъ. Подъ угрозою смерты всѣ жители мусѣли приняти унію. Мѣсту отобрано всѣ права и маетности. Польское войско снищило цѣлую полоцкую землю; половина населенія або погибла, або поутекала.

И по всей Руси настало безпримѣрное гоненіе. Послухаймо, что каже лѣтопись того часу: ,,Доки жилъ страшный для ляховъ Сагайдачный, доти они съ бѣдою повздержовалися отъ остаточного гоненія православныхъ. Но коли его не стало, а православныи люди Полоцкои земли подражнили ляховъ черезъ убійство Кунцевича, тогда то съ подвойною силою сворушилася ляшска злоба и обновилися гоненія противъ православныхъ по всей Руси. Въ Кіевѣ опустошили ляхи Софійскую и другіи церкви, ограбили Выдубицкій монастырь. Въ Луцку замѣнили православныи церкви на магазины. Во Львовѣ и Холмѣ невольно было публично хоронити умершихъ православныхъ, ни идти до слабыхъ съ св. Тайнами. Въ Вильнѣ прав. церкви замѣнено на корчмы и гостинницы. Тѣхъ, которыи были православны, а полнили якій урядъ, усунено — многихъ заперто до вязницы. Невольно было ничего отказати въ завѣщанію на православную церковь. Въ Минску церковную землю отдано татарамъ подъ божницу. Православныхъ священниковъ куютъ въ оковы. даже за мѣстомъ въ шатрахъ не вольно служити обѣдни. Кто не хочетъ идти до костела, того каратъ смертію".

Даже многіи, розумныи поляки, якъ Счастный Гербуртъ и другіи представляли королю, что Польша дошла уже до найбольшои ганьбы, что поступаетъ горше бесермановъ. Шведскій король, Густавъ Адольфъ писалъ до короля, что не можетъ вѣрити Польшѣ, ибо видитъ якъ она безчеловѣчно и по варварски угнетаетъ русскихъ людей за ихъ вѣру. Не помагало ничего. Король былъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, а іезуиты не знали ниякои пощады.

Козачество въ оборонѣ св. вѣры.

По смерти Сагайдачного поляки стали дуже угнетати православную вѣру. Православныхъ замыкали они въ тем-

ницахъ, або безпощадно убивали. Православныи церкви замѣняли въ шинки и шопы (сараи). Козаки не могли стерпѣти того и подняли новое возстаніе. Однакъ въ битвѣ при Кураковскомъ озерѣ ляхи покопали козацкое войско. Сталося то черезъ зраду реэстровыхъ козаковъ, которыхъ ляхи притягли на свою сторону. Польскіи войска заняли всю Украину.

Несгало Сагайдачного, несгало и королевскои пріязни. Въ р. 1625 козаки выслали своихъ депутатовъ до Варшавы и тѣ домагалися ровноуправленія православныхъ, отданія имъ занятыхъ церквей и имѣній, а также и того, чтобы козаки могли свободно, безъ подданства жити въ цѣлой Кіевщинѣ. Пословъ сбытося ничѣмъ. Въ томъ часѣ посадникъ Кіева, ляхъ запечаталъ всѣ православныи церкви матери городовъ русскихъ. Козаки не стерпѣли поганьбленія православнои вѣры, впали до Кіева посадника убили, ограбили католическій костелъ и отобрали заграбленное русскимъ церквамъ добро. Черезъ то пришло до битвы при Кураковскомъ озерѣ. Реэстровы козаки слакомилися на ляшскую ласку и здрадили запорожцевъ. Ляхи позволили, чтобы реэстровыхъ было 6 тысячъ на ихъ удержаніе обѣщали давати 60 тысячъ злотыхъ польскихъ. Но козакамъ невольно было нападати турковъ, ни татаръ, чайки (челна) свои мусѣли они попалити, а ихъ атаманъ мусѣлъ бы-ти утвержденный королемъ.

Ляшня залагла всю Украину, народъ мусѣлъ жити въ рабствѣ. Жидамъ въ аренду отдано церкви а переслѣдованіе православныхъ сталося обще.

Православныи епископы и священики неустрашимо бороніли св. вѣру. Они не испугалися вязницъ, ни смерти. Братства стояли сильно въ оборонѣ св. Православія. Народъ за вѣру ишолъ охотно на смерть. Церковь православна на тысячи числила тогда мучениковъ за вѣру.

А козачество не спало. Не дбаючи на королевскій заказъ нападалс оно и дальше бесерманъ. Тогда Полыша задумала разъ на всегда съ нимъ покончати. Польскіи войска заняли Украину, козаковъ переэстровыхъ приневолено до крѣпатства, а прежде всего ширено унію. Іезуиты святилы мечи и давали ихъ шляхтѣ „на поганство, на Русь чтобы ю выкоренити“.

Въ обронѣ вѣры и народа возстали запорожскіи козаки. Гетманомъ ихъ былъ отъ р. 1628 Тарасъ Трясило. Онъ собралъ противъ ляховъ 30 тысячъ войска. Таборъ козацкій розложился подъ Переяславлемъ. Противъ козаковъ стояло польское войско подъ начальствомъ Конецпольского. Козаки одной ночи окружили ляховъ, сдобыли ихъ таборъ и только мала часть ляховъ спасла житье. Майже до ноги выбили ихъ козаки. Та козацкая побѣда надъ ляхами называется въ исторіи Тарасовая ночь.

Палъ страхъ на „ченозельможную шляхту“. Исторія знаетъ дуже мало случаевъ, чтобы такъ безщадно выбито ляховъ, якъ подъ Переяславлемъ. Позднѣйше случалося имъ то частѣйше. И стали козаки гуляти по Украинѣ. На ляхахъ, жидахъ и ксендзахъ мстили они народныи кривды. Два роки тревалъ тотъ кровавый танецъ. А потомъ ляшская здрада и легковѣрность гетмана Трясилы навели новую на козачество бѣду. Конецпольскій перетягнулъ реэстровцевъ на свою сторону. Небыло едности на Руси, не было добра. Сежъ нашъ отвѣчный блудъ.

Въ р. 1630 ляхи намовили гетмана Трясилу, чтобы съ четырма старшинами ѣхалъ до Варшавы заключати миръ съ королемъ. Гетманъ повѣрилъ тому. Но въ Варшавѣ всѣхъ кинули до вязницы, а потомъ замучили на смерть.

Судьба Наливайка постигла и Трясилу. Ляхи казнили его, хотя Конецпольскій клялся, что ни волосъ съ головы гетмана не спадетъ. Чисто по католицки.

Въ р. 1632 умеръ польскій король, Жигмонтъ III. найбольшій воронъ православного народа. За него половину православного народа, больше якъ четыре милліоны, насиліемъ и угрозою смерти перетягнено на унію, або латинство. Королемъ польскимъ осталъ его сынъ Владиславъ IV. Былъ то человѣкъ добрый, но не малъ никои власти. Во всемъ мусѣлъ повиноватися шляхтѣ. Онъ хотѣлъ надати православнымъ свободу вѣроисповѣданія, но шляхта не допустила до того.

Всеже таки перемогъ король Владиславъ, хотя то, что сеймъ принялъ такъ зовимую „грамоту примиренія“, силою которой мали такъ православныи якъ и уніаты осягнути то, о что имъ найбольше шило, права до владычьихъ престоловъ. И такъ одни и другіи мали мати своего митрополита. Въ Львовской, Перемышльской, и въ Луцкой епархіи малъ быти только православный владыка, а въ Полоцкой мали быти два владыки, православный съ мѣстомъ поселенія въ Могилевѣ, уніатскій-же въ Полоцкѣ. Уніяты мали свернути православнымъ нѣсколькодесять насильствомъ забранныхъ церквей и монастырей. Въ епархіяхъ, где былъ только уніатскій епископъ, вольно было православнымъ относитися до найбольшого православного владыки и наоборотъ. Король заприсягъ ту грамоту, и на томъ дѣло кончилося, такъ якъ грамота та николи не вошла въ житье. Уніатамъ жаль было и такъ незначныхъ уступокъ, сдѣланныхъ сеймомъ въ користь православныхъ. Слѣдовательно онъ разомъ съ іезуитами взялися съ тѣмъ большою жестокостію до дальшого гоненія православныхъ, до забиранія церквей и принудительного притяганія православныхъ изъ духовенства до уніи, а остатковъ русскои шляхты просто до латинства.

Даже высказати не дастся, якъ адскіи мученія настали для православного народа. Сдавалося, что идетъ крайная погибель, что подъ напоромъ латинства и уніи православіе будетъ совсѣмъ устранено. Но надъ православною Русью сторожилъ всегда самъ Господь Богъ. И чѣмъ большое было гнетеніе, тѣмъ большая была Божья помощь при насъ. Православныи въ страданіяхъ очищалися якъ золото въ огни они совокупляли свои силы и не уступали ни на шахъ.

Въ ту минуту Богъ послалъ имъ великого помощника, иначе яко подпору русскои Церкви и русского народа.

На митрополичьемъ престолѣ въ Кіевѣ засѣлъ мужъ дуже заслуженный, Петръ Могила. При немъ совокупилися всѣ православны. Онъ малъ вліяніе также на короля Владислава и якъ могъ, такъ лагодилъ страданія русского народа. Въ Кіевѣ отновилъ онъ и украсилъ Софійскую церковь, а также и другіи храмы. Также основалъ онъ въ Кіевѣ высокую школу, которая звалася „Могилянская Коллегія“. Изъ тои школы выходили учены священники и другіи мужи, переняты любовію до Церкви и народа. При той школѣ была бурса, т. е. жилище (мешканье) для учителей и учащихся. Онъ

исправилъ церковныя книги. Также написалъ онъ нѣсколько дуже мудрыхъ духовныхъ книгъ. Полный заслуги для русской Церкви и народа умеръ онъ 31 декабря 1647 р.

Столпомъ утвержденія и бисеромъ русской церкви въ найсмутнѣйшихъ для нея часахъ былъ сей мужъ посланный Богомъ для укрѣпленія унывающего въ народѣ духа. Петръ Могила былъ сыномъ молдаво-волошскаго воеводы. Высокое богословское образованіе получалъ онъ отъ учителей Львовского Братства и въ заграничныхъ школахъ. Отбылъ войну полякозъ съ турками, а потомъ постригся въ монахи. Въ 30 году житья былъ уже архимандритомъ Печерскои Лавры. При Кіевско-Богоявленскомъ братствѣ существовала школа, которую Могила перемѣнилъ въ академію. Она сталася основаніемъ просвѣщенія для всея Россіи. Онъ написалъ также „Исповѣданіе вѣры", разсмотренное на двохъ соборахъ, въ Кіевѣ и Яссахъ, и затвержденное восточными патріархами. Трудился также надъ изданіемъ библіи и житій Святыхъ, но смерть прекратила тотъ трудъ. А найбольша его заслуга, что въ найтяжшую минуту поднесъ духа въ народѣ, и загрѣлъ до стойкой обороны вѣры и народныхъ правъ.

Въ р. 1633 козаки выбрали гетманомъ Павлюка, а кошевымъ атаманомъ Сулиму. Ляхи побудовали надъ Днѣпромъ, на высокой горѣ сильну, майже не до сдобытья крѣпость Кудакъ. Тутъ помѣстили они свое войско которое сторожило, абы реэстровыи козаки не переходили въ Запорожскую Сѣчь. Сулима въ р. 1635 сдобылъ и збурилъ ту крѣпость. За то ляхи несподѣванно напали на него, схватили и повезли въ Варшаву, где его порубано живцемъ на четыре части. Довѣдавшися о томъ Павлюкъ, ударилъ съ козацкимъ войскомъ на Польшу

Но и теперь народное возстаніе затопили ляхи въ крови. Подъ селомъ Кумейками коло Корсуня польскій гетманъ Потоцкій перемогъ козаковъ, хотя тѣ боролися съ нечуваною отвагою. Павлюкъ попался въ ляшскіи руки, его хватили они подступомъ, безоружного, по заключеню мира. Вразъ съ старшинами повезли гетмана въ Варшаву. И такъ:

Возстаніе Павлюка не удалося. Его самого страшно мучили въ Варшавѣ. Во первыхъ здерли ему шкору съ голоты, а потомъ усѣкли и саму голову. Разомъ съ нимъ казнили многихъ старшинъ козацкого войска. Сѣчены головы сажали ляхи на спицы и обвезли по всѣхъ русскихъ земляхъ.

И опять задумали ляхи разъ на всегда покончити съ козачествомъ. Сеймъ снесъ всѣ права, наданы козакамъ, и даже реестровыхъ велѣлъ замѣнити въ крѣпаковъ. Оставилъ только 6 тысячъ козаковъ, но они не мали уже права выбирати гетмана. Король назначилъ имъ шляхтича, сеймового комисаря. Та только на коротко заликовали ляхи. Кровь убитыхъ неволила народъ до самообороны. А тои крови поплыли цѣлыи рѣки. Не было села, гдебы не стояли шибеницы, або колы, на которыхъ конали мученики за вѣру и волю. А стонъ ихъ по волнахъ Днѣпра несся на Запорожье. И вотъ:

Съ весною 1638 р. запорожскій гетманъ Стефанъ Остряница воззвалъ народъ до возстанія. Козаки кинулися на ляховъ. Польское войско съ гетманомъ Потоцкимъ стояло надъ рѣкою Старицею. Остряница съ козаками побилъ ляховъ на-голову. Весь ляшскій таборъ попался въ руки козакамъ. Потоцкій утекъ съ недобитками до мѣста Полонное. Остряница окружилъ мѣсто. Ляхи проспли православныхъ священниковъ абы вставилися за ними до Остряницы. Козаки не хотѣли мира, но Остряница не хотѣлъ пролива крови и согласился на миръ. Потоцкій заприсягъ, что додержитъ все, чого домагалися козаки. Потоцкого съ недобитками пущено на свободу. Остряница верталъ на Украину. Въ Каневѣ поступилъ онъ съ нѣсколькома старшинами до монастыря, помолитися Богу. Въ ночи напалъ на спячого гетмана Потоцкій съ войскомъ. Остряницу и 37 старшинъ оковали и повезли въ Варшаву. Тутъ, безъ суду, на серединѣ мѣста гетмана колосовали, поломлено ему руки и ноги и тягнено

съ нихъ жилы. Сдавалося, что послѣдняя надежда для спасенія Руси пропала. Отъ теперь черезъ десять лѣтъ ляхи безкарно угнетали русскій народъ. Православныи терпѣли найтяжшій гнетъ. По Богъ не оставилъ ихъ. По десятыхъ лѣтахъ взталъ местникъ русскихъ кривдъ и покоритель ляшскои злобы. Имя его: Богданъ Зиновій Хмѣльницкій.

На только честный былъ Остряница что вѣрилъ присягѣ Потоцкого. Вѣдь-же тотъ клялся Богомъ, Евангеліемъ и спасеніемъ своеи души. Но того самого дня іезуиты увольнили его клятвы, ибо, якъ казали, клятва дана ,,схизматику", не обязуетъ католика. И тотъ самъ Потоцкій, котрому козаки даровали житье, нападаетъ на спячого гетмана. Изъ найдикшихъ поганъ никто не сдѣлалъ бы такъ, но католикъ-ляхъ готовый былъ на все, бо руководила нимъ ненависть до всего, что русское и православное. Казнь Остряницы своимъ звѣрствомъ переходитъ людское понятіе. Вотъ, что кажетъ о ней лѣтопись: ,,Дорогу на мѣсто казни начинала римская процессія; ксендзы намовляли несчастныхъ отступити отъ православнои вѣры. Однихъ изъ засужденныхъ колесовали, другимъ ломали руки и ноги, третьихъ на желѣзныхъ гакахъ въ гору подносили, жены и дѣти страдалцевъ наповняли воздухъ плачемъ. Но женамъ отрѣзовали груди и всѣхъ женъ вымордовали. Грудьми били ихъ мужевъ по лицахъ, дѣтей, которыи рачковали коло трупозъ матерей, живцемъ пекли на розпаленныхъ решеткахъ и то на очахъ отцовъ. То само дѣялося по всей Украинѣ. Малыхъ дѣтей при родичахъ живцемъ пекли и варили въ котлахъ. Церкви грабили и отдавали жидамъ въ аренду. Чаши, дискосы, ризы и стихари розпродали и пропили; жиды перерабляли церковное серебро на посуду, жидовки изъ ризъ и стихарей шили себѣ нагрудники, полишаючи на нихъ, якъ бы знакъ торжества надъ вѣрою, трираменныи кресты".

ЗА ВѢРУ И ВОЛЮ.

Богданъ Хмѣльницкій.

(Отъ 1648 до 1667 р.).

Десять лѣтъ, числячи отъ послѣдняго народного возстанія за гетманства Остряницы, ляхи лукаво и самовольно пановали на Украинѣ. Реэстровыи козаки были подданы коронному гетману польскому, Николаю Потоцкому. Атаманами были сами ляшки або перекинчики. Между старшинами было всего двохъ русскихъ: полковникъ Иванъ Барабашъ и Богданъ Зиновій Хмѣльницкій. Тотъ послѣдній былъ генеральнымъ писаремъ козацкого войска.

Хмѣльницкій былъ сыномъ козацкого сотника, Михаила, а родился въ мѣсточку Лисянцѣ, Кіевщинѣ. Былъ онъ человѣкъ ученый, школи кончилъ въ Кіевѣ и въ Ярославѣ (въ Галичинѣ), где учился

въ школѣ, якую удерживали іезуиты. Зналъ онъ дуже добре нѣсколько языковъ, между ними латинскій. Долшое время перебылъ въ запорожской Сѣчи, а потомъ вернулъ на Украину, оженился съ русскою дѣвицею, Анною Сомка, и служилъ въ реэстровыхъ козакахъ, где за ученость сдѣлано его генеральнымъ писаремъ. Былъ онъ чрезвычайно храбрій, а что найважнѣйше, всею душею былъ преданный св. Православію и русскому, закрѣпощенному народу. Въ битвѣ подъ Цецорою, где упалъ въ бою его отецъ, Богданъ попался въ турецкую неволю. Тутъ научился говорити по турецки и позналь много знатныхъ турецкихъ полководцевъ. По двохъ лѣтахъ выкупился изъ плѣна и вернулъ на Украину.

Богданъ Хмѣльницкій видѣлъ всѣ кривды русского народа. Онъ долго носился съ гадкою, якъ бы освободити русскій народъ отъ ляшской неволи. Король польскій, Владиславъ четвертый почиталъ его дуже и потаенно радился его, якъ бы козаковъ наклонити до войны съ Турками.

Дѣло малося такъ: Король Владиславъ отъ души ненавидѣлъ польскои шляхты, а то за еи гордость и своеволіе. Онъ все думалъ о томъ, чтобы начати великую, рѣшительную войну съ Турками, ибо Польша мусѣла каждого року оплачиватися великими грошми туркамъ и Крымцамъ. Король хотѣлъ совокупно съ русскимъ царемъ покончити разъ на всегда съ бесерменами. До того конечно было ему мати за собою и козаковъ. Война съ турками мала и то за собою, что буйствующая шляхта на войнѣ присмирѣла бы и много изъ неи поляглобы, а тогда въ Польшѣ насталъ бы лучшій порядокъ. Король за свои гроши нанялъ даже 14 тысячъ нѣмецкого войска и послалъ потаенно посла до Москвы, а на его приказъ князь Оссолинскій поѣхалъ на Украину, до козаковъ. Тутъ потаенно воззвалъ онъ до себе Барабаша, старого и безхарактерного полковника, хотя русского родомъ, и Богдана Хмѣльницкого. Обомъ имъ открылъ планы короля. „Король, казалъ онъ, видѣлъ смертельную казнь вашихъ трехъ гетмановъ, и не могъ имъ ничего помочи. Онъ знаетъ всѣ ваши кривды. Но онъ удивляется, что вы маете сабли при боку и позволяете шляхтѣ сбытковатися надъ собою.

Дальше заручилъ Оссолинскій, что король надасть козакамъ всякіи права; войска ихъ будетъ 12 тысячъ, они сами будутъ выбирати себѣ гетмана и старшину и вольно имъ воевати съ бесерменами. Король требуетъ только, чтобы они начали войну съ турками. На по-

твержденіе своихъ словъ Оссолинскій вручилъ Барабашу королевскую грамоту и гетманскую булаву для будущого гетмана, якого козаки мали собѣ выбрати.

До войны съ Туреччиною не пришло, бо шляхта на то не позволила. Въ Польшѣ рознеслася вѣдомость, что король хоче выгубити шляхту, а вяжется съ козаками. Польскія войска на Украинѣ стали ужасно грабити и нищити маетки русского народа. Паны и жиды катовали и казнили православныхъ людей. Хмѣльницкій не могъ того долше терпѣти. До того польскій шляхтичъ Чаплинскій убивъ 9-лѣтного сына Хмѣльницкого, порвалъ насильственно его жену и оженился съ нею, а его село, Суботовъ спалилъ.

Намѣренія короля розбилися о упрямство шляхты. На сеймѣ въ Варшавѣ (1646 р.) шляхта въ очи ругала короля, что онъ хочетъ ввести въ Польшѣ самодержавіе, что хочетъ шляхту замѣнити въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту. Король мусѣлъ розпустити наемное войско. О войнѣ съ турками не могло быти даже бесѣды. Вѣдомость о переговорахъ съ козаками рознеслася, также Барабашъ ишовъ лишь туда, где надѣялся якои корысты для себе, и держалъ съ шляхтою. Но Хмѣльницкій глядалъ только народного дѣла. Знаючи, что король сталъ за козаками, а противъ шляхты, задумалъ онъ почислитися съ тою шляхтою за всѣ кривды русского народа, тѣмъ больше, что ляхи на Украинѣ начали еще больше безсердечно угнетати и казнити православныхъ.

До того причинилася и личная его кривда, что приспѣшила его дѣятельность. Шляхтичъ Чаплинскій, буйный пьяница и злодѣй спалилъ его дворь, убилъ сына, забралъ жену и насильственно обвѣнчался съ нею по обряду католицкому. Въ набожной Польшѣ такіи злодѣйства были на дневномъ порядку. Хмѣльницкій удался до всѣхъ судовъ и не нашолъ нигде справедливости. Тогда то:

Покривженный Хмѣльницкій поѣхалъ съ жалобою до самого короля. Тотъ сказалъ ему такъ: ,,Я знаю, что тебе покривдили. Но справедливости не найдешь. Однако маешь саблю при себѣ, найди себѣ самъ спра-

ведливость. Знаю я о всѣхъ вашихъ кривдахъ. Пора вамъ памятати, что вы воины. Кто вамъ боронитъ постояти за себе? Я всегда буду за вами!" — Хмѣльницкій порозумѣлъ слова короля. Тогда рѣшился онъ отомстити свою и народную кривду. Отъ короля верталъ онъ на Украину. По дорозѣ всегда подготовлялъ народъ до великого, всеобщого возстанія.

Король далъ Хмѣльницкому собственноручное письмо до старшинъ козацкихъ, въ которомъ писалъ, что ничего не отнимаетъ изъ той грамоты, якую превезъ имъ Оссолинскій: ,,Если бы шляхта писалъ онъ — противъ нашого заказу чинила русскому народу кривду и угнетала козачество, то вы, яко военныи люди, маючи саблю при боцѣ, а самопалъ въ руцѣ, можете тѣмъ оружіемъ доходити на шляхтѣ давнихъ своихъ вольностей". Изъ того видно ясно, что король стремѣлъ прямо, абы козаки прикладно покарали шляхотскую злобу. Хмѣльницкій еще передъ выѣздомъ до короля съумѣлъ достати въ свои руки королевскую грамоту и булаву, якіи Оссолинскій лишилъ Барабашу.

На Украину верталъ Хмѣльницкій дуже помалу; по дорозѣ придивлялся онъ укрѣпленію мѣстъ и слѣдилъ за всемъ, что потребно ему было знати на часъ будущои войны. Всюды видѣлъ онъ огорченіе народа и крѣпилъ всѣхъ надеждою на будущее. Именно русскому духовенству открывалъ онъ свои намѣренія, бо зналъ, якъ сно вѣрно стоитъ за вѣрою и народомъ. Онъ говорилъ такъ: ,,Знайте, отцы духовны, что я хочу отомстити на ляхахъ не свою кривду, а карати ихъ хочу за поруганіе русскои вѣры и за гнетъ русского народа. Я безсиленъ, но вы братья менѣ поможете. Пришлѣтъ менѣ по двохъ-трехъ людей изъ каждого села, а по Польшѣ у насъ во вѣкъ вѣка слѣда не останетъ!

И всѣ горнулися до него, бо чувствовали, что Богъ избралъ его на местника русскихъ кривдъ и на вождя русского народа.

Въ Кіевѣ митрополитъ Петръ Могила благословилъ Хмѣльницкого на святое дѣло и далъ ему пастырское писмо до всеи Руси. Въ письмѣ томъ было сказано такъ: ,,Клятва Божая постигне каждого изъ православныхъ людей, который не схочетъ участвовати въ святомъ дѣлѣ спасенія отчизны отъ ляшского ярма".

Хмѣльницкій скликалъ „чернь“, то есть простыхъ козаковъ (безъ старшинъ) на раду, на которой розсказалъ имъ все, что чулъ отъ короля. Рада та оголосила Хмѣльнпцкого гетманомъ и рѣшила призвати татарь на помощь въ войнѣ съ ляхами. Рада та въ исторіи зовется: „Чорная рада“.

Раду ту, которая отбылася потайкомъ въ ночи, закончилъ Хмѣльницкій тѣми словами: „Соединимся братья! станьмо за церковь и православную вѣру. Истребимъ унію и всѣ ляшскіи напасти, возстановимъ золотую свободу и будьмо якъ одна родина, одинъ за всѣхъ и всѣ за одного! Призывайте козаковъ и всѣхъ земляковъ нашихъ, а я, коли того желаете, буду вождомъ вашимъ. Знаю и уповаю, что где только на Руси живутъ козаки, то всѣ станутъ за нами. А тогда уже Господь Богъ поможетъ намъ!“, „Господь Богъ поможетъ намъ!“ закричали козаки... Война съ Польшею, война за вѣру и волю, была рѣшена.

Нашлися здрадники, что все, о чемъ говорилося на радѣ, донесли Потоцкому. Тотъ приказалъ увязнити Хмѣльницкого и карати смертію. На счастье увязнилъ гетмана его пріятель, полковникъ Кречковскій, но оставилъ его подъ сторожью козаковъ, а тѣ снялиі оковы съ его рукъ и разомъ съ нимъ утекли.

Хмѣльницкій съ сыномъ своимъ, Тимошомъ, и съ 30 козаками поѣхалъ въ запорожскую Сѣчь. На мѣсто прибылъ онъ 11 января 1647 р. Запорожцы якъ одинъ заявилися за войною съ ляхами. Также простый народъ съ всѣхъ сторонъ сталъ горнутися на Сѣчь, чтобы идти на бой за вѣру и волю. Ляхи оголосили, что каждому, кто будетъ держати съ Хмѣльницкимъ, убыютъ жену и дѣтей. Однакъ народъ не дбалъ уже на погрозы, всѣ готовы были житье покласти, чтобы только ляховъ прогнати изъ русскои земли.

Огонь народного возстанія обгорнулъ всѣ мѣста и села. Козаки, поперебираны за дѣдовъ, съ лирами ишли село отъ села, всегда подготовляли народъ, оповѣдали о Хмѣльницкомъ, и о будушей войнѣ съ ляхами. Народъ ждалъ только хвили, коли начнется та борьба; нена-

висть до ляховъ была такъ велика, что не было человѣка, который не хотѣлъ идти войною на угнетателей русскои земли. Ляхи увидѣли, что зле дѣется, они, а и жиды стали еще горше мучити людей, отбирали всякое оружіе, вязнили и казнили подозрѣлыхъ, грозили найтяжшими карами. Но въ середцѣ народа закипѣлъ вѣковый бсль, всѣ хотѣли только одного, мести надъ Польшею.

Хмѣльницкій съ сыномъ Тимошомъ поѣхалъ до Крыма. Ханъ татарскій, Исламъ-Гирей согласился дати козакамъ помощь. Онъ приказалъ Перекопскому хану, Тугай-Бею, съ татарами идти на помощь козакамъ. Тугай-Бей съ цѣлою своею ордою вразъ съ Хмѣльницкимъ вырушилъ противъ Польши.

Исламъ-Гирей дуже охотно согласился помагати козакамъ въ войнѣ съ Польшею. Отъ нѣсколькихъ лѣтъ она не платила ему рочнои дани въ высотѣ 20 тысячъ червонцевъ. Хмѣльницкій прирекъ хану грошевую награду, а также лишилъ въ Бахчисераю, столицы ханства, своего сына Тимоша, яко закладчика, что не задумуетъ ниякои здрады. Что до Тугай-Бея, то былъ онъ одинъ изъ найбольше храбрыхъ татарскихъ вождовъ. Татары его ишли за нимъ въ огонь и въ воду, бо подъ такимъ вождомъ всегда наживали великую добычу. Тугай-Бей думалъ былъ усе самъ на властную руку напасти на польскіи области, тожь съ найбольшою радостію принялъ ханскій приказъ, чтобы идти на помощь Хмѣльницкому. Сейчасъ поднялъ онъ всю орду, что была все готова на его первое слово, и скорымъ походомъ разомъ съ Хмѣльницкимъ, пустилис до Днѣпра. А на Сѣчи народъ громадился и ждалъ ихъ прибытья. Изъ найдальшихъ степовъ, горнулися чабаны, рыбалки, конюхи, полдикіи лѣсовяне, до вѣдомости которыхъ дошла вѣсть о томъ, якъ ляхи кривдятъ русскій народъ, а и то, что пришолъ день отплаты. По всей же русской землѣ народъ ждалъ нетерпѣливо того, что мало придти, великои борбы на смерть и житье съ отвѣчнымъ врагомъ православнои вѣры — ляхомъ.

Жолтыи Воды, Корсунь.

Дня 19 апрѣля 1648 р. повернулъ Хмѣльницкій изъ Крыма на Сѣчь. Тутъ засталъ онъ 15 тысячъ козацкого войска. Оно окликало его гетманомъ всеи Украины. Ему вручили хоруговъ, на которой на синемъ полѣ

блисталъ серебромъ вышитый Архангелъ Михаилъ. Также вручили ему золотую булаву и войсковую печать. Тетары задержалися недалеко Сѣчи. На козацкой радѣ рѣшено, что съ Хмѣльницкимъ пойдетъ на ляховъ только 8 тысячъ войска. Решта мала ждати, пока гетманъ не позоветъ ихъ,

Не дается описати радость, съ якою народъ встрѣтилъ гетмана. Со всѣхъ сторонъ доходили вѣдомости, что народъ достаточно подготованъ и ждетъ только часу.

А и ляхи не спали. Панъ Потоцкій, гордый панъ; онъ смѣялся изъ нового возстанія и казалъ, что нагаями розгонитъ хлопство. Войско польске, въ силѣ 30 тысячъ собралось подъ Корсунемъ. Противъ Хмѣльницкого выправилъ Потоцкій два отряды по 6 тысячъ людей. Одинъ изъ нихъ, сложенный изъ реэстровцевъ и такъ зовимои ,,нѣмецкои пѣхоты", въ которой служили самыи русскіи люди, плылъ на чайкахъ Днѣпромъ, подъ проводомъ старого здрадника и друга ляховъ Барабаша. Другій ишолъ сухопутьемъ подъ начальствомъ сына Потоцкого, молодого Стефана. Въ отрядѣ томъ было много знатнои шляхты, между нею извѣстныи изъ храбрости: Янъ Сапѣга и Стефанъ Чернецкій. На дорогу научалъ Потоцкій своего сына такъ: ,,Перейди степы и лѣсы, зруйнуй гайдамацкую Сѣчь, а бунтовниковъ на мотузѣ приведи тутъ на казнь"! Всѣ реэстровцы мусѣли, каждый съ особна, присягати на вѣрность Польшѣ. Полковниками ихъ были самыи ляхи. Съ войскомъ ишло 12 пушокъ и безчисленное множество возовъ съ всякимъ богатствомъ, чтобы панамъ не забракло доброи ѣды и вина.

Дня 22 апрѣля вырушилъ Хмѣльницкій изъ Сѣчи. Онъ зналъ дуже добре о всѣхъ планахъ ляховъ. При потопѣ, что звалося ,,Жолтыи Воды"(отъ мокрои глинястои земли въ около) сгануло козацкое войско таборомъ. Въ первыхъ дняхъ мая прибыло тутъ польское войско. Дня 5 и 6 мая пришло до кровавои битвы. Козаки реэстровы и всѣ русскіи люди, которыи служили въ ляшскомъ войску, перешли до Хмѣльницкого. Козаки побили ляховъ на-голову. Поляки отдали всѣ пушки и все оружіе. Хмѣльницкій позволилъ недобиткамъ вертати до Корсуня. Но при Княжьихъ Бай-

ракахъ напали на нихъ татары и майже всѣхъ вырѣзали. Стефанъ Потоцкій былъ раненый и другого дня умеръ. Много богатои шляхты взяли татары въ полонъ.

Уже въ первой той битвѣ показалося, что Хмѣльницкій просто знаменитый вождь. Еще въ Сѣчи зналъ онъ о всѣхъ ляшскихъ планахъ. Скорымъ походомъ прибылъ онъ на Жолтыи-Воды. Знаючи, что реэстровыи плывутъ Днѣпромъ, задумалъ притягнути ихъ до себе. Для того дожидалъ на нихъ на березѣ Днѣпра. Передную ихъ сторожу велъ полковникъ Кречковскій, найщиршій пріятель Хмѣльницкого. Оба они увидѣвшися, возрадовалися дуже и Кречковскій сейчасъ присталъ до козацкого войска. Колижъ стали допливати до берега реэстровцы, Хмѣльницкій застромилъ на березѣ хоругвъ съ подписью: „Миръ христіанству“ и промовилъ до козаковъ такъ сердечно, что всѣ они ихъ одинъ крикнули, что не хотятъ служити ляхамъ и идутъ боротися съ ними за вѣру и волю. Барабаша, яко врага русскои церкви и пріятеля ляховъ, прокололи списою и кинули въ воду, ляхи-полковники пошли также туда. Реэстровцы съ Хмѣльницкимъ пустилися до Жолтыхъ Водъ. Ляхи утѣшилися бо думали, что то до нихъ идетъ Барабашъ съ козаками, та наразъ открылися имъ очи, коли реэстровцы при звукѣ трубъ вошли до козацкого табора.

Ляхи мимо того начали пальбу на козаковъ и чѣмъ скорше возносили валъ вокругъ своего табора. Хмѣльницкій окружилъ ихъ однаково своимъ войскомъ, а нѣсколько полковъ и татаръ послалъ въ засаду, наконецъ битвы. Дня 5 мая ляхи перши кинулися на козаковъ. Войско ихъ мало наказъ мордовати всѣхъ козаковъ, а только одного Хмѣльницкого живцемъ привести. Хмѣльницкій промовилъ до войска и съ окликомъ: „за вѣру!“ пошла Русь до бою. Наразъ ляхи остолбенѣли. Два тысячи ихъ драгуновъ, а служили въ нихъ самыи русскіи люди, съ крикомъ „урра, до батька Хмѣльницкого!“ перешли на нашу сторону. Коротко тревалъ бой, ляхи стали утекати и ледва удалося полководцамъ завернути ихъ до табора. Другого дня ударили козаки на ляшскій таборъ. Цѣлый день боронилися ляхи, но не помогло; пришло имъ отдатися на произволъ Хмѣльницкого. Тогда Хмѣльницкій самъ изъ доброи воли оголосилъ, что отпуститъ ихъ, если они отдадутъ все оружіе. Ляхи согласилися на то, послѣ сего они стали утекати изъ табора. Но Хмѣльницкій не могъ воздержати татаръ, которы кинулися на ляшню, перерѣзали майже всѣхъ, только достойниковъ взяли въ полонъ, чтобы получити за нихъ богатый окупъ. Въ таборѣ козацкомъ настала радость. „Бѣдный пане Стефане! не попалъ нѣсже — на Запороже, а поховалъ свою шляхту, на болотахъ въ плахту!! Тат ст-

вали козаки. Между панами, что попали въ неволю, былъ также Иванъ Выговскій, русскій родомъ. Онъ пристадъ до козаковъ и позднѣйше былъ писаремъ козацкого войска (а съ временемъ и гетманомъ).

Покрылося ляшскимъ трупомъ широкое поле. Народная пѣснь каже такъ: ,,Отъ Жолтыхъ Водъ до княжьихъ Байраковъ зеленое поле зарябилось не весенчими цвѣтами, а панскими тѣлами; лежали паны, выщиривши зубы, и ѣли ихъ собаки и сѣрыи волки. Не по одному ляху лишалася вдовица, не по одномъ заплакали дѣти сироты. Высыпался хмѣль изъ мѣшка, надѣлалъ бѣды панамъ ляхамъ; напилися они Жолтои воды, та видно за много въ ней было хмелю, не устояли паны на ногахъ коли отъ тои воды стали утекати. Слава будь Хмѣлеви—Хмѣльницкому, что отмстилъ на ляхахъ кривды русского народа и освободилъ родную матерь-Украину отъ тяжкого ярма, отъ ляшскои неволи.'' А подъ Корсунемъ Потоцкій и его войско пировали, ждали, коли ляшня приведетъ Хмѣльницкого на мотузѣ. Ажъ вотъ прибылъ одинъ драгунъ, что чудомъ спасся въ битвѣ у Жолтыхъ Водъ, и оповѣлъ о всемъ. Ляхи не хотѣли вѣрити. Но вѣсть за вѣстію стала прилѣтати, кажда смутнѣйша. Вся Украина стала въ огнѣ, народъ хватилъ за оружіе, всюда несся кличъ:,,за вѣру и волю!'' Прибылъ до польского табора якій—то шляхтичъ и потвердилъ вѣсть о цѣлковитомъ погромѣ ляховъ. Тепе ь уже увѣрили они и, якъ кажетъ лѣтопись: ,,все ляшское войско стало блѣде, якъ морозомъ прибитая трава, коли по холодной ночи засвѣтитъ солнце''. А Хмѣльницкій скоро походомъ ишолъ на нихъ.

Ляхи задумали боронитися. Но между Потоцкимъ, а другимъ начальникомъ войскъ, Калиновскимъ, не было согласія. Потоцкій казалъ спалити Корсунь, Стебловъ и Черкассы, и всѣ села доокола, чтобы козаки не мали помощи отъ жителей тѣхъ сторонъ. Православныхъ казалъ онъ мучити и убивати. Калиновскій противился тому. И коли они сварилися, Хмѣльницкій стоялъ имъ уже надъ каркомъ. Ляхи не знали, якъ великіи войска были при Хмѣльницкомъ, страхъ мае великіи очи, они числили самыхъ татаръ на 50 тысячъ, коли Хмѣльницкій малъ всего войска до 20 тысячъ.

Дня 15 мая 1648 р. Хмѣльницкій прибылъ подъ Корсунь, где стояло польское войско. Ляхи пустилися утекати. Однако козаки подъ Крутою Балкою, завалили дорогу засѣками. Русскіи драгуны, которыхъ было до 2 тысячи, пристали до Хмѣльницкого и кинулися первыи на шляхту. Ляхи попали на болота и трясависка. Козаки кинулися на ихъ таборъ, полковникъ же ко-

зацкій, Кривоносъ, кинулся на польское войско просто имъ въ лице. Паны стали утекати, но козаки изъ засады перешкодили тому. Ляхи остали побиты наголову. Ихъ гетманы Потоцкій и Калиновскій пошли въ неволю. Изъ 30 тысячъ ихъ войска спаслося не цѣлыхъ тысячъ. Козаки отнесли славную, вторую съ ряду побѣду надъ врагами православнои вѣры.

По польскомъ войску и слѣду не остало. Погибли всѣ, старшина попала въ неволю. Сдерли контушъ съ плечей піяка, розпустника и кровопійцы Потоцкого, натягнули на него хлопскій сѣракъ, посадили верхомъ на пушку и такъ везли до Корсуня. Тутъ другого дня священники отслужили благодарственный молебенъ въ подяку за побѣду ,,надъ клятвопреступными ляхами". Польскіи гетманы и вельможи хотѣли сложити за себе окупъ, но Хмѣльницкій рѣшилъ выслати ихъ въ татарскую неволю. Польскій таборъ, полный неизмѣримыхъ богатствъ достались козакамъ. И прибралося козацкое войско въ панскіи контуши и ,,смотрячи на него, сдавалося, что то нива, усѣяна червонымъ макомъ". Гетманъ послалъ богатыи дары на Сѣчь изъ которыхъ значительная часть досталася сѣчевой церкви. А по всей Руси настала радость. Народъ благословилъ Господа, голосилъ славу Хмѣльницкого и готовился до дальшои борбы.

Хмѣльницкій остановился съ войскомъ въ Бѣлой Церкви. Тутъ дошла его вѣдомость, что король польскій, Владиславъ четвертый, умеръ. Власть королевска переходила тэперь на шляхту. Потому Хмѣльницкій рѣшился продолжати дальше войну противъ Польши. Онъ воззвалъ весь народъ до возстанія. Отъ Карпатскихъ горъ ажъ по Великую Русь двинулся народъ. Опустошѣли села, бо мужчины спѣшили до Хмѣльницкого. Тотъ записовалъ ихъ въ полки и посылалъ ,,очищати русскую землю". И тогда то ,,каждый хлопъ былъ ляхамъ непріятель, а каждое русское село, чи мѣсто — гнѣздо враговъ Польши". Народъ самъ судилъ и каралъ смертію католиковъ, уніатовъ и жидовъ. На висѣлицахъ всегда вѣшали латинскихъ ксен-

дзовъ, жидъ и пса и надъ ними умѣщали таку надпись: ,,Ксендзъ, жидъ и собака, то вѣра однака".

За всѣ ляшскіи кривды пришолъ на Польшу день отплаты. Утекали паны, замыкалися въ твердыняхъ, но не утекли далеко. Весь русскій край былъ въ огнѣ, ляшская кровь плыла рѣками. Русское духовенство призывало народъ до безпощадной борбы съ Польшею. ,,Насталъ часъ, желанный часъ, голосили священники, пора назадъ добыти свободу и честь нашои вѣры! Вѣки проходили, а православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Всѣ наши приходы, церкви, монастыри, епархіи въ рукахъ латинянъ и уніатовъ. Жиды для пановъ лучши отъ насъ; они управляютъ ихъ добрами и кривдятъ бѣдныхъ христіянъ. Ставайте до бою за свое житье, за отчизну!" Грабили ляхи русскіи церкви, то теперь козаки кинулися на косцьолы. Не было милосердія надъ іезуитами, бернардинами и ксендзами. Выкидалъ Іосафатъ Кунцевичъ кости православныхъ изъ тробовъ, теперь робили те саме и русскіи люди и на чотыре вѣтры роскидали ляшскіи костомахи. Не было милосердія тѣмъ больше для жидовъ, бо и они не мали милосердія надъ русскимъ народомъ. По бжницахъ, где некресты ховалися, рѣзали ихъ, пощады не было никому. Больше, якъ 100 тысячъ жидовъ пало подъ ножами. ,,Не стало тогда ни одного жида на Украинѣ, по поляхъ, ровахъ, потокахъ лежали ихъ стерва, бо гонители были быстрѣйшими отъ поднебесныхъ орловъ". Въ Каневѣ ляховъ вырѣзали, а изъ всѣхъ жидовъ живцемъ сдерли шкуру. Въ Немировѣ погибло 6 тысячъ шляхты и жидовъ.

Правда, что были то жестокіи муки, но памятати треба о томъ, что народъ вѣками страдалъ и вѣками видѣлъ, якъ въ такій самый способъ ляхи мучили православныхъ. Война не знае пощады. Изъ всѣхъ атамановъ, что очищали русскою землю, найстрашнѣйшій былъ Максимъ Кривоносъ. Для того Хмѣльницкій выслалъ его нищити маетки князя Яремы Вишневецкого.

Коли Хмѣльницкій вынищилъ до ноги польское войско на Украинѣ, тогда одинъ только ляхъ важился на челѣ своего властного войска выступити противъ народного возстанія. Былъ то князь Ярема Вышневецкій. Онъ былъ изъ русского православного роду, но іезуиты перевели его на латинство. Отъ тогда сталъ онъ ляхомъ епримиримымъ врагомъ всего, что русское. На Волыни малъ онъ великіи маетки и держалъ свое войско.

Яко вождь былъ дуже отважный, но жестокій и безмилосердный. Коли почулъ о побѣдахъ Хмѣльницкого то сталъ всюда мордовати православныхъ. Колько разовъ розбилъ онъ загоны русского возстанія, палилъ мѣста, людей тысячами казалъ вбивати на колы. На конецъ уступилъ изъ Украины до нынѣшнои Галичины.

Нѣтъ горшого зла на свѣтѣ, якъ перекинчикъ. Русскій родомъ и вѣрою, Вишневецкій горше всѣхъ катовъ мордовалъ православныхъ. Добрую науку вынесъ отъ іезуитовъ. Пословъ Хмѣльницкого велѣлъ вбити на колъ, вырѣзалъ людей въ Погребищѣ. Напалъ на Немировъ (таки его властное мѣсто) и тутъ среди найдикшихъ мукъ вырѣзалъ всѣхъ православныхъ. Священникамъ вырывали очи, роспинали ихъ на крестъ, розрѣзовали на половину, обливали кипяткомъ, а Вишневецкій еще приказовалъ: „Мучте ихъ такъ, чтобы они чули, что умираютъ“. Подъ Старымъ-Константиновомъ и при Россоловицахъ пришло до кровавыхъ, но нерѣшенныхъ битвъ между нимъ, а Кривоносомъ, почемъ князь, который утратилъ былъ надъ 4 тысячи войска, уступилъ до Збаража, а Кривоносъ кинулся на Волынь пустошити его маетки. По дорозѣ сдобылъ онъ мѣсто Баръ, и за то, что ляхи тутъ страшно мучили православныхъ, велѣлъ вырѣзати всю шляхту, а изъ жидовъ поздирати шкуру. И такъ погибло тамъ 15 тысячъ ляшни и жидовства.

Цѣлая Волынь была опять въ русскихъ рукахъ, такъ само Подолье и лѣвобочная Украина. На правобочной еи сторонѣ козаки сдобыли и сбурили крѣпость Кудакъ (ту саму, которую разъ уже сдобылъ былъ Сулима.)

Въ Кіевѣ всѣ монастыри переполнены были плѣнными ляхами. Многи изъ шляхты добровольно утекали до Печерской Лавры и другихъ монастырей, где монахи кормили ихъ. Тутъ ляхи были оезпечны, бо народъ русскій высоко почиталъ святость обителей. Ляхи однако помалу осмѣлилися и стали въ Кіевѣ господарити по своему, но тогда народъ кинулся на нихъ и вырѣзалъ всѣхъ. Остались только тѣ, что не выходили изъ монастырей.

На Литвѣ и Бѣлой Руси явилися грамоты Хмѣльницкого и народъ возстал тутъ также. Коло Гомеля, Пинска и Лоева погибло надъ 20 тысячъ шляхты и жидовъ. Но ляхи скоро усмирили тутъ возстаніе.

Гетманъ Хмѣльницкій черезъ цѣлый рокъ 1648 жилъ въ Чигиринѣ и тутъ громадилъ великое войско. Дѣлъ

сомъ очищено русскія земли такъ, что отъ границъ Великои Руси по-за Карпаты вся руская земля была подъ властію гетмана Хмѣльницкого.

А однакъ гордыи ляхи въ Варшавѣ и тогда еще не присмирѣли. Мало ихъ было, что сотки тысячей шляхты погибло на Украинѣ, и другихъ сторонахъ, мало что сами польскій хлопы-мазуры изъ-подъ Вислы, носилися съ гадкою вырѣзати шляхту, они все еще хотѣли подчинити себѣ русскій народъ, загнати его въ неволю. Былъ тогда одинъ вельможа, русского роду и православного, но душею и тѣломъ преданный ляхамъ. Звался онъ Адамъ Кисель. Былъ онъ добрый пріятель Хмѣльницкого, который о немъ такъ говорилъ: „Кисель мае русскія кости, но они заросли ляшскимъ мясомъ“. Тотъ Кисель хотѣлъ конечно помирити козаковъ съ ляхами. По битвѣ подъ Корсунемъ писалъ онъ до Хмѣльницкого, что поляки дуже присмирѣли, что они готовы пристати на все, что только козаки скажутъ, что добре былобы, абы Хмѣльницкій выслалъ до Варшавы пословъ для заключенія сгоды. Козаки на радѣ рѣшили, чтобы Кисель приѣхалъ до Хмѣльницкого и тутъ можнобы обговорити цѣлую рѣчь. Кисель представлялъ польскимъ вельможамъ, чтобы помирился съ Хмѣльницкимъ. Тогда то ляхи скликали до Варшавы сеймъ, на которомъ рѣшили: Выправити противъ козаковъ 36 тысячъ войска, въ которомъ однако несмѣло быти ни одного русского, ни мазурского хлопа, а лишь сама шляхта. Также выбрано ажъ трехъ гетмановъ, сбабѣлого пецуха, который николи не видѣлъ войны, Доминика Заславского, безусого молодика Конецпольского и ученого латинника, который также не нюхалъ пороху, Николая Острога. Козаки

позднѣйше звали тихъ трехъ гетмановъ насмѣшно перина, дитина, латина.

На сеймѣ внесъ Адамъ Кисель, чтобы помиритися съ козаками. Гордыи паны сказали, что ,,простятъ'' козакамъ, если они сейчасъ пустятъ на волю всю шляхту и жолньеровъ, что сидѣли въ козацкомъ и татарскомъ плѣну, дальше, если отстанутъ отъ татаръ присягнутъ Польшѣ вѣрность, дальше, если всѣхъ бунтовниковъ старшинъ и Хмѣльницкого отставлятъ до Варшавы на судъ, и если отдадутъ грамоту, якою король Владиславъ переслалъ Барабашу и назадъ отбудуютъ крѣпость Кудакъ. Сеймъ рѣшилъ чтобы Кисель условія тѣ завезъ козакамъ.

Большои безличности, якъ та, польскои шляхтѣ годѣ было придумати. Еслибы не козаки поляковъ розгромили, а противно, то еще ляхи не моглибы ставити такъ гордыхъ условій. Потому Хмѣльницкій, при которомъ было надъ 100 тысячъ войска, коли довѣдался о тихъ рѣшеніяхъ сейма, сталъ приготовлятися до другого похода на Польшу.

Подъ Пилявою.

Адамъ Кисель пустился въ дорогу до Хмѣльницкого. Однако гетманъ приказалъ спиняти его въ дорозѣ, бо зналъ, что изъ переговоровъ съ ляхами ничего не будетъ, а хотѣлъ зыскати на часѣ. Бо и теперь пригласилъ онъ татаровъ на помощь и ждалъ ихъ прихода. Такъ отже козацкіи загоны по дорозѣ задерживали Киселя, просили его на банкеты и онъ ѣхалъ дуже помалу, бо неразъ на тыждень уѣхалъ ледва 3 мили. Подчасъ тои подорожи выслалъ Кисель перебранного шляхтича до русского царя съ письмомъ. Писалъ онъ, что козаки запродалися совсѣмъ бесерменамъ, что они все бунтуются, что колись могутъ они и русскому государству стати на дорозѣ и что добре бы было покончити съ ними. Письмо то, доказъ подлои здрады со стороны Киселя, не зашло до Москвы, бо посланца словили и письмо переслали Хмѣльницкому. Гетманъ не чекалъ уже долше.

Въ концѣ мѣсяца августа 1648 р. гетманъ Хмѣльницкій вырушилъ съ козацкимъ войскомъ на новую войну съ Польшею. Войска всего было при немъ до 80 тысячъ. Кромѣ того 4 тысячи татаръ пшли ему на помощь. Надъ рѣкою Случъ, где была граница русскихъ и польскихъ земель, гетманъ Хмѣльницкій пристанулъ и

сказалъ тѣ памятныи слова: ,,Знаи ляше, по Случъ наше!“ Войска польскіи стояли подъ Константиновомъ. Тутъ по другой сторонѣ рѣки Пилявки розложилися также козаки. Такъ отже оба войска стояли противъ себе.

Мы знаемъ, что сеймъ въ Варшавѣ рѣшилъ выслати 36 тысячъ самои шляхты противъ Хмѣльницкого. Горды бутны, сытыи шляхтичи стали собиратися на войну. Собратися мали всѣ подъ мѣстечкомъ Глиняны въ Галичинѣ. И стали тамъ ѣхати ясневельможны, а при одномъ шляхтичи нѣсколькохъ гайдуковъ, кухаровъ, псяровъ, цѣлыи возы ѣдла, вина, дальше дорогіи одежи, серебра, ванны до купання. На языцѣ были они дуже отважны, при винѣ кричали, что не саблями, а нагаями розгонятъ ,,хлоповъ-козаковъ“. Гетманы, ,,перина, дитина и латина“ косо дивилися одинъ на другого, уже напередъ завидовали себѣ военнои славы. Кромѣ Глинянского табора былъ еще и другій подъ Константиновомъ. Тутъ стояло 12 тысячъ войска Яремы Вишневецкого. Онъ былъ певный, что сеймъ въ Варшавѣ ему отдасть гетманскую булаву, бо, что правда, былъ онъ между ляхами найотважнѣйшій и найлучшій вождь своего времены. Та ляхи не выбрали его, бо въ сеймѣ было, много его личныхъ противниковъ, которыи завидовали ему военнои славы. Ураженный Вишневецкій собралъ свое войско и станулъ особнымъ табором, бо якъ говорилъ, не хотѣлъ ничего общого мати съ бабячіимъ глинянскимъ ополченіемъ. Войско его было дуже справне, въ его таборѣ былъ правдиво военный порядокъ.

Коли ляхи почули, что Хмѣльницкій приближаесь съ козаками, то шляхта изъ-подъ Глинянъ стала перекрадатися до Яремы, бо совсѣмъ не довѣряла своимъ гетманамъ. Наконецъ и самъ Заславскій, яко главный вождь перенесся тамъ, но войска его все таки держалися въ окремомъ таборѣ. Началасъ тутъ піятика, яка тревала цѣлыми днями и ночами. Вишневецкій заказалъ своимъ воинамъ ходити въ таборъ голоты.

Колижъ Хмѣльницкій станулъ противъ ляшского табора, то и теперь еще зволѣкалъ онъ, удавалъ, что хочетъ миритися, а ждалъ на татаръ. Козаки заняли сосѣдный Пилявскій замокъ и подготовляли все, чтобы ляхамъ приладити новый Корсунь. Дня 19 сентября надгнули татары, поляки ничего о нихъ не знали.

Дня 20 сентября козаки начали бой съ ляхами. Битва продолжалась два дни. Съ окликомъ: ,,За вѣру!“ кинулися козаки на польское войско. Въ ночи изъ 22 на 23-сен-

тября, гетманъ и старшина польского войска утекла изъ табора. За ними утекли недобитки ляшского ополченія. Козаки розгромили Польшу, тысячи ляшского трупа застелили поле битвы и болота надъ рѣкою Пилявкою. Шляхта лишила всѣхъ раненыхъ и всѣ свои богатства. Козаки забрали больше, якъ 100 тысячъ возовъ всякои добычи и 80 пушокъ. Богъ покаралъ гордость ляковъ, а православнымъ далъ славную побѣду.

Ой утекали паны, ажъ курилося за ними. Всѣ болота по обоихъ сторонахъ рѣки были вымощены ляшскимъ трупомъ. Весь ихъ таборъ попалъ въ руки Хмѣльницкого, а въ немъ больше, якъ на 10 милiоновъ всякихъ достатковъ. Золото и сребро валялося по полѣ, ѣдла и вина было только, что на мѣсяцъ сталобы для всѣхъ козаковъ. Татары забрали великій полонъ, а гайдамаковъ и слугъ панскихъ даже не хотѣли брати, а вырѣзали всѣхъ ножами.

Преизобиліе (надмѣръ) добычи былъ причиною, что козаки не догоняли утекающихъ ляховъ, а то, ни одна пюльска нога былабы не ушла. Вишневецкій утекъ до Львова и заповѣлъ, что Хмѣльницкій певно займетъ то мѣсто. Во Львовѣ больша часть жителей были поляки, шляхта и купцы, но войска для обороны не было. Всѣ просили, чтобы Ярема остался боронити мѣста. Онъ согласился на то, но домогался грошей на оборону. Грошей было мало, тогда сносили золоты и серебрянныи сосуды. Жены, именно жидовки, отпинали заушницы и клали у ногъ Яремы. А коли назбиралося довольно того маетка, тогда Ярема спаковалъ все на возы и въ ночи, потайкомъ, якъ злодѣй, утекъ съ своимъ войскомъ изъ Львова.

Гетманъ Хмѣльницкій изъ Константинова пошолъ дальше и занялъ мѣсточко Збаражъ въ Галичинѣ. Тутъ скликалъ онъ военный совѣтъ (раду) и пытался козаковъ, чи мае вертати на Украину, чи идти дальше въ Польшу. Всѣ козаки закричали такъ: „Батьку Хмѣльницкій, веди насъ на ляховъ, кончи съ ляхами, чтобы и духу по нихъ не стало“. Тогда Хмѣльницкій повелъ войско подъ Львовъ и обнялъ то мѣсто.

Военнымъ писаремъ козацкого войска былъ Иванъ Виговскій, который у Жолтыхъ Водъ попался въ плѣнъ. Былъ онъ тайный приклонникъ ляховъ и онъ радилъ Хмѣльницкому вертати на Украину и ждати выбора нового короля. Гетманъ наклонювался до тои мысли, но мусѣлъ уступити воли всего войска. Въ походѣ до Львова, онъ оставилъ въ Бродахъ, въ укрѣпленномъ замку свою сторожу. До Львова выслалъ онъ письмо, въ которомъ писалъ православнымъ, что приходитъ освободити ихъ отъ ляшской неволи, и взывалъ ихъ, чтобы соединилися съ нимъ и выдали ему ляшскихъ пановъ.

Но православны были въ меньшости. Ляхи рѣшили боронити мѣста до послѣдняго. Львовъ былъ окруженный мурами. Въ мѣстѣ былъ кляшторъ Бернардиновъ, побудованный якобы якая крѣпость. Жило въ немъ 300 мниховъ, череватыхъ дармоѣдовъ. Знали они, что козаки не пощадятъ ихъ, для того найбольше противилися подданству мѣста.

И такъ дня 6 октября 1648 р. началася облога мѣста. Козаки напали на мѣсто, но натрафили на сильную оборону. Мѣщане просили о пощаду; гетманъ согласился отступити отъ облоги, если мѣсто заплатитъ татарамъ 200 тысячъ окупа. Бернардины противилися тому, облога тревала дальше. За тотъ часъ въ таборѣ козацкомъ нагромадилася безчисленная сила селянъ, а даже хлопы мазуры ажъ отъ Кракова спѣшили сюда и подивляли гетмана, что такъ умѣлъ карати шляхту. Бо та шляхта была польскимъ селянамъ такъ само сненавижена, якъ и русскимъ. Селяне на нѣсконадцать миль доокола спалили всѣ костелы, кляшторы и шляхотскіи добра.

Во Львовѣ Бернардины все таки боялися, чтобы русскіи православныи мѣщане не отворили Козакамъ воротъ мѣста. Длятого придумали они чисто католицкую штучку. На субботу призвали на обѣдъ всѣхъ знатныхъ православныхъ мѣщанъ а также и польскихъ. Ляхи-католики въ субботу держатъ постъ, потому ихъ засадили за особныи столы, где давали имъ рыбу. Православныхъ при особныхъ столахъ гостили мясомъ. На подворью кляштора была, а есть и донынѣ глубокая студня, что звалася „бердишь“. Бернардины выкликовали православныхъ по одному, вели до бердиша и казали имъ дивитися въ студню, бо тамъ что-то мало объявитися. При студни стоялъ палачъ (катъ), перебранный за бернардина. Ледво русскій изъ цѣкавости похилилъ голову, катъ утиналъ ю топоромъ и тѣла кидалъ до воды. Такъ замордовано нѣсколькодесять православныхъ. Наконецъ, русскіи, которыи сидѣли за столомъ, полапалися, что одинъ изъ нихъ за другимъ выходитъ, но никто не вертаетъ. Тогда они подсмотрѣли, что ляхи дѣлаютъ. Съ крикомъ стали утекати изъ кляштора. Вѣдомость о томъ донеслася до козацкого табора. Хмѣльницкій, сбурѣвъ тимъ звѣрствомъ хотѣлъ сейчасъ приступити до занятія мѣста, но

львовяне стали просити о миръ. А коли козаки заняли стоящій на высокой горѣ за мѣстомъ замокъ, и засыпали мѣсто ядрами изъ пушокъ, а до того въ мѣстѣ не стало воды, тогда мѣщане выставили бѣлую хоруговъ, на знакъ, что поддаются.

Гетманъ Хмельницкій на просьбы православныхъ жителей Львова пощадилъ то мѣсто и отступилъ отъ него, коли мѣщане сложили татарамъ 200 тысячъ золотыхъ окупа. Изъ подъ Львова пошолъ онъ походомъ подъ крѣпость Замостье. По долшой осадѣ мѣсто то уплатило 20 тысячъ окупа.

Львовъ выслалъ до гетмана, которого жительство было въ селѣ Лисиничи, пословъ съ просьбою о пощаду. Мѣсто было дуже бѣдне, бо остатки обокралъ Ярема. Грошей готовыхъ насбирали мало; окупъ складали въ цѣнныхъ сосудахъ и уборахъ, костелы и кляшторы мусѣли отдати все, что мали. Жиды также не могли ничего затаити. Мѣщане поднесли гетману въ дарѣ 20 тысячъ золотыхъ, старшинамъ же козацкимъ дорогіи збруи и иныи подарки. Мѣщане угостили козаковъ медомъ и виномъ. Дня 24 октября козаки отступили отъ мѣста и пошли подъ замостье. Была то найсильнѣйшая польская крѣпость. Но и она былабы не оперлася козакамъ. Однако Хмѣльницкій не дуже напиралъ на еи занятіе. Въ Варшавѣ тогда выбирали нового короля. Хмѣльницкій хотѣлъ, чтобы выбрали молодшого брата помершого короля, Яна Казиміра, бо тотъ былъ великимъ пріятелемъ канцлера Оссолинского, прихильного Хмѣльницкому и козакамъ.

Потому гетманъ вдоволился окупомъ. И тутъ пополнилъ онъ найбольшій блудъ. По битвѣ подъ Пилявкою передъ нимъ стояла открыта дорога до самои Варшавы. Смѣло могъ онъ тамъ идти и разъ на всегда сдѣлати конецъ шляхетскои Польшѣ. Хмѣльницкій, на жаль, не порозумѣлъ того. Сами поляки между собою говорили такъ: „Вѣрно самъ Богъ послалъ на Хмѣльницкого слѣпоту, коли съ такими силами онъ не только не взялъ Замостья и Варшавы, та не сруйновалъ цѣлои Польши, но даже залишилъ войну“. Блудъ тотъ страшно отбился на дальшой судьбѣ русского народа.

Подъ Замостьемъ Хмѣльницкій довѣдался, что въ Варшавѣ выбрано королемъ польскимъ Яна Казиміра. Гетманъ хотѣлъ того. Онъ увѣрилъ, что новый король не позволитъ ляхамъ кривдити русского народа. Для того

Хмѣльницкій прекратилъ дальшую войну и вернулъ съ войскомъ на Украину.

Хмѣльницкій вертаетъ на Украину.

Нововыбранный польскій король, Янъ Казиміръ, послалъ до Хмѣльницкого письмо, въ которомъ заповѣлъ, что пришле ему гетманскую булаву и хоруговъ. Также писалъ, что потвердитъ козакамъ всѣ ихъ права, а уніи не будетъ на Руси. Король просилъ, чтобы Хмѣльницкій отпустилъ татаръ и пересталъ дальшую войну.

Письмо то привезли королевскіи послы еще подъ Замостье. Король признавалъ, что шляхта была причиною тои войны, а козаки въ ничемъ не виноваты. Также заповѣдалъ король, что пришле до Хмѣльницкого своихъ комисаровъ для остаточного заключенія мира. Хмѣльницкій по дорозѣ на Украину выдалъ приказъ, чтобы загоны, якіи „очищали русскую землю“ перестали дальшую войну. А до шляхты выдалъ онъ такій приказъ: „Желаю чтобы вы по приказу короля, не замышляли ничего противъ нашои православнои вѣры и противъ русского народа, но жили съ нимъ въ мирѣ. А если, храньБоже, будетъ кто изъ васъ упрямый, задумаетъ проливити христіанскую кровь и мучити бѣдныхъ людей, то доведете Польшу до крайной погибели“. Но нелегко было повздержати розъяренный народъ.

Въ мѣсяцѣ январѣ 1649 р. гетманъ Хмѣльницкій прибылъ съ войскомъ до Кіева. Заграли всѣ звоны, народъ радосно виталъ гетмана, яко освободителя русского народа. При церкви св. Софіи привиталъ его митрополитъ съ всѣмъ духовенствомъ. Отбылося торжественное богослуженіе. Гетманъ заплакалъ въ церкви и славословилъ Господа за его помощь и опеку.

Былъ то день радости, день приснопамятный для всеи Руси. По вѣкахъ неволи въ стѣны матери городовъ русскихъ вступилъ другій Мойсей, который вывелъ народъ православный изъ земли неволи. Молодежь всѣхъ школъ спѣвала пѣсни, сложенныи въ честь гетмана. Кіевляне гостили козаковъ, восторгу не было конца.

Хмѣльницкій изъ Кіева поѣхалъ въ Переяславль. Тутъ прыбили до него послы иностранныхъ державъ. Турецкій султанъ желалъ заключити съ Хмѣльницкимъ вѣчный миръ. Послы господарей Молдавы и Волощины, дяковали гетману, что боронилъ православную вѣру. Семиградскій князь Юрій Ракочій обѣщалъ помощь въ бодущей войнѣ съ Польшею. Послы русского царя, Алексѣя Михайловича, привезли Хмельницкому царскіи дары и заохоту до дальшои борьбы за православную вѣру.

И такъ хлопскій гетманъ сталъ ровный владѣтелямъ великихъ державъ. Султанъ обѣщалъ, что самъ пойдетъ на Польшу, чтобъ разъ покончити съ нею. Ракочій прирекалъ, что на случай войны нападетъ на Краковъ, Господарь Молдавскій просилъ о помощь противъ бутнои молдавскои шляхты. Гетманъ выслалъ ему на помощь своего сына Тимоша, съ отдѣломъ козаковъ. Но больше всего тѣшило его посольство отъ русскогс царя, которого нашъ гетманъ уважалъ все за законного владѣтеля всеи Руси.

До Переяславля пріѣхалъ также греческій митрополитъ изъ Коринта, Іосифъ, благословилъ гетмана на дальшую войну съ католиками, угнетателями св. Православія.

Дня 9 февраля прибыли до Переяславля послы короля польского, Яна Казиміра. Они привезли грамоту королевску, и бунчукъ и хоругвъ для гетмана Хмѣльницкого. Однакъ гетманъ не хотѣлъ чути о сгодѣ. Остаточно согласился на тримѣсячное перемиріе до Зеленыхъ святъ. На чолѣ королевского посольства стоялъ Адамъ Кисель.

Не весело ѣхалося панамъ посламъ. Попалены костелы и шляхетскіи дворы, по дорогахъ стосы польскихъ и жидовскихъ труповъ. Въ русскихъ селахъ народъ насмѣхался съ пословъ, а случалося, что и за бороды ихъ хваталъ. Всежь таки прибыли они цѣликомъ до Переяславля. Другого дня по пріѣздѣ, на площади послы отчитали королевскую грамоту и вручили королевскіи дары. Гетманъ убранный былъ въ шубу, подарену ему царемъ, надъ хоругвою и съ булавою

на знакъ, что о королевскую булаву не стоитъ, коли мае свою, сдобытую славою и честію. Кисиль началъ свою бесѣду такъ: „Его величество, король Польши...“ Но тутъ козаки ему перебили: „Король, якъ король, но вы, короленята, броите много, а ты Кисель, наша кость, а пристальъ до ляховъ!“ Коли Кисель подалъ присланную королемъ булаву, козаки загомонѣли: „На что вы, ляхи, привезли намъ тѣ цацки? Знаемъ мы васъ! Хочете насъ опять въ неволю загнати. Теперь насъ не приманите; не словами, а саблями росправляйтеся!“

Та и самъ гетманъ не хотѣлъ чути о сгодѣ. Онъ говорилъ комисарямъ, что съ договоровъ ничего не будетъ, а война муситъ быти. „Шкода съ вами говорити. Былъ часъ на говоренье, но уже минулъ. Выбью я изъ вашои неволи весь народъ.“ Воевалъ я, и дальше буду воевати за православную вѣру. Прогоню ляшню за Вислу и скажу: „сидѣть тихо, ляхи!“ А якъ за Вислою будутъ кричати, то и тамъ ихъ найду! Ни одного шляхтича не будетъ на Украинѣ, а хочетъ который съ нами хлѣбъ ѣсти, нехайже насъ слухаетъ!

Козаки также насмѣхалися съ пановъ. „Уже минули часы — казали они — коли ляхи намъ страшны были. Теперь не тѣ уже ляхи, то уже не Жолкѣвскіи, не Ходкевичи, но Тхоржевскіи та Заченчковскіи!“ А дальше гетманъ не хотѣлъ даже говорити съ послами и только на просьбы Выговского допустилъ ихъ до себе.

Наконецъ гетманъ согласился на тримѣсячное перемиріе и то подъ такими условіями: „Имя и слѣдъ уніи нехай на вѣки пропадетъ. Уніатскихъ церквей не смѣетъ быти, а римскіи костелы только до часу будуть. Митрополитъ Кіевскій, розуміется православный, другое мѣсто мае въ сенатѣ, сей часъ по польскомъ примасѣ (найстаршомъ арцибискупѣ польскомъ)! На Руси воеводы и всѣ урядники мають быти православны. Войско запорожское по всей Украинѣ мае полную вольность. Гетманъ козацкій зависитъ только отъ короля. Ни одинъ жидъ не смѣетъ быти на Украинѣ. Ярема Вишневецкій не смѣе мати надъ польскимъ войскомъ николи начальства.“

Комисари хотя для ока подписали то перемиріе и отъѣхали счастливы, что цѣлыи переѣхали черезъ сволнованный народъ.

И такъ настало хвилевое перемиріе. Но загоны козацкіи, а козакомъ взался тогда каждый удалецъ, не дбали на миръ. И такъ атаманъ Герасько сдобылъ мѣсто Острогъ, где въ замку жила дочка Константина Острожского, того самого, что такъ горячо заступался за св. Православіемъ. Его дѣти пошли другимъ слѣдомъ: и сына и дочку іезуиты перетягли на латинство и католицизмъ. Теперь козачество вырѣзало тутъ шляхту, ксендзовъ и жидовъ, а дочку бл. п. Острожского прогнали изъ замка. Такъ само было и въ мѣстѣ Корцѣ, ма-

етку отступника отъ вѣры, князя Корецкого. А ляхи себѣ также начинали по давному. На Волынь пришло 30 тысячъ польского войска и противъ воли короля стала шляхта угнетати и мордовати православныхъ.

При гетманѣ Хмѣльницкомъ стануло прямо безчисленное войско. Селяне со всѣхъ сторонъ, мѣщане—все ишло на Украину. По селамъ остали только старцы, жены и дѣти. Султанъ турецкій приказалъ татарамъ идти на помощь Хмѣльницкому. Самыхъ татаръ было 80 тысячъ. Также донскіи козаки пришли Хмѣльницкому на помощь. Все то войско гетманъ повелъ на новую войну съ Польшею.

Въ мѣсяцѣ маѣ въ Кіевѣ пришлося ляхамъ на судный день. Користаючи изъ часового мира, они снова ѣхали туда и сгали шибатись собою. Надоскучило то Кіевлянамъ и они кинулися на ляховъ. Черезъ три дни продолжалась рѣзня. Многихъ потопили въ Днѣпрѣ. И жены и дѣти, всѣ мусѣли гибнути. Ксендзовъ и мниховъ перерѣзали до одного. Только тѣ, которыи покрылися въ церквяхъ и монастыряхъ, спасли свою многогрѣшную жизнь.

Подъ Збаражемъ и Зборовомъ.

Подъ Константиновомъ стояло 30 тысячъ польского войска. Вождемъ былъ старый Фирлей, человѣкъ добрый, но о войнѣ немалъ онъ ниякого понятія. Король самъ назначилъ его начальникомъ войска, бо боялся, чтобы сеймъ случайно не отдалъ гетманства Яремѣ, особистому врагу короля. Розгнѣванный тѣмъ Ярема осѣлъ спокойно въ своихъ маеткахъ, въ Вишневцѣ недалеко Збаража и даже не думалъ мѣшатися до новои войны. А на ляховъ, коли они учули, якая безчисленная сила идетъ на нихъ, напалъ великій страхъ. Фирлей видѣлъ, что безъ Вишневецкого не дасть себѣ рады, потому, чтобы приневолити Ярему до спольного дѣла въ войнѣ, перенесся съ войскомъ до Збаража, тутъ погодился съ Яремою, отдалъ ему начальство надъ войскомъ и Ярема сталъ укрѣпляти въ Збаражѣ ляшскій таборъ до обороны противъ Хмѣльницкого. Польское войско числило около 30 тысячъ шляхты, а въ двое только гайдуковъ и слугъ. При войску было 60-тысячъ коней.

Дня 30 юня 1649 р. козаки и татары облягли польскій таборъ подъ Збаражемъ. Надъ польскимъ войскомъ малъ начальство Ярема Вишневецкій. Онъ дуже храбро боронилъ мѣста. Хмѣльницкій окружилъ Збаражъ козаками и татарами и хотѣлъ ляховъ голодомъ приневолити до сдачи.

Не будь въ Збаражѣ Вишневецкого, то Польша не выдержала бы тамъ ни одного дня. Но признати треба, что Ярема далъ тамъ доказы незвычайного мужества. Онъ малъ такое вліяніе на свое войско, что шляхта мимо голоду и всякои нужды слухала его и ишла за нимъ слѣпо. Ярема поддержовалъ въ нихъ духа надеждою, что каждую минуту прійдетъ имъ въ помощь король Янъ Казимиръ съ цѣлымъ своимъ войскомъ. Даремно, что козаки съ звычайною себѣ отвагою ишли каждого дня приступомъ на окопы, даремно, что якъ кажетъ польскій лѣтописецъ, „розъяренное хлопство лѣзло на окопы, якъ смола, а татарскіи стрѣлы затемняли солнечное свѣтло,“. Поляки стисняли все свои окопы, крылися подъ ними, но всѣ приступы отпырали. Пришла на нихъ крайная нужда, а за нею голодъ. Вотъ что кажутъ ляшскіи историки. „Тогда братъ не смѣлъ подати помоіци брату, ксендзы не могли приготовляти воиновъ на смерть, не успѣвали хоронити убитыхъ. Лѣтняя жара (спека) тѣснота, гніеніе труповъ— все то душило окопанныхъ въ таборѣ поляковъ, а что надъ все страшнѣйшое, насталъ великій голодъ. Всѣ припасы минулися, въ мѣстѣ за найбольшіи гроши не доставалъ ничего, паны, отвыкши уже отъ дорогихъ стравъ, кормилися конскимъ мясомъ, та и о то было тяжко. Позднѣйше собирали всякую падаль, псовъ, котовъ, щуровъ, а коли того не стало, стрывали шкуру съ повозокъ и обуви, мочили въ водѣ и ѣли. Другіи дерли зубами сыру землю. Вода была съ червами и суровицею изъ труповъ, бо козаки нарочно кидали въ воду труповъ.“

До того еше козаки подъ окопами насмѣхалися надъ шляхтою и въ голосъ спѣвали: „А что то за хижка — тамъ на вырѣжку? Подъ тою хижкою ляхи сидѣли, собакъ лупили, ножи поломали, зубами тягали. Ой дѣду Фирлѣю, продай намъ олѣю! А ты Вишневецкій веди танецъ по нѣмецки!“ Много изъ чужеземскихъ военныхъ инжинировъ, что служили у ляховъ, утекали до козаковъ, а тѣ охотно ихъ принимали. Поляки хотѣли уже кинути окопы и замкнутися въ замки, но Ярема не допустилъ до того, бо зналъ, что замокъ не выдержитъ козацкого приступа.

Хмѣльницкій употреблялъ всѣ способы, но не могъ силою сдобыти окоповъ. Рѣчъ ясна. За земнымъ валомъ, при его оборонѣ одинъ воинъ значитъ больше, якъ сто облягающихъ. Онъ закрытый

есть валомъ, а облягающіи передъ нимъ, якъ на долони, выставлены на пушки и стрѣльбу. Татарскій ханъ, сталъ нетерпѣливитися и между нимъ, а Хмѣльницкимъ заходило до суперечокъ; Хмѣльницкій зналъ, что таборъ ляховъ муситъ поддатися, бо люди падали тамъ отъ голода, якъ мухи. Треба было только выждати отвѣтнои хвили. И такъ,

Въ Збаражѣ поляки гибли отъ голода, однако боронилися остатками силъ. Хмѣльницкій довѣдался, что король польскій ведетъ войско на помощь Яремѣ. Для того гетманъ оставилъ подъ Збаражемъ пѣхотное войско, а самъ съ конницею и татарами пошолъ противъ короля.

Янъ Казимиръ собралъ 40 тысячъ войска, а въ двое только слугъ и гайдуковъ въ Люблинѣ, а тамъ пошолъ съ ними ажъ до Топорова (въ нынѣшномъ бродскомъ округѣ). Тутъ войско стояло безрадно, бо не знали, где есть войско Фирлея и где стоитъ Хмѣльницкій. Даремно, что до Збаража было всего нѣскольконадцать миль, поляки высылали свои отряды на розслѣды, но ни одинъ не верталъ, бо всегда селяне переловлювали ляховъ и рѣзали. За то Хмѣльницкій зналъ все, что дѣется въ польскомъ таборѣ.

Нашолся однако въ Збаражѣ одинъ шляхтичъ, Скжетускій, что перебранный за хлопа неспостереженный козаками, переплылъ ставъ подъ Збаражемъ, переползъ черезъ татарскій таборъ, а тамъ достался до Топорова и оповѣлъ королю о всей бѣдѣ польского войска. Король приказалъ сейчасъ рушати въ походъ и на Золочевъ и Зборовъ пустился подъ Збаражъ.

Но Хмѣльницкій упередилъ его и съ войскомъ своимъ уже ждалъ подъ Зборовомъ. Тутъ пришло до кровавои битвы, якая закончилася найславнѣйшою побѣдою, якую коли нибудь козаки отнесли надъ врагами.

Хмѣльницкій станулъ съ войскомъ подъ Зборовомъ. Коли королевскіи войска въ мѣстѣ томъ переправлялися черезъ рѣку Стрыпу, козаки и татары напалы на нихъ. Началася дводневная битва, въ которой Хмѣльницкій отнесъ блестящую побѣду надъ ляхами. Было то въ дняхъ 5 и 6 августа 1649 р.

За мѣсточкомъ Зборовомъ, на дорозѣ до Яричовецъ и Озерни, а также туда, где нынѣ село Красне, тягнулся дубовый лѣсъ. Тутъ стояли козаки, а поводилися такъ, что ляхи ничего о нихъ не знали. Зборовскіи мѣщане ночію были у Хмѣльницкого и умовилися, что въ отвѣтной хвилѣ, коли будетъ потреба, ударятъ въ всѣ звоны на знакъ, что пора начинати съ ляхами. Ляхи ишли двома дорогами; одни битою дорогою, нынѣшнимъ львовскимъ „гостинцемъ"; другіи же отъ села Метенева. Въ томъ другомъ отдѣлѣ былъ самъ король. Для обохъ отдѣловъ побудовано по одному мостѣ на рѣцѣ Стырѣ. День былъ мрачный, дождевый. Ляхи были такъ безпечны, что даже не выслали порядочнои переднои сторожи. Таборъ ихъ розтягнулся широко безпорядочно. Коли одна часть перешла рѣку, тогда шляхта расположилася до обѣда. Хмѣльницкій съ высокого дуба наочно придивлялся тому и ждалъ пока ляшня не розтаборится на добре. Козаки и татары окружили уже и тылъ польского войска, а ляхи о ничемъ не знали.

Наразъ дали шляхтѣ знати, что татары начали битву съ тыльными сторожами. Паны не увѣрили и казали, что то мусѣло комусь привидѣтися. А въ томъ заграли въ Зборовѣ звоны, рознесся о хмары боевый кличъ: „За вѣру и волю!" и не такъ громъ бье о землю, якъ козачество кинулося на ляшню. Началася рѣзня. Ляхи сдеревѣли отъ страха, все, что жило, ишло подъ мечъ. Первого дня изъ отдѣла, что ишолъ гостинцемъ, погибло надъ 6 тытячъ самои доборнои шляхты, не числячи дробнои и слугъ. Половина польского войска была стерта и снищена. Козаки и татары кинулися на другій отдѣлъ, где былъ король. Тотъ выслалъ до козаковъ письмо, въ которомъ писалъ, что вмѣсто Хмѣльницкого назначаетъ гетманомъ ляха Забусского. Кто изъ козаковъ принесе голову Хмѣльницкого, тотъ достане 10 тысячъ золотыхъ награды. Въ отвѣтъ на то козаки кинулися на ляшню и началася новая рѣзня. Ляхи стали утекати. Самъ король кинулся въ розгаръ битвы, онъ хваталъ за поводы утекающихъ и наверталъ ихъ до битвы. Передъ вечеромъ настала густая мрака, черезъ что обѣ стороны мусѣли перестати дальшій бой.

Настала ночъ. Гей, солнце, Божее солнце, чему не свѣтило ты тогда еще одну, двѣ годины больше? Не стало бы тогда вѣроломнои, Богу мерзеннои Польши, что угнетала и угнетаетъ православную вѣру. Въ ночи король созвалъ раду. Паны радили утекати, та якъ, — коли кругомъ погибель и смерть? Король заявилъ, что радше погибнетъ, а не будетъ утекати. Но отъ чего подступъ? За радою Оссолинского король написалъ до Крымского хана, что самъ предводилъ татарамъ, обѣщалъ ему нечуванныи гроши, чтобы только ханъ отступилъ отъ козаковъ. Ханъ присталъ на то. Другого дня рано козаки еще прежде солнца кинулися на польскій таборъ. Ляхи замкнулися въ мѣстѣ. Но Зборовскіи мѣщане засыпали ровы хворостомъ и показали козакамъ

дорогу, куда впасти до мѣста. Король послалъ до мѣста помощь, а команду надъ нею далъ Забусскому и іезуитѣ Лисецкому. Іезуиты и ксендзы, съ саблями въ рукахъ ишли до битвы. Не помогло ничего, козаки вдерлися до мѣста и до ляшского табора. Одинъ изъ козаковъ водрузилъ на ляшскихъ окопахъ козацкую хоругвъ. Еще година, по шляхтѣ не было бы ни слѣда. Козаки розбили прибочную стражу, что была при королѣ. Одинъ козакъ закинулъ мотузъ (арканъ) на шею польского короля. Въ ту минуту

Коли козаки розбили до тла польское войско и самъ король малъ попасти въ неволю, гетмамъ Хмѣльницкій крикнулъ: „сгода!“ На голосъ трубъ козаки перестали дальшую битву.

Чему такъ сталося? Богъ одинъ знаетъ. Кажутъ, что Хмѣльницкій малъ такъ великое почтеніе для короля, что не хотѣлъ его погибели. Ведля другихъ боялся онъ, чтобы татары не кинулися разомъ съ поляками на козаковъ, такъ якъ уже зналъ о ихъ здрадѣ. Якъ было, того не знаемъ, но знаемъ, что Польша на краю своей могилы спаслася гетманскою ласкою.

Зборовскій миръ.

Сейчасъ потомъ, якъ устала битва, ханъ заключилъ съ королемъ вѣчный миръ, за который ляхи мали каждого року платити 90 тысячъ золотыхъ, а до того за попередныи лѣта заплатити 200 тысячъ. За то татары мали сейчасъ вертати на Крымъ. Пришла черга миритися съ Хмѣльницкимъ. Но гордыи ляхи, ледва, что спасши свое житье, стали кричати, что съ хлопами не будуть миритися. Но самъ король присталъ на миръ. И такъ.

Подъ Зборовомъ гетманъ Хмѣльницкій заключилъ миръ съ королемъ польскимъ. Король заприсягъ, что: 1)Козаки будутъ на всегда мати давныи свои права. 2) Козацкое войско будетъ числити 40 тысячъ людей. Тѣ люди на Украинѣ, которои не будутъ записаны въ реэстръ, мають на дальше робити панщину ляшскимъ панамъ. 3) Мѣсто Чигиринъ стаетъ власностію гетмана Хмѣльницкого. 4) Шляхта не смѣетъ мститися на народѣ за то, что было до теперь. 5) Король прощаетъ

тѣмъ изъ шляхты, которои пристали до козаковъ. 6) Тамъ, где будутъ жити козаки, не смѣетъ стояти польское войско. 7) Въ козацкихъ земляхъ не вольно жити жидамъ. 8) Въ землѣ Кіевской, Черниговской и Брацлавской всѣ уряды мають даватися только православнымъ. 9) Что до уніи въ Польшѣ и Литвѣ, то будетъ особое постановленіе ведля того, что рѣшатъ православный митрополитъ и священство. 10) Іезуитамъ не вольно жити тамъ, где есть русскіи школы. 11) Все то мае приняти и потвердити польскій сеймъ. Изъ подъ Зборова козаки вернули до Збаража и тутъ оголосили также миръ и сгоду.

Въ Збаражѣ ляхамъ ишло уже на послѣднюю годину. Изъ всего войска въ живыхъ осталося ледва нѣсколько тысячъ. Лѣтописецъ говоритъ, что поляки, выйшовши изъ окоповъ, не могли отъ голода удержатися на ногахъ. Кто еще малъ коня, держался его, чтобы не упасти. Они-же недѣлями не видѣли хлѣба и чистои воды. А потомъ вертали козаки на Украину, вертали и въ легковѣрности своей свято уповали, что Польша додержитъ то, на что клялся король. Гетманъ приказалъ всѣмъ загонщикамъ перестати дальшіи напады, но не скоро пришло до того и не одна еще тысячка шляхты и жидовъ погибла отъ гнѣва русского народа.

Ляхи ани не думали додержати то, на что присягли подъ Зборовомъ. Православного митрополита, Сильвестра Коссова не допустили до сената (найвысшои рады). Также на Руси никто не былъ довольный тимъ миромъ. Народъ, который проливалъ свою кровь за вѣру и свободу, не хотѣлъ идти назадъ въ крѣпатство. Одни утекали за Днѣпръ въ Великую Русь, другіи соединялися въ новыи загоны и мордовали ляховъ.

Правду писалъ лѣтописецъ, ,,козаки храбры, якъ львы, но легкодушны, якъ дѣти“. По только здрадахъ они увѣрили, что ляхи додержатъ угоды. Но на первомъ сеймѣ ляхи, а прежде всѣхъ ихъ ксендзы оголосили, что присяга, сложена ,,схизматикамъ“, не обовязуетъ. Шляхта вертала до своихъ маетковъ на Руси и домагалася отъ наро-

да панщинянои роботы. Народъ не хотѣлъ чути о томъ, но самъ Хмѣльницкій каралъ непослушныхъ. Черезъ то между козаками началася неохота, а нѣкоторыи явно стали выступати противъ гетмана. Въ маѣ 1650 р. въ Переяславлѣ отбылася козацкая рада. Хмѣльницкій велѣлъ вписати до реэстра не 40 а 50 тысячъ козаковъ, кромѣ того особно 30 тысячъ на запасъ, и оголосилъ, что хотя кто и не вписанный до реэстра, можетъ быти вольнымъ козакомъ и не оглядатися на шляхту. На той радѣ рѣшено упомнутися у короля, чтобы русскій митрополитъ малъ мѣсто въ сенатѣ, чтобы унія была совсѣмъ снищена, а всѣ церковныи маетки абы были повернѣны православнымъ, дальше и абы шляхта, которая вертала до своихъ маетковъ на Русь, не угнетала людей. Рада рѣшила, что если король не постарается о все то, Хмѣльницкій мае просити русского царя о помощь и оборону.

Слѣдствіемъ того народъ отказался отъ панщины. Изъ великихъ маетковъ польскіи вельможи не мали ни одного гроша дохода. Меньшіи маеткомъ шляхтичи ишли сами орати и сѣяти, а ихъ жены, которыи перше боялися выйти на солнце, чтобы не обгорѣти, теперь сами ишли съ серцами на ланъ. Но богатшіи паны насильно гнали людей на панщину. И такъ ишла нова гроза, якая не могла закончитися иначе, якъ войною.

Гетманъ Хмѣльницкій видѣлъ, что Польша не хочетъ додержати того, что заприсягла подъ Зборовомъ. Ляхи задумали при помощи татаръ снищити козачество. Но Хмѣльницкій завязалъ миръ съ турецкимъ султаномъ, и той заказалъ татарамъ идти противъ козаковъ. Также просилъ гетманъ русского царя, Алексѣя Михайловича о помощь. Царь прирекъ, что обстане за православнымъ народомъ, якъ только прійдетъ на то отвѣтная пора.

Въ коварствѣ и здрадѣ ляхи не мали себѣ ровныхъ. Они потайкомъ сговорилися съ татарами, чтобы напасти на Великую Русь, бо знали, что русскій царь готовится до войны противъ нихъ. Но Хмѣльницкій дознался о томъ и донесъ все царю. Потомъ ляхи послали до царя клеветный доносъ, что Хмѣльницкій съ козаками хочетъ напасти на Великую Русь. Но царь не повѣрилъ тому. Тогда то ляшня задумала съ татарами напасти на Хмѣльницкого. Гетманъ зналъ о всемъ томъ и заключилъ миръ съ султаномъ. Тотъ прислалъ ему хоругвъ и бунчукъ и обѣшалъ его сдѣлати независимымъ отъ никого княземъ Украины, чтобы только козаки ишли все туркамъ на помощь.

Коли довѣдалися о томъ ляхи, то отъ страха мало не померли. До гетмана пріѣхалъ Юрій Кисель, братъ Адама, и молилъ, чтобы Хмѣльницкій не вязался съ султаномъ. На то гетманъ сказалъ ему такъ: „Не только Украину, но и Польшу всю и папежа и Римъ завоюю и туркамъ отдамъ". Съ султаномъ заключилъ онъ миръ, а тотъ запретилъ татарамъ идти противъ козаковъ. Такъ то всѣ коварныи планы разочаровали Польшу. А коли поляки все таки стали посылати на Украину свои войска, тогда гетманъ уже не думалъ о чемъ-то другомъ, а только о войнѣ съ Польшею.

Въ поздной осени 1650 р. послалъ онъ до Варшавы пословъ, а тѣ домагалися, чтобы сеймъ рѣшилъ, что слѣдуетъ: „Въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ окрузѣ сносится панщина. Если якій шляхтичъ хочетъ тамъ жити, то нехай живетъ яко ровный съ ровными, а подданный гетману. Унія въ цѣлой Польшѣ мае быти снесена, а православное духовенство мае мати тѣ самыи права, что латинское. Сеймъ мае все то, а также зборовскій договоръ ствердити присягою. А что Польша всѣ присяги ломитъ, то паны Ярема, Конецпольскій, Любомирскій и Калиновскій пойдутъ на Украину яко заложники.

Ляхи даже не хотѣли чути о такихъ условіяхъ. „Якъ могутъ козаки домагатися снесенія панщины и уніи? Вѣдьже Польша стоитъ только на панщинѣ и уніи!" Сеймъ противъ королевскои воли единодушно рѣшилъ начати съ Хмѣльницкимъ новую войну. Гроши на войну малъ дати римскій папежъ, но не далъ ничего, бо папежи умѣютъ только брати, а дати не умѣютъ.

Хмѣльницкій зналъ, что ляхи не согласятся на его условія. Ему ишло только о то, чтобы Польша перша выповѣла войну, а тѣмъ самымъ сломила зборовскій договоръ. И такъ по нарадѣ всего козацкого войска рѣшено не идти походомъ въ Польшу, а держатися въ русскихъ земляхъ. Хмѣльницкій воззвалъ весь народъ до всеи всѣны, а шляхтѣ приказалъ, что мають або идти съ козаками разомъ на войну противъ Польши, або вынестися изъ русскихъ земель. Для того панки удирали, якъ могли, но по дорозѣ хлопы хватали ихъ и рѣзали.

Козацкое войско мало собиратися въ Ставищахъ, где со всѣхъ сторонъ громадилися десятки тысячъ борцевъ за святую вѣру и за свободу русскихъ земель. Турецкій султанъ готовый былъ прислати на помощь свое войско, но гетманъ отказался отъ того, а просилъ только о татаръ. За то семиградскій князь Ракочій прирекъ, что въ отвѣтную хвилю нападетъ на Краковъ.

Берестечко.

Польша готовилася до новои войны съ козаками. Коло Каменца, на Подолью стояло 30 тысячъ польского войска. Начальство надъ нимъ мали Потоцкій и Калиновскій. Калиновскій подступомъ напалъ на славного козацкого полковника Ничая, который полягъ въ бою. Также ограбилъ Калиновскій мѣсто Ямполь и казалъ вырѣзати всѣхъ его жителей. За то подъ Винницею козацкій полковникъ Богунъ разгромилъ до чиста польское войско, что было подъ Калиновскимъ.

Ничай, одинъ изъ найславнѣйшихъ полководцевъ козацкого войска, стоялъ съ 3 тысячами козаковъ въ мѣсточку Красномъ коло Бару и поглядалъ за тѣмъ что роблятъ ляхи. Тутъ нечаянно напалъ на него Калиновскій съ три разы большими силами. Козаки ушли въ укрѣпленный замокъ, но Ничай былъ такъ изрубанный, что тутъ и умеръ. Козаки хотѣли спастися и пробитися черезъ польскіи ряды, однако ляхи напали на нихъ и вибили майже всѣхъ. Потомъ заняли мѣсто. Въ церкви якъ разъ священники служили панахиду при тѣлѣ Ничая. Ляхи вымордовали ихъ, а тѣло полковника посѣкли на дробныи кусни и пустили съ водою. Въ Ямполѣ напали они въ часѣ ярмарки на мѣсто; купцевъ постороннихъ и жителей, всѣхъ до ноги выбили, а мѣсто разграбили. Коли о томъ дошла вѣдомость до Варшавы, то іезуиты служили благодарственныи ,,омши", а паны величали Калиновскаго, яко великого героя.

Но коли тотъ герой подошолъ подъ Винницу, где былъ полковникомъ славный на цѣлую Русь Богунъ, то тутъ иначе пошло. Богунъ въ нѣсколькосотъ людей станулъ противъ 15 тысячъ ляховъ и боронилъ ровночасно замку и стоящого обокъ укрѣпленного монастыря. Ляхи достались въ засаду, знатная ихъ часть попала на нарочно порубанный на Бугѣ ледъ и потопилися. Богунъ каждои ночи нападалъ на нихъ и справлялъ между ними кровавую рѣзню. Колижь ляхи довѣдалися, что на выруку Богуну идетъ полковникъ козацкій, Глухъ, то ,,герой" Калиновскій и всѣ паны — старшина утекли. Гайдуки стали рабовати таборъ, а шляхта боронила того, что накрала въ Ямполѣ. Началися биги сами между собою, а тогда Богунъ выпалъ на нихъ и больше 5 тысячъ ляшковъ полягло. Недобитки голы и босы вернули до Бару, а тамъ до Каменца и стали слати до Варшавы о помошь.

Тѣмчасомъ Хмѣльницкій ожидалъ на татаръ и не могъ ударити на Потоцкого, при которомъ было всего 30 тысячъ войска. Татары опозднялися, а ляхи въ Польшѣ нагромадили 200 тысячъ войска, а кромѣ того мали и наемное нѣмецкое, славное изъ мужества войско. Начелѣ всѣхъ стоялъ самъ король.

Гетманъ Хмѣльницкій въ мѣсяцѣ маѣ 1651 р. повелъ свое войско напротивъ польского короля, Яна Казимира. Подъ Збаражемъ гетманъ соединился съ татарами, которыи ишли ему на помощь. Польскіи войска станули подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ. Тутъ повелъ свое войско гетманъ Хмѣльницкій.

Первоначальная цѣль козаковъ была недопустити до того, чтобы Потоцкій соединился съ королемъ, что однакъ не удалося. Позднѣйше хотѣлъ Хмѣльницкій напасти на ляховъ тогда, коли они будутъ переходити болотами между Сокалемъ а Берестечкомъ. Но со дня на день ждалъ онъ на татаръ и такъ найлучшая способность минула. А татары ишли нарочно помалу, бо они уже были въ переговорахъ съ ляхами и готовилися здрадити козаковъ. Ханъ малъ великую злость на Хмѣлницкого за то, что тотъ упередилъ русского царя о намѣренію ляховъ напасти разомъ съ татарами на Великую Русь. Уже при первой встрѣчи гетмана съ ханомъ пришло до сварки. Хмѣльницкій видѣлъ, что на татаръ мало можетъ числити. И дѣйствительно въ ночи передъ битвою ханъ потаенно заключилъ съ королемъ договоръ, что въ часѣ битвы усунется изъ еи поля.

Въ ночи съ 8 на 9 іюня козаки нечаянно напали на ляшскій таборъ и справили тамъ знатную рѣзню. Другого дня началася рѣшительная битва. По обохъ сторонахъ разомъ было больше полъ миліона войска. Поляки мали о 100 тысячъ войска больше. Съ польскои стороны началъ битву князь Ярема Вишневецкій. Козаки боролися якъ львы. Однако вечеромъ ханъ здрадилъ козаковъ, и утекъ съ татарами изъ поля битвы. Гетманъ Хмѣльницкій погналъ за нимъ, чтобы его завернути. Тогда татары на приказъ Хана насильно задержали Хмѣльницкого въ своимъ таборѣ.

По обохъ сторонахъ всѣ знали, что начнется бой на смерть, або житье. Польского войска было безчисленное множество. Говоритъ польская лѣтопись, что въ тотъ часъ только ксендзы, старики, женщины и дѣти остали въ Польшѣ; всѣ дорослыи пошлы на войну, на которую благословилъ ляховъ самъ римскій папежъ. Каждый ляхъ хотѣлъ корыстати съ папежского благословенія, абы избавитися отъ мученій по смерти." До битвы ляхи готовилися своими еретическими набоженствами. Въ козацкомъ войску греческій митролитъ, Іосифъ изъ Коринѳа препоясалъ гетмана мечемъ, якій іерусалимскій патріархъ освятилъ на гробѣ Господнемъ, а потомъ ѣздилъ между полками, благословилъ воинство и просилъ такъ: „Братья и воины Христовы! Постойте за святую Церковь, за святую православную вѣру, заступите Матерь вашу Русь отъ врага и супостата."

Чтобы не татарская здрада, товся ляшская сила не помоглабы ничего. Но наразъ не стало гетмана и никто не зналъ, где онъ. Начальство перенялъ полковникъ Джеджеликъ. Козаки отбили всѣ напады ляховъ и заняли сильное становище надъ рѣкою Пляшевою, за которою тягнулися непроходимыи болота. Ночъ перервала битву. Въ ночи козаки окопали свой таборъ и другого дня ляхи начачи облогу.

Черезъ двѣ недѣли ляхи облягали козацкій таборъ и каждого дня велися кровавыи битвы. Потомъ черезъ 10 дней продолжалися переговоры о мирѣ. Переговоры тѣ кончилися на ничемъ. Козаки выбрали начальникомъ полковника Богуна. Тотъ приказалъ высыпати черезъ болота греблю изъ кожуховъ, сѣделъ, возовъ и всего, что было только въ таборѣ и перевелъ черезъ ню козацкое войско. Ляхи заняли козацкій таборъ, и вырѣзали всѣхъ хлоповъ, не козаковъ, которыи тамъ были. Такъ значитъ, подъ Берестечкомъ ляхи здрадою побѣдили русское войско.

Николи въ свѣтѣ, нигде и никто не боронился такъ, якъ козаки подъ Берестечкомъ. Не стало гетмана, но духъ въ войску не упалъ. Двѣ недѣли боронили они своего табора, и клали покосомъ шляхту. Но ляхи спровадили изъ Львова величезныи пушки и тогда въ таборѣ козаковъ уже трудно было держатися. А до того въ неприсутности гетмана настала несгода. Для еи усмиренія старшина начала переговоры о миръ. Ляхи поставили прямо безличныи условія. Именно

домагалися, чтобы козаки отреклися татаръ и разъ на всегда присягли вѣрность польшѣ. Дальше, чтобы всѣхъ старшихъ и Хмѣльницкого живцемъ отдати имъ въ руки. Козаки маютъ отдати всѣ свои полковыи знамена и пушки, а также отречися Зборовского договора.

Изъ козаковъ никто не согласился на такую погань. Потому началася тѣмъ усильнѣйшая пальба и рѣзня. Между козацкими старшинами было много недоляшковъ; тѣ потайкомъ утекли до ляховъ. Между тими здрадниками былъ одинъ, что звался Лисенко. Тотъ утекъ до Яремы и сказалъ, что принимаетъ унію, признаетъ папежа, клянется польсксю вѣрою, что николи не выступитъ противъ ляховъ. Ярема казалъ его порубати на кусни. Чорту досталося то, что было его.

Въ козацкомъ таборѣ было полно черни, не козаковъ, что до ситвы не придавались; они знали только ѣсти, пити и грабити. Между ними теперь возникъ бунтъ; они первыи кричали, чтобы старшинъ выдати ляхамъ. Богунъ доказывалъ чудесъ геройства, но видѣлъ что долго не въ силѣ держатися. Потаенно велѣлъ онъ сыпати черезъ болота греблю изъ всего, что было подъ рукою. По греблѣ перешло войско, а по немъ хотѣлъ Богунъ перевести чернь. Но тѣ, коли увидѣли, что войска въ таборѣ нѣтъ, подурѣли отъ страха. Тысячами кидалися на болота и гибли. Ляхи кинулися на таборъ и вырѣзали всѣхъ, кого попали. Потомъ заграбили все, что было въ шатрѣ Хмѣльницкого, а между другими забрали войсковую печать и 20 тысячъ золотыхъ. И такъ ляхи черезъ здраду татаръ побѣдили нашихъ.

Въ битвѣ подъ Берестечкомъ погибъ также мигрополитъ Коринѳа, Іосифъ.

Ляхи занимаютъ русскіи Земли.

Договоръ въ Бѣлой-Цекви.

Татары подъ Берестечкомъ полонили гетмана Хмѣльницкого и увезли въ Крымъ. Онъ заплатилъ 800 тысячъ золотыхъ окупа и вернулъ на Русь. Однако козаки уже вышли изъ подъ Берестечка. Ляхи послали 40 тысячъ войска на Украину. Литовскій гетманъ, Радивилъ въ 30 тысячъ войска пошолъ ажъ подъ Кіевъ. Народъ не переставалъ нападати на ляховъ. Но не сгода не позволяла козакамъ соединитися въ одно.

Хмѣльницкій изъ Крыма соколомъ летѣлъ подъ Берестечко. Но уже по дорозѣ дознался о ляшской побѣдѣ. Онъ поѣхалъ до Чигирина созывати новое войско. Частъ козаковъ стала бунтоватися противъ него. Въ Масловомъ Бродѣ скликали козаки „Чорную раду" противъ гетмана. Но онъ явился тутъ и такъ ясно выложилъ всѣмъ причины пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ, что общее довѣріе козаковъ вернуло назадъ до него.

Началося собирати новое войско. Именно громадилося много удавцевъ при полковнику Богунѣ въ Винницѣ. Былъ бо онъ найславнѣйшій изъ всѣхъ козаковъ, а на самъ поминъ его имени ляхи млѣли отъ страха. И теперь поддержовалъ онъ духа народного возстанія. Потоцкій, Ярема и Калиновскій вели на Украину 40 тысячъ войска. Народъ передъ ними всюда палилъ хаты, сбоже, такъ, что ляхи попадали на сгарища. Мосты были всюду позрываны, дороги перерыти. До того въ ляшскомъ войску ширился моръ. Гибли воины, а дня 9 августа умеръ въ Паволочѣ найзавзятѣйшій врагъ православнои Руси, Ярема Вишневецкій.

Въ мѣстечку Трилѣсы горстка жителей боронила мѣста передъ цѣлымъ войскомъ. При мужчинахъ боролися жены. Всѣ погибли до одного, но раньше наклали цѣлыи горы ляшского трупа. Гетманъ Литовскій Радивилъ выступилъ изъ Бѣлои Руси на Украину и подошолъ ажъ подъ Кіевъ. Кіевляне сами спалили мѣсто и ляхи пошли соединитися съ войсками Потоцкого.

Хмѣльницкій собралъ снова 40 тысячъ козацкого войска. Было то однакъ замало, чтобы побороти ляховъ. Гетманъ написалъ до начальника польскихъ войскъ, которыи стояли на Украинѣ, что хочетъ миритися съ ними. Ляхи прислали своихъ комисаровъ до Бѣлой-Церкви, где стоялъ Хмѣльницкій съ войскомъ. Ляхи предкладали козакамъ дуже обидныи для русского народа условія. Козаки откинули ихъ.

Не было уже сгоды между козацкими старшинами. Не всѣ были таки, якъ Богунъ. Хмѣльницкому ишло о то, чтобы скорыстати на часѣ и собрати новое войско. Потому хотѣлъ для ока годитися съ ляхами. Потоцкій прислалъ до Бѣлой—Церкви старого лиса, Адама Киселя, а тотъ привезъ такіи условія: Реэстрового войска мае быти только 15 тысячъ. Оно можетъ стояти только въ Кіевщинѣ, а за то польскіи войска могутъ стояти по всей Украинѣ. Гетманъ козацкій

будетъ подъ властію польскихъ гетмановъ. Ему не вольно заключати договоровъ съ посторонними державами, а особенно съ русскимъ царемъ (вотъ чего найбольше боялися ляхи!) Козаки не смѣютъ николи соединитися съ татарами. Православныи будутъ мати свободу вѣроисповѣданія, но кто уже перешолъ на латинство, або унію, тотъ мае при томъ остати. Хмѣльницкій для ока хотѣлъ согласитися на то, но козаки страшно обурилися. Хмѣльницкій выправилъ комисарей изъ мѣста, бо боялся о ихъ житье. А и такъ напали на нихъ по дорозѣ татары и обдерли, такъ, что Кисель въ одной сорочцѣ, пѣшки угекалъ до Потоцкого.

Ляхи подошли подъ Бѣлую Церковь. Началася тридневная, лютая битва, не рѣшена на ниякую сторону.

Дня 16 сентября Хмѣльницкій подписалъ въ Бѣлой-Церкви договоръ съ Польшею. Договоръ тотъ майже кассировалъ всѣ козацкіи права. Гетманъ однако хотѣлъ скорыстати на часѣ, а не думалъ даже укорочати правъ русского народа.

Вымогъ гетманъ на ляхахъ, что договоръ позволялъ на 20 тысячъ козацкого войска, та еще до того малъ обязовати отъ весны слѣдующого року. По его подписанію ляхи запросили гетмана на обѣдъ и хотѣли его отравити. Но Хмѣльницкій догадался того, и якобы случайно вылилъ вино съ труткою. Такъ не удался католицкій подступъ. Польское войско роздѣлилося. Радивилъ нашолъ на Литву, а Потоцкій на Подолье, где въ октябрѣ умеръ на заразу. Панъ Калиновскій не дбалъ на договоры и миръ, онъ вѣшалъ и четвертовалъ людей, грабилъ и палилъ. Шляхта смѣло вертала на Русь и стала по давному газдовати. Православный народъ упалъ просто въ отчаяніе. Многи изъ селянъ сами палили свои хаты и утекали за Днѣпръ въ великорусскую землю. Больше якъ тысячъ козаковъ сдѣлало также такъ и осѣли при берегахъ Сосны и Десны. Царь Алексѣй далъ имъ полную козацкую свободу и они были первымъ „слободскимъ“ полкомъ козаковъ въ Великой Руси. А тѣ стороны въ Великой Руси, где осѣли бѣглецы изъ-подъ польского ига были названы „Слободская Украина“. Бо была тамъ и свобода и воля и миръ.

Весною 1652 р. Хмѣльницкій выслалъ до русского царя пословъ съ просьбою, чтобы царъ позволилъ всѣмъ козакамъ переселитися въ Великую Русь. Царь при-

нялъ пословъ дуже мило, но радилъ козакамъ потерпѣти еще хотя только одинъ рокъ, а тогда онъ прійдетъ имъ на помощь.

Отъ якъ писалъ Хмѣльницкій до царя: ,,Пожалѣй насъ, Государь православный! Умилосердися надъ православными церквями Божіими и надъ нашою невинною кровію. Ляхи не додержуютъ ничего, что обѣщали. Церквей Божіихъ, якіи обязалися отдати изъ-подъ уніи православнымъ, не отдали, а противно обертаютъ на унію даже тѣ, которыи до теперь въ православію оставали. Они мучатъ православныхъ духовного и мірского чина. Пріими насъ, Государъ православный, подъ свою царскую руку. Дѣло соединенія Украины съ Великою Русію было такимъ образомъ уже рѣшено, а только ждало своего часу.

Подъ Батогомъ и Жванцемъ.

Договоръ заключенный въ Бѣлой Церкви не войшолъ николи въ житье. Для того гетманъ Хмѣльницкій приказалъ вписати въ реэстръ не 20 а 40 тысячъ козаковъ. Также примирился онъ опять съ Татарами, тѣмъ больше, что задумалъ идти войною на молдавского господаря Липула за то, что тотъ не хотѣлъ выдати дочки своеи, Домны Розанды за Хмѣльницкового сына, Тимоша. Липулъ просилъ о помощь ляховъ, а Калиновскій пустился сейчасъ на помощь и задержался при горѣ Батогъ, надъ рѣкою Бугъ, чтобы тутъ росправитися съ Хмѣльницкимъ и не допустити его въ молдавскую землю. Хмѣльницкій зналъ о томъ, а что ляховъ было до 50 тысячъ, то случалася добрая нагода перетрепати ихъ. Съ 20 тысячами козаковъ пошолъ его сынъ Тимошъ ,,въ сваты", за нимъ ишли татары и пришли ажъ по-при таборъ Калиновского. Татары не зачѣпали ляховъ, нарочно ишли спокойно, якъ бы не думали о битвѣ. Но коли ляхи стали стрѣляти, тогда иначе сталося.

Дня 29 мая 1625 р. надъ Батогомъ, при рѣцѣ Бугъ, Тимошъ, сынъ гетмана Хмѣльницкого, на челѣ козацкого и татарского войска разгромилъ 50 тысячъ ляховъ. Они загородили ему дорогу до Молдавіи, где онъ ѣхалъ женитися. Ляхи перши начали битву, а козаки снищили ихъ такъ, что въ живыхъ остало только 256 людей.

Козаки зашли пановъ сзаду, а татары спереду. Ляхи на самъ видъ татаръ и козаковъ стали утекати. Но Калиновскій загородилъ имъ дорогу нѣмецкими, наемными пушкарями и казалъ на утекающихъ стрѣляти изъ пушокъ. Тогда ляхи стали мордовати одни другихъ, а козаки помогли имъ и перерѣзали всѣхъ до одного. Калиновскій погибъ отъ татарскихъ стрѣлъ. Козаки забрали 60 пушокъ, но татары не мали ниякои добычи, бо весь ляшскій таборъ сгорѣлъ. По той битвѣ, которои вина пала на ляховъ, бо они нарушили Бѣло-церковный дововоръ, Хмѣльницкій уже не ишолъ на Молдаву, а только послалъ до Липула пословъ съ донесеніемъ, что его пріятели ляхи уже траву грызутъ. Липулъ прислалъ пословъ, охотно согласился выдати дочку за Тимоша и въ августѣ отбылася въ Яссахъ величавая свадьба.

Ляхи хотѣли мстити за битву подъ Батогомъ, но не мали силы. Они хотѣли поддобрити Хмѣльницкого и обѣщали ему великіи маетки, если онъ отречеся отъ татаръ. Но гетманъ не хотѣлъ для себе ничого, а домагался только потвержденія Зборовского договора. Также русскій царь обѣщалъ козакамъ, что приневолитъ ляховъ заприсягнути и додержати тотъ договоръ.

Польша переживала тогда страшныи бѣдствія. Моръ, голодъ, огни, грозы—все то наразъ постигло ляховъ.

До того боялися они, что русскій царь пойдетъ на нихъ войною. Всежъ таки выслали они на Украину Стефана Чарнецкого, найславнѣйшого по Яремѣ вождя, чтобы онъ разгромилъ тѣхъ, которыи теперь съ новою ревностію „очищали“ русскую землю. Однако подъ Монастырчанами полковникъ Богунъ далъ Чарнецкому таку науку, что тотъ изъ 12 тысячъ войска стратилъ 5 тысячъ, а самъ былъ тяжко раненъ. Паны шляхта лишили весь таборъ, и стали утекати. Безпамятного Чарнецкого повезли они съ собою.

Дошла о томъ вѣдомость до Варшавы и тогда ляхи чѣмъ скорше собрали 40 тысячъ войска, наняли 20 тысячъ нѣмцевъ, еще связалися съ молдавянами и угорскимъ княземъ Ракочіимъ, чтобы остаточно снищити козачество. Хмѣльницкій выслалъ Тимоша на Волощину на помощь Липулѣ, и тутъ Тимошъ при оборонѣ мѣста Сучавы полягъ. Ляхи думали, что черезъ то Хмѣльницкій пойдетъ войною на Волощину, которую занялъ семиградскій князь Ракочій и волошскій господарь Радула, а тогда они нападутъ на русскіи земли. Однако Хмѣльницкій скликалъ до Тернополя козаческую раду, где рѣшено до Молда-

вiи не мѣшатися. Вмѣсто того, всею силою ударити на ляховъ, николи не заключати съ ними никакого договора, а просити русского царя, чтобы тотъ принялъ русскiи земли подъ свою власть.

За кривдами православныхъ, которыи жили подъ ляшскимъ игомъ, обсталъ русскій царь, Алексѣй Михайловичъ. Онъ выслалъ своихъ бояръ въ посольствѣ до польского короля. Послы встрѣтили короля во Львовѣ на челѣ польского войска, якое онъ велъ противъ Хмѣльницкого. Царь домагался, чтобы король и сеймъ заприсягли и додержали условія Зборовского договора. Король не согласился на то. А царскіи послы сказали, что царь срываетъ всякій миръ съ Польшею, и что онъ (царь) и цѣлый русскій народъ твердо постоитъ за православною вѣрою.

Первый то разъ царскіи послы, на челѣ которыхъ стоялъ бояринъ Репнинъ-Оболенскій, рѣшительно и безъ обиняковъ упомнулися ляховъ о права православнои церкви. Тутъ является царь въ цѣломъ блеску своего высокого званія, яко защитникъ святои православнои вѣры, яко сторожъ еи неприкосновенности, поборникъ и хранитель. Такими всегда были русскіи цари, а только домашныи смуты, якіи тогда перешла русская земля не позволили русской державѣ уже скорше покарати гонителей св. Церкви. Послы вернули въ Москву, а король повелъ дальше свое войско.

Гетманъ Хмѣльницкій выслалъ по другій разъ пословъ до русского царя и просилъ, чтобы царь освободилъ Русь изъ-подъ Польши. На то отвѣтилъ царь, что на литовской границѣ уже собирается русское войско противъ ляховъ. Также заявилъ царь, что вышле на Украину пословъ, а тѣ пріймутъ козаковъ подъ царское правительство. Гетманъ Хмѣльницкій повелъ козацкое войско противъ ляховъ. Оба войска выступили противъ себе подъ Жванцемъ, на Подолью. Въ дорозѣ присоединилися до Хмѣльницкого 100 тысячъ татаръ, которыи пришли ему въ помощь.

Ляхи мали надъ 90 тысячъ войска. Хмѣльницкій былъ увѣренъ, что тутъ отплатитъ имъ за Берестечко, и нарочно сволѣкалъ съ рѣшительною битвою, чтобы ляхамъ доскулилъ больше голодъ и холодъ. Въ польскомъ таборѣ ширилася слабость и неохота. Зналъ король, что приходитъ ему и Польшѣ погибель. Потому по ляшскому обычаю употребилъ здрады. И такъ:

Ляхи подъ Жванцемъ перекупили татаръ и тѣ отступили отъ Хмѣльницкого. За то ляхи позволили имъ черезъ 40 дней грабити Русь и жителей брати въ неволю. Но не вольно имъ было кривдити шляхты и всѣхъ католиковъ. Хмѣльницкій по здрадѣ татаръ отступилъ на Украину. До битвы не прийшло.

Ляхи спасли себе здрадою. Хмѣльницкій просилъ хана, чтобы позволилъ ему росправитися съ ляхами, но татары загрозили, что на случай битвы пойдутъ на козаковъ. Потому гетманъ мусѣлъ уступити. Татары залили собою русскіи земли и опустошили ихъ ажъ по рѣку Припеть, а не дбаючи на данную ляхамъ обѣтницу рѣзали и православныхъ и католиковъ, а больше, чѣмъ 5 тысячъ шляхты пошло на арканѣ въ неволю.

Несчастный для Руси былъ тотъ 1553 рокъ. ,,Тогда зажурилася Украина, бо не знала, куда ей дѣтися; орда топтала коньми малыхъ дѣтей, старыхъ рѣзала, молодыхъ брала въ ясырь (неволю). Бесермены съ ляхами хотѣли совсѣмъ погубити русскій народъ, но Богъ обратилъ и поставилъ для Руси дѣло такъ, якъ Ему извѣстно было въ неислѣдимомъ Его совѣтѣ".

Одна вѣра, одна Русь.

Соединеніе Украины съ державною Русью.

И умилосердился Всевышній надъ нуждою русского народа. Орудіемъ, избраннымъ Нимъ до великого дѣла освобожденія православныхъ изъ-подъ вѣкового ляшского ига, былъ благочестивый и Богомъ любивый государь всеи Руси.

Дня 1 октября 1653 р. Земская Дума въ Москвѣ, согласно съ волею царя, Алексѣя Михайловича, рѣшила приняти козаческое войско и весь народъ православный

живущій на Украинѣ подъ царскую власть. Также рѣшено объявити Польшѣ войну за оскорбленіе православной вѣры.

Русскій народъ все начиналъ отъ молитвы. Царь и члены Думы выслухали въ Покровской Церкви Службы Божои, которую служилъ патріархъ Никонъ. Потомъ въ присутствіи царя, патріарха и членовъ Думы начался совѣщанія. Перечислено всѣ вѣроломства ляховъ, всѣ кризды, якіи они наносили православной вѣрѣ и русскому народу. Именно король Казиміръ нѣсколькократно присягалъ, что никто не посмѣетъ кривдити православнои Церкви, а всѣ клятвы свои сломилъ. За то въ защитѣ св. церквей Божіихъ державная Русь мае покарати клятвопреступниковъ. А коли рѣшено такъ, то патріархъ и духовенство благословили царя и всю державу на святый, великій, православного государя достойный подвигъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ выслалъ до Переяславля своихъ пословъ, бояръ Бутурлина, Альферева и Лопухина. Дня 8 января отбылася въ Переяславлѣ великая, всенародная Рада. На ней Хмѣльницкій розсказалъ всѣ кривды, якіи вѣками терпѣлъ православный народъ. Потомъ спросилъ, что мае народъ дальше робити? Тогда всѣ, якъ одинъ, стали кричати: „Хочемъ идти подъ царя русского православного!“ Чи всѣ того хочете? „Всѣ!“ кричалъ народъ. А тогда гетманъ Хмѣльницкій сказалъ громкимъ голосомъ: Буди такъ! Да крѣпитъ насъ Господь подъ его царскою, крѣпкою рукою“. А весь народъ возгласилъ: Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобы мы во вѣки всѣ были едино!

Хиба не можно себѣ представити больше возбудительной, спасительной и радостной хвили, якъ та, коли огорваны здрадою и насиліемъ дѣти, по вѣковой неволѣ опять пали въ обятія Матери своей, кость изъ русскои кости, плоть русскои плоти, одни родомъ, одни духомъ, а отъ теперь одни опекою и силою своего, родного, русского царя, подъ охраною своеи, роднои, православнои Церкви. Будь же благословенный тотъ день во вѣки вѣковъ, и до конца міра да будетъ святая Русь въ единствѣ.

Царскій посолъ, Бутурлинъ проговорилъ до народа: ,,Русскіи православныи люди! Знайте о томъ, что великій царь-государь не хочетъ чути, чгобы вы, единовѣрны, единородныи братья оставали въ крайномъ утѣсненію, а церкви ваши въ запустѣнію и поруганію отъ латинянъ, ляховъ. Царь велѣлъ приняти васъ подъ свою руку и приказалъ своимъ войскамъ помогати вамъ противъ ломителей клятвы и гонителей православнои вѣры. Онъ, великій царь, будетъ сохраняти васъ въ своей милости и будетъ защищати и обороняти васъ всѣхъ отъ всякого врага и супостата".

Того самого дня въ мѣстнои церкви гетманъ Хмѣльницкій, старшины и все козаческое войско присягли передъ св. Евангеліемъ на вѣрность царю. Царскіи послы именемъ царя присягли, что царь будетъ мати всю Малую Русь подъ своимъ покровительствомъ и сохранитъ всѣ ея права. Потомъ Хмѣльницкій сложилъ присягу яко гетманъ, а послы вручили ему царскіи дары: гетманскую хоругов, булаву и шапку.

Царскіи послы порозсылали по всѣхъ мѣстахъ урядниковъ, передъ которыми народъ съ найбольшою радостію присягалъ на вѣрность царю. Самыи послы поѣхали въ ,,мать городовъ русскихъ", въ Кіевъ. Тутъ при золотыхъ вэротахъ виталъ ихъ митрополитъ Сильвестеръ Коссовъ и все духовенство. Восторгъ народа не дался описати. А не только въ Кіевѣ, но по всѣхъ церквяхъ служились благодарственныи молебны, се бо кончился часъ неволи и недоли, лопнули оковы, настала весна свободы. Та не для всѣхъ русскихъ земель, бо Волынь, Галичина и Подолье все еще остали подъ польскимъ игомъ. Ляхи весною 1654 р. изъ мести кинулися на Подолье и стали безпощадно мордовати православныхъ. Снищили мѣсто Немировъ, и не оставили тамъ въ живыхъ ни однои души. Въ Мишуровцѣ на самъ Великдень вырѣзали пять тысячъ народа. Правда, что такъ народъ, якъ козаки отплачевалися ляхамъ тѣмъ самымъ. Но наразъ Польша присмирѣла; великій русскій православный царь выповѣлъ ей войну. О сколько въ войнѣ той брали участь Хмѣльницкій и козаки, о томъ будемъ читати въ дальшемъ оповѣданію. Теперь съ благодарностію ко Господу и Утвердителю судебъ нашихъ еще разъ подносимъ, что:

Отъ теперь вся, такъ званная Украина, по Подолье, Галичину и Волынь была подъ властью и опекою русского православного царя, яко Богомъ избранного владѣтеля всеи Руси.

. . . . . .

За что боролся русскій народъ? За что проливалъ онъ свою кровь? За что ишолъ на муки? За вѣру. А якажь была та вѣра? То была православная вѣра. Знайможь цѣну и достоинство тои вѣры. Еще разъ сгадаймо на сотки тысячей тѣхъ, которыи поклали за ню свое житье, на гетмановъ, которыхъ четвертовали, живцемъ пекли, на малыи дѣти, которыхъ въ котлахъ варили, на жены, которымъ груди обтинали, на тѣхъ всѣхъ, которыи гинули на колахъ, въ огнѣ и другихъ мукахъ. И еще разъ помнѣтъ, что они всѣ гибли за православную вѣру.

Кто былъ мучителемъ, катомъ русского народа? Ляхи католики. Кто благословилъ ихъ на то, абы они рѣзали и мучили православныхъ? Римскій ихъ папежь и іезуиты. Кто накинулъ проклятую унію? Ляхи, Римъ и іезуиты. Чи народъ хотѣлъ тои уніи? Николи! Народъ боролся противъ уніи и всегда домагался еи устраненія. **Народъ не хотѣлъ еретическои уніи**, а хотѣлъ всегда остати православнымъ. А теперь прошу я васъ: которая есть вѣра предковъ нашихъ, чи унія, чи православная вѣра, за которую десятками лѣтъ боролося козачество и весь народъ?

Вѣра предковъ нашихъ—то св. Православіе. Кто отступилъ отъ тои вѣры? Уніаты! А также тѣ, которыи приняли латинство!

Если же теперь почуете, якъ католики чи тамъ уніаты, кажутъ, что унія, то вѣра предковъ нашихъ, то сгадайте на всѣ кровавыи войны, на всѣ терпѣнія русского народа. И благодарите Господа, что стоите твердо при св. православной вѣрѣ, что на васъ не падаетъ клятва, яка падаетъ на уніатовъ за всѣ страданія, за всю пролитую кровь, за миліоны убитыхъ мучениковъ за св. Православіе.

Теперь розумѣйте и поучѣтъ другихъ, где правда, кто вѣрный сынъ правдивои вѣры и Церкви, а кто сынъ здрады и кто отступникъ. Намъ самъ Христосъ далъ православную вѣру; отступникамъ іезуиты накинули унію; мы съ Христомъ, они съ діаволомъ. Такъ молимся мы Богу, чтобы кровь пролитая прадѣдами нашими и для нихъ не остала безъ корысти, нехай прозрятъ, отрекутся глебы, и нехай будутъ съ нами въ единствѣ, тои единоспасительнои, православнои вѣры!

Гетманъ Богданъ Зиновій Хмѣльницкій остался до смерти вѣрный русскому царю. Разомъ съ царскими войсками воевалъ онъ и дальше съ ляхами. Но Господь Богъ дня 22 іюля 1657 р. покликалъ душу его до себе. Умеръ найбольшій сынъ св. Руси, освободитель русского, православного народа. Его найбольшая заслуга то, что соединилъ Украину съ державною Русью. Тѣло гетмана похоронено въ его селѣ, въ Суботовѣ, въ церкви, якую онъ самъ создалъ. Въ часѣ похороновъ отъ плачу козацкого не чути было голоса звоновъ. Доколь солнцу сіяти, доколь земли стояти, дотоль память гетмана Хмѣльницкого свята будетъ для православного русского народа.

Мы повернемъ на своемъ мѣстѣ до дальшои дѣятельности славного гетмана отъ Переяславскои рады, ажь до его смерти. Ведля всякого правдоподобія ляхи отроили гетмана. Видно, что и на то благословилъ ихъ папежъ, и убійцѣ обѣщалъ католицкое небо. Наши, такъ званы „уніаты“ величаютъ Хмѣльницкого народнымъ героемъ. Забываютъ только сказати народу, что онъ былъ православный и что боролся за православную вѣру, а больше всего ненавидѣлъ унію!

ЧАСТЬ VI.

ДЕРЖАВНАЯ РУСЬ.

Цари изъ дома Романовыхъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ

(отъ 1613 до 1645 р.).

Русскимъ первымъ царемъ изъ рода Романовыхъ, былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Онъ вступилъ на престолъ въ 17 року житья. Россія была опустошена долгими, домовыми войнами. Шведы и поляки пустошили державу. Многіи разбойничіи ватаги грабили поодинокіи области. Державная казна (касса) была порожна. Однако подъ мудрымъ правленіемъ царя Михаила русская держава скоро поднеслася и укрѣпила.

Коли дня 21 февраля 1613 р. Земскій Соборъ возвелъ на престолъ молодого Михаила Ѳеодоровича (сына митрополита Филарета, который само тогда мучился въ Польшѣ въ вязницѣ), тогда молодый избранный царь жилъ съ Матерью своею, Марѳою, въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ Костромѣ. Коли же туда прибыли высланы изъ Москвы

послы, то молодый Михаилъ и его мати даже не хотѣла чути о томъ, чтобы Михаилъ малъ засѣсти на царскомъ престолѣ. Россія была тогда безсильная, розграблена, залита шайками злодѣевъ, угнетаема ляхами, которыи держалися самозванца. Михаилъ былъ молодый вѣкомъ; отецъ его былъ въ польской неволѣ, а что польскій королевичъ Владиславъ приписовалъ себѣ право до русского царского престола, то ляхи могли изъ мести убити отца Михаила, митрополита Филарета. Онъ же былъ въ ихъ рукахъ, еще и узникомъ. Но моленіе всего народа перемогло и Михаилъ вѣнчался (11 іюня 1613 р.) на самодержавного царя всеи Руси.

Коли польскіи розбишацкіи ватаги довѣдалися, что Соборъ избралъ Михаила на царство, тогда задумали поймати его передъ выѣздомъ его до Москвы и убити. Но никто не зналъ точно, где живетъ Михаилъ; извѣстно было только, что живетъ онъ около Костромы. Ляхи стали всюда глядати и зашли въ село Домнино, около Костромы. Тутъ схватили они одного селянина, Ивана Сусанина, который зналъ, где живетъ новоизбраный царь. Ляхи мучили его самымъ звѣрскимъ способомъ, однако Сусанинъ поклалъ жизнь за царя, а не здрадилъ тайны. Вотъ примѣръ правдивои, геройскои любви отечества.

Тяжкіи были первыи початки царствованія. Шведы заняли Новгородъ и его область. Королевичъ Владиславъ голосилъ, что престолъ ему належится. Атамамъ Заруцкій оженился съ Мариною, вдовою по двохъ самозванцахъ, и съ нею и еи сыномъ пошолъ на Астрахань, где голосилъ себе также самозванно царемъ. До того разбойничіи банды пустошили всю землю. Однако народъ стоялъ при царѣ, охотно давалъ остатки маетковъ, чтобы водворити миръ въ государствѣ. Заруцкого схватили царскіи войска, его и сына Марины казнили, а Марина померла въ вязницѣ. Началася война съ Шведами, которымъ предводилъ ихъ король, Густавъ-Адольфъ. Война для русскихъ не была счастлива, одно только мѣсто Псковъ оперлося шведамъ. Королевичъ Владиславъ съ гетманомъ Ходкѣвичомъ пришолъ подъ Москву, но тутъ не могъ ничего сдѣлати. Всеже таки пришлося царю дѣлати врагамъ уступства, чтобы хотя на часъ мати спокой для внутренняго устройства державы.

Въ 1617 р. царь Михаилъ заключилъ съ Шведами въ Столбовѣ миръ и уплатилъ имъ 20 тысячъ рублей. Шведы отдали Новгородъ, зато мѣсто Иванъ-городъ, Яма, Копорье, Орѣшекъ остали при нихъ. А снова въ 1618 р. въ Деулинѣ заключилъ царь съ поляками миръ на 14

лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Смоленскъ осталъ при Польшѣ. Обѣ стороны освободили плѣнниковъ. Также и отецъ царя, митрополитъ Филаретъ, по долгой, ляшской неволѣ вернулъ въ Москву. Тутъ былъ онъ поставленъ патріархомъ всеи Руси.

Трогательное было стрѣтеніе отца съ сыномъ. Одинъ поклонился другому въ ноги; сынъ въ митрополитѣ-страдальцѣ почтилъ отца, отецъ почтилъ въ сынѣ царское достоинство. Патріархъ Филаретъ былъ первымъ совѣтникомъ царя, обоихъ ихъ одинаково звали „великими государями“. Оба они занялися внутренними порядками державы, старалися поднести торговлю и промыслъ, основали много новыхъ фабрикъ (заводовъ). Русская держава стала быстро процвѣтати.

Въ 1632 р. по окончанію деулинского мира царь выповѣлъ Польшѣ войну. Русскіи войска сдобыли 23 мѣстъ и облягли Смоленскъ. Однако Владиславъ, который уже былъ тогда королемъ Польши, притиснулъ подъ Смоленскомъ русскіи войска такъ, что они поддалися ему и выдали все оружіе. За то въ дальшей войнѣ Владиславу не счастилося. Онъ заключилъ въ Поляновѣ вѣчный миръ съ царемъ. Все-же таки Смоленскъ и другіи русскіи мѣста остали при Польши.

Но отъ теперъ началось для Россіи время розвитія. Царь Михаилъ завязалъ дружескіи сношенія съ королемъ шведскимъ, съ датскимъ и французскимъ. Донскіи и запорожскіи козаки изъ своеи охоты заняли (1637 р.) турецкую крѣпость Азовъ, выдержали въ ней облогу 200 тысячного турецкого войска, а потомъ, коли царь, не хотячи войны съ турками, приказалъ козакамъ уступати изъ Азова, то козаки уступили, но сбурили крѣпость такъ, что камень не осталъ на камени.

Царь Михаилъ обновилъ стѣны Кремля въ Москвѣ, воздвигъ Казанскій и Смоленскій соборы и много другихъ церквей, монастырей и палатъ. Для Россіи и Москвы былъ онъ якобы вторымъ основателемъ. За-

сталъ все въ руинахъ, а оставилъ въ розцвѣтѣ. Царь Михаилъ упокоился въ Бозѣ дня 12 іюня 1645 р. На престолѣ засѣлъ 16-лѣтній его сынъ, Алексѣй Михайловичъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ

(отъ 1645 до 1676 р.).

Имя царя Алексѣя Михайловича славить ся въ русской исторіи тѣмъ, что онъ присоединилъ къ русскому государству часть тѣхъ русскихъ земель, которыи были подъ ляшскимъ пановаиьємъ. Царь Алексѣй былъ дуже умный и справедливый. Онъ велѣлъ издати книгу, которая мѣстила исправленныи державныи законы. Книга та звалася ,,Соборное Уложеніе".

Одинъ нѣмецкій историкъ пишетъ о томъ царю такъ: ,,Былъ то такій царь, якого желаютъ всѣ христіянскіи народы, но мало который мае такого". Другій же, англійскій историкъ, писалъ, что царь Алексѣй можетъ стати въ рядѣ съ найлучшими и наймудрѣйшими владѣтелями свѣта. Русскій народъ звалъ его ,,тишайшимъ и ласкавымъ" государемъ. Былъ онъ чрезвычайно набожный, каждого дня уже о 4 год. рано читалъ утренную молитву, ишолъ съ царицею въ церковь, не опускалъ ниякого Богослуженія, держалъ строго посты, въ великомъ постѣ три дни въ недѣли ничего не ѣлъ, а въ другіи дни того поста ѣлъ только хлѣбъ, огурцы и грибы. Добросердечность его для бѣдныхъ была извѣстна. ,,На то Богъ насъ поставилъ, чтобы помогати безпомощнымъ", такъ говорилъ онъ. Въ праздники бѣдныхъ звалъ на обѣды, посѣщалъ вязницы, прощалъ виновныхъ. Но при томъ былъ онъ дуже справедливый и хранилъ законы. Для добрыхъ добрый, для враговъ отечества не зналъ пощады.

Дворъ того царя отличался величавостію. Иностранныи лѣтописцы пишутъ, что ,,дворъ царя Алексѣя такъ красивый и держится въ такомъ порядкѣ, что тяжко найти въ Европѣ якого владѣтеля, чтобы ему доровналъ". Самъ человѣкъ ученый, спроважалъ онъ цѣнныи греческіи книги и греческихъ ученыхъ. Изъ Кіевскои академіи спровадилъ онъ въ Москву мудрыхъ предподавателей, якъ Епифанія Сла-

веницкого, Симеона Полоцкого и другихъ. Полоцкій былъ учителемъ царскихъ дѣтей и основалъ школу, где учили по латинѣ. Основалъ царь также школу для перевода книгъ изъ греческого на русскій языкъ. Туть русскіи учился греческого языка.

Царь старался вводити добрыи западныи звычаи. За него былъ уже и театръ, на которомъ представляли образы изъ библійнои исторіи. Число печатанныхъ книгъ умножилося, а между ними были сочиненія, писаны самымъ царемъ.

Патріархомъ всеи Руси за царя Алексѣя избрано новгородского патріарха Никона. Онъ приказалъ поправити церковныи книги, въ которыи черезъ переписованье вкралися многіи ошибки. Противъ того возстали многіи немудрыи люди и противилися введенію исправленныхъ книгъ. Упорныхъ тихъ людей звали „раскольниками“, бо они своимъ непослухомъ внесли раздоръ (расколъ) въ св. Церковь.

Патріархъ Никонъ былъ человѣкъ ученый, однако за дуже увѣренный въ себѣ. Уже патріархъ Филаретъ и его наслѣдникъ Іосифъ, начали дѣло исправленія книгъ. Никонъ то дѣло окончилъ и утвердиль на церковномъ соборѣ въ 1654 р. Темняки изъ духовенства и ихъ прихильники выступили остро противъ мудрого рѣшенія собора и завели расколъ. Патріархъ Никонъ сталъ дуже строго карати упорствующихъ, чѣмъ наразилъ себѣ справедливого, но умѣркованного царя. Тогда патріархъ явно сталъ выступати противъ царя и злоупотребляти своеи власти. Наконецъ оставилъ патріаршій престолъ и осѣлъ въ монастырѣ, о чемъ даже не повѣдомилъ царя. Дошло до того, что до Москвы пріѣхали Александрійскій и Антіохійскій патріархи и на духовномъ соборѣ (1666 р.) устранили Никона съ патріаршого престола. Соборъ однако вполнѣ утвердилъ исправленныи при Никонѣ Богослужебныи книги. Мы уже знаемъ о томъ, якъ искренно заступался царь Алексѣй за православными, которыи такъ тяжко страдали въ ляшской державѣ.

Въ 1654 р. началъ царь Алексѣй войну съ Польшею. Онъ хотѣлъ покарати ляховъ за то, что они угнетали православную вѣру. Русскій воевода, князь Черкасскій розбилъ войска литовского гетмана Радзивила. Самъ

царь осаждалъ Смоленскъ и сдобылъ то мѣсто. Также Вильно, Ковно, Гродно и другіи литовскіи мѣста признали надъ собою власть русского царя. Въ 1655 р. въѣхалъ царь торжественно въ столицу Литвы, Вильно, и оголосилъ себе Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Пришла на ляховъ чорная година. Съ однои стороны русскіи войска, съ другои шведы, а съ третіей Хмѣльницкій. Ляхи не знали, якъ боронитися. Часть войска съ татарами, съ которыми заключили договоръ, выслали ляхи на Украину, и стали тутъ мордовати православныхъ. Въ мѣсточку Буша жители сами подпалили свои домы, чтобы ничего не досталося ляхамъ. Православныи убивали одинъ другого, абы не попасти въ ляшскіи руки. Жена одного сотника сѣла на бочку пороху, подложила огонь и вылетѣла въ воздухъ. Лучше такая смерть, якъ ганьба между ляхами. Подъ Уманемъ полковникъ Богунь сильно перерѣзалъ ляховъ, всеже таки не сломилъ ихъ цѣлкомъ.

Гетманъ Хмѣльницкій повелъ войско въ Галичину и облягъ Львовъ. Ляхи хотѣли его притягнути на свою сторону. Самъ король писалъ до него, и обѣцалъ ему свою ласку, если гетманъ перейдетъ назадъ до поляковъ. Хмѣльницкій сказалъ, что уже за поздно. Львовъ сложилъ окупъ и гетманъ вернулъ на Украину.

Однако на якій то часъ заключилъ царь съ ляхами миръ, бо мусѣлъ начати войну съ шведами. Ляхи обязалися по смерти Яна Казиміра выбрати царя своимъ королемъ. Ляхи все однако думали позыскати для себе Хмѣльницкого и король все писалъ до него письма. Но гетманъ отвѣтилъ коротко: „Я уже надъ гробомъ и передъ смертію не прогнѣваю Бога нарушеніемъ присяги. Разъ присягнулъ я царю вѣрностъ и додержу ю до остатнои хвили.“

По смерти Хмѣльницкого завелися между козаками великіи безпорядки. Старшины завидували одни другимъ. Гетманы змѣнялися, нѣкоторыи тягнули до Польши. Но народъ держался вѣрно русского царя и здрадниковъ каралъ.

Вправдѣ предвчасно померъ гетманъ Хмѣльницкій. Сынъ его, Юрій, за молодый былъ на гетмана. Козаки выбрали Выговского, а тотъ показался сторонникомъ ляховъ. Въ 1858 р. онъ майже потаенно заключилъ съ ляхами въ Гадячѣ договоръ. Ляхи, притиснены на всѣ стороны, обѣщали козакамъ золотыи горы. Выговскій началъ съ татарами войну противъ Великои Руси, но сами козаки порубали въ кусни его сторонниковъ, а онъ самъ мусѣлъ утекати. Тогда гетманомъ выбрали Юрія Хмѣльницкого, сына Богдана. Та и тотъ дался перетягнути ляхамъ, но познавши свой блудъ, сложилъ гатманство и постригся въ монахи. На Украинѣ между козацкими старшинами вытворилися двѣ партіи, одна тягнула за ляхами (а робила то за ляшскіи гроши), другая вѣрна была царю.

Война русского царя съ Польшею обновилася, но теперь черезъ здрады козацкихъ старшинъ не была она для русскихъ войскъ счастлива. Гетманъ Брюховецкій, который вѣрно стояль при русскомъ царю, оборонилъ передъ ляхами мѣсто Глуховъ. Ляхи при осадѣ того мѣста понесли дуже великіи страты. Правобережная часть Украины (по правой сторонѣ Днѣпра) выбрали себѣ гетманомъ Петра Дорошенка. Тотъ держалъ якій-то часъ съ ляхами, а потомъ обернулся противъ нихъ. Тогда ляхи стали просити царя Алексѣя о миръ. Въ Андрусовѣ (1667 р.) заключилъ царь съ Польшею договоръ на 13½ лѣтъ. Украину подѣлено на двѣ части. Часть по лѣвой сторонѣ Днѣпра належала до Россіи. Часть по правой сторонѣ призналъ царь Польшѣ. Только мѣсто Кіевъ, хотя по правой сторонѣ Днѣпра, належало также до Великои Руси.

По заключенію сего мира на Украинѣ пришло до найбольшого безобразія. Наразъ было по трехъ гетмановъ. Дорошенко видѣлъ, что съ ляхами не сдѣлаетъ ничего, а что правда, то до русского царя относился онъ дуже нещиро. Хотя видѣлъ, что царь только черезъ непостоянность козацкихъ старшихъ мусѣлъ согласитися на андрусовскій миръ, то все таки винилъ Великую Русь, что та мало дбаетъ о козацкіи земли. На остатокъ онъ оддался подъ власть турецкого султана. Турки сейчасъ въ 300 тысячъ войска напали на Подолье,

сдобыли крѣпостъ Каменецъ, всѣ церкви замѣнили въ свои божни и стали рѣзати несчастный народъ. Ляхи знали, что турки пойдутъ на нихъ, потому заключили съ ними миръ въ Бучачѣ, отступили имъ Подолье и Украину, еще заплатили имъ великій окупъ. Правая сторона Украины опустѣла, народъ або утекалъ на русскую сторону або ишолъ въ турецкій ясырь. Наконецъ гетманъ лѣвобережной части, Самойловичъ съ козаками и царскимъ войскомъ выступилъ противъ Дорошенка. Всѣ козаки и народъ, обурены на Дорошенка, пристали до Самойловича и оголосили его гетманомъ цѣлои Украины. Дорошенко сложилъ гетманство, присягъ на вѣрность царю и выѣхалъ до Москвы. Тутъ простили ему все, надѣлили маеткомъ, и такъ жилъ онъ тамъ спокойно ажъ до смерти.

Такъ то сами гетманы опустошили правый бокъ Украины. Позднѣйше, за царя Ѳеодора Алексѣевича, Великая Русь заключила съ турками (1681 р.) миръ на 20 лѣтъ. Лѣвобережная Украина остала при царю, а правобережная опустошѣла, и была якобы границею между великорусскими землями, а турками. Такъ то сами козацкіи старшины обернули въ ничто найлучшіи планы царя Алексѣя. Была то дуже нечестная отплата. Много виноваты тутъ ляхи, что всегда мутили воду, по славныхъ часахъ Хмѣльницкого, дальша робота козацескихъ старшинъ, ихъ вѣчныи здрады пятномъ пали на исторію козацескихъ земель. Справедливо сказати, то народъ все оставалъ вѣрный присягѣ, якою клялся на вѣрностъ русскому царю. Ганьба падетъ только на честолюбивыхъ старшинъ.

Царь Алексѣй скончался дня 29 мая 1676 р. По первой женѣ остался по немь два сыны: Ѳеодоръ и Іоаннъ, и нѣсколько дочерей. По другой женѣ остался сынъ Петръ. На престолѣ засѣлъ найстаршій Ѳеодоръ. Онъ царствовалъ всего 6 лѣтъ. За него заключенъ былъ договоръ съ турками. Запорожье и лѣвобережная Украина остали при Россіи. Правобережная сторона, сосѣмъ опустѣлая, признана была туркамъ. Ляхи уже были за слабы, чтобы тому противитися. Царь Ѳеодоръ скончался 1682 р.

Русская Церковь.

Въ смутныхъ часахъ борбы, якую православная церковь вела противъ римского лже ученія, насильно накидованного іезуитами русскому въ предѣлахъ Польши живущему народу, одною изъ найбольшихъ отрадъ было то, что духовенсиво неустрашимо держало съ народомъ и достойно берегло святости православія. Оно знало, что помощь можетъ придти только отъ Великои Руси, которая основаніе свое и силу крѣпила въ непорочности св. вѣры.

Уже митрополитъ Іовъ Борецкій обращается до Москвыи проситъ о защиту противъ злобныхъ коварствъ іезуитовъ. Коли Хмѣльницкій по первый разъ облягалъ Львовъ, то православный владыка, Арсеній Желиборскій, всѣми силами старался о то, чтобы Львовъ разъ уже скинулъ съ себе ляшское ярмо. Знаемъ что Хмѣльницкій еще передъ початкомъ всенародного возстанія обращался до православного духовенства, бо зналъ, что найдетъ тамъ помощь и полное довѣріе. Митрополитъ Іосифъ изъ Коринеа съ крестомъ въ рукѣ стаетъ передъ козаческими полками и умираетъ подъ Берестечкомъ. А такихъ примѣровъ были цѣлыи сотни. Впрочемъ само то, что народъ съ нечуваннымъ геройствомъ и посвященіемъ ишолъ на бой за св. вѣру, естъ доказомъ, что духовенство въ найтяжшихъ для себе минутахъ найревнѣйше трудилося надъ народомъ и утвердило его въ вѣрѣ и въ жаждѣ страдати за ту вѣру.

Въ Москвѣ уже отъ временъ патріарха Филарета, а найживѣйше по исправленію книгъ патріархомъ Никономъ начинается смутный для св. Церкви расколъ. Уже въ дѣяніяхъ московского и царгородского соборовъ о учрежденіи патріархата въ Москвѣ было сказано, что ,,справедливость наказуетъ исправляти всякую новизну въ церковныхъ уставахъ, бо новизни бываютъ причиною смятенія и роздѣленія въ Церкви". Но духъ темноты и невѣжества сдѣлалъ свое; между народъ кинено сплетни, что черезъ исправленіе книгъ погибло на землѣ благочестіе, что въ новоисправленныхъ книгахъ мѣстится ересь и т. д. Расколъ сталъ ширитися во многихъ монастыряхъ. Соловецкій монастырь давалъ найгоршій примѣръ; тутъ на челѣ раскола стоялъ архимандритъ Никаноръ. На его приказъ откинено въ Богослуженію молитву за царя. Священники, которыи были въ монастыри, противилися тому и вышли изъ обители, а раскольники стали жити безъ священниковъ и св Тайнъ. Дошло до того, что мірская власть облягла монастырь. Облога продолжалась цѣлыи лѣта. Коли же монастырь сдался, то и пришлося казниги многихъ раскольниковъ, а между ними и Никанора.

Расколъ сталъ съ временемъ переходити въ ересь и роспался на многіи отдѣлы. Была поповщина, и тѣ приймали якихъ нибудь священниковъ, если только они отреклися отъ ,,Никоновскои ереси". Бѣгловщина славна была тѣмъ, что новыхъ приклонниковъ раскола перекрещовала и миропомазовала миромъ, якое раскольники сами приготовляли. Стефановцы откидовали св. Причастіе, бо артосъ и священная вода то само, что св. Евхаристіе Діаконовцы откидовали св. Миропомазаніе. Безпоповцы держалися на Поморѣ и въ Сибирѣ. Они не признавали священниковъ; мірскіи люди, а даже жены могли у нихъ сповѣдати и служити. Феосѣевщина забороняла всякихъ сообщеній съ православными, откидала молитву за царя. Филиповцы радили спасатися або голодовою смертію, або черезъ киданіеся въ огонь. Нѣтовщина откидала всѣ таинства и обряды. Бѣгуны спасалися черезъ безпрестанное волокитство по лѣсахъ и пустыняхъ.

Всѣ раскольники меньше больше соглашалися въ слѣдующемъ: Богослуженіе мае совершатися ведля старыхъ книгъ. Въ Вѣрую мае читатися такъ: ,,И въ Духа святаго, Господа истиннаго и животворящаго". Аллилуіа мае спѣватися не три разы, а два съ добавкою: ,,Слава Тебѣ Боже!" Ходъ церковный мае идти съ солнцемъ а не противъ него. Креститися и благословити маеся двома пальцами. Крестъ только восьмиконечный достоинъ почитанія. Имя ,,Іисусъ" мае писатися ,,Ісусъ".

Вотъ якъ смѣшный и темный расколъ! А для того именно, и ширился онъ дуже скоро и много нанесъ вреда св. церкви.

Съ заведеніемъ уніи является цѣлый рядъ мужей, который въ печатанныхъ сочиненіяхъ выказывали всю еи неправду. Яко очевидецъ того, что было въ Берестью, Леонтій Карповичъ, воспитанникъ школы въ Острогѣ, потомъ архимандритъ монастыря св. Духа въ Вильнѣ, наконецъ епископъ владимірскій пишетъ опроверженіе на унію. На полѣ письменства щиро потрудилися: Исаія Копинскій, Лаврентій Зизаній, Кириллъ Транквиліонъ, Памва Берында, Исаія Трофимовичъ и Сильвестръ Косовъ, дальше Исаія, митрополитъ кіевскій, который между другими издалъ ,,Увѣщаніе князю Вишневецкому, отступнику православія." Много писалъ противъ уніи Захарій Копыстенскій, архимандритъ печерскій. Іоанникій Голятовскій опровергалъ всю ложь іезуитовъ. Его творы: ,,Бесѣда бѣлоцерковная", ,,Ученіе древнои церкви о происхожденію Святаго Духа" ,,Отвѣтъ россійскои Церкви латинянамъ", писаны такъ, что нынѣ могутъ служути яко взоръ умной, сильнои въ доказы полемики.

На сѣверѣ начинается въ то время доба просвѣщенія. Патріархъ Филаретъ основуетъ въ Чудовомъ монастырѣ греко-латинскую школу. За петріарха Никона ,,для ретарического ученія и перевода

греческихъ книгъ" приходятъ изъ Кіева въ Москву Арсеній Санатовскій, Епифаній Славеницкій и Дамаскинъ Птицкій. На враговъ просвѣщенія, а сѣятелей раскола, кидано прямо анаѳему, потреба науки греческого и другихъ языковъ стала общою. Православная Церковь шагомъ велита ишла впередъ, якобы въ доказъ свѣту, что ея задачею даже въ такъ тяжкихъ временахъ, якіи тогда переходила Русь, нести впередъ свѣтло трезвои, здоровои, на Христѣ и Евангелію основаннои науки.

Уніаты не уставали засыповати Русь своими письмами. Были то звычайно іезуитскіи сочиненія, переведены на испорченный, половиною русскій, а въ большости польскій языкъ. Тѣ, которыи писали, не вѣрили въ то, что писали, народъ, неграмотный даже не зналъ о истнованію тихъ писемъ; но поборники православія на каждый выступъ уніатовъ отвѣчали трезвымъ, умнымъ судомъ. И якъ ясно сіяетъ солнце, такъ ясно было всему свѣту, что правда не дется затмити лжеученіемъ іезуитовъ и ихъ уніатскихъ приклонниковъ.

Петръ Великій

(отъ 1682 до 1725 р.)

Уже за царя Алексѣя Михайловича Россія стала была идти на встрѣчу поступу, культурѣ и, что идетъ за тѣмъ, силѣ и славѣ. Насталъ теперь часъ, коли Россія мала вознестися по надъ всѣ другіи державы, часъ великого еи розвою, часъ побѣдъ и переваги надъ всѣми другими сосѣдними державами.

По смерти царя Ѳеодора Алексѣевича на престолѣ малъ засѣсти молодшій его братъ Іоаннъ. Тотъ однако былъ дуже слабого здсровья. Для того народъ избралъ на царство наймолодшого брата померпого царя, десятилѣтняго Петра. Былъ онъ сыномъ царя Алексѣя и другои его жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Съ хвилею выбора Петра на царство началася вражда между сродниками его матери, Нарышкинами, а дѣтьми по первой женѣ царя Алексѣя. Именно дочка его, Софья, выступала враждебно противъ Нарышкиныхъ. Была то жена властолюбива и умѣла себѣ еднати сторонниковъ. Она при ихъ помощи сгаралася конечно загребити власть въ свои руки, что ей на нѣсколько лѣтъ и удалося сдѣлати.

Часть войска, такъ званы стрѣлцы, поднесли бунтъ. Они домогалися, дабы оба царевичи, Іоаннъ и Петръ разомъ царствовали. И такъ сталося. А что царевичи были неполнолѣтны, то правительницею назначена была сестра ихъ, Софья.

Такъ то начался въ Россіи новыи, домовыи смуты. На счастье не держали они долго. Стрѣлецкіи полки извѣстны были изъ неспокойного духа. И теперь стали они распоряжатися своимъ судомъ. Сторонники Софьи стали роспускати клеветы, что Нарышкины убили царевича Іоанна. Стрѣльцы поднесли бунтъ. Ажъ коли наочно пересвѣдчилися, что царевичъ живетъ, и коли Софья стала правительницею, тогда успокоилися. Но родина Нарышкиныхъ страшно потерпѣла. Отца царицы Натальи насильно постригли въ монахи, а брата еи убили. Черезъ два дни стрѣльцы буйствовали въ мѣстѣ и убивали сторонниковъ царицы Натальи.

Изъ того скорыстали раскольники, бо многіи изъ стрѣльцовъ держалися того заблужденія. Они вымогли на Софьѣ, что та приказала патріарху и духовенству въ Кремлѣ росправляти съ раскольниками о томъ, по чьей сторонѣ правда. Но радость раскольниковъ была коротка; они не могли ничего говорити о вѣрѣ, такъ стали сневажати священство. Розправу отложено до другого дня, но въ ночи главныхъ винователей раскола изъ среды стрѣльцовъ словили и казнили. Скоро потомъ былъ схваченъ тайный раскольникъ, начальникъ стрѣльцовъ, князь Хованскій. Казнено его не за расколъ, а за то, что онъ поиралъ вѣчныи бунты стрѣльцовъ.

За правленія Софьи поляки отреклися разъ на всегда всякихъ правъ до Кіева. Мѣсто то ведля Андрусовского договора только на часъ мало належати до Россіи. Отъ теперь мало оно на вѣки остатися при русской державѣ. Два походы противъ крымскихъ татаръ не принесли никакои пользы для Руси.

Царь Петръ жилъ съ матерью своею, Натальею въ подмосковскомъ селѣ, Преображенскомъ. Онъ учился очень прилежно военнои штуки. Учителями его были также учены чужесторонцы. Наибольше занимала его наука о мореплаваніи, то есть о устройствѣ военныхъ и торговельныхъ кораблей. Также собралъ онъ своихъ ровесниковъ въ военный такъ званный „потѣшный полкъ“. Петръ училъ ихъ военнои штуки и самъ былъ ихъ начальникомъ.

Прямо незвычайно предпріемчивого духа былъ молодый царь. Дѣла правленія были въ рукахъ Софьи. Онъ всею душею отдался науцѣ. Учителями его были голландецъ, Францъ Тиммерманъ, шотландецъ Гордочъ, женевецъ Лефортъ и Брантъ. На Переяславскомъ озерѣ построено при его наглядѣ малый флотъ (больше кораблей) и тутъ онъ самъ управлялъ тѣмъ флотомъ. Найменьшая вещь не ушла его уваги, онъ мусѣлъ все знати и до всего самъ прикладалъ свою руку.

Въ 1689 р. царь Петръ оженился съ Евдокіею Лопухинъ. Царевна Софья хотѣла разъ на всегда стати самодержавною владѣтельницею Россіи. Но то не удалося. Стрѣльцы покорилися царю Петру и онъ самъ взялся за владѣніе. Софью заслано въ монастырь. Царь Петръ цѣлою душею отдался постройкѣ военныхъ кораблей.

Великимъ своимъ умомъ обнялъ Петръ всѣ потребы своеи державы. Зналъ онъ, что держава можетъ только тогда свою силу розвинути, коли всюда будетъ мати приступъ до моря. Флота русского не было, потому Россія была сама въ себѣ. Первыи русскіи корабли задумалъ царь Петръ завести на Бѣломъ морѣ единственнымъ приступнымъ для Россіи. Но при томъ занимался онъ усердно всѣми другими державными дѣлами, вводилъ новыи порядки въ сухопутномъ войскѣ, самъ былъ командиромъ двохъ потѣшныхъ полковъ, Преображенского и Семеновского, которыи были початкомъ основанія русскои гвардіи.

Р. 1695 началъ Петръ облогу Азова, тои самои турецкои твердыни, которую при царѣ Алексѣю сдобыли были, но и оставили козаки. Въ первомъ году Петръ не могъ сдобыти Азова, бо отъ стороны моря Турки несли ей всякую помощь. Тогда царь въ Воронежѣ побудовалъ флотилію поменьшихъ кораблей и слѣдующого года вернулъ подъ Азовъ. Конецъ былъ такій, что

Царь Петръ сдобылъ въ 1696 г. при помощи войска и новопобудованныхъ кораблей турецкую крѣпость Азовъ. Отъ теперь было для русскихъ кораблей открыто Азовское море.

Молодый царь хотѣлъ осуществити всѣ свои, смѣлыи но певныи планы. Онъ хотѣлъ утвердитися на Чорномъ морѣ, а потомъ при помощи другихъ державъ снищити врага христіанства, особенно же православія, турковъ. Онъ рѣшилъ побудовати флотъ изъ 52 кораблей. Наложено на землевладѣльцевъ особный податокъ, спроваждено корабельныхъ мастеровъ изъ другихъ державъ. Но царь хотѣлъ самъ изучити найточнѣйше искуство мореплаванія. И малъ онъ намысли поѣхати въ заходную Европу, придивитися всякимъ порядкамъ, присвоити для Россіи все, что доброе, познакомитися съ державнымъ устройствомъ посторонныхъ державъ.

Въ началѣ 1696 г. царь Петръ выѣхалъ за границу Россіи чтобы придивитися житью сосѣдныхъ народовъ. Былъ онъ въ Ливоніи и Курляндіи, потомъ черезъ полночную Нѣмеччину поѣхалъ до Голландіи. Тутъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ робилъ онъ яко звычайный роботникъ, тесля, при будовѣ кораблей. Съ топоромъ въ руцѣ трудился онъ отъ вчасного ранка до ночи, пока найточнѣйше не спозналъ, якъ треба строити корабли. Позднѣйше поѣхалъ до Англіи, и черезъ мѣсто Вѣдень вернулъ до Россіи.

Первый то разъ русскій царь, владѣтель неизмѣримыхъ земель выѣхалъ по-за предѣли своего государства, не на челѣ войска, а въ сопроводѣ нѣсколькодесяти людей, и не яко царь и владѣтель, а яко тотъ, кто глядаетъ науки и пожитку для себе и отечества. Царь избралъ 50 молодыхъ людей, чтобы они изучили мореплаваніе за границами державы. Самъ онъ ѣхалъ, яко одинъ изъ нихъ, назвавши себе Петромъ Михайловичемъ. А ними были также послы, которыи мали обновити миръ съ сосѣдними державами и подготовляти въ владѣтеляхъ союзниковъ до великои войны съ турками. На часъ своего отсутствія вызначилъ царь до правленія державного Льва Нарышкина и князей Бориса Голицына и Прозоровского. Но и изъ—заграницы онъ давалъ свои приказы и ничто не ушло его уваги. А снова за границею онъ сверталъ свою увагу на все, что только увидѣлъ. Въ Пруссіи (полночной Нѣмеччинѣ) на примѣръ зани мался пушками, ихъ отливаніемъ и употребленіемъ. Въ Кениксбергѣ поддался испыту изъ того и досталъ свидѣтельство, что „Петръ Михайловичъ основательно выучилъ употребленіе огнестрѣльного оружія и все артилерійское (пушкарское)

дѣло. Въ Голландіи въ Саардамѣ, а потомъ въ Амстердамѣ онъ робилъ якъ простый роботникъ, разомъ съ другими роботниками. Тутъ знали чужесторонцы, что робитъ сокирою якій-то „Петръ тесля“; мало кто зналъ, что тотъ тесля, то помазанникъ Божій, то царь всея Руси. Донынѣ въ Саардамѣ стоитъ тотъ домикъ, где у коваля Геритта Киста жилъ царь Петръ. Нынѣ тотъ домокъ есть у Голландцевъ народною святостію, цѣсари приходили тамъ и приходятъ дивитися на тѣ убогіи стѣны, где жилъ и простою стравою кормился великій царь Петръ. Позднѣйше робилъ онъ при будовѣ кораблей въ Англіи и тутъ учился всего, что мае связъ съ военнымъ устройствомъ кораблей. При каждой способности отвижовалъ фабрики, о все роспытовалъ, записовалъ, а ровночасно уже думалъ, чи недастся оно примѣнити и на родинѣ. Въ поворотѣ до Россіи въ Польшѣ видѣлся онъ съ королемъ Августомъ и заключилъ съ нимъ миръ противъ Швеціи. Великая мысль, поднята уже Иваномъ Грознымъ, чтобы овладѣти берегами Балтійского моря, овладѣла царемъ Петромъ. И онъ осуществилъ ю.

Во время отсутствія царя Петра стрѣльцы подняли въ Москвѣ бунтъ. Сторонники царевны Софьи голосили всюда, что царь уже не вернетъ. Еще передъ поворотомъ царя Петра бунтъ тотъ усмирено. Многихъ ворохобниковъ казнено. По поворотѣ царь приказалъ укарати всѣхъ, которыи бунтовалися, а всѣхъ стрѣльцовъ розмѣщено въ тѣхъ мѣстахъ, которыи были далеко отъ Москвы.

Царь приказалъ Софью взяти въ монастырь подъ стражу. А что жена его также противилася всему, что царь по примѣру Европы хотѣлъ завести для блага Россіи, то царь розвелся съ нею и она была пострижена въ монахини. Теперь сталъ царь вводити новыи порядки. Всѣмъ, кромѣ священниковъ и крестянъ, приказано было носити короткіи убраньа, а не долгіи свиты. Также приказано было голити бороды, а кто не хотѣлъ голити, тотъ мусѣлъ платити за то податокъ. Въ 1699 г. приказалъ царь вмѣсто церковного года, который начинался 1 сентября, ввести годъ гражданскій, который начинался 1-го января.

Въ 1700 г. царь Петръ заключилъ миръ съ Турціею и началъ войну съ Швеціею. Война та продолжалась 21 лѣтъ. Русскіи войска вошли въ Ливонію и облягли мѣ-

сто Нарву. Шведскій король, Карлъ XII пришолъ мѣсту на помощь. Русскіи войска не выдержали его напора. Карлъ побѣдилъ. Все же таки русскіи войска съ оружіемъ и знаменами отступили отъ облоги Нарвы. Зато слѣдующого року (1701) русскіи войска заняли майже всю Ливонію.

Нѣтъ дива, что подъ Нарвою русскіи не выдержали напада со стороны шведовъ. Карлъ XII славился однимъ изъ найлучшихъ полководцевъ своего времени. Его войско было заправлено до войны. У русскихъ старшины и главнокомандующій были нѣмцы, и они въ битвѣ всѣ здрадили и отдалися въ плѣнь. За то русскіи полки, Семеновскій и Преображенскій, держалися, якъ не можно лучше. Царь Петръ совсѣмъ не упалъ духомъ, коли довѣдался о пораженію нашихъ:,,Господинове шведы, може, еще неразъ перемогутъ насъ, но все таки и мы научилися отъ нихъ самыхъ, якъ ихъ побѣдити". А коли въ годъ потомъ рознеслася первая вѣдомость о русскихъ побѣдахъ надъ шведами, тогда царь Петръ сказалъ такъ: ,,Слава Богу, теперь и мы можемъ бити шведовъ".

Въ 1702 г. царь Петръ занялъ отъ шведовъ мѣсто Орѣшокъ. Онъ переименовалъ то мѣсто на ,,Шлисельбургъ" (Ключъ города), на знакъ, что теперъ малъ открытую дорогу рѣкою Невою до Балтійского моря. Скоро потомъ при устью Невы до моря отнесъ царь первую морскую побѣду надъ шведами. По ней при устью Невы положилъ царь краеугольный камень подъ основанье мѣста Петербургъ.

Было то 16 мая 1703 г. На Невскомъ островѣ Люстъ-Эйландъ царь власною рукою вытялъ березу, выдѣлалъ изъ неи крестъ, водрузилъ его въ землю и сказалъ: ,,Тутъ будетъ крѣпость, церковь святыхъ Апостоловъ Петра и Павла". И такъ то царь во тмѣ лѣсовъ и въ тони блатъ воздвигъ свой чудный ,,Петроградъ", будущую столицу его державы. Тутъ то онъ ,,въ Европу прорубилъ окно, ногою твердою сталъ при морѣ". А слава русского оружія росла все больше; въ 1704 р. Дерптъ, Нарва, Иванъ-Городъ были уже въ нашихъ рукахъ, а въ годъ позднѣйше царь занялъ Курляндію и Литву съ Вильномъ. Пришлося сдавити домашніи бунты, поднятыи на нижней Волгѣ и на

Дону, но то было найлетче. Передъ Россіею былъ теперь найважнѣйшій подвигъ, еи предстояла рѣшительная росправа съ шведами, борьба, которая мала рѣшити о будущей силѣ русскои державы.

Карлъ XII занялъ майже цѣлую Польшу. За его подмовою шляхта скинула съ престола короля Августа, а королемъ выбрала Станислава Лещинского. Петръ рѣшился помагати скиненому Августу, который былъ также королемъ Саксоніи, но тотъ присталъ на постыдній для себе миръ съ Карломъ. Теперь Карлъ свернулъ всѣ свои силы противъ Петра и гордо говорилъ, что онъ заключитъ съ Петромъ миръ только тогда, коли розобьетъ всѣ русскіи войска и завладѣетъ Москвою.

Война съ шведами закипѣла на ново. Карль, король шведовъ, хотѣлъ заняти всю Русь. Онъ вступилъ съ своимъ войскомъ на Украину. Тутъ соединился съ нимъ здрадникъ, гетманъ козацкій Иванъ Мазепа, съ 20 тысячами козаковъ. Дня 27 іюня 1709 г. пришло до великои битвы подъ Полтавою. Кровавая битва кончилася славною побѣдою русскихъ войскъ надъ шведами. Русскими войсками комамдировалъ самъ царь. Шведы были на-голову побиты. Король Карлъ и Мазепа-измѣнникъ утекли въ турецкую землю. Память здрадника Руси, Іуды Мазепы есть и будетъ вовѣкъ проклятая по всей Руси.

Мазепа подступомъ и здрадою сталъ гетманомъ козацкого войска. Онъ присягъ на вѣрность царю и умѣлъ такъ притворятися, что царь малъ его за найвѣрнѣйшого слугу. Потаенно однако сносился онъ съ ляхами и шведами. Они обѣщалй ему, что сдѣлаютъ его независимымъ княземъ Украины, если онъ здрадитъ царя. Мазепа согласился на то. Полковники Кочубей и Искра предостерегали царя передъ Мазепою, но тотъ обвинилъ ихъ о клевету и видалъ Мазепѣ, который ихъ казнилъ. Но здрада стала таки явною. Большость козацкого войска и народъ не хотѣли чути о Мазепѣ. Въ Глуховѣ собралася козаческая рада, и оголосила Мазепу здрадникомъ. Гетманомь выбрано Ивана Скоропадского. Въ церкви кинено клятву (анаѳему) на здрадника, палачъ на мотузѣ вытягнулъ изъ церкви его портретъ (образъ съ его подобіемъ) и повѣсилъ на висѣлицѣ. Отъ того часу по всей русской землѣ въ Недѣлю Православія повторяется анаѳема на падлеца, который здрадилъ св. Русь и разомъ съ отвѣчными еи врагами ишолъ на ню войною.

Подъ Полтавою станули оба войска противъ себе. Минута была найважнѣйшая; отъ неи зависѣла судьба Россіи. Царь зналъ, что за Карломъ стоятъ досвѣдченное въ сотныхъ бояхъ войско. Пришолъ день 27 іюня. Съ первою зарею царь уставилъ свои полки въ боевый порядокъ. Всѣмъ отчитано краткій царскій приказъ: ,,Воины! Пришолъ часъ рѣшить судьбу отечества. Не думайте, что боретеся за Петра, но за государство, Петру повѣренное, за отечество, за православную вѣру и Церковь. А о Петрѣ знайте, что ему жизнь не дорога, чтобы только Россія жила въ славѣ и благочестію.'' Потомъ царь объѣхалъ полки, заохотилъ до бою, а войска приняли его радостными воскликами: ,,Ура!'' Начался бой. Царь былъ всюда тамъ, где былъ найбольшій огонь. А и Карлъ, хотя раненый въ ногу, казалъ себе вести на поле битвы въ колискѣ, причѣпленной между двома конями. Одна шведская куля ударила царя Петра въ самую грудь, но отбилася отъ золотого креста. Такъ то самъ Господь Богъ пособлялъ помазанника своего, русского, православного царя.

Русскіи войска кидалися громомъ на враговъ. Семь годинъ тревала борба и вотъ шведы пустились въ бѣгство, а за ними и козаки—измѣнники, которыи держалися здрадника — Мазепы. Десять тысячъ шведовъ лягло трупомъ, множество пошло въ плѣнь, между ними чи не всѣ генералы.

По битвѣ русскіи припали на колѣна и отслужили благодарственный молебенъ. Царь объѣзжалъ войско и дяковалъ за усердіе и храбрость. Потомъ былъ обѣдъ, на который царь призвалъ также плѣненныхъ шведскихъ генераловъ. Въ часѣ обѣда царь пилъ на здоровье своихъ учителей. ,,Кто тѣ учители''? пытали шведы. ,,Вы сами!'' отповѣлъ имъ царь. Исполнилися его вѣщіи слова, что Русь отъ шведовъ научится, якъ бити ихъ.

Швеція по Полгавской битвѣ ослабла совсѣмъ, всѣ еи противники возстали противъ неи. На Балтійскомъ побережью поддалися Петру мѣста: Рига, Динаминдъ, Перновъ, Ревель, Выборгъ и Кексгольмъ.

Шведскій король, Карлъ XII, подговорилъ турецкого султана до войны съ Россіею. Война та закончилася договоромъ при рѣкѣ Прутъ. Царь Петръ отступилъ Туркамъ назадъ Азовъ и позволилъ королю Карлу вернути черезъ Россію до Швеціи. Война съ Швеціею при берегахъ Финского залива продолжалась дальше. Но такъ на сухопутью, якъ и на морѣ царь былъ всегда побѣ-

дителемъ. Наконецъ шведы мусѣли просити о миръ. Въ Ништадтѣ 1721 г. царь помиловалъ шведовъ и согласился на миръ. Лифляндія Эстляндія, Ингрія, Карелія и Выборгъ остали при Россіи. Вдячний народъ просилъ царя, чтобы онъ принялъ названіе: ,,Великій, Всероссійскій Императоръ и отецъ отечества".

Въ сто солнцахъ славы засіяла Россія. Въѣзжаетъ царь-побѣдитель въ новую свою столицу, Петербургъ и голоситъ ликующему народу: ,,миръ, братцы миръ!" А по молебнѣ сказалъ такъ до народа: ,,Здраствуйте и благодарите Бога, что Онъ прекратилъ такъ долгую, 21-лѣтную войну и подалъ намъ миръ". И все благодарилъ царь Господа и въ смиренію своемъ забывалъ о своихъ заслугахъ, бо не себе онъ глядѣлъ, а глядѣлъ добра святои Руси.

Послѣдняя его война была съ Персами, а заключилася она миромъ, при чемъ Россія достала мѣста Дербентъ и Баку при Каспійскомъ морѣ.

Царь Петръ перенесъ столицу державы изъ Москвы до Петербурга. Тутъ переселилося много народа со всѣхъ сторонъ Россіи. Царь прiукрасилъ то мѣсто величавыми церквями и другими будовлями. Въ цѣлой державѣ завелъ онъ новыи полезныи порядки, именно уряды и школы. Онъ старался о основанію фабрикъ. Также облегчилъ онъ положеніе крестьянъ. Россія за царя Петра стала первѣйшою и.ъ всѣхъ державъ.

Мы уже знаемъ, что народъ назвалъ царя ,,Великимъ". Но также назвалъ его ,,отцемъ отечества". И николи, голосъ народа не выдалъ такъ правдивого суда, якъ тогда, коли назвалъ отцемъ того царя, который отцовскимъ сердцемъ обнялъ всѣ сословія русскои жизни. Россію подѣлилъ онъ на 12 губерній, которыи снова дѣлилися на провинціи. Вмѣсто боярскои думы учреждилъ правительствующій сенатъ. А уже найбольше дбалъ славный царь о школы и просвѣщеніе. Онъ говорилъ такъ: ,,Нашъ народъ подобный дѣтямъ, которыи неохотно берутся за науку и треба ихъ до неи неволити, но коли выучатся, тогда умѣютъ быти вдячными. Черезъ науку вознесемъ мы русское имя на высшій степень славы". Для дѣтей введено народныи ,,цыферныя" школы. Были школы, где училися будущіи учи-

тели. Въ Москвѣ была морская школа, а въ Петербургѣ была морско-военная академія. Были особныи школы для урядниковъ (чиновниковъ), и при владычьихъ церквяхъ существовали школы для будущихъ священниковъ, позднѣйшіи семинаріи. По его плану учреждена была, но уже по его смерти, академія наукъ, съ гимназіею и университетомъ. Онъ поклалъ основу академическои библіотеки и музея, (где хранилися всякого рода звѣрята, рыбы, птицы, ростины, для науки молодежи).

За Петра Великого начала выходити первая русская газета „Вѣдомости." Самъ царь писалъ много до неи, самъ власноручно неразъ набиралъ ю. Онъ лишилъ въ церковныхъ книгахъ кирилицу, но въ гражданскихъ завелъ гражданскую азбуку.

За его приказомъ вышла первая карта (мапа) Россіи. Въ окраины отечества, въ Сибирь, Камчатку посылалъ онъ ученыхъ для розслѣдовъ. И такъ Берингъ открылъ проливъ, что отдѣляетъ Азію отъ Америки и проливъ тотъ зовется: „проливъ Беринга".

Сколько сдѣлалъ тотъ, великій душею царь для промысла, видно изъ того, что до него было въ цѣлой Россіи 10 фабрикъ, а по немъ осталося 240. Русскій флотъ числилъ за него 40 великихъ линейныхъ кораблей, и надъ 800 малыхъ судовъ. Армія, вышколена належито, числила 200 тысячъ людей. Державныи доходы утроилися, въ державномъ бо хозяйствѣ былъ найбольшій порядокъ.

Царь Петръ Великій 1721 р, намѣсто патріаршои власти учреждилъ „Святѣйшій Синодъ." Тотъ Синодъ малъ управляти дѣлами церкви. Членами того Синода были митрополиты, епископы, избранныи священники. Синодъ для исполненія своеи задачи потребевалъ державнои помощи, для того въ Синодѣ засѣдаетъ все представитель царя,(оберпрокураторъ). Духовное правленіе православною церковью есть въ рукахъ духовныхъ членовъ Синода. Царь до того совсѣмъ не мѣшался. Потому неправду кажуть враги православія, что царь есть главою русскои церкви. Главою православной Церкви есть самъ Христосъ Спаситель. Царь есть только первымъ сынокъ св. Церквы.

Народъ русскій дуже набожный и дуже высоко почитаетъ своихъ пастырей. Въ лицѣ московского патріарха видѣлъ онъ главного представителя св. Церкви. Но не всегда представителемъ тѣмъ были мужи такъ великои святости, якъ св. Гермогенъ, або такои чести,

якъ Филареть. За часовъ царя Петра патріархъ Іоакимъ, а потомъ Адріанъ ишли противъ царскои воли даже въ такихъ дѣлахъ, которыи были отъ духовнои власти дальшіи чѣмъ земля отъ солнца. Адріанъ примѣромъ отлучалъ отъ церкви тѣхъ мірянъ, которыи голили бороды. Сношенія съ иностранцами уважали они грѣхомъ, а даже ересью. Но знаемъ, что за Никона было еще горьше, бо доходило до соблазна. Власть въ рукахъ самого патріарха дуже нагадовала на власть римского папежа. Вѣдьже и восточныи патріархи въ найменьшой потребѣ скликовали частныи синоды, и не хотѣли сами принимати на себе отвѣтственности. Совѣтъ умныхъ, богочеславныхъ владыкъ значитъ больше, чѣмъ одна, хотябы якъ умная голова. Самъ Христосъ сказалъ: где васъ двохъ, или трехъ соберется въ Имя Мое, тамъ я буду съ вами". Для того не знаемъ, чи могло, быти умнѣйшое учрежденіе, якъ ,,Святѣйшій Синодъ. Тутъ не одинъ а нѣскольконадцать голосовъ совѣтуются и рѣшаютъ по голосамъ.

Только низкая подлость можетъ назвати православную Церковь ,,цареславною". И кто ю такъ называетъ? Латиняне-католики и уніаты. А ктожь они есть? Въ Австріи епископомъ можетъ быти только тотъ, кого именуетъ цѣсарь. Безъ его позволу Римъ не поставитъ никого епископомъ. Коли выбирали папежа, Пія X., то всѣ кардиналы хотѣли отдати голосы на кардинала Рамполлу. Но одинъ изъ австрійскихъ кардиналовъ заявилъ, что австрійскій цѣсарь противится его выбору, бо онъ ворогъ нѣмцевъ. Тогда всѣ кардиналы отступили отъ Рамполлы. И чтоже то естъ? Чи не простый цѣсаро славизмъ? Въ Галичинѣ не то староста, а неукъ жандармъ наглядаетъ, чи уніатскій ксендзъ не вводитъ часами ,,шизматицкихъ" обрядовъ въ Богослуженіе. Чижъ то не старосто и жандармославизмъ? А цѣлованіе папежа въ пантофлю (туфель), вѣрованіе въ его непогрѣшимость — чижъ то не прямо поганство? У насъ царь есть покровителемъ церкви, но и найвѣрнѣйшимъ ея сыномъ. Онъ идетъ смиренно подъ благословеніе каждаго священника, въ церкви равно съ найбѣднѣйшимъ своимъ подданнымъ молится Богу. И онъ и всѣ мы есмо ,,Христославны", о чемъ добре знаютъ всѣ папежо и цѣсарославны клеветники.

Царь Петръ былъ очень набожный. Каждый день начиналъ отъ молитвы. Передъ и по каждой битвѣ велѣлъ служити молебны. Онъ старался ширити св. Православіе между поганами. Подданы его подъ карою должны были исполняти свои христіанскіи повинности. Великій святитель Митрофанъ Воронежскій и св. Димитрій Ростовскій (о которыхъ будемъ читати ниже) были щирыми помощниками царя въ его дѣлахъ. Онъ дбалъ о школы для духовенства, печалился о сиротахъ по священникахъ.

Царь Петръ Великій былъ дуже трудолюбивый. Онъ вставалъ лѣтомъ и зимою о третомъ часѣ рано. Цѣлый день отдавался труду, по обѣдѣ занимался токарскою, слесарскою, або столярскою роботою. Убирался дуже убого. Онъ не гордилъ даже найбѣднѣйшимъ человѣкомъ. За его добросердіе народъ любилъ его изъ цѣлого сердца.

,,Трудитися потреба, говорилъ царь, всѣ я царь вашъ, а у мене на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показати вамъ примѣръ и чтобы хотя на старость увидѣти около себе вѣрныхъ помощниковъ и добрыхъ слугъ отечества". И самъ трудился безъ отдыха. ,,То академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, онъ всеобъемлющій душой на тронѣ вѣчный былъ работникъ". А въ буденной жизни найщиршая душа. По дѣлу заходилъ до своихъ подданыхъ, ѣлъ ихъ бѣдную страву, былъ воспріемникомъ ихъ дѣтей. Непослушныхъ чиновниковъ призывалъ до себе, въ свою роботню, и тутъ въ чотыри очи высварилъ, а въ потребѣ таки порядно побилъ палицею, чисто по отцовски. Для себе строгій, для другихъ добрый, чернорабочимъ перешолъ онъ свою жизнь, жизнь славы и блеску для русскои нашои родины.

Царь Петръ Великій скончался дня 28 января 1725 р. Въ осени передъ тѣмъ онъ кинулся въ воду, чтобы спасати потопающихъ солдатъ. То было причиною его предвчаснои смерти. Умеръ въ 52 р. житья. Петръ Великій былъ однимъ изъ найславнѣйшихъ, найлучшихъ, и найбольше трудолюбивыхъ владѣтелей Руси.

Погасло солнце русского отрожденія. Не стало Петра Великого. Въ Петропавловскомъ соборѣ, въ часѣ погребенія златоустый проповѣдникъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, началъ такъ свое надгробное слово: ,,До чего дожили мы Россіане? Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великого погребаемъ. Якую Россію онъ здѣлалъ, такая и будетъ; здѣлалъ добрымъ любимою, любимою и будетъ, сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ, сдѣлалъ ю на весь мірь славною, славна будетъ и быти не устанетъ". А дальшихъ словъ не можь уже было чути, заглушилъ ихъ плачъ осироченного народа. Въ устахъ того народа жіе онъ безсмертно въ пѣсняхъ:

Померкъ, померкъ нашъ свѣтлый мѣсяцъ,
Потемнѣло солнце красное,
Потяжелѣла служба царская,
Что не стало у насъ царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго — Петра Перваго.
Поднимайтесь вы, буйны вѣтры,
Розсыптесь вы, желты пески,
Ты откройся гробовая доска,
Развернися золотая парча,
Ты возстань, проснись, Ты, нашъ Батюшка,
Ты нашь Батюшка-Православный царь!

Наслѣдники Петра Великого.

Петръ Великій оставилъ двѣ дочки изъ второго своего супружества, Анну и Елисавету. Сынъ его Алексѣй умеръ въ 1718 р. По немъ остался его сынъ, а внукъ Петра Великого, Петръ Алексѣевичъ. Императрицею (царицею) провозглашена была вдова по Петрѣ, Екатерина I.

На челѣ тѣхъ, которыи хотѣли и осягли призваніе на престолъ Екатерины, стоялъ любимецъ Петра, князъ Меншиковъ. Былъ то человѣкъ черезмѣрно властолюбивый. По правдѣ царица робила только то, что онъ приказалъ. За его радою установлено „Верховный Тайный Совѣтъ“, который малъ утверждати всѣ рѣшенія сената. Такъ значитъ вся власть сосредоточилась въ рукахъ нѣсколькихъ людей, которыхъ допустилъ до совѣта Меншиковъ.

Царица Екатерина первая царствовала всего два года. Она умерла 6 мая 1727 г. На престолѣ засѣлъ малолѣтный сынъ царевича Алексѣя, а внукъ Петра Великого, Петръ II. Его опекуномъ назначенъ былъ Меньшиковъ. Такимъ способомъ сталъ онъ управителемъ державы. Но не надолго. Молодый царь сослалъ его на заточеніе въ Сибирь.

По смерти Екатерины Меншиковъ перевезъ молодого царя до своего дому. Вскорѣ заручилъ онъ его съ своею дочкою, и былъ увѣренъ, что на долгій часъ державная власть останетъ въ его рукахъ. Но ошибся. Противники его, Остерманъ и князи Долгорукіи обратили вниманіе молодого царя на надмѣрную гордость Меншикова. И такъ тотъ былъ сосланный съ цѣлою родиною въ Сибирь. Теперь уже Долгорукіи мали власть надъ царемъ и злоупотребляли тои власти. Они повезли царя въ Москву, где онъ за ихъ подговорами отдался всецѣло забавамъ. Царь заручился съ Екатериною Долгорукою, но предвчасная его смерть не позволила ему оженитися.

За Петра второго заключено договоръ съ Пруссіею. Обѣ державы рѣшили, что на польскомъ тронѣ можетъ засѣсти только тотъ король, на которого они согласятся. Польша была тогда уже совсѣмъ безсильна. Пруссія и Австрія уже тогда совѣтовались приступити до раздѣла Польши. Царь Петръ II умеръ въ третомъ году своего владѣнія (19–го января 1730 р.) На царство покликано племянницу Петра Великаго, Анну Іоанновну, вдову герцога Курляндского.

Новоизбранная царица была дочкою царя Іоанна, брата Петра Великого. До еи выбора причинилися найбольше Долгорукій и родь Голицыныхъ. Они сказали ей, что только тогда будетъ царицею, если часть своеи самодержавнои власти отступитъ Верховному Совѣту, который былъ въ ихъ рукахъ. Анна Іоанновна согласилася на то. Та противъ нихъ выступили министръ Остерманъ, князь Черкасскій, проповѣдникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. За ихъ совѣтомъ царица откликала всѣ обѣтницы, снесла Верховный Совѣтъ, Долгорукіи были казнены, а Голицыны пошли въ Сибирь. Но царствованіе Анны Іоанновнои было для Россіи дуже несчастне. Она передала всю власть въ руки своего любимца Бирона. Былъ онъ простый конюхъ, безъ образованія, но малъ полное довѣріе царйцы. Честолюбивый и мстивый, онъ лизался царицѣ, но тамъ, где могъ показати свою силу, тамъ былъ грубый, простый и безмилоседный до звѣрскости. Нѣмецъ изъ роду онъ не терпѣлъ русскихъ и за его подговорами Анна Іоанновна окружалася переважно нѣмцами. Царица за его радою приказала безпощадно стягати съ народа всякіи залягающіи податки. Народъ сталъ роптати, бо звычайно забирали ему все и лишали людей въ крайной нуждѣ. Кто однако посмѣлъ голосно осуждати ту жестокость, того карали кнутами и ссылкою въ Сибирь. Выстарчило одно слово Бирона, а князь, чи холопъ былъ безневинно осужденный.

Въ 1733 р. поляки противъ воли русского правительства выбрали королемъ разъ уже скиненного съ престола Станислава Лещинского. Русскіи войска виступили противъ него, обсадили его въ Данцигѣ и сневолили отречися отъ престола. Потомъ началася война съ Турціею. Русскіи войска взяли крѣпость Азовъ, Перекопъ и Очаковъ. Война та закончилася 1739 р. миромъ въ Бѣлградѣ. Россія отдала Турціи все, кромѣ Азова.

Прямо не дастся почислити, сколько стояла та война. Россія подняла ю при поддержкѣ Австріи, но та послѣдняя при концѣ на свою руку заключила миръ съ Турками. Русскими войсками руководилъ славный генералъ Минихъ; онъ занялъ былъ Хотинъ и хотѣлъ перенести войну за Дунай, въ средоточіе Турціи. Здрада Австріи велѣла прекратити войну. И такъ Россія наразилася только на великіи страты, бо надъ 100 тысячъ нашего войска погибло въ тей войнѣ.

Правленіе Анны Іоанновной отзначилося только тѣмъ, что въ войску заведено новое, отвѣтное потребамъ часу устройство. Гвардія кромѣ Преображенского и Семеновского мала еще два новыи полки: Измайловскій и Конный. Въ р. 1731 основано въ Петербургѣ „Шляхетный кадетскій корпусъ“, где 360 дворянскихъ сыновъ училися на офицеровъ. Всѣ дворянскіи (шляхетскіи боярскіи) сыны до 20 року житья мали учитися дома а по 12 и 16 лѣтахъ житья складати экзаменъ изъ того, что научилися. Который экзамену не сложилъ, тотъ ишолъ служити простымъ матросомъ. До теперь заграничныи офицеры получали большую платню, чѣмъ русскіи, но за царицы Анны Іоанновной сровнано всѣхъ что до жалованія (платы).

Царица Анна Іоанновна умерла 1740 р. На престолѣ засѣла еи племянница (сестреница) Анна. Но она совсѣмъ не была способная до правленія. Ради того ею устранили съ престола, а на ей мѣсто оголошено царицею Елисавету, дочку Петра Великого.

Анна Іоанновна еще за своего житья назначила наслѣдникомъ престола сына племянницы своеи (внучки Іоанна, брата Петра Великого) Іоанна Антоновича. Также назначила она Бирона управителемъ державы, бо назначенный царевичъ малъ ледва не цѣлый рокъ. Такъ

то власть мала перейти въ руки бывшого конюха. Но такъ не сталося. Главнокомандующій войсками, Минихъ, устроилъ дѣло такъ, что Бирона узязнено. Коли въ ночи впали до его спальни гвардейцы, то онъ скрылся подъ ложе. Трусливость нѣмецкого конюха, который трясь цѣлою Россіею и оскобрлялъ послѣдними словами потомковъ русскихъ князей, вышла теперь на верхъ. Его замкнули въ тюрму, высшій судъ осудилъ его на казнь, но потомъ помиловано его и заслано въ Сибирь.

На престолѣ засѣла Анна Леополдовна. Минихъ сталъ первымъ министромъ; мужъ царицы, нѣмецкій герцогъ (князь) Антонъ Ульрихъ былъ назначенъ главнымъ вождомъ всѣхъ войскъ. Анна была совсѣмъ не способна до правленія; она даже не хотѣла чути о державныхъ дѣлахъ. Россія попалась совсѣмъ въ нѣмецкіи руки; команданты войскъ, министры, высши урядники, все то нѣмцы. Они голосно насмѣхалися съ русскихъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ звали насъ дикунами. На нѣмецкую вѣрность трудно было полагати. Нашлися однакъ люди, которыи мали въ недавной еще памяти великіи дѣла царя Петра. Очи ихъ свернулися на дочку его, Елисавету. Она была совсѣмъ по духу великого своего отца. Чрезвычайно набожная, строго исполняла всѣ церковныи обряды. Окружена всегда только русскими, ненавидѣла нѣмцевъ. Приступна для народа, она, якъ и еи великій отецъ, радо ишла въ народъ, для того всѣ чрезмѣрно любили ю, и где только она явилася, тамъ народъ виталъ ю радостнымъ „ура!“ Нѣмцы предвидѣли, что Елисавета можетъ быти для нихъ небезпечна; они радили царицѣ Аннѣ заслати ю въ монастырь, но та не согласилася на то.

Сторонники Елисаветы представили ей все несчастье, якое идетъ отъ нѣмцевъ, а и недбальство Анны. И тогда дочь Петра Великаго, по дальшомъ размышленію рѣшилася спасти Россію изъ нѣмецкого ярма. Она припала передъ образами и поклялася, что если Богъ благословитъ еи намѣреніе, то за еи царствованія никто не будетъ укаранный смертію. Въ ночи изъ 24 на 25 ноября, она прибыла до касарни Преображенского полка. Гвардейцы окружили ю. „Знаете, чія я дочь?“ спросила царевна. „Знаемъ, веди нас!“ Тоиже ночи были арестованы царица Анна, еи мужъ, и молоденькій царевичъ Іоаннъ, ихъ отвезли въ Холмогоры. Министры: Минихъ, Остерманъ и другіи начальники изъ нѣмцевъ были также арештованы, а тамъ пошли въ ссылку. Рано пробудилася столица русскои имперіи и узнала, что на царскомъ престолѣ засѣла дочь Петра Великого. Тысячи народа окружили царскій дворъ и восклики: „здраствуй наша матушка, императрица Елисавета Петровна!“ заглушили воздухъ. Царица окружила себе русскими людьми, отдохнуло духовенство, бо нѣмцы, хотя для ока пріймали Православіе, то все таки насмѣхалися съ него. Настало для Руси лучшое время.

Царица Елисавета, сейчасъ по вступленіи на престолъ, назначила престолонаслѣдникомъ сына сестры своеи Анны (значитъ внука Петра Великого), Петра Ѳеодоровича. Сама же царица Елисавета была дуже справедлива и дбала о добро державы. За еи царствованія Россія вела войну съ Шведами и Пруссіею и въ обохъ прославилася великими побѣдами.

Сейчасъ по вступленіи еи на престолъ шведы задумали воспользоватися внутренними русскими замѣшательствами и отобрати себѣ цѣлую Финляндію. Они начали войну, но попеклися. Русскіи войска подъ начальствомъ генерала Ласси въ цѣлой Финляндіи прогоняли шведовъ. Остаточно мусѣли они въ 1743 р. просити о миръ и отступити Россіи дальшую часть Финляндіи.

Вторая война, именно съ Пруссіею, удивила весь свѣтъ блескомъ своихъ безпрерывныхъ побѣдъ. Была то такъ званна семилѣтная война, которую начала австрійская цѣсарева, Марія-Терезія а и Франція. Прусскимъ королемъ былъ тогда Фридрихъ II. Онъ всѣми силами старался оттягнути Россію отъ тои войны. Онъ говорилъ такъ: „Я не боюся ни Австріи, ни Франціи; но что я буду дѣлати, если прійдется воевати еще съ Русскими?“ А таки пришлося. Въ р. 1756. 80тысячъ русского войска вишло въ Пруссію. При Гроссъ—Эгерсдорфѣ русскіи побили на-голову пруссаковъ. Но начальный вождь русскихъ войскъ отступилъ въ Польшу, хотя вся Пруссія была у его ногъ. За то пошолъ потомъ подъ судъ. Война продолжалася дальше. Хотя король Фридрихъ уважался найбольшимъ полководцемъ своего времени, то таки (14 августа 1758) русскіи побили его на-голову про Цорндорфѣ, а о рокъ потомъ (1 августа 1759 р.) по другій разъ при Кунерздорфѣ. Въ р. 1760 русскіи заняли столицу Фридрига, Берлинъ. Для Пруссіи насталъ конецъ; Фридрихъ не малъ уже выхода. Въ самую важную минуту пришла вѣдомость о смерти царицы Елисаветы. новый царь велѣлъ сейчасъ прекратити войну. Пруссія чудомъ спаслася, для русскихъ долга, побѣдоносна война не принесла ничего кромѣ славы.

Царица Елисавета сократила воснную службу и о много ею облегчила. Въ р. 1754 на еи приказъ заложено въ Россіи два первыи банкй, одинъ для дворянъ, другій для купцовъ. Въ Москвѣ учреждено первый университетъ (1755 р.) Царица Елисевета упокоилася дня 25 декабря 1761 р.

Было опасеніе (страхъ), что по смерти Елисаветы нѣмцы опять дорвутся силы и власти. Престолонаслѣдникъ извѣстный былъ изъ того, что всею душею держалъ съ нѣмцами. Онъ же былъ выхованый между ними и только въ 14 году житья пріѣхалъ до Россіи. Былъ онъ великимъ поклонникомъ Фридриха II. Первымъ его дѣломъ по вступленію на престолъ было прекратити войну противъ Пруссіи, послѣ чего завязалъ съ Фридрихомъ союзъ. На каждомъ кроцѣ онъ превозносилъ нѣмцевъ, а православныхъ за ничто не малъ. Потому не диво, что всѣ были противъ него.

По смерти царицы Елисаветы засѣлъ на престолѣ царь Петръ III. Но онъ оказался недостойнымъ престола. Потому дня 28 іюня 1762 р. приневоленъ былъ отречися престола. Царицею остала признана его жена, Екатерина Алексѣевна. Она засѣла на престолѣ яко Екатерина втарая.

Царствованіе Екатерины II.

(отъ 1762 р. до 1796)

Царица Екатерина II начала свое царствованіе отъ того, что заборонила ляхамъ угнетати православныхъ. Ровночасно король прусскій заступился за своими единовѣрцами, протестантами. Ляхи не послухали. Для того царица Екатерина приказала своимъ войскамъ вступити въ Польшу. Тогда ляхи перестали переслѣдовати православныхъ.

Польша уже была безсильна. По смерти короля Августа Ш. (1763 р.), на приказъ Екатерины, сеймъ выбралъ королемъ Станислава Августа Понятовского. Остаткомъ погибающои силы ляхи угнетали не только православныхъ, но и протестантовъ. Колижь бѣлорусскій владыка, Конисскій принесъ царицѣ Екатеринѣ жалобу противъ ляховъ, тогда та царица и король прусскій заявили Польшѣ, что если переслѣдованія не устанутъ, то Россія силою принезолиъ ляховъ до того. Но горбатого и могила не направитъ. Ляхи связалися въ одно и даже не думали уступати. Тогда русскій посоль Репнинъ, который былъ при польскомъ ко-

рэлю, вызвалъ угнетаемыхъ, чтобы боронилися оружіемъ противъ насилія, а Россія прійдетъ имъ въ помощь. Ляхи готовилися до рѣзни всѣхъ православныхъ, но царскіи войска вступили въ Польщу. На время насталъ спокой, но только на время. Ляхи, подъюжены ксендзами, завязали такъ зовиму: ,,Барскую конфедерацію" (въ мѣстѣ Баръ) т. е. повстанье противъ польского короля и русскихъ войскъ. На челѣ еи станулъ нѣкій Пулавскій. Цѣлая та ватага розбишакъ кинулася на Русь; православныхъ рѣзали, а где попали королевскіи войска, то и тѣмъ не попускали. Жестокостію своею довели они на Подолью народъ до отчаянія.

На Подолью народъ возсталъ противъ ляшского гнета. Многіи изъ запорожскихъ козаковъ пришли сюда и подговорили народъ до росправы съ ляхами и жидами. Нѣсколькодесять тысячъ народа кинулося ,,очищати" русскую землю. Поплыла ляшская и жидовская кровь, бо народъ не зналъ пощады. Возстаніе то мае назву: ,,Коліевщина", а тѣ, которыи начали рѣзати томителей народа, звалися ,,Гайдамаки". Найзавзятѣйшимъ проводиремъ того возстанія былъ Максимъ Желѣзнякъ, козакъ изъ Запорожья. Въ цѣломъ Подольи и въ Кіевщинѣ не стало ни шляхты, ни жидовъ. Остаточно русскіи войска мусѣли воздержати тое возстаніе.

Пригадалися времена козаческихъ возстаній, только, что народъ теперь еще больше заѣлый, не зналъ ниякого милосердія. Напримѣръ въ мѣстѣ Уманю козаческій сотникъ Гонта присталъ до Гайдамаковъ. Въ цѣломъ мѣстѣ не остало ни однои ляшскои и жидовскои души. Гонта женатый былъ съ католичкою. Онъ на очахъ гайдамаковъ убилъ власноручно своихъ двохъ малыхъ сыновъ и сказалъ при томъ тѣ слова: ,,Католичка васъ породила, пропадайтежь!" Позднѣйше польскіи войска разгромили гайдамаковъ. Гонту схватили, живцемъ дерли съ него поясы живого тѣла и то каждого дня, потомъ отрубали ему руки, ноги, наконецъ голову. Двѣ недѣли продолжались тѣ муки.

Въ 1769 р. Турція начала съ Россіею войну. Русскіи войска отнесли цѣлый рядъ славныхъ побѣдъ. Война протягнулася ажъ до 1774 р. Закончилася она миромъ въ Ку-

чукъ-Кайнарджи. Турція уступила Россіи Азовъ и другіи крѣпости, позволила русскимъ кораблямъ переплавати изъ Червоного въ Средиземное море и уплатила великіи гроши.

Уже въ началѣ тои войны русскіи войска побили на-голову турковъ подъ Хотиномъ. Въ 1770 р. главную команду надъ войскомъ обнялъ графъ Румянцевъ. Онъ розбилъ при Прутѣ въ десять разъ большую турецкую армію, розбилъ потомъ крымского хана и забралъ весь его таборъ, а въ двѣ недѣли позднѣйше съ 17 тысячами войска при Кагулѣ розбилъ 150 тысячъ турецкого войска. Русскіи корабли подъ начальствомъ графа Орлова снищили турецкій флотъ. Третій русскій полководецъ въ Крымѣ занялъ весь Таврическій полуостровъ. Турки почули силу русского оружія, а коли мусѣли просити о миръ, тогда Россія заликовала. Прежняя слава не оставила еи. Но еще передъ тѣмъ миромъ наступило дуже важное собитіе.

Въ 1773 р. три державы: Россія, Австрія, Пруссія приступили до первого роздѣла Польши. Россія достала Бѣлую Русь, Австрія Галичину, а Пруссія Великую Польшу. Решта остала еще при польскомъ королѣ.

Въ Польшѣ настала така неурядица, что державамъ-не оставало ничего другого якъ сдѣлати конець тои Польшѣ. Царица Екатерина не хотѣла довести до того, но коли Австрія и Нѣмеччина за всякую цѣну стремѣли до роздѣла дряхлои Польши, тогда и Россія мусѣла на то пристати.

Въ1783 р. присоединила царица Екатерина до Россіи Крымъ, а съ нимъ Крымское ханство. Край тотъ и занятыи побережья Червоного моря достали назву „Новороссія“. Управленіе тими землями поручено князю Потемкину. Онъ заселилъ тотъ плодоносный край русскими и иноземными людьми. Въ четыре роки пустый до теперь край сталъ одною изъ найкрасшихъ окраинъ русскои державы.

Императрица Екатерина знала, что сосѣдство Крыма съ Турціею мусить довести до новои войны. Длятого она связалася союзомъ съ австрійскимъ цѣсаремъ, Іосифомъ II. Не подобалося то Пруссіи, и она стала дѣйствовати противъ Россіи. Франція не могла стерпѣти того, что Россія на полудни укрѣпила свое становище. Потому стала она подстрекати Турцію. И такъ

Султанъ турецкій въ 1786 р. безъ найменьшои причины сорвалъ миръ. За то Россія выповѣла ему войну. Русскіи полководцы, Суворовъ и Потемкинъ сломили теперь турецкую силу. Потемкинъ сдобылъ крѣпость Очаковъ. Суворовъ, найславнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ полководцевъ, поразилъ Турковъ при Фокшанахъ и Рымнику, потомъ сдобылъ недоступную крѣпость Измаилъ. Турки просили о миръ. Заключено его въ Яссахъ (1791 р.). Россія кромѣ прибережей Чорного моря задержала себѣ крѣпость Очаковъ.

Въ томъ самомъ часѣ и Швеція выповѣла Россіи войну, которая продолжалась 4 роки. Но коли слава русского оружія въ Туречинѣ загомонѣла на цѣлый свѣтъ, коли Суворовъ взялъ Измаилъ, твердыню, въ сдобытье котороі никто не вѣрилъ, тогда шведы спознали, что то все, что мечъ Петра Великого имъ отобралъ, на все мусить остати при Россіи. Заключено миръ (1790 р.) въ Вереліской долинѣ и обѣ державы остали при своихъ границахъ.

Польша не тратила еще надежды, что повернетъ до давнѣйшихъ своихъ границъ. Началися новыи непокои, якіи приневолили Россію приступити до другого роздѣла Польши. Тогда въ Польшѣ поднялось общое повстанье. На челѣ войскъ станулъ польскіи генералъ Тадей Косцюшко. Русскіи войска сдавили то повстанье. Въ битвѣ подъ Маціовицами (30 сентября 1794 р.) повстанцы были побиты на-голову. Косцюшко достался въ плѣнъ. Тамъ то откидуючи отъ себе саблю, онъ сказалъ: „Конецъ Польшѣ“. И сказалъ правду. Россія, Австрія и Пруссія остаточно роздѣлили сѣ-

лую Польшу. Независимое королевство польское перестало существовати. Богъ покаралъ ляховъ, за то, что они горше погань угнетали православный народъ.

Уже по первомъ роздѣлѣ Польши Пруссія стала крутити. Прусскій король боялся надмѣрнои русскои переваги. Потому сталъ онъ попираги польское сторонництво, которое хотѣло завести въ Польшѣ ладъ и тѣмъ ю укрѣпити. Пруссія знала, что ляхи сами не удержатся, а яко отвѣчныи враги Россіи будутъ глядати у нѣмцевъ помощи. Поляки на сеймѣ 1791 р. приняли въ Варшавѣ новую конституцію. Она заводила новый сеймовый порядокъ, а что найважнѣйше, то ведля неи власть королевская мала быти наслѣдственна, а не выбирательна. По смерти бездѣтного короля Понятовского власть королевская мала припасти саксонскому владѣтелю (значитъ нѣмцу) и остати при его родѣ. Конституція та зовется: ,,Конституція 3. мая", бо въ тотъ день ю заключено. Также корсль мусѣлъ на ню согласитися.

Россія не могла на то позволити, ибо нияка держава не позволила бы, абы покоренный нею сосѣдъ вязался съ кѣмъ на еи шкоду. Она заявила Пруссіи, что не позволитъ на ниякіи тайныи переговоры Пруссіи съ Польшею. До того знатна часть польскои шляхты выступила противъ конституціи 3 мая. Начался новый неспокой. Тогда то царица Екатерина выслала въ Польшу сто тысячъ русского войска. Король налякался и вырекся тои конституціи, до которои только поневольно присталъ. Въ 1793 р. Россія приступила до другого роздѣла Польши. Польского войска не смѣло быти больше, якъ 15 тысячъ. Для успокоенія Польши русскіи войска, подъ начальствомъ Игельстрома заняли Варшаву.

Поляки начали великое повстанье. Оно началося въ Краковѣ, а такъ въ Варшавѣ и Вильнѣ. Въ двохъ тихъ послѣднихъ мѣстахъ ляхи нечаянно кинулися на русскихъ и здрадно убили нѣсколько тысячъ нашихъ людей. Въ Варшавѣ завели они свой ,,ржондъ". Начальникомъ ихъ войска сталъ генералъ Косцюшко, человѣкъ дуже даровитый. Подъ Рацлавицами ему удалося выграти одну битву. Но надъ русскими войсками обнялъ команду самъ Суворовъ. Въ битвѣ подъ Маціовицами русскіи зробили ,,конецъ Польшѣ". Суворовъ пошолъ на Варшаву. Приступомъ сдобылъ передмѣстье Прагу, где поляки отчаянно боронилися. Варшава поддалася безъ боя. Потомъ Россія, Австрія и Пруссія приступили до остаточного роздѣла Польши. Земли Литовскіи, Гродненскую и часть Курляндіи забрала Россія; Краковъ, Люблинъ, Сандомиръ забрала Австрія, а мѣсто Варшаву Пруссія. Король польскій осталъ безъ державы. Онъ поѣхалъ до Петербурга где жилъ на русскомъ даровомъ хлѣбѣ.

Такъ закончилися головныи войны за царствованія Екатерины, которую исторія совсѣмъ справедливо зоветъ: „Великою". Но кромѣ старинныхъ военъ въ часѣ еи владѣнія не мало было и внутреннихъ замѣшательствъ.

Въ 1773 р. надъ Волгою и Дономъ началися бунты разбойничьихъ ватагъ. На челѣ ихъ станулъ самозванецъ, Емелька Пугачевъ, который сталъ выдавати себе за царя Петра III. Онъ сталъ розбивати и грабити кого попалося. Темному народу обѣщалъ, что никто не будетъ платити податковъ. Онъ занялъ нѣсколько малыхъ крѣпостей. Но русскіи войска розбили злодѣйскіи ватаги, а Пугачевъ утекъ за Уралъ. Потомъ вернулъ назадъ и спалилъ нѣсколько мѣстъ на Волгѣ. Но наконецъ сами его сторонники выдали злодѣя въ руки русскихъ войскъ. Пугачева казнено 1775 р.

Отъ часовъ бунту Мазепы Запорожская Сѣчь уже не проявляла ниякой жизни. За помощь, якую запорожцы дали Мазепѣ, царь Петръ приказалъ уничтожити Сѣчь. Тогда козаки поддалися крымскому хану и перенеслися въ понизье Днѣпра (въ нынѣшной Таврической губерніи). Однакъ за соизволеніемъ царицы Анны Іоанновны вернули назадъ на Сѣчь. Та тутъ уже поселилося полно народа и запорожцамъ стало быти тѣсно, черегъ что приходило до всякихъ забурень. По бунтѣ Пугачева не можно было и козакамъ довѣряти. Длятого

Царица Екатерина въ 1775 р. приказала заняти и уничтожити запорожскую Сѣчь. Одни козаки пошли въ Турцію, а другимъ правительство дало землю на Черноморскомъ и Азовскомъ побережьи.

Да не та то уже была въ послѣдніи часи Сѣчь, что прежде. На ничто свелася давна еи слава. Свѣтъ поступалъ напередъ, давная вольница не мала уже мѣста.

Мы видѣли, что Екатерина Великая умнымъ правленіемъ вознесла Россію до значенія найсильнѣйшои державы въ Европѣ. Но треба знати и то, что она была найбольше заботливою царицею; трудилася она для поднесенія просвѣщенія, промысла и умного заряда своеи

державы. За неи заведено новое правосудіе, отвѣтное потребѣ всѣхъ сословій. Особы судь занимался маетками сиротъ. Дворяне, мѣщане купцы, селяне, всѣ мали свой собственный судъ. Кажда губернія мала мати двохъ лѣкарей, казнею плаченныхъ для несенія помощи слабымъ.

„Воспитаніе, то найбольшое надежное средство сдѣлати людей лучшими". Такъ говорила царица и усердно дбала о школы. Великимъ своимъ умомъ срозумѣла она потребу просвѣщенія для женшинъ, будущихъ матерей. Въ Петербургѣ основала она школу для 240 дѣвицъ-дворянокъ и другу для мѣщанскихъ дѣвицъ. Также открыла она школу для артиллеріи (пушечную) и для инжинеріи. Особна комиссія заводила народныи школы. За неи введено въ Россіи папєрсгьи гроши и заложено новыи банки.

Екатерина съ цѣлымъ усердіемъ поддерживала русское письменничество, которое стало теперь славно розвиватися. Уже передъ еи вступленіемъ на престолъ широко неслася слава ученого поэта и писателя, Михаила Ломоносова. Мальчикъ, селянскій сынъ изъ Холмогоръ, уйшолъ глядати науки. Среди голода и холода, о сухомъ хлѣбѣ учился въ Россіи и за границею. Потомъ всю жизнь посвятилъ петербургской академіи наукъ. Поэтъ, историкъ, а прежде всего любитель всего, что русское и врагъ нѣмцевъ, прославилъ онъ родину свою. Поэтъ Державинъ, то былъ дорогій бисеръ въ русскомъ мірѣ. Такъ само и остроумный писатель, Фонъ-Визинъ. Писатель Новиковъ, основатель „Дружеского Учєного Общества", причинилися много до образованія молодшихъ поколѣнь. Поэтъ и историкъ Карамзинъ былъ одинъ изъ главныхъ русскихъ дѣятелей на полѣ письменности. Славными полководцами были безсмертный Суворовъ и Румянцевъ. Яко изрядныи проповѣдники прославилися, митрополитъ Московскій Платонъ, епископъ Воронежскій, св. Тихонъ, и епископъ Бѣлорусскій, Григорій Конисскій.

Всѣ труженники, на якомъ нибудь полѣ находили помощь у великои душею и дѣлами императрицы.

Екатерина Великая по Петрѣ первомъ найбольше поднесла и прославила русскую державу. Она скончалася дня 6 ноября 1796 р.

Императоръ Павелъ I Петровичъ.

(отъ 1769 до 1801 р.)

На царскомъ престолѣ по смерти Екатерины Великои засѣлъ еи сынъ императоръ Павелъ I Петровичъ. Онъ былъ человѣкъ миролюбивый и хотѣлъ на часъ прекратити тѣ вѣчныи войны, якіи мусѣла вести Россія.

Новый царь совсѣмъ не малъ тои предпріемчивости, якою отличася великодушная его матерь. Былъ то часъ, въ которомъ вся Европа жила въ великомъ напруженію. Во франціи по великой революціи (народномъ возстанію), по замордованію короля, его жены и множество шляхты, настала република (т. е. народъ сталъ управляти самъ собою). На челѣ французской арміи стояли мудрыи полководцы, а коли начальнымъ еи вождемъ сталъ Наполеонъ Бонапарте, малый ростомъ, но великій геніемъ Корсиканинъ, тогда Франція загрозила цѣлой Европѣ. На полночи Нидерлянды мусѣли еи покоритися, въ Италіи Франція заняла всю Ламбардію. Война съ Англіею перехилялася на сторону Франціи. Наполеонъ пошолъ съ войскомъ въ Египетъ и Сирію и тутъ совсѣмъ устранилъ вліяніе Англіи и Турціи. Необузданный въ жаждѣ захвата, обожаемый своимъ войскомъ, сталъ Наполеонъ якобы божкомъ, при которомъ горнулися сотки тысячъ, готовыи на его слово идти на смерть. Можно было предвидѣти, что Франція положитъ тяжкую руку на всю Европу. Предвидѣла то своимъ умомъ Екатерина Великая; она заключила была съ Австріею и Турціею союзъ; 60 тысячная армія подъ начальствомъ Суворова мала идти на помощь Австріи, но всему перешкодила предвчасная смерть Екатерины.

Колижь на престолъ вступилъ царь Павелъ, то онъ приказалъ залишити всѣ военныи приготсвленія, бо хотя видѣлъ небезпеченство, якое со стороны Франціи росло также и для Россіи, то былъ онъ за миромъ, ибо Россія по такъ долгихъ войнахъ дѣйствительно потребовала спокою. Не подобалося то многимъ, щирымъ сторонникамъ покойнои Екатерины. Они были тои гадки, что лучше есть покончити съ ворогомъ, пока онъ слабшій, тѣмъ больше, что, чи скорше, чи позднѣйше, война съ нимъ была неизбѣжима. Франція отъ давна дивилася завистнымъ окомъ на Россію и еи ростъ; всѣ войны, якіи Турція начинала съ Россіею, были за подмовою Франціи. Въ числѣ невдоволенныхъ нерѣшимостію царя былъ и Суворовъ. Царь приказалъ ему выѣхати въ село Кончанско, въ Новгородской землѣ. Тутъ отдано великого вождя, покорителя Измаила, надзору полицейскихъ властей.

Въ исторіи Руси Суворовъ, то одна изъ найбольше улюбленныхъ личностей. Служилъ отъ простого солдата, зналъ всю бѣду и нужду того житья. Яко найстаршій полководецъ кормился онъ простою солдатскою стравою, на немъ все былъ звычайненькій и старый до того плащъ (шинель), для всѣхъ былъ онъ найбольше доступный, не зналъ гордости, потому солдаты ишли за нимъ въ огонь и въ воду. Богъ далъ ему великій, геніальный талантъ, и въ числѣ перворядныхъ вождовъ всѣхъ вѣковъ всего свѣта Суворовъ занимаетъ одно изъ перворядныхъ мѣстъ.

Царь Павелъ разомъ съ Англіею, Австріею и Турціею, начали войну съ Франціею. Начальнымъ вождомъ назначилъ царь найславнѣйшого изъ всѣхъ русскихъ генераловъ, Суворова.

Царь Павелъ охотно принималъ въ Россіи тѣхъ изъ французовъ, которыи утекли въ часѣ революціи изъ Франціи до Россіи. Черезъ то французы на каждомъ кроцѣ негодовали на Россію. А коли Наполеонъ Бонапарте въ 1798 р. занялъ островъ Мальту, что принадлежалъ рыцарскому ордену св. Іоанна Іерусалимского, то рыцари тѣ обратилися съ жалобою до царя Павла, яко своего покровителя.

Война началася въ Италіи, где французы заняли посѣлости, что належали до Австріи. Русскіи войска въ трехъ отдѣлахъ пошли на французовъ: одинъ отрядъ въ Нидерланды, другій поплылъ моремъ до полудневой Италіи на помощь наполеонскому королю, Фердинанду IV, а третій отдѣлъ подъ начальствомъ Суворова пошолъ въ полночную Италію.

И такъ по двохъ лѣтахъ Суворовъ станулъ опять на челѣ арміи. Австрійскій цѣсарь просилъ усердно царя, чтобы не кто другій, а Суворовъ велъ армію. И старый богатырь пошолъ послужити отечеству. Въ р. 1799 въ Италіи въ мѣстѣ Верона обнялъ команду надъ войскомъ, а съ концемъ апрѣля на берегахъ рѣки Адды побилъ наголову французскую армію. Потомъ занялъ мѣста Туринъ и Миланъ. Держалася только крѣпость Мантуа. На помощь ей ишла другая французская армія, но Суворовъ несподѣванно зашолъ ей дорогу и на берегахъ рѣки Треббіи въ дребезги розбилъ французовъ. Крѣпость Мантуа сдалась русскимъ войскамъ. И такъ:

Суворовъ въ Италіи побилъ двѣ французскіи арміи, а потомъ перешолъ черезъ непроходимыи майже горы. Альпы, до Швейцаріи. Тутъ розбилъ онъ третью французскую армію и вступилъ съ русскими войсками до Баваріи.

Где только ступилъ Суворовъ, тамъ въ слѣдъ за нимъ ишла побѣда. Австрійцы косо на то дивилися, заздрость не давала имъ спокою, тѣмъ больше, что въ Швейцаріи французы всюда относили надъ австрійскою арміею побѣду. При австрійцахъ была также часть русскихъ войскъ подъ командою Римского-Корсакова. А коли Суворовъ подъ мѣстомъ Нови, въ Италіи, розбилъ еще разъ французовъ и забралъ имъ всѣ пушки и множество плѣнныхъ, тогда австрійцы позеленѣли отъ заздрости и забыли, что всѣ тѣ побѣды суть для ихъ добра и что безъ Суворова они давно лежали бы у стопъ Франціи. Потому уложили они такій планъ, что Суворовъ мае перейти до Швейцаріи, а въ Италіи останутъ сами австрійцы. Суворовъ зналъ, что переходъ черезъ горы Альпы майже немыслимый. Всѣ переходы заняли французы, лишилася одна только, вѣчно снѣгомъ завалена, просто недоступна дорога черезъ горы св. Готарда. Но что неможливо для другихъ, то можливо для русского, Христолюбивого воинства. Среди невысказанныхъ перепонъ ишла переправа, при которой погибли двѣ тысячи нашихъ людей. На верху горъ французы заступили дрогу, но очистилъ ю русскій штыкъ. Въ Швейцаріи Суворовъ въ Муттенской долинѣ довѣдался, что Французы розбили войско Корсакова, а австрійцы уступили изъ Швейцаріи. Противъ русскихъ стояло 70 тысячъ Французовъ. Суворовъ малъ всего 18 тысячъ войска, безъ артилеріи, и боевыхъ запасовъ. Войско было страшно изнурено труднымъ переходомъ черезъ Альпы и майже босое. Сдавалося, что прійдетъ поддатися французамъ. На военной радѣ Суворовъ представилъ весь ужасъ положенія, а рѣчь свою закончилъ такъ: „Мы русскіи, съ нами Богъ! Спасти намъ треба честь Россіи и Государя“. И русскіи спасли ту честь. Коли французы и не думали, чтобы нашое войско отважилося на битву, Суворовъ съ двохъ сторонъ напалъ на нихъ и побѣдоносно вывелъ все войско до Баваріи.

Австрійцы отплатилися русскому царю найбольшою невдячностію. Царь Павелъ сорвалъ союзъ съ ними и откликалъ свои войска до Россіи. Тутъ вскорѣ по поворотѣ умеръ безсмертный для русскои памяти вождь побѣдитель, Суворовъ (6 мая 1800 р.)

Также изъ Нидерландовъ откликалъ царь русское войско, которое послалъ на помощь англійцамъ. Они не дбали о нашихъ, даже не давали достаточно одежи на потребы войска. А Наполеонъ Бонапарте, по уступленію Суворова побилъ австрійцевъ при Маренго на-голову и опять занялъ полночную Италію.

Царь Павелъ заключилъ потомъ миръ съ Наполеономъ и готовился до войны съ Англіею. Онъ задумалъ выслати войско въ Индію, где Англія мала великіи посѣлости. Донскіи козаки мали черезъ Азію дойти тамъ и начати войну. Перешкодила тому предвчасная смерть царя Павла.

Въ внутренномъ управленію державы завелъ царь Павелъ многіи улучшенія. Онъ облегчилъ положеніе селянъ и приказалъ, что они не мають больше отробляти панщины, якъ три дни въ недѣлю. Въ праздничныи дни не вольно было селянъ неволити до панщизнянои роботы. Селяне, по 3 тысячи душъ, составляли одну волость (округъ) и сами выбирали себѣ волостную старшину. За то заборонено селянамъ переходити на житье въ другіи мѣстцевости.

Царь Павелъ умеръ 11 марта 1801 р. На престолѣ засѣлъ старшій его сынъ, Александръ I.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

(отъ 1801 до 1825 р.).

„Я буду управляти по закону и сердцу Екатерины II и буду идти за еи премудрыми намѣреніями“. Такъ написалъ новый царь въ манифестѣ, кото ымъ извѣщалъ Россію о вступленію на престолъ. И онъ свято додержалъ то слово.

Первыи три лѣта царствованія Александра перваго были мирны и спокойны. Но потомъ разомъ съ Австріею мусѣлъ онь начати новую войну съ Франціею. Онъ задумалъ завоевати большую половину Европы. Война та мимо славныхъ подвиговъ русского войска, не при

несла побѣды. Австрійцы нечаянно отступили отъ русскихъ. Тогда царь заключилъ миръ съ Пруссіею. Война ишла дальше.

Несчастье хотѣло, что конечно треба было идти разомъ съ австрійцами, которыи уже въ Италіи за попередного царя дѣйствували противъ русскихъ. И теперь наши войска остали сами, бо Наполеонъ подъ Ульмомъ окружилъ всю австрійскую армію и она мусѣла покласти оружіе. Русскіи на Моравіи при рѣцѣ Иннъ не могли удержати на себѣ цѣлои французскои силы. Но русскіи полководцы, Кутузовъ и Багратіонъ умѣли цофнути войско безъ великихъ стратъ. Подъ Аустерлицемъ изъ вины австрійцевъ Наполеонъ выгралъ битву противъ русскихъ. Австрія заключила съ Наполеономъ найбольше позорный миръ. Царь й не думалъ о мирѣ, хотя Наполеонъ охотно былся бы на то согласилъ. Александръ I заключилъ миръ съ Пруссіею и началъ дальшую войну. Но и пруссаки не много могли помочи русскимъ, бо Наполеонъ, якъ громъ напалъ на Пруссію и въ одномъ дни, въ двохъ битвахъ, при Іенѣ и Луэрштедтѣ, снищилъ до тла прусскую армію. Въ нѣсколькохъ битвахъ между Наполеономъ а русскими, послѣдніи войска дали доказы незвычайнои храбрости.

Наполеонъ подговорилъ Турцію до войны съ Россіею, а потомъ предложилъ царю миръ. Миръ тотъ былъ заключенъ въ Тильзитѣ 1807 р. Россія достала Бѣлостокскую область. Изъ забранныхъ отъ Польши земель, якіи при ей подѣлѣ забрала Пруссія, Наполеонъ выдѣлилъ незалежное княжество Варшавское. Война съ Турціею на часъ прекратилася.

Только что скончилася одна война, а вже началася другая съ Швеціею. Но командиры русскихъ войскъ графъ Каменскій, Барклай-де-Толли и Багратіонъ розбили шведовъ, заняли береги Швеціи и приневолили просити о миръ, якій заключенъ былъ въ Фридрихсгаммѣ 5-го сент. 1809 р.) Россія достала цѣлую Финляндію и Аландскіи островы. Та и теперь не мала русская земля зазнати мира. Наполеонъ боялся, чтобы царь Александръ не соединился съ другими державами противъ него и намовилъ его до занятія наддунайскои Молдавіи и Волохіи, которыи належали до Турціи. Царь согласился на то, тѣмъ больше, что въ тихъ земляхъ жилъ православный народъ, утискаемый турками.

Въ р. 1808 началася новая война съ Турціею. Главнокомандующіи русскими войсками Котузовъ побилъ подъ Слободзею (на лѣвомъ берегу Дуная) турковъ такъ, что они просили о миръ. Въ Бухарестѣ (1812 р.) заключенъ былъ договоръ, а Турція отступила Россіи Бессарабію. Теперь началася великая война съ Наполеономъ, которая окончилася цѣлковитымъ пораженіемъ его войскъ.

Наполеонъ сталъ постоянно мѣшатися до справъ русского государства и довелъ до того, что царь мусѣлъ противъ того застеречися. Наполеонъ рѣшился начати войну въ русскихъ предѣлахъ, и съ 600 тысячнымъ войскомъ перешолъ русскую границу (11 юня 1812 р.). Царь Александръ могъ противопоставити только 200 тысячъ войска, бо другіи войска были еще на турецкой границѣ. Съ Наполеономъ ишли войска всякои народности, а сами первыи поляки, бо они съ ляшскою легковѣрностію были певны, что Бонапарте покоритъ всю Россію и отбудуетъ давную Польшу „отъ моржа до моржа“.

Передъ началомъ великои войны царь Александръ, въ упованію на Господа Бога, заявилъ, что онъ не сложитъ оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Россіи. Наполеонъ съ великимъ войскомъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Русскіи войска заступили французамъ дорогу при мѣстѣ Смоленскъ. По долгомъ бою спалили они Смоленскъ и стали нарочно отступати чтобы втягнути французовъ въ глубь краю.

Русская армія подѣлена была на три части, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, Багратіона и графа Витгенштейна. Всѣ три отдѣли рѣшили отступати и сойтися подъ Витебскомъ, а потомъ подъ Смоленскомъ. Подъ Витебскомъ черезъ три дни русскіи повздержали десятькратъ большую силу французовъ. Такъ само было и подъ Могилевомъ. Подъ Витебскомъ, где командиромъ былъ графъ Остерманъ, среди найтяжшого боя начальники полковъ обращались до него съ запросомъ: „что имъ дѣлати?“ — „Стояти и умирати!“

отвѣтилъ онъ имъ. Подъ Смоленскомъ французы 40 разовъ ишли приступомъ на невеличкій отдѣлъ генерала Невѣровского, но не могли его розбити. Тамже генералъ Раевскій въ 16 тысячъ русского войска выдержалъ черезъ цѣлый день напоръ 200 тысячнои непріятельскои арміи. Въ помощь ему пришолъ генералъ Дохтуровъ и держался такъ долго пока всѣ части русскои арміи не совокупилися.

Царь Александръ назначилъ главнокомандующимъ русскими войсками Котузова. Былъ онъ ученикомъ и сподвижникомъ безсмертного Суворова. Котузовъ рѣшилъ свести съ Наполеономъ рѣшительный бой при селѣ Бородино, отдаленномъ отъ Москви о 64 англійскихъ миль (108 верствъ),

А цѣла Россія была въ огнѣ. Все что жило, двигалося чтобы защищати свою отчизну. Никто не жаловалъ найбольшихъ жертвъ; богатый и бѣдный отдавали все, что мали. Дворянство Смоленскои земли вооружило 20 тысячъ войска, московская земля поставила 80 тысячъ и пожертвовала до 3 милліоны рублей на войну. Донскіи козаки стали якъ одинъ мужъ; вся Россія послала государю 300 тысячъ добровольцевъ и 100 милліоновъ рублей. Народъ добровольно палилъ села, чтобы только задержовати французовъ.

Дня 24 августа, начался бородинскій бой, одинъ изъ найбольше кровавыхъ, якіи коли нибудь свѣтъ видѣлъ. Бой продолжался 12 годинъ. Шестьдесятъ тысячъ убитыхъ пало на полѣ битвы. Русскіи войска доказовали чудесъ храбрости и удержалися на своихъ мѣстахъ. Настала ночь, битва не была рѣшена. Котузовъ приказалъ войскамъ отступати до Москвы.

Въ исторіи народовъ бородинскій бой все останетъ днемъ славы для русского оружія. 100 тысячъ нашихъ стояло противъ 130 тысячъ французовъ, которыи конечно хотѣли розбити середину русскои арміи, но то не удалося. Гибли цѣлыи полки по одной и другой сторонѣ, по нѣскольконадцать разовъ позиціи переходили изъ рукъ до рукъ. Русскіи стояли якобы вкопанный муръ. Рѣками плыла кровь; Наполеонъ слалъ тысячи по тысячахъ противъ русскихъ, а тѣ покосомъ клали наѣздниковъ, а и своихъ не жалѣли головъ. Вечеромъ русскіи на волосъ не отступили оть первѣстныхъ позицій.

Перевага была по ихъ сторонѣ. Но Кутузовъ не хотѣлъ ослабляти своеи арміи дальшою битвою; французовъ ждало другое, еще тяжшое пораженіе. Русскіи войска стали уступати. Битва была нерѣшена, однако учены историки признаютъ побѣду русскимъ.

Военная пода рѣшила не ставати надъ Москвою до битвы, а отдати мѣсто французамъ. Дня 2 сентября Наполеонъ вступилъ въ Москву. Мѣсто было пустое, всѣ жители его оставили, всѣ съѣстныи припасы вывезено, або снищены. Уже первои ночи мѣсто стало со всѣхъ сторонъ горѣти. Мешканцы рѣшили спалити мѣсто. Наполеонъ не малъ где головы склонити, и мусѣлъ поселитися за мѣстомъ.

Наполеонъ теперь понялъ, что зле съ нимъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Москвѣ въ потребѣ перебудетъ зиму, а съ весною начнетъ и побѣдоносно покончитъ дальшую войну. Теперь видѣлъ онъ передъ собою сгарища. До того не было где достати хлѣба, ни корма для коней.

Наполеонъ хотѣлъ заключити съ царемъ Александромъ миръ, но царь даже не далъ ему отвѣта. Всюда, где стояло французское войско, народъ сталъ ихъ убивати и не допускалъ до ихъ таборовъ ниякихъ припасовъ. Русская армія, укрѣплена новыми силами, начала теперь наступати на французовъ. Дня 6 октября французы вышли изъ Москвы. Русскіи войска нападали на нихъ и безпощадно громили.

Теперь уже ишла битва по битвѣ. Подъ Вязьмой, Духовщиной, подъ мѣстомъ Краснымъ — всюда французы были розбиты. Въ той послѣдной битвѣ русскіи сдобыли 126 пушокъ и взяли 26 тысячъ французовъ въ плѣнъ.

При переправѣ черезъ рѣку Березину русскіи розбили на прахъ вражую армію. 20 тысячъ французовъ лягло трупомъ, и еще разъ только пошло въ плѣнъ. Наполеонъ съ своею гвардіею утекъ. Недобитки его арміи

волоклися всѣми дорогами, гибли отъ голода, зимна и отъ гнѣву народа. На Рождество Христа Спасителя не было уже ни одного изъ французскихъ воиновъ въ Россіи. Были только плѣнны. По церквяхъ всеи державы служено благодарственныи молебны за освобожденіе русскои державы отъ наѣзда нечестивыхъ враговъ.

Война на томъ не кончилася. Царь Александръ воззвалъ Пруссію, Австрію и Швецію, чтобы совокупно покончити разъ на всегда съ Наполеономъ. Англія прирекла дати на то гроши и оружіе.

Русскіи войска вступили въ прусскую землю и съ австрійскими и прусскими войсками начали дальшую войну противъ Наполеона. Онъ собралъ опятъ великую армію. Въ р. 1813 пришло до великои тридневнои битвы подъ мѣстомъ Лейпцигъ (въ Саксоніи). По обоихъ сторонахъ было разомъ 500 тысячъ войска и 2 тысячи арматъ. Наполеонъ програлъ битву и отступилъ за Рейнъ. Но побѣдоносное русское оружіе мало французамъ отплатити за Москву таки въ ихъ собственной землѣ. Русскій войска, а съ ними австрійскіи и прусскіи подъ командою царя Александра I вступили въ французскую землю. Подъ стѣнами Парижа (головного мѣста Франціи) пришло до кровавои битвы. Побѣду рѣшили русскіи войска. Дня 19 марта 1814 г. Парижъ поддался. Наполеонъ отрекся отъ престола. Ему отдано во владѣніе островъ Эльбу на Средиземномъ морѣ. Изъ Эльбы не свободно ему было выѣзжати.

И такъ закончилася долголѣтная война, въ которой о судьбѣ Европы рѣшила Россія. А чейже Россія при величайшихъ жертвахъ не отнесла изъ долголѣтнои войны ниякои корысти, кромѣ блеску и славы. Такая однако судьба русского народа, чтобы заступался за другими, которыи всегда и всюда за добро отплачуются зломъ. Наполеонъ разъ

еще потрясъ Европою, бо вернулъ изъ Эльбы и завладѣлъ Парижемъ. Пришло до новои войны, но тутъ счастье ему не дописало. Подъ Ватерлоо, въ Бельгіи, войска его были розбиты, а онъ самъ плѣнникомъ вывезенъ былъ на пустый, недоступный островъ святои Елены, въ Атлантическомъ Океанѣ. Тутъ подъ англійскою стражею онъ въ забытью а по части и въ бѣдѣ умеръ. Такъ погибъ геній, обдаренный Богомъ великимъ умомъ. Но самолюбіе, которое вознесло его на престолъ, низвергло его изъ него на новый доказъ, что гордымъ Богъ противится.

Владѣтели Европы съѣхалися въ Вѣднѣ на конгрессъ, т. е. на нараду о дальшихъ судьбахъ народовъ. Предсѣдателемъ конгресса былъ русскій царь, Александръ. Между инымъ рѣшено, что княжество Варшавское мае належати до Россіи. Царь надалъ Польщѣ право самоуправленія, т. е. конституцію, при чемъ царь малъ быти разомъ и польскимъ королемъ. Земли, что колись належали до королевства польского, а теперь были при Россіи, названо: „Царство Польское“. Поляки мали свои уряды, школы и войско. За все то отплатилися они Россіи вѣчными безпокоями и бунтами.

Цѣлое царствованіе Александра I то была безпрерывная война. Всеже таки зорко слѣдилъ онъ за ходомъ державнымъ. Онъ установилъ „Государственный Совѣтъ“ (1801 р.), въ которомъ засѣдали покликаны царемъ достойныи мужи. Въ рокъ потомъ (1802 р.) установилъ онъ восемь министерствъ, которыи мали завѣдовати всѣми державными справами.

Царь Александръ первый занимался щиро положеніемъ селянъ. Онъ носился съ мыслію освободити селянъ совсѣмъ отъ панщины, что однако черезъ вѣчныи войны отвлеклося и ажъ за царствованія его внука вошло въ житье. Помѣщикамъ (дѣдичамъ) было строго заборонено издѣватися надъ селянами.

Въ р. 1825 русскіи войска стали собиратися при турецкой границѣ. Грецiя, которая была подъ турецкимъ ярмомъ, хотѣла выбитися на свободу. Турки стали въ найбольше жестокій способъ рѣзати хри-

стіанъ. Звѣрство ихъ потрясло всею Европою. Царь не могъ стерпѣти кривды православного народа и приказалъ войскамъ идти въ турецкую землю. Но иначе судилося.

Царь Александръ I занедужалъ и скончался дня 19 ноября 1825 р. въ Таганрогѣ, въ полудневой Россіи. Народъ вдячный за всѣ его великіи подвиги, именно за борбу съ Наполеономъ, наименовалъ царя Александра „Благословеннымъ".

Императорь Николай Первый

(отъ 1825 р. до 1855 р).

Царь Александръ I умеръ бездѣтный. На престолѣ малъ засѣсти братъ его, Константинъ Павловичъ. Но тотъ отказался еще за житья Александра отъ престола. Царемъ сталъ молодшій ихъ братъ, Николай Павловичъ. Царевичъ Константинъ осталъ и на дальше намѣстникомъ царства польского.

Сейчасъ по оголошенью манифеста о вступленіи царя Николая на престолъ, нѣкоторыи молодыи заговорщики вызвали въ Петербургѣ бунтъ, и притягнули за собою часть войска. Они гадали, что удастся имъ скинути царя съ престола и завести въ Россіи республику. Но бунтъ тотъ сейчасъ былъ сдавленный, а заговорщики, званы „декабристами" пошли, въ Сибиръ.

Россія мусѣла начати нову войну съ Персіею и Турціею. Персидскій шахъ подбурилъ кавказскихъ горцовъ до бунта противъ Россіи и самъ началъ войну. Однако побитый на-голову мусѣлъ просити о миръ, уступилъ Россіи Эриванское и Нахичеванское ханства и заплатилъ 20 милліоновъ рублей.

Миръ заключено въ Туркманчай въ 1828 р. Еще за царя Павла I грузинскій царь, Георгій XII, умираючи завѣщалъ Грузію Россіи. Теперь Россія граничила уже безпосередно съ Персіею, а тота боялася,

что русскій царь съ часомъ заберетъ еи земли. Длятого шахъ персидскій подбурилъ горцовъ, котсрыи жили на Кавказѣ, до долгой борбы съ русскими войсками. Въ р. 1826 шахъ выслалъ свои войска въ русскіи предѣлы. Но генералъ Паскевичъ поразилъ персовъ подъ Елисаветполемъ, занялъ сильную крѣпость Эривань и готовился идти до столицы Персіи, Тегерану. Тогда то шахъ мусѣлъ просити о миръ.

Побѣдоносная война съ Турціею закончилася 1829 р. миромъ въ Адріанополѣ. Турція признала независимость Греціи, а княжества Молдавію, Волохію и Сербію (где жилъ православный народъ) отдала подъ покровительство Россіи.

Уже Александръ I хотѣлъ приневолити Турцію, чтобы признала свободу Греціи. Царь Николай разомъ съ Австріею и Англіею вступился за греками. Соединенныи флоты заперли военныи турецкіи корабли въ Наваринскомъ заливѣ и спалили ихъ (8 апрѣля 1827 р.) Султанъ и тогда не уступилъ. Англія и Австрія отступили, и русскій царь самъ одинъ заступался за православными греками. Война велася въ европейской и азіатской Турціи. Русскіи заняли дунайскіи княжества Молдавію и Волохію, перешли Дунай, взяли Варну. Въ азіатской Турціи генералъ Паскевичъ розбилъ турецкое войско и взялъ крѣпость Карсъ, что уходила за неприступную для облоги. Слѣдующого року главную команду надъ войскомъ обнялъ графъ Дибичъ. Онъ розбилъ турецкую армію, занялъ крѣпости Тумлю и Силистрію и станулъ подъ Адріанополемъ. Султанъ не малъ выхода, онъ отказался отъ Греціи и царь прекратилъ войну. А чтобы въ Сербіи турки не угнетали христіанъ, то Сербіи признано самоуправленіе. Турція не смѣла вводити сюда своихъ войскъ такъ, что зависимость Сербіи отъ Турціи существовала только на паперѣ.

По турецкои войнѣ пришлося русскимъ войскамъ сдавити мятежъ поляковъ. Въ 1830 р. они поднесли въ Варшавѣ повстанье. Бунтъ тотъ ширился также въ Литвѣ и на Волыни. Поляками предводилъ генералъ Хлопицкій, а потомъ Скшинецкій. Графъ Дибичъ, а потомъ графъ Паскевичъ отнесли окончательную побѣду надъ бунтовщиками. Русскіи войска заняли Варшаву. За кару отобрано царству польскому самоуправленіе, розвязано ихъ войско, а въ школахъ и урядахъ введено русскій языкъ.

Польша все думала только о бунтѣ. Мала она свое войско, прехорошо вышколене царевичемъ Константиномъ Павловичемъ. Такъ задумала освободитися отъ Россіи, хотя и въ небѣ не могло полякамъ лучше быти, якъ въ тойже Россіи. До бунту подговоряли ихъ и тѣ державы, которыи завидовали Россіи еи силы и могущества. Въ р. 1830, дня 17 ноября въ ночи поляки начали въ Варшавѣ революцію. Они ограбили арсеналъ, т. е. складъ оружія, напали на русскихъ, которыи были въ Варшавѣ, и многихъ убили. Великій князь Константинъ счастливо уйшолъ небезпеченства. Повстанье стало общее; польское войско заняло даже крѣпость Модлинъ. Нашлися однако трезво на дѣло смотрящіи поляки, и тѣ послали до царя Николая посольство съ прошеніемъ о пощаду. Царь отповѣлъ такъ: „нехай поляки положатся на мене, и они будутъ счастливы. Я яко польскій король мушу сдавити повстанье и укарати виновныхъ, а если поляки берутся до оружія, то нехай знаютъ, что своими пушками розобьютъ Польшу". Но поляки не слухали перестороги; противно, на сеймѣ оголосили они, что царь Николай не есть больше польскимъ королемъ. Тогда графъ Дибичъ съ войскомъ вступилъ въ Польшу, розбилъ бунтовщиковъ подъ Гроховомъ, а потомъ подъ Остроленкою. Но поляки всеже мали 80 тысячъ войска и война продолжалась дальше. Позднѣйше графъ Паскевичъ станулъ подъ Варшавою, занялъ предмѣстье Волю, а по дводневной осадѣ сдобылъ Варшаву. Польское войско вынеслося за границу, въ Пруссію, а также и зачинщики повстанья пошли до французовъ жебрати хлѣба. На якій-то часъ былъ съ поляками спокой.

По всей Европѣ прославилася слава св. Руси. Чужесторонныи цѣсари просили русского царя о раду и помощь. Въ 1848 р. на Венгріи возникло народное возстаніе. Венгрія хотѣла оторватися отъ Австріи. Цѣсарь австрійскій, Францъ Іосифъ I, не могъ собѣ дати рады. Такъ просилъ онъ о помощь царя Николая I и цѣловалъ его руку. Царь послалъ свое войско въ помощь, и въ 1849 р. якъ только показалося въ Венгріи русское войско, мадьяры застановили революцію. Русскіи войска ишли на ту войну и вертали черезъ Галичину, где до нынѣ осталася о нихъ найлучшая память.

Вправдѣ нѣтъ села, где бы народъ, наученный старожилами, не сгадовалъ найлучшимъ словомъ русскихъ войскъ. Где были, тамъ дѣлилися съ народомъ своимъ хлѣбомъ и стравою. Поражала всѣхъ

ихъ великая набожность и строгое храненіе постовъ. Генералъ, чи простый солдатъ, всѣ они спѣшили въ церковь молитися Богу. И народъ сердцемъ стремился до нихъ, чувствовалъ, что то братья и что идутъ они изъ роднои земли, изъ земли русско-православнои.

А Австрія, что всегда здрадою отплачалася Россіи, вмѣсто подяки, что наши войска спасли ю отъ неминуемой погибели, она готовила новый, злобный подступъ противъ Россіи: она готовилася, якъ казалъ одинъ изъ еи министровъ, „удивити свѣтъ своею неблагодарностью". Не только она, но всѣ другіи державы боялися того роста, до якого дошла своимъ трудомъ и своими жертвами Россія. Но не мали смѣлости выступити явно и стягнути на себе гнѣвъ русского народа. Длятого подговорили Турцію, чтобы она, числячи на ихъ помощь, начинала.

Царь Николай I выступилъ противъ того, что турки въ Палестинѣ (святой землѣ) угнетали православныхъ. Турція, подговорена другими державами, не покорилася царскому приказу. Царь началъ 1853 р. войну. Англія и Франція выступила въ оборонѣ Турціи, а Австрія и Пруссія помогали имъ.

Где ишло о здраду, тамъ другіи державы ишли смѣло слѣдомъ Австріи. Франція и Англія, два отвѣчныи враги, теперъ стаютъ пріятельками, Пруссія, которую только Россія спасла передъ цѣлковитою погибелію, важится также подносити голосъ. Но русскій адмиралъ Нахимовъ спалилъ на Черномъ морѣ при Синопѣ турецкій флотъ. Тогда союзный англійскій и французскій флотъ на Черномъ морѣ при Добруджѣ высадилъ 50 тысячъ своего войска.

Союзныи враги хотѣли снищити русскій черноморскій флотъ. Русскіи скрыли свои корабли въ пристани, которая была подъ неприступною крѣпостію, Севастополемъ. Враги начали осаду. Среди незвычайнои храбрости наши черезъ 11 мѣсяцевъ боронили Севастополь.

Русскимъ войскамъ удалося счастливо обвести Севастополь на часъ земляными укрѣпленіями, которыи были сдѣланы по плану инженера Тотлебена. Адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ отдали изъ кораблей далеконосныи пушки, а матросы пошли на службу въ Севастополь. Франція, Англія, Турція а потомъ еще и Сардинскій король ломили себѣ зубы надъ Севастополемъ, но всѣ ихъ приступы не придалися имъ ниначто. Въ крѣпости были храбрыи русскіи воины

и тутъ доказовали они чудесъ отваги. Дванадцатьлѣтныи мальчики среди пушечного огня и небезпеченства смерти подавали нашимъ солдатамъ кули до пушокъ.

Въ томъ надошла тревожная нечаянная вѣдомость о майже скоропостижной смерти императора Николая. Заплакали севастопольскіи герои и тѣмъ усильнѣйше боронили крѣпости.

Въ русской державѣ царь Николай I печалился о добрѣ народа. За его приказомъ издано сборникъ всѣхъ обязующихъ законовъ. Книга та называется ,,Сводъ Законовъ Россійской Имперіи". Крѣпостнымъ селянамъ, которыхъ увольнили ихъ паны, можно было куповати на властность землю. За царя Николая построено въ Россіи двѣ первыи желѣзницы, между Петербургомъ и Царскимъ селомъ (1837 р.) и между Петербургомъ а Москвою (1854 р.). Также заботился царь о школахъ и просвѣщенію.

И такъ въ Кіевѣ основано университетъ, а въ Петербургѣ главную школу для учителей, военную академію, школу правовѣдѣнія (судейскую) и кадетскую для будущихъ офицеровъ. Стали выходити газеты, появилося много умныхъ книгъ. Николай Карамзинъ посвятилъ майже чверть вѣка на написаніе книги, которая зовется: ,,Исторія Государства Россійского". Поэты Дмитріевъ и Батюшковъ, писатель Озеровъ и Грибоѣдовъ, баснописцы Крыловъ и Жуковскій высоко поднесли русскую письменность. А надъ всѣхъ превознесли имя русскои отчизны два геніи одаренныи Богомъ безсмертнымъ талантомъ, Пушкинъ и Гоголь. Пушкинъ то уже не только русскій, то найславнѣйшій поэтъ всего свѣта. Его поэзіи поражаютъ своею красотою и ними восхищатися будетъ просвѣщенный свѣтъ во вѣки. Творы Пушкина переведены на всѣ майже языки. А есть въ нихъ только любови своего отечества, что назвати его мусимъ гордостію и славою русского рода. Гоголь, сынъ Малороссіи, живымъ словомъ якобы красками рисуетъ еи жизнь. Въ его письмахъ якобы маевое солнце пробиваетъ все, что чинитъ житье народа погоднымъ и яснымъ. Вѣрный своему отечеству, онъ писалъ все на русскомъ литературномъ языкѣ. За царя Николая началася найкрасшая доба для русского свѣтогляда, доба науки и красоты.

Николай первый упокоился 18 февраля 1855 р. На престолѣ засѣлъ его сынъ, Александръ вторый.

Императоръ Александръ II
(отъ 1855 до 1881 р.).

Въ тяжелую минуту вступилъ на престолъ царь Александръ II. Въ Крымѣ, на Кавказѣ, въ Малой Азіи кипѣла война; на Балтійскомъ, Бѣломъ морѣ и на Восточномъ океанѣ треба было быти приготованнымъ на можливость напада со стороны непріятельского флота. Облога Севастополя продолжалась дальше, именно въ дняхъ отъ 5 до 27 августа враги обстрѣливали крѣпость такъ, что весь Севастополь замѣнился въ груду розвалинъ.

Нововступившій на престолъ царь Александръ II рѣшился миромъ закончити войну, якая началася за царя Николая I. Дня 27 августа 1855 р. союзныи силы враговъ разорили пушками Севастополь, Но они понесли только стратъ, что охотно пристали на миръ. Весною 1856 р. собралися въ Парижѣ представители всѣхъ державъ, а дня 18 марта заключено въ Парижѣ миръ. Миръ тотъ былъ для Россіи дуже некорыстный.

Турція получиля назадъ все, что на початку войны утратила. На Черное море мали приступъ торговельныи корабли всѣхъ державъ. Зато на дальномъ востокѣ присоединила Россія до своеи держави при-Амурскій край. Въ 1857 р. Китай безъ войны отступилъ Россія ту область. А уже въ р. 1860 присоединенъ до русскихъ земель и Уссурійскій край. Надъ рѣкою Амуръ поселилося много народа; тамъ основано мѣста Благовѣщенскъ и Николаевскъ. Въ Уссурійской же области важнымъ дуже для Россіи основанъ Владивостокъ, яко перворядная военная и торговельная пристань при Восточномъ океанѣ.

При концѣ царствованія Николая I на Кавказѣ поднесъ великій бунтъ храбрый и заѣлый Шамиль. Война та приняла видъ религійного возстанія, потому была тѣмъ завзятѣйшая. Царь Александръ скрѣпилъ армію, которая дѣйствовала противъ бунтовщиковъ, а начальникомъ Кавказа назначилъ князя Барятинского. Тотъ среди невысказанныхъ трудностей покорилъ самую дикую часть восточного Кавказа—Чечну и Дагестанъ. Въ р. 1859 поддался и кровожадный Шамиль. Царь Александръ простилъ ему, вызначилъ пожизненную платню и позволилъ поселитися въ Калугѣ.

Въ Привислянскомъ краю, давномъ царствѣ польскомъ, поляки начали новое повстанье. Подъюдила ихъ до того здрадливая Австрія, Франція и Англія. Но народъ сельскій не бралъ участи въ бунтѣ, а только шляхта. Бунтъ тотъ дуже легко усмирено. На будущее обезпечено тотъ край такъ, что поляки уже не могли больше думати о бунтѣ. Послѣдное то польское повстанье было въ 1863 р.

Царь Александръ съ отцевскою любовію относился до поляковъ. Намѣстникомъ привислянского края былъ братъ царя, великій князь Константинъ Николаевичъ, а главнымъ начальникомъ гражданского управленія былъ полякъ, Вельопольскій. Ляхамъ однако захотѣлося бунту. Изъ Галичины цѣлыи банды молодиковъ изъ школы и вся сволочь перекрадалася за границу до ,,повстанья'' Но коли пришлося глянути око въ око козакамъ, тогда отвага утекала въ пяты, и повстанцы утекали ,,до ляса''. Многихъ заслано въ Сибирь, зачинщики же або повисли на висѣлицахъ, або поутекали за границу, где туманили людей розсказами о жестокости русскихъ, а о храбрости польскихъ ,,богатыруфъ'', которыи на видъ козацкои нагайки удирали во всѣ лопатки. Такое ,,повстанье'' мусѣло дуже скоро окончитися. За кару отобрано ляхамъ остатки правъ, якіи имъ прислугували. Селянамъ, за то, что не шли за бунтовниками надано такіи самыи льготы, якими пользовалися селяне въ цѣлой Россіи.

Ляхи задумали также и на Литвѣ выкликати повстанье. Но управителемъ Литвы былъ графъ Муравьевъ, который умѣлъ держати все въ рукахъ по военному, потому ляхи не могли тутъ ничего сдѣлати. Такъ Литва не бунтовалася. Польша, ,,отъ моржа до моржа'' не воскресла и не возстанетъ николи.

Отъ 1864 до 1876 р. вела Россія войну въ Средной Азіи съ Коканскимъ, Хивинскимъ и Бухарскимъ ханствами. Русскіи заняли мѣста Туркестанъ, Ташкентъ, Самаркандъ и Хиву. Въ томъ мѣстѣ велася всегда торговля невольниками. Русскіи войска освободили всѣхъ невольниковъ и отослали на родину. Война та закончилася цѣлковитою побѣдою русскихъ войскъ надъ розбойничьими поганскими племенами. А снова въ р. 1877 началася новая война съ Турціею.

Въ Балканскихъ областяхъ, которыи все еще были зависимы отъ турковъ, православныи въ Черногоріи, Сербіи, Босніи и Герцоговинѣ страдали только отъ бесерменовъ, что остаточно Черногорія и Сербія хватили за оружіе. Изъ цѣлои Россіи ишла имъ помощь, православныи давали гроши и оружіе для братьевъ своихъ, православныхъ, полудневыхъ славянъ. Тысячи добровольцевъ спѣшили имъ въ помощь. Русскій царь постарался о то, что въ Константинополѣ съѣхалися представители державъ, чтобы полагодити дѣло полудневыхъ славянъ. Но Австрія съ іезуитскимъ усердіемъ, а за нею Англія голосно обставали за Турціею, и твердили, что Россія не мае права мѣшатися въ турецкіи справы. Но русскій царь слухалъ Божьего приказа, а не дбалъ о фарисейство завистныхъ враговъ. Колижъ турки не уставали угнетати полудневыхъ славянъ тогда:

Царь Александръ II началъ въ р. 1877 войну съ Турціею за то, что она угнетала православныхъ, полудневыхъ славянъ. Русскіи войска перешли Дунай, заняли Болгарію, и замкнули головный приходъ черезъ Балканы. Турки выслали противъ русскихъ ажь три арміи. Однако русскіи войска сдобыли турецкую крѣпость Плевну, розбили турецкую армію Османа - паши, перешли за Балканъ и подступили подъ Константинополь. Турецкій султанъ мусѣлъ просити о миръ.

И въ той войнѣ поблагословилъ Господь Богъ русскому оружію. Турки поставили ажъ три арміи, ихъ подмогала грошми Англія. Крѣпость Плевну боронилъ Османъ-паша, одинъ изъ даровитѣйшихъ турецкихъ генераловъ. Однакъ и та крѣпость мусѣла поддатися. Русскіи войска въ зимѣ перешли Балканскіи горы, а побѣда ишла все ихъ слѣдомъ. Подъ Константпнополемъ турки просили о миръ.

Въ 1878 р. царь Александръ II въ Санъ-Стефано согласился на просьбу султана о миръ. Болгарія получила самоуправленіе, съ малою зависимостію отъ султана. Черногорія и Сербія получили полную независимость. Россія задержала для себе въ Малой Азіи Карсъ и пристань Батумъ на полудневомъ берегу Черного моря.

Не смотря на то, что Россія просто ничего не скорыстала на той войнѣ, Англія и Австрія домогалися, чтобы условія того мира были потверждены обще-европейскимъ конгресомъ. Иначе загрозили Россіи войною. Царь Александръ согласился на то и въ 1878 р. въ юнѣ, конгресъ тотъ собрался въ Берлинѣ. Конгресъ измѣнилъ условія русско-турецкого мира на корысть Турціи о столько, что изъ Сербіи и Черногоріи урвано для неи по куску земли. Болгарію подѣлено на двѣ части; Дунайскую, надъ которою малъ быти князь, на якого согласятся всѣ эвропейскіи державы, и Забалканскую, которою малъ управляти назначенный султаномъ губернаторъ. А до того Австрія, которая ни пальцемъ не рушила, выжебрала для себе Боснію и Герцоговину и то на часъ только, будтобы ,,для умиротворенія тихъ земель". Умиротворила же ихъ такъ, что въ р. 1909 насильнымъ способомъ присоединила ихъ разъ на всегда до своихъ земель. На то не просила старая грѣшница позволенія конгресса. И такъ русскіи боролися, кровь проливали, а Австрія хитростію и подступомъ заграбила славянскіи земли.

Царь Александръ II занялся всею душею улучшеніемъ порядковъ въ русской державѣ. Найбольшимъ его дѣломъ было освобожденіе селянъ изъ крѣпостничества (неволи). До теперь селяне были властностію помѣщиковъ, и тѣ мали право куповати, або продавати селянскіи родины разомъ съ землею, которую они обрабляли. Царь оголосилъ селянъ вольными и всѣ они получили во властность землю, которую мали сплатити помѣщикамъ. Такъ то 22 милліона крестьянъ стали свободными гражданами русскои земли. За то благодарный народъ назвалъ царя ,,Освободителемъ". И пока солнцу сіяти, русскій народъ будетъ благословити его память. Сталося то 1861 р.

,,Осѣни себе крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ-залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Тими словами кончится манифестъ, оголошающій освобожденіе крестьянъ. Также устроено положеніе крестьянъ что до управленія ихъ дѣлами. Установлено волости и села съ волостными и сельскими старшинами, волостный судъ и др.

Царь Освободитель далъ (1864 р.) своимъ подданнымъ ,,судъ гласный, скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ". Установилъ для великихъ дѣлъ присяжные суды, а для меньше важныхъ мировыи суды. Также сократилъ царь часъ военной службы и рѣшилъ, что всѣ сословія однаково суть обязаны отбывати военную службу. Царь Александръ II заводилъ школы, подпиралъ торговлю и промыслъ.

Довольно сказати, что до его владѣнія Россія мала всего 650 верствъ желѣзнои дороги, а за него построено 22 тысячъ новыхъ верствъ. На Волгѣ, Камѣ и Каспійскомъ морѣ насталъ оживленный корабельный рухъ. На Черномъ морѣ за царскою помощью образовалося: ,,Русское Общество пароходства и торговли". Добро народа, добрс Россіи — вотъ цѣль житья того великого добротою императора.

И тотъ найлучшій царь, тотъ родный отецъ своимъ, Освободитель и покровитель бѣдныхъ защитникъ Христовои вѣры палъ жертвою подлыхъ здрадниковъ отчизны. Уже отъ временъ французскои революціи въ Россіи находилися люди, которыи вязалися въ тайныи, революційныи кружки; они не вѣрили ни въ Бога, ни въ ничто, не признавали ниякои власти и для того звалися нигилистами. Одни изъ нихъ хотѣли иного порядка въ державѣ, другіи хотѣли революціи на подобіе французской. Нигилисты, где могли, убивали высоко поставленыхъ лицъ, чтобы обратити вниманіе Общества на свою подлую роботу. А что они не знаютъ разницы между злымъ, а добрымъ, что больше, стараются усувати изъ свѣта людей честныхъ, то сговорилися они на житье царя Александра. Дня 1. марта 1881 р. коли царь переѣзжалъ улицами Петербурга, нигилисты кинули подъ его сани бомбу. Страшно раненый царь скончался того самого дня.

Царь-Освободитель умеръ дня 1. марта 1881 р. Память его останетъ всегда святою для русского народа.

Царь Александръ III

(отъ 1881 до 1894 р.).

На царскомъ престолѣ засѣлъ сынъ покойного царя, Александръ III. Царствованіе его было дуже миролюбивое. Онъ отдался всею душею заботамъ о добро русскои державы.

Уже за житья отца принималъ Александръ III живую участь въ государственныхъ дѣлахъ. Яко царь хотѣлъ онъ докончити и усовершити все то, что вводили мудро его попередники, а что черезъ безпрестанныи войны натыкало на многіи препятствія.

Царь Александръ III завелъ церковно приходскіи школы. За его приказомъ учреждено „министерство земледѣлія“ для улучшенія народного земельного добробыта. Царь приказалъ строити новыи желѣзнодорожныи линіи, побольшилъ русскій флотъ и двинулъ много крѣпостей.

Умное владѣніе того царя утвердило Россію въ еи силѣ. Царь улучшилъ вооруженіе войска, укрѣпилъ границы державы. Но также старался онъ о то, чтобы и поляки и нѣмцы въ Финляндіи приближалися до русскихъ понятій, и полюбили ту Россію, которая всегда такъ щиро заботилася о ихъ добро. Высоко хранилъ онъ достоинство русского императора, самъ не мѣшался до иностраннои политики, но умѣлъ охоронити Россію отъ вмѣшательства другихъ до еи дѣлъ. Коли Нѣмцы, Австрія и Италія связалися тройственнымъ союзомъ, тогда царь заключилъ союзъ съ Франціею. Европа срозумѣла, что тотъ союзъ не позволитъ на то, абы нѣкоторыи державы злоупотребляли свои силы на некорысть другихъ.

Но неумолимая судьба вскорѣ позбавила Россію того миролюбивого царя. Долгая слабость подтяла его силы. И такъ:

Царь Александръ III скончался въ Ливадіи (на полудневомъ берегу Крыма) дня 20 октября 1894 р. Благодарный народъ придалъ ему названіе: Царь „Миротворецъ“. На царскомъ престолѣ засѣлъ по Божьей милости владѣющій намъ нынѣ самодержавный Государь, Николай II Александровичъ, старшій сынъ Александра III.

Государи Державной Руси изъ дома Романовыхъ.

Галичина подъ Австріею.

По первомъ роздѣлѣ Польши (1772 р.) Галичина присоединена остала до Австріи при которой (на жаль) и до теперь остаетъ. Австрія занялася въ первыхъ часахъ дуже щиро русскимъ народомъ проживающимъ въ Галичинѣ. Въ часѣ присоединенія тои исконы русскои земли до Австріи владѣла въ ней цѣсарева Марія Θересія. Была она добра и справедливая монархиня (владѣтельница).

Марія Θересія знала добре, якъ великіи бѣды перенесла Галичина подъ лукавымъ рядомъ Польши. Народъ былъ обѣднѣлый, темный, духовенство понижене, мало учене. Она выслала своего сына, цѣсаревича Іосифа до Галичины, где онъ наочно пересвѣдчился о великой нуждѣ русского селянства. Изъ Львова писалъ онъ до матери, что конечно треба тутъ поднести торговлю, промыслъ и рольництво, иначе народъ пропадетъ. А прежде всего треба образовати духовен, ство, бо безъ него, якъ писалъ Іосифъ, для просвѣщенія народа не дастся тутъ ничего сдѣлати. Однако не можно числити на уніатскихъ епископовъ и монаховъ, бо тѣ дбаютъ только о наживу.

А и теперь по селахъ всюда панами были шляхтичи-ляхи, а русскій селянинъ мусѣлъ на нихъ робити. Ляхи всегда одинако ненавидѣли православіе. Они посмѣли даже требовати отъ цѣсаревой что-

бы она вѣчнымъ закономъ заборонила въ Галичинѣ строити православныи церкви и чтобы велѣла смертію карати тѣхъ, которыи пріймутъ св. Православіе. Также домогалися они, чтобы народъ былъ всегда въ ихъ неволѣ. Они писали такъ: ,,Предки наши не мало пролили крови, пока приковали тотъ народъ до себе, для того просимъ, чтобы мы не были позбавлены права панованья надъ нимъ". На счастье Марія Θересія была австрійскою цѣсаревою, а не польскимъ крульемъ, и не дуже дбала о шляхту. Колижь сами уніаты жаловалися, что поляки ихъ притѣсняютъ, тогда цѣсарева приказала латинскимъ бискупамъ, чтобы они и ихъ ксендзы не дразнили русского народа.

Марія Θересія управильнила панщизнянную роботу, не позволила стягати съ народа неприписанныхъ податковъ, казала давати грошевыи подмоги бѣднымъ священникамъ, призначила въ вѣденскомъ семинарѣ мѣсто для 6 уніатскихъ богослововъ изъ Галичины, а уніатскихъ владыкъ покликала до участи въ совѣщаніяхъ галицкого сейма. Она умерла 1780 р. По ней наступилъ еи сынъ Іосифъ II. Былъ то дуже справедливый цѣсарь и дбалъ о русскій народъ. Во Львовѣ основалъ русскую духовную семинарію. На университетѣ во Львовѣ приказалъ учити богословіе на рускомъ языкѣ. Священникамъ вызначилъ рочную платню и освободилъ ихъ изъ-подъ опеки и власти ополяченныхъ базиліановъ.

До теперь было такое установленіе, что епископъ могъ быти избранный только изъ базиліанъ. Въ ихъ рукахъ были также всѣ достоинства уніатскои церкви. Они обходилися съ священствомъ бѣлымъ, т. е. мірскимъ, дуже зле и грубо, обдирали его и оскорбляли. Цѣсарь Іосифъ приказалъ, что епископъ можетъ быти выбранный также изъ мірского духовенства. А что базиліяне не подлягали совсѣмъ власти епископовъ, то цѣсарь самъ поддалъ ихъ теперь подъ епископскую власть.

Треба знати, что цѣсарь Іосифъ не былъ пріятелемъ Рима, а уже дуже ненавидѣлъ дармоѣдовъ ксендзовъ. Коли Галичина пришла подъ Австрію, то числила полно монастырей. Въ цѣлой Австріи было ихъ 2067. Цѣсарь Іосифъ приказалъ снести тѣ монастыри, а землю

ихъ взяти для державы. Всего оставилъ онъ въ Австріи 700 монастырей, такихъ, что удерживали школы, або шпитали. Въ Галичинѣ снесено много польскихъ и уніатскихъ монастырей. Дошло до того, что самъ римскій папежъ ѣздилъ до Вѣдня просити цѣсаря, чтобы оставилъ монастыри, но цѣсарь майже не хотѣлъ съ нимъ говорити.

Цѣсарь Іосифъ приказалъ, что селяне не маютъ робити больше, якъ три дни въ недѣлю на панщинѣ. А въ 1782 р. снесъ онъ крѣпачество. Селянамъ вольно было теперь женитися безъ позволенія дѣдича. Можно было также переселятися съ одного мѣста на другое. Безъ позволенія дѣдича можно было идти до школы, або учитися ремесла.

Въ 1787 р. цѣсарь снесъ всякую утяжливую дань, якая тяготѣла на селянахъ. Также позволилъ селянамъ куповати землю. Всѣмъ тимъ заслужилъ онъ себѣ на вѣчную благодарность русского народа. Яко добрый монархъ не гордилъ онъ селянами, ѣздилъ перебранный по краю, подглядалъ, чи кто не кривдитъ бѣдныхъ людей, а кривдителей строго каралъ. На жаль владѣлъ онъ всего лишь 10 лѣтъ.

Цѣсарь Іосифъ II умеръ 1790 р. Его наслѣдникъ, Леопольдъ II былъ для русского народа справедливый. Выдалъ онъ наказъ, чтобы латинники не кривдили уніатовъ. Однако умеръ уже въ р. 1792. Цѣсаремъ сталъ его сынъ Францъ I. Онъ установилъ во Львовѣ уніатскую митрополію. (1808 р.).

Якъ видимъ, то уніатскою церковью рядилъ не папа, а австрійскіи цѣсари. Значитъ, уніаты были цѣсареславными тогда, коли въ Россіи царь совсѣмъ не мѣшался въ духовныи дѣла. Латинники противилися установленію митрополіи, а домагалися, чтобы уніатскихъ владыкъ поддати латинскому арцибискупу. Вѣдь унія была только хвостикомъ при латинянахъ. Если за польскихъ часовъ уніатскіи священники мусѣли давати латинскимъ ксендзамъ десятину, то чемужь теперь не мали бы подлягати латинскимъ бискупамъ. Только справедливость австрійского правительства спасла ихъ отъ того. Первымъ митрополитомъ сталъ епископъ Антоній Ангеловичъ. Онъ потерпѣлъ много отъ ляховъ, бо коли Наполеонъ сталъ подпирати поляковъ, то ихъ войско заняло разъ Львовъ и приказало всѣмъ присягати на вѣрность Наполеону. Ангеловичъ отказалъ тому, ледва живый утекъ изъ

Львовъ, но въ Сенечолахъ (долинского округа) увязнилъ его пьяница войтъ Костеля и отставилъ до Стрыя въ польскіи руки. Но панованье ляховъ въ Галичинѣ тревало всего нѣсколько дней и бунтовщики удрали передъ австрійскимъ войскомъ.

Цѣсарь Францъ подъ тяжкими карами заборонилъ издѣватися надъ селянами. Панщина мала отраблятися только въ первыи три дни недѣли, другіи дни малъ селянинъ для себе. Цѣсарь Францъ умеръ 1835 р. По немъ наступилъ цѣсарь Фердинандъ Благій.

Правдивый отецъ для бѣдныхъ и опущенныхъ, справедливый для всѣхъ, дбалый о просвѣщеніе и школы, благодѣтель церквей, для которыхъ не щадилъ жертвъ -- вотъ кто былъ цѣсарь Фердинандъ. Но найбольше святятъ и во вѣкъ святити будутъ его память сыны хлопскои стрѣхи. Отъ вѣковъ русскій селянинъ гнулся въ каблукъ на русскомъ, въ ляшскіи руки попавшомъ, ланѣ. Подъ нагайками гайдуковъ, атамановъ, шляхтичей трѣскала его шкура. Николи може не страдалъ такъ дуже рабочій народъ, якъ страдалъ онъ подъ шляхотскимъ игомъ, на панщинѣ. Мало уже такихъ, которыи памятаютъ ту панщину, но всѣ мы знаемъ ю изъ оповѣдань. Одна мука, одинъ плачъ, одинъ боль — вотъ что была панщина. И пришла минута, коли мали лопнути оковы.

Цѣсарь Фердинандъ Благій **дня 3 Мая 1848 р. снесъ разъ на всегда панщину**. Селяне стали вольными людьми, ровныи всѣмъ другимъ. Передъ тѣмъ въ мартѣ надалъ тотъ предобрый цѣсарь народамъ Австріи **конституцію**, то есть припустилъ весь народъ до управленія державою черезъ выбранныхъ изъ народа пословъ. Народъ русскій въ Галичинѣ донынѣ въ день 3 мая молится Богу за душу того благаго владѣтеля.

Русскій народъ платилъ всегда вѣрностью и любовью за всѣ добродѣтели того цѣсаря. Коли другіи народы Австріи бунтовалися, русскій народъ осталъ всегда вѣрнымъ цѣсарю. Въ многихъ кровавыхъ битвахъ русскіи полки билися храбро и не щадили своей крови. А коли въ самомъ Вѣднѣ пришло до революціи, то на стражи при монархѣ были безпрестанно русскіи воины.

Однако неблагодарность другихъ народовъ болѣла его такъ, что онъ рѣшился сложити съ себе тягаръ правленія.

Въ мѣсяцѣ октябрѣ 1848 р. въ Олмуцу, на Моравіи, цѣсарь Фэрдинандъ Благій, або Добротливый, якъ его звалъ народъ, отдалъ правленіе Австріею своему братаничу, нынѣшнему цѣсарю Австріи, Францъ Іосифу первому.

Руская Церковь.

Не было вѣка, чтобы русская Церковь не причисляла къ Лику святыхъ Богоизбранныхъ людей, которыи святостію житья, цѣлковитымъ посвященіемъ службѣ престола давали доказъ, что жизнь духовная среди русскои паствы не то не уменьшалася, а противно цвѣла прехорошимъ цвѣтомъ, яснымъ сіяла солнцемъ.

За царствованія Петра Великого русская церковь прославилася великими подвижниками, которыи причислены суть къ Лику святыхъ Угодниковъ Божіихъ. Были ними: святый Димитрій, митрополитъ Ростовскій, святый Митрофанъ, епископъ Воронежскій, и святый Иннокентій, епископъ Иркутска.

Уроженецъ Кіевскои земли, св. Димитрій учился въ кіевской академіи, принялъ монашество, а потомъ былъ проповѣдникомъ въ Черниговѣ, въ соборѣ. Но душа его глядала уединенія; онъ ушолъ въ Кіевопечерскую Лавру, где долгіи лѣта трудился надъ составленіемъ книги: „Житія Святыхъ“. Назначенный епископомъ для Сибири, ради слабого здоровья не могъ тамъ ѣхати. Потомъ яко митрополитъ Ростовскій открылъ онъ тутъ духовную семинарію, въ которой самъ училъ. Въ письмахъ своихъ онъ обличалъ блуды раскольниковъ. Коли царь Петръ приказалъ голити бороды, тогда суевѣрныи люди видѣли въ томъ ересь. Разъ явилися такіи доСвятителя и спрашивали, что маютъ дѣлати: „Намъ кажутъ брити бороды, а мы за нихъ головы положимъ“ „А чи голова отросте, коли вамъ ю отрубаютъ?“спросилъ Святитель.— „Нѣтъ“!—„Такъ лучше жертвовати бороду, которая можетъ отрости, чѣмъ голову“. Раскольники вѣрили, что въ человѣкѣ безъ бороды нѣтъ образа Божьяго. Св. Димитрій, чтобы устранити то лжеученіе написалъ книгу: „Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“. Велъ онъ затворническую, постническую жизнь, при каждомъ ударѣ звона поминалъ годину смерти. Всѣ свои доходы давалъ бѣднымъ. „Отъ моего постриженія

— говорилъ онъ — не глядалъ я другого имѣнія, кромѣ книгъ, не малъ безпотребной одежды, а всю надежду возложилъ на Господа и Тотъ не оставилъ мене". Господь объявилъ ему годину смерти; Святитель умеръ клячучи на молитвѣ (25 октября 1709 р.). Въ р. 1752 найдено его мощи нетлѣнными. Память его совершается дня 21 сентября.

Св. Митрофанъ, священническій сынъ изъ Владимірской земли, овдовѣлъ въ сороковомъ году житья, почемъ постригся въ монахи. Позднѣйше, яко владыка Воронежа, былъ онъ отцемъ для всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ и странствующихъ. Петръ Великій почиталъ дуже глубоко Святителя, а тотъ, яко ревный сынъ своеи отчизны, горячо попиралъ всѣ стремленія великого царя. На построеніе русского флота жертвовалъ онъ, 6, потомъ 4 и 3 тысячи рублей. При смерти Святителя (23 ноября 1703 р.) присутствовалъ царь, и самъ несъ гробъ его до могилы. Въ р. 1831 найдено его мощи нетлѣнными. Св. Церковь почитаетъ его память дня 23 ноября.

Св. Иннокентій, малороссъ, ученикъ кіевскои академіи, былъ настоятелемъ Московскои академіи, а такъ епископомъ Иркутскимъ. Туть навернулъ онъ много бурьятовъ до св вѣры, заложилъ школу, а все то среди великихъ гоненій и бѣдствій. Дважды хотѣлъ онъ достатись до Китая на проповѣдь Христовои вѣры, но оба разы не допустили его тамъ. Скончался 1731 р. а въ 1764 р. найдено его мощи гробъ и одежды нетлѣнными, и отъ того часу при гробѣ его сбылося много чудесъ. Въ р. 1804 причислено его къ Лику Святыхъ и память его чествуется 26 ноября.

Кромѣ тихъ Угодниковъ Божіихъ, были между русскимъ духовенствомъ мужи полныи заслугъ для Церкви и отечества. И такъ Стефанъ Яворскій, ученый монахъ Кіевопечерскои Лавры, позднѣйшій митрополитъ Рязанскій, а отъ р. 1700 ажъ до учрежденія Святѣйшого Синода завѣдатель патріаршого престола въ Москвѣ, преданный всею душею царю Петру, онъ найбольше причинился до поднесенія духовныхъ наукъ, а для Московскои академіи постарался о славныхъ учителей. Въ письмахъ своихъ выступалъ противъ раскола, а чтобы въ Россіи не принялися новости протестантскои вѣры, то написалъ противъ того дуже мудрую книгу: „Камень вѣры". Жилъ онъ въ великой дружбѣ съ св. Димитріемъ Ростовскимъ и на погребенію тогоже произнесъ похвальное слово, въ которомъ часто повторялъ слова: „святъ Димитрій, святъ".

Образованный былъ тоже Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ учился въ Нѣмеччинѣ и Франціи, и побивалъ католицкихъ ученыхъ ксендзовъ таки ихъ оружіемъ. Онъ былъ великимъ приклонникомъ царя Петра и во многихъ дѣлахъ правою его рукою. А такихъ мужей было дуже много. Мы читали, якъ усердно занимался церковными дѣлами царь

Петръ, якъ по его примѣру набожно жила его дочь, царица Елисавета. Съ временемъ заведено дальше идущіи порядки по монастыряхъ. На жаль расколъ не дался совсѣмъ устранити. Кромѣ того явилися еще „духоборцы“ которыи не признавали священства, гнушалися войною и всякимъ пролитіемъ крови, признавали каждому право проповѣданія, но за то вели дуже честное житье. Остатки ихъ есть еще донынѣ.

Миссіонеры ишли въ осередокъ давнѣйшого татарского царства и навертали Калмыковъ, Вогуловъ, Остяковъ, Бурьятовъ, Тунгусовъ и другихъ. Наука Христова была голошена въ далекой Камчаткѣ. Для Грузиновъ печаталися церковныи книги. А съ 1759 р. началося голошеніе Божьяго слова на Алеутскихъ островахъ Великого Океана, между берегомъ Америки и Сибиромъ, и на Аляскѣ. Было то первое начало нашои русскои православнои миссіи въ Америкѣ. И такъ:

Церковь православная высылала всюда своихъ миссіонеровъ для голошенія слова Божьяго. Тысячи поганъ познавало свѣтло св. Евангелія.

А уже неувядаемымъ вѣнцемъ мученичества окрылося св. Православіе въ русскихъ земляхъ, которыи были подъ польскимъ игомъ. Польша ни на минуту не залишала поганского гнета и гоненія православныхъ.

Православныи въ русскихъ земляхъ, которыи были подъ Польшею страдали безпрестанно. Всякія упомненія со сторони Россіи не помагали ничего. При помощи іезуитовъ и здрадниковъ владыкъ перетягнули ляхи на унію въ 1691 р. перемышльскую, а въ 1700 р. львовскую епархію. Въ два роки потомъ (1702) также Луцкій владыка здрадилъ св. вѣру и сталъ уніатомъ. Львовское Ставропигійское братство приняло унію 1710 р.

Противъ адского насилія трудно было устоятися. Ляхи высылали всюда миссіонеровъ, чтобы обманомъ, лестію, угрозами и карами неволили священниковъ до уніи. При Православію остала только Бѣлая Русь съ Могилевскою епархіею. Ажъ до минуты соединенія съ Великою Русью, православныи страдали тутъ такъ само, якъ давнѣйше на Украинѣ. Вотъ, что писалъ одинъ владыка до царя Петра Великого. „Въ Литвѣ жиды и татары маютъ свободу вѣры, но не маютъ еи право-

славныи. Татары и жиды строятъ божницы, православнымъ не вольно строити церквей. Подъ солнцемъ нѣтъ такого притѣсненія, якое терпитъ православная Церковь въ сторонахъ польской короны. Если Вашее Величество не освободитъ насъ, то да сохранитъ Господь Православіе отъ послѣдующихъ еще опасностей!".

Бѣлорусскій владыка Георгій Конисскій, который, можно сказати, клалъ душу за православіе, въ день вѣнчанія на царство Екатерины II промовилъ до неи такъ: „Въ Великой Руси свѣтильникъ вѣры, зажженный отъ дней Владиміра, блыстаетъ доселѣ; у насъ же тотъ свѣтильникъ перевернули противныи вѣтры. Тутъ въ храмахъ славословится Господа; у насъ же одни храмы отняты, другіи запечатаны и опустошены, и чути въ нихъ только голосы гнѣздящихся совъ и воронъ. Тутъ, кто больше благочестивый, тотъ и честнѣйшій; у насъ же за благочестіе терпимъ раны, узы, темницы, а нерѣдко и смерть!".

Войскомъ, кайданами, нагаями, муками, огнемъ, навертали ляхи православныхъ до проклятои уніи. Въ Мотренинскомъ монастырѣ, по правой сторонѣ Днѣпра жилъ игуменъ, Мелхиседекъ Яворскій, широко извѣстный изъ своего набожного житья. Ляхи хотѣли монастырь тотъ забрати для уніи. Яворскій поѣхалъ до царицы Екатерины II и розсказалъ о всѣхъ нуждахъ православного народа. Екатерина дала ему писмо до польского короля, а тотъ наказалъ пріостановити всякіи гоненія православныхъ. Яворскій съ королевскою грамотою верталъ до дому, но тутъ его схватили, и кинули въ темницу, где мучили его черезъ нѣсколько недѣль голодомъ, такъ, что майже чудомъ спасся и вернулъ до своего монастыря.

А вже незвычайною святостію житья прославилася Почаевская Лавра. (Въ Волынской губерніи, одна миля отъ нынѣшнои австрійскорусскои границы, т. е. отъ Галичины.) Уже въ 1240 р. поминается она. По всей вѣроятности по нашествію Батыя и разоренію Кіева, монахи изъ того мѣста о сновали ту обитель. Знаемъ что:

Отъ давныхъ давенъ православный народъ горнулся до Почаевскои Лавры (монастыря). Тутъ около 1261 р. явилася на скалѣ, въ огненномъ пламени Пречистая Дѣва, Мати русского краю. На мѣстѣ, где стояли Ея святыи стопы, лишился слѣдъ правои ноги, а при немъ источникъ воды. Долго „Стопка", якъ звали тое мѣсто, оставала подъ голымъ небомъ, но съ часомъ воздвигнено тутъ церковь Успенія Пресв. Богородицы. Въ 1559 р. греческій митрополитъ Неофитъ оставилъ тутъ икону Пречистои Бого-Матери. Икона та прослави-

лася многими чудесами. Со всѣхъ сторонъ народъ отъ вѣковъ донынѣ горнется до св. иконы и несетъ поклоненіе Пречистой Дѣвѣ, которая „темныхъ, слѣпыхъ и уломныхъ, очищаетъ тамъ притомныхъ“. Тутъ, въ Почаевской Лаврѣ, подвизался великій Чудотворецъ, преподобный Іовъ Желѣзо. Онъ родился въ Галичинѣ. Отъ дитинства посвятился монашескому житью, а въ 12 году житья принялъ постриженіе. Изъ Угорницкого монастыря переведенъ былъ въ Дубенскій монастырь, где черезъ 20 лѣтъ былъ игуменомъ. Потомъ, коли розголоска его святого житья всюда стала ширитися, тайкомъ ушолъ на Почаевскую гору. Цѣлыи дни и ночи перебывалъ на молитвѣ. Тѣло его отъ постовъ и вѣчного клячанія покрылося ранами. Вѣчно на устахъ малъ тѣ слова: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ!“ Коли настала унія, св. Іовъ въ Кіевѣ, на соборѣ, присягъ, при мощахъ Кіево-Печерскихъ Угодниковъ, что крѣпко неизмѣнно будетъ стояти въ отеческой, православнои вѣрѣ. Черезъ цѣлое житье выступалъ онъ противъ уніи. Преподобный Іовъ упокоился дня 28 октября 1651 г. При его гробѣ дѣялися многіи чудеса. По лѣтахъ открыто гробъ и найдено мощи его нетлѣнными. Чудеса при его гробѣ не уставали и неустаютъ. Въ р. 1713 ляхи насильствомъ забрали Почаевскую Лавру и отдали уніатамъ. Ажъ по 118 лѣтахъ (въ р. 1831) православныи назадъ вступили въ св. обытель и очистили ю отъ уніатского посрамленія.

Галичина по снесенію панщины.

По снесенію панщины и оголошенію Конституціи началось просвѣтительное, гражданское поступовое возрожденіе Галицкои русскои области. Во Львовѣ основалося Общество „Русская Рада“. Оно издавало русскіи газеты и книги и мало надзоръ надъ розвоемъ русского населенія. Австрійское правительство попирало еще тогда русскій народъ. На челѣ русского народа стояли славныи мужи, священники: Михаилъ Кузэмскій, Михаилъ Малиновскій и Іоаннъ Жуковскій. Но найславнѣйшій изъ всѣхъ былъ львовскій митрополитъ Григорій Яхимовичъ.

И такъ настала воля. Но въ якомъ смутномъ запустѣнію застала она тотъ бѣдный народъ Прикарпатскои Руси. Мы не мали мірскои интеллигенціи, духовенство было бѣдное, оно только между народомъ приходило до спознанія того, что мы русскіи. Въ духовныхъ семинаріяхъ владѣлъ польскій языкъ и польскій духъ. Коли во Львовѣ въ русской духовной семинаріи заведено преподаванія церковно-славянского языка, тогда слушатели кидали на учителя полѣнами и кричали по польски, что не хотятъ быти москалями. Проповѣди голосилися всюда въ церквяхъ по польски. Въ домѣ русского священника, хотя сердце было русское, та бесѣда была польска, бо такій уже былъ духъ часу. Не даромъ Польша вѣками вела до ополяченія русского народа, а коли выдѣла, что то ей не удается, ввела унію, абы при еи помощи ополячити хотя духовенство.

Народъ же былъ бѣдный; онъ погибалъ на панщинѣ, гинулъ подъ нагаями экономовъ и мандаторовъ, т. е. судіевъ, вызначенныхъ дѣдичами, а на такихъ судіевъ ишли найбольшіи негодяи, сбиратели селянъ. До того дѣдичи страшно роспивали народъ. Правда, что въ 1589 р. австрійское правительство заборонило жидамъ шинковати по селахъ, но заказъ тотъ не былъ николи введенъ въ жизнь. Дѣдичъ не позволялъ справити свадьбы, если справляющій не взялъ означенного числа бочокъ горѣлки.

А мимо того, между селянами было много, премного любови до св. Руси, хотя та любовь таилася, якъ искра подъ пепеломъ. Заводилися дьяковскіи школы, правда, для двое, трое дѣтей, но все то свѣдчило о томъ, что потреба просвѣщенія не была народу чужда.

Еще до снесенія панщины началъ будити народъ до житья незабвенной памяти, мужъ, имя же его свято для Руси, Іоаннъ Снѣгуркій, перемышльскій епископъ. Онъ основалъ въ томъ мѣстѣ типографію для печатанія русскихъ книгъ, приказалъ преподавати богословамъ церковно-славянскій языкъ, завелъ нотный спѣвъ и основалъ доднѣ существующій дьякоучительскій институтъ. Самъ всегда и всюда говорилъ по русски и наклонялъ до того своихъ священниковъ. Якъ благодѣтель, отецъ вдовъ и сиротъ, отдающій все, что малъ, для бѣдныхъ, оставилъ онъ по себѣ незабвенную память.

Были и другіи мужи великого духа, учены, искренно русскій но не могли ничего начинати, руки ихъ были связаны, до селянина не было приступа, австрійское же правительство не мало часу дбали о Галичину. Однакъ всѣми способами подготовляли они все на ту минуту, коли съ рукъ народа опадутъ кайданы. Годъ 1848 принесъ народамъ Австріи волю.

Сейчасъ по ея оголошенію завязалася во Львовѣ „Народная Русская Рада". Григорій Яхимовичъ, позднѣйшій митрополитъ, Михаилъ Куземскій, крилошанинъ, позднѣйше уніатскій холмскій епископъ, Малиновскій, Трещаковскій и много другихъ стали будити народъ до житья, а то посредствомъ газеты „Галицкая Зоря". И на диво, тѣ сами священники, которыи въ дома говорили по польски, наразъ стродилися, стали горнутися до организаціи и потягати за собою единицы изъ селянства.

Но масса народа по одержанію воли, т. е. по снесенію панщины, не умѣла добре корыстати изъ неи. Не дбали братья селяне, что за панщину они мусятъ дѣдичамъ солено заплатити, пьянство не уставало, жиды за безцѣнъ куповали грунта. Народъ обѣднѣлъ и долгихъ треба было лѣтъ, пока не пришолъ до себе.

По оголошенію конституціи поляки, вѣмы. чехи стали бунтоватися. На Угорщинѣ мадяры вели войну о свободу. Русскій народъ одинъ изъ всѣхъ осталъ вѣрный. Русскіи полки защищали Австрію и цѣсаря. За то звали ихъ „тирольцами востока", т.е. вѣрными, якъ тирольцы. (Есть то народъ, что живетъ въ гористомъ, австрійскомъ краю, Тироль, и все былъ дуже вѣрный Австріи). Въ 1851 р. цѣсарь Францъ Іосифъ пріѣхалъ до Львова и подарилъ русскому народу останки (сгарища попаленнои великои школы подъ будову „Народного Дома".

По оголошенію конституціи поляки стали заводити свой ладъ; они домогалися, абы цѣлая Галичина была отдана въ ихъ руки. Но тогда правительство еще не дуже имъ вѣрило. Ляхи конечно хотѣли, чтобы вся русская молодежь, которая училася на священниковъ, шла за ними и ненавидѣла, якъ они, „Москвы". Но имъ то не удалося. Въ томъ часѣ начали просвѣтительную роботу молодыи русскіи патріоты и писатели: Маркіанъ Шашкевичъ, Иванъ Вагилевичъ, Яковъ Головацкій, Иванъ Наумовичъ, Иванъ Гушалевичъ, Николай Устіановичъ, Антоній Могильницкій, Богданъ Дѣдицкій и другіи. Они стали отъ сердца писати для народа, ихъ пѣсни и повѣсти росходилися наоколо, будили до житья интеллигенцію, а черезъ ню и бѣдного, темного селянина.

Мы сказали, что русскій народъ остался все вѣрнымъ Австріи. То святая правда. Изъ селянскихъ сыновъ формировалися добровольныи полки стрѣлковъ; архикнягиня Софія (мати Францъ Іосифа) власноручно вышивала для нихъ знамя, цѣсарь Францъ Іосифъ I пріѣхалъ до Львова, власноручно поклалъ краеугольный камень подъ „Народный Домъ", при чемъ сказалъ тѣ слова: Теперь есмь между моими вѣрными Русинами". За ту русскую вѣрность платитъ намъ Австрія отъ десятокъ лѣтъ гнетомъ, неволею, криминалами и жандармскими пулями.

Найбольшимъ врагомъ русскости былъ тогдашній намѣстникъ: графъ Агеноръ Голуховскій. Онъ всегда предостерегалъ вѣнское правительство, что русскій народъ въ Галичинѣ, когда будетъ мати русскіи книги, тогда будетъ тягнути до Россіи, и совѣтовалъ завести въ русскихъ школахъ польское письмо. Русскіи патріоты, Куземскій, Молиновскій, Головацкій, и другіи не допустили до того.

По селахъ основывалися народныи школы, которыми управляли владычьи консисторіи. Народъ русскій надѣялся, что Австрія за его вѣрность поможетъ ему розвиватися по примѣру другихъ народовъ. Однако Австрія отплатилася русскому народу дуже зле. Она поддала его подъ власть поляковъ и стала на каждомъ кроку укорочати конституціею наданы ему права. Въ Галичинѣ поляки стали полновластными панами.

Не отъ разу пришло до того. Вѣденское правительство не довѣряло ляхамъ, бо тѣ рвалися до революціи, но не довѣряло и русскимъ, бо знало, что тѣ совсѣмъ природно мусятъ стремити до соединенія съ головнымъ пнемъ, съ Великою Россіею. По правдѣ, въ Галичинѣ никто о томъ не думалъ, чтобы оторватися отъ Австріи, чего доказомъ та привязанность до неи, о которой мы писали. Но безперечно, что наши учены признавали, что есть только одна русская исторія, одна русская письменность, одинъ русскій литературный языкъ. Австрія боялася даже и того, такъ ясного и природного единства.

Въ 1861 р. созвано первый галицкій сеймъ. Русскій народъ выслалъ до того сейма 48 пословъ. Были между ними найславнѣйшіи тогдашніи патріоты якъ; Куземскій, Антоній Петрушевичъ, Иванъ Наумовичъ, Гушалевичъ, Михаилъ Качковскій и др., а также было нѣскольконадцать селянъ, между ними селянинъ Николай Колесник, который вѣчно перебивалъ польскимъ бесѣдникамъ и спрашивалъ ихъ: ,,гей паны, а где лѣсы и пасовиска?". И малъ причину. По скасованю панщины, польская шляхта задержала для себе всѣ тѣ лѣсы и пастбища, якіи должна была отдати селянамъ. Покривжены начали процессы; было тихъ процессовъ 33 тысячъ, изъ чего ледва 2 тысячи выиграли селяне, во всѣхъ другихъ шляхта старымъ звычаемъ обкрала селянъ.

Уже первый сеймъ показалъ русскому народу всю непримиримость ляховъ взглядомъ него. И та ихъ ненависть продолжаесь донынѣ. Народъ нашъ домогался роздѣла Галичины на двѣ половины, русскую и польскую, но поляки спротивилися тому. Коли еще до того начала выходити русская газета ,,Слово", тогда поляки стали голосно кричати, что русскій народъ выступаетъ противъ Австріи, а тягнетъ до Россіи.

На челѣ народного русскогс движенія стоялъ Григорій Яхимовичъ. Полякамъ былъ онъ на заводѣ, потому они отроили его (1863 р.)

Австрія чѣмъ разъ больше ставала противъ русского народа. Она помирилася совсѣмъ съ поляками, хотя тѣ въ 1863 р. въ Россіи начали повстанье и не таилися съ тѣмъ, что хотятся отторгати и отъ Россіи и отъ Австріи. Въ 1866 р. Австрія програла великую войну съ Пруссіею. Она боялася, что Россія можетъ отобрати ей Галичину, бо поляки страшили ю тѣмъ, и австрійское правительство стало явно угнетати русскій народъ. А однакъ на славу и честь того народа нашелся мужъ, который въ такую тяжкую минуту отважно написалъ въ газетѣ ,,Слово", что есть одна, недѣлимая Русь, есть одна наша исторія, одинъ обрядъ и одна, что найважнѣйшое, вѣра". Мужемъ тимъ былъ Иванъ Наумовичъ. Съ тою минутою Австрія отдала Галичину цѣлковито въ руки полякамъ а запечатала нашу судьбу.

Отецъ Иванъ Наумовичъ былъ сыномъ народного учителя.

По окончанію всѣхъ школъ, уже яко священникъ, Иванъ Наумовичъ хотѣлъ конечно очистити нашъ восточный обрядъ отъ всякого латинства. За то его поляки и ксендзы дуже преслѣдовали и даже наставали на его житье. Однако онъ неубоялся ихъ. Потомъ сталъ онъ издавати

для народа газету „Наука“. Была она такъ хорошо и поучительно писана, что за нѣсколько лѣтъ просвѣтила цѣлый галицко-русскій народъ. Въ р. 1874 основалъ онъ „Общество имени Михаила Качковского“, которое донынѣ издаетъ мудрыи и цѣнныи книжечки. Каждый русскій человѣкъ долженъ быти членомъ того Общества. Въ р. 1882 поляки постаралися о то, что отца Ивана Наумовича увязнили и въ кайданахъ завезли до Львова, въ тюрьму. Его, а съ нимъ и другихъ найдоблестнѣйшихъ сыновъ Галицкой Руси обвинили, что онъ хочетъ оторвати Галичину отъ Австріи, а присоединити до Россіи. За то грозила ему кара смерти. Онъ мучился долгіи мѣсяцы въ вязницѣ, но судъ призналъ, что онъ не допустился ниякои здрады. На судѣ Иванъ Наумовичъ голосно сказалъ, что вѣра нашихъ предковъ, то не унія, а св. православіе. За то римскій папежъ кинулъ на него клятву. Поляки до того переслѣдовали его, что онъ переселился до Россіи. Тутъ писалъ онъ дальше прехорощіи книги и дбалъ о добро галицко-русского народа. Въ 1890 р. поѣхалъ онъ на Кавказъ, чтобы найти отвѣтную землю для галицкихъ переселенцевъ. Въ дорозѣ, въ мѣстѣ Новочеркаскъ заболѣлъ нагло и умеръ. Тѣло его почиваетъ въ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ, вблизи Печерской Лавры. Есть онъ найбольше заслуженнымъ сыномъ Прикарпатской Руси. Благодарный народъ зоветъ его „просвѣтителемъ Руси“. Память его для всего русского народа есть безсмертна.

Страдальна была жизнь его. Гонимый всѣма не угнулся. Коли началъ взывати до чистки нашего, латинянами испорченного обряда, тогда духовная власть устранила его отъ служенія въ церкви. Хату его и весь добытокъ пущено съ огнемъ. Съ найбольшимъ пожертвованіемъ издавалъ онъ Науку (отъ 1871 р.) Сколько добра она сдѣлала,

сколько свѣтла внесла подъ сельскую стрѣху, то не дастся описати. Ниякій славянскій народъ не малъ такъ великого, народного писателя. Любовь его до русского народа была безгранична. И за то въ 1882 р. увязнено его и обжаловано о найбольшій злочинъ, о державную измѣну. Разомъ съ нимъ увязнено больше русскихъ людей, именно же: Ольгу Грабарь, еи отца Адольфа Добрянского, редакторовъ Осипа Маркова, Венедикта Площанского, Исидора Трембицкого, дальше Владиміра Наумовича, о. Николая Огоновского, Аполлона Ничая, и двохъ селянъ Ивана Шпундера и Алексѣя Залуского. Вся ляшня ликовала, уже только ждала, коли ,,москалей" вѣшати будуть, но судъ, хотя сложенный изъ самихъ поляковъ, мусѣлъ освободити невинныхъ. Но съ тою минутою то есть:

По великомъ русскомъ процесѣ отца Наумовича австрійскіи жандармы и поляки стали преслѣдовати и язвити русскихъ людей и то найневиннѣйшихъ. Митрополитъ Сембратовичъ, человѣкъ русского духа мусѣлъ уступити съ митрополіи. На его мѣсто назначено здрадника, Сильвестра Сембратовича. Русскіи монастыри отдано подъ власть іезуитовъ. Римскій папежъ заборонилъ ставити трираменны и кресты, а поляки обрѣзовали рамена русскихъ крестовъ.

Начался адъ гоненій. Іезуиты кинулися всюда устроевати свои миссіи, и кричали, что вся Галичина, то одна ,,схизма". Жандармы-неуки наглядали въ церквяхъ, чи священники не служатъ по ,,схизматицки". Въ ночи впадали до хатъ и трясли за русскими книгами. Но мимо того, а собственно для того, народъ держался и не угнулся. Видячи, что ничего неоторветъ насъ отъ едности съ державнои Руси,

Поляки, абы остаточно розбити русскіи силы, нашли здрадниковъ между русскими и черезъ нихъ завели т.зв. ,,украину". Украинцы отрекаются русского имени и роду. Они кажутъ, что народъ, живущій въ Галичинѣ, не есть русскій, а украинскій, и ничего не мае общаго съ великою Русью. Они всюда, такъ якъ и поляки выступаютъ противъ всего, что русское. Также откинули они русское правописаніе и завели для себе ,,фонетику".

Фонетика откидае многіи русскіи буквы. Украинцы все то сдѣлали, и дѣлаютъ за польскую ласку. Мы уважаемъ ихъ за здрадниковъ нашого народа.

„Пусциць Русина на Русина“ старая то у ляховъ пѣснь. Не помогло ничто другое, то поможетъ хотя украинизмъ. Правда, что уже давнѣйше, отъ шестьдесяти лѣтъ были въ Галичинѣ мечтатели, которыи думали о казацкой украинѣ, но съ ними никто не числился. Теперь однакъ ляхи нашли себѣ платныхъ здрадниковъ, именно Пантелеймона Кулиша и другихъ. Украинцамъ обѣщали они добрыи мѣста и гроши, а тѣ стали насильно розбивати едность Руси. Гонимы всѣми русскіи люди не могли оборонятися, противъ насъ былъ ляхъ, жандаръ, жидъ и здрадникъ. Село отъ села ишли они и сѣяли куколь на несчастный нашъ народный ланъ.

А съ другои стороны начался гоненія нашего духовенства. Папежъ отдалъ василіанскіи монастыри іезуитамъ, а они пріймали тамъ всякую дрянь и выховали на здрадниковъ всего, что русское. Нынѣ видимъ то наглядно, теперь маемъ уже украинскихъ іезуитовъ. На запечатанье того всего.

Въ 1890 р. украинцы въ галицкомъ сеймѣ сдѣлали публично сгоду съ поляками. Они сказали, что не маютъ ничего общого съ Русью и что они суть вѣрны папежу и уніи. Ту сгоду назвали они „новая эра“ (часъ). Русскіи послы, на челѣ съ Николаемъ Антоновичемъ запротестовали противъ того. Такъ сказали они, что „нѣтъ двохъ русскихъ народовъ, а есть одинъ только, и того дѣлити не можно“. Поляки на око тѣшилися дуже тою эрою. Позднѣйше высмѣяли украинцевъ.

Сгоду ту робили они тогда, коли намѣстникомъ Галичины былъ найбольшій злодѣй и врагъ Руси, графъ Казиміръ Бадени. Въ награду за то достали украинцы нѣсколько гимназій, въ которыхъ пропадаетъ русская молодежь. Кромѣ того достали фонетику, якую противъ воли народа потаенно ввели до всѣхъ школъ и урядовъ. Отъ того часу галицкая Русь остаточно подѣлена на два таборы: „русконародный, за которымъ стоитъ русскій, православный, неподѣльный народъ, и на украинскій, за которымъ стоятъ здрадники и отступники. Русская организація сдвоила свои силы въ трудѣ для укрѣпленія противъ врага. Начался вѣча, заводятся читальни, всѣ наши

общества гонимся до послѣднихъ границъ пожертвованія; но сдвоилися и гоненія.

Въ 1897 р. отбылися выборы до державнои думы въ Вѣдни. Поляки при помощи войска и жандармовъ допускалися всякихъ злобъ, тысячъ особъ увязнено и отдано подъ судъ, и убито одного селянина. Теперь при каждыхъ выборахъ убиваютъ жандармы десятки людей. Такъ платятъ они украинцамъ за ихъ вѣрность. А однакъ украинцы все держатъ съ поляками.

И то само продолжаесь ажъ донынѣ. Такъ въ сеймѣ, якъ и въ державной думѣ голосъ русского народа не мае значенія, бо народъ [illegible] украинцевъ. Въ политическомъ отношенію Галичина вся цѣлковито отдана ляхамъ въ руки.

Въ домашней жизни борба ведется о смерть и о житье. При выборахъ противъ русскихъ стаетъ украинецъ, а ляхъ тѣшится и безъ труда выбираетъ русскими голосами своего. Ненависть дошла до того, что братъ ненавидитъ брата. Ляхи „пустили Русина на Русина“ и досягли того, о что имъ ишло.

Послѣдними часами поляки могутъ смѣло тѣшитися. Галицкое духовенство съ малыми изъятіями пошло на службу польскому большинству. Оно стало крайне католицкое. Уже Сильвестръ Сембратовичъ стремѣлъ до того, абы завести безженство священниковъ и абы духовенство въ политицѣ совсѣмъ ишло за ляхами, но не досягъ того. Теперь графъ Андрей Шептицкій можетъ смѣло сказати, что его духовники то правдивыи уніаты, которыи во все вѣруютъ, только не въ Бога. Поляцы, хоть еще горстка русскихъ священниковъ, та тѣхъ угнетаютъ, съ часомъ они помруть, а ихъ мѣсто займуть католицкіи украинцы. Но завтрашняго дня никто предвидѣти не можетъ.

Въ нынѣшнюю пору русскій народъ въ Галичинѣ ужасно страдаетъ отъ поляковъ, здрадниковъ украинцевъ и уніатскихъ ксендзовъ. Однако онъ не теряетъ надежды. Онъ двигается на полѣ просвѣщенія, имѣетъ газеты, общества, котор. издаютъ поучительныи книги. По селамъ народъ просвѣщается въ читальняхъ. Любовь до св. православнои вѣры и до однои недѣлимои Руси не ослабнетъ въ немъ николи.

Такъ она ростетъ со дня на день. Русскіи газеты издаются на литературномъ русскомъ языкѣ. Изданія общества им. Михаила Качковского и другіи, читальни, пожарныи дружины, кассы, русская торговля—все то чуда творитъ. А дальше школы, русскіи, за народныи средства, бурсы, то будущность наша. Правда, что ростутъ могилы, нѣтъ тѣхъ, которыи десятки лѣтъ потрудилися, нѣтъ Наумовича, Маркова, Дѣдицкого, Гушалевича, но новыи прійдутъ борцы, а надъ тобою земле Галича, всегда помощь Христа Спасителя.

Будь же слава твоимъ страданіямъ, помни, что не стерли насъ татары, ни ляшская неволя, не сотретъ насъ и нынѣшній четырогланый супостатъ.

Найскорше освободится Прикарпатская Русь отъ всякого гнета тогда, коли присоединена будетъ великой, державной Руси. матери своей. Тогда скрѣпленная св. православіемъ позабудетъ она на вѣковыи свои страданія.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Короткая Исторія Угорской Руси.

Угорская Русь есть то часть славянскои земли, которая лежитъ между Карпатами а Дунаемъ, въ нынѣшной Угорской державѣ, и въ которой живетъ русскій народъ. Угорская Русь есть частью однои великои, нераздѣлимои Руси.

Колись, дуже давно тому, цѣлая нынѣшняя Угрія належала до Славянъ. Дунай и Тиса, то нашіи рѣки. Русскій народъ не только на угорской странѣ, и въ Галичинѣ, но также и въ глубокой Россіи спѣваетъ пѣсни о томъ, что «поѣхалъ козакъ за Дунай», а и другіи, въ которыхъ споминается та рѣка. По одномъ и другомъ еи берегахъ жили Славяне. А уже та часть нынѣшнои угорскои державы, где живетъ теперь русскій народъ, а и побратимчій словацкій народъ, не перестала николи быти славянскою и николи не перестанетъ нею быти.

Угорскіи Русскіи (Русины) живутъ въ слѣдующихъ столицахъ: Абауйварская, Бачъ-Бодрожская, Бережская, Боршодская, Гемерская, Земпленская, Мараморошская, Сабольческая, Сатмарская, Спишская, Тарнянская, Ужанская (Ужгородская), Угочская и Шаришская.

Черезъ то, что русскіи люди жіютъ въ многихъ мѣстностяхъ помѣшаны съ другими народностями, а также черезъ то, что въ всѣхъ урядахъ, а и въ войску чуютъ только мадярскій языкъ, черезъ все то русская ихъ бесѣда мѣшается съ многими чужими словами, а многіи изъ нихъ, хотя изъ русского роду, не говорятъ иначе, якъ только по словацки. Въ старомъ краю виновати ихъ за то не можно, бо тамъ нема кому учити ихъ дѣтей русского языка, а и угорская влада на то не позволяетъ. Но тутъ, въ Америкѣ,

должны они дбати, абы ихъ дѣти училися чистого русского языка и абы познали добре исторію свою, а тогда будутъ они не только именемъ, а и сердцемъ русскими людьми.

Русскихъ людей на угорской странѣ зовутъ: «оросами», «рутенами», «руспяками». Всѣ тѣ слова походятъ отъ одного слова «Р у с ь». Мы должны всегда и всюда звати себе «р у с с к и м и». На вопросъ: кто ты такій (така)? маемъ всегда отвѣчати: «*я русскій (я русская)*».

Не счислити всѣхъ тѣхъ назвъ, якіи надали намъ другіи народы. И такъ, якъ сказано выше, зовутъ насъ: «оросами». Тѣмъ самымъ словомъ зовутъ мадяры также и всѣхъ другихъ русскихъ людей, такъ живущихъ въ Галичинѣ, якъ и въ Россіи. Есть то найлучшій знакъ, что уважаютъ насъ всѣхъ за одинъ народъ. Зовутъ насъ дальше: «рутенами». Историкъ Бардошій пишетъ, что слово «рутенъ» взято отъ слова «россъ», або «русс», а историкъ Тимонъ не знаетъ, якая есть разница между словомъ «руссъ», а «рутенъ», и пишетъ, что слово «руссъ» есть старшое, чѣмъ «рутенъ». А мы скажемъ словами великого историка Бидермана, что: «Подъ именемъ «рутенъ» розумѣютъ всѣхъ приклонниковъ греко-католическои церкви, которыхъ мадяры называютъ ошибочно «оросами» (бо мае быти: «руссами»). Тѣ, которыи отобрали намъ предковскую вѣру, хотѣли намъ отобрати также и нашое отвѣчное названіе: «русскій».

Называютъ насъ также «мусками», отъ слова «Москва», на знакъ, что тѣ братья, которыи живутъ и жили надъ рѣкою Москвою, а мы, то одно, то одинъ русскій народъ. (Читай Кромеръ L. I. p. 10). Слово «руснакъ», происходитъ, якъ видимъ, отъ «руссъ; мадяры накинули намъ его на погорду, якъ то твердитъ ученый писатель Бидерманъ. Кромѣ того мадяры зовутъ насъ также "gorog katholicus", gorog egyesult", что есть дурное, а обчислено на то, абы наши дѣти совсѣмъ забыли, что мы русскіи.

Подобно, якъ въ Галичинѣ, такъ и у насъ зовутъ себе многіи словомъ: «Русинъ», что означаетъ: «Руси сынъ». И то есть дуже почестное названіе. Най же мадяры зовутъ насъ, якъ хотятъ, мы знаемъ, что мы были, есть и будемъ все «русскіи» и такими будутъ все наши дѣти.

Нынѣшній край, который зовется Угрія, заняли мадяры 899 р. Тогда седьмь воеводовъ подъ начальствомъ Альмы пришли тамъ изъ нынѣшнои Бессарабіи и Молдавіи. Уже тогда жилъ въ подкарпатскихъ сторонахъ русскій народъ, за-

шедшій сюда о много скорше изъ-за Карпатъ. Значитъ: не русскій народъ, но мадяры есть пришельцами, а русскіи люди есть господарями своей земли.

Правда, что русскіи люди не всюда жили тамъ, где теперь живутъ, даже большая часть нынѣшнихъ, русскими заселенныхъ сторонъ, въ тѣ часы стояла пустынею, якъ о томъ будемъ читати, то все таки есть доказы, что уже передъ наѣздомъ мадяровъ предки наши жили въ тихъ сторонахъ разомъ съ Болгарами и Сербами. Есть и такіи, которыи кажутъ, что русскіи изъ Владимиріи и нынѣшнои Галичины пришли только съ седьми мадярскими воеводами (899 р.). Но уже передъ тѣмъ имена горъ и рѣкъ, а также нѣкоторыхъ селеній (весей) были тѣ сами, что и теперь, якъ: "also", "felso", "oros", "orosvar". Мы не можемъ нынѣ точно означити, где жили наши предки, и коли они зашли тамъ. Вели они житье кочевое, переходили изъ мѣста на мѣсто. Нѣкоторыи стороны, якъ примѣромъ Мараморошская, была тогда покрыта непроходимымъ лѣсомъ, всеже таки предки наши держалися всегда подгорья, якъ держатся его и нынѣ.

Тверженіе, якобы предки наши пришли сюда только съ седьми мадярскими воеводами, а то черезъ нынѣшнюю Галичину, именно черезъ междурѣчіе Прута и Серета, не дастся ничѣмъ поперти, тѣмъ больше, что исторично есть доказано, что мадяры совсѣмъ не ишли тою дорогою, а ишли черезъ Бессарабію и Молдавію, откуда ихъ перли Болгары. А также лѣтописецъ Несторъ, хотя описуетъ переходъ мадяръ (угровъ) и занятіе ними земли тои, не упоминаетъ ни однимъ словомъ о томъ, чтобы съ ними ишли и русскіи люди.

Примѣчаніе: За тѣмъ, что предки наши уже передъ наитіемъ мадяръ были по той сторонѣ Карпатъ пишутъ: Сирмай, Базиловичъ, Дейчій, Лучкай и Месарошъ. Снова Балайти, Бардоши, Феиръ, Карамзинъ, Іерней, Гендерманъ и Петрушевичъ подаютъ, что отъ временъ седьми воеводовъ началося поселеніе русского народа на земляхъ славянскихъ, нынѣ угорскими званныхъ. Но они совсѣмъ не перечатъ, что и передъ тѣмъ могли тамъ жити русскіи люди. Во виду того прихилитися треба до поважного мнѣнія первыхъ.

Число первобытныхъ русскихъ людей до прихода мадяръ не было дуже великое. Безпрестанныи переходы дикихъ народовъ черезъ Карпатскіи горы, сневолили нашихъ предковъ переноситися съ мѣста на мѣсто. Вдоль (вздолжь) горъ Карпатскихъ, отъ высокои Татры до Мараморошскихъ горъ тянулися тогда густыи лѣсы. Постоянныхъ

поселеній было не много. Съ часомъ изъ-за Карпатскихъ горъ стали чѣмъ разъ больше горнутися сюда русскіи люди. Значительная ихъ часть составляла стражу противъ набѣга пограничныхъ народовъ.

Угорскій король Андрей I (1046—1061 р.) утекъ передъ местію своихъ враговъ на Русь, и тутъ, въ Кіевѣ оженился съ дочкою Великого князя Ярослава Мудрого, Анастасіею (см. стр. 36). Но мадяры призвали его 1046 р. на своего короля. Многіи историки кажутъ, что тогда великая сила русского народа перешла разомъ съ нимъ на угорскую страну, а великій русскій историкъ, Карамзинъ, пишетъ, что: «вѣроятно тотъ брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ русскихъ переселитися въ Угрію, гдѣ на лѣвой сторонѣ Дуная живетъ до нынѣ многочисленное ихъ потомство». Безперечно, что такъ могучій князь, якъ Ярославъ Мудрый, не отпустилъ своеи дочки безъ большого двора, но вѣрити не можно, абы число русскихъ, переселившихся тогда было дуже великое, бо «тогда не было звычая давати народа въ приданное» (Лучкай).

За то певнѣйшимъ, а и совсѣмъ певнымъ есть, что много русскихъ людей добровольно ишло служити въ пограничныхъ сторожахъ. И такъ знаемъ уже въ 1132 р. о сторожахъ въ комитатахъ Шаришскомъ и Земпленскомъ, дальше о сторожи жупъ Бережской и Мараморошской, (въ р. 1247 выдана грамота, надаючи Бережчанамъ право пастбищъ и лѣса).

Въ томъ уже часѣ построены были сторожевыи замки, а при нихъ городы мукачевскій, земпленскій, шаришская сторожевая башня, и др. Въ сторожахъ тихъ замковъ служили также и русскіи люди, которыи съ часомъ тутъ поселялися на сталое житье. За временъ короля Стефана II (1114 до 1131 р.) была уже особная «русская граничарія» (сторожа). Число русского населенія росло: былъ даже и «русскій воевода», бо недаромъ Бережскій жупанъ звался: «чиновникъ русского воеводы».

Въ р. 1241 татары спустошили всѣ заселенныи мѣста въ Спишу, Шаришу, Абауйской, Земпленской, Бережской и Мараморошской землѣ. Русское населеніе, о сколько не пошло подъ ножъ, або въ неволю, розбѣглося въ горы и вертало до давного кочевого житья. Тогда наплыло въ тѣ стороны много иностранныхъ людей.

Король Беля IV выдалъ (1268 р.) грамоту, что «для населенія опустошенныхъ земель взывается людей со всѣхъ сторонъ свѣта». Тогда наплыло сюда найбольше нѣмцевъ, волоховъ и другихъ.

Прибывшіи получали далеко идущіи права и великіи просторы земли, а также лѣса.

Съ часомъ при помощи такъ званныхъ «солтесовъ» (войтовъ), начали поневольно поселяти русскихъ людей и не позволяли имъ опускати мѣстопребыванія. Поселенцамъ давали землю, за что они платили съ начала малую дань. Но никто не былъ рабомъ, поселенцамъ принадлежало право выбирати себѣ священниковъ.

Пришелцамъ, якъ мы уже сказали, давали великіи просторы земли, и она лежала дармо, бо не было кому на ней робити. Тому старалися они заселити ту землю. И заселяли ю тѣмъ народомъ, который кочевалъ съ мѣста на мѣсто. Въ тотъ способъ начали завязоватися веси и поселенія. Сосѣдняя Галичина была тогда томлена безпрестанными войнами, потому народъ охотно переходилъ на ту сторону горъ, где за ничтожною оплатою могъ о много спокойнѣйше найти хлѣбъ.

Того рода поселенія Закарпатья продолжались цѣлыми вѣками ажъ до XIX столѣтія. Найпознѣйше кончилося оно въ Мараморошскихъ сторонахъ, где русское населеніе повстало исключительно изъ галицкихъ людей.

Въ р. 1338 або 1339 литовскій князь Ѳеодоръ Коріатовичъ переселился изъ Подолья на Угрію. Онъ привелъ съ собою большую дружину русскихъ людей. Также привезъ онъ великіи скарбы въ грошахъ и драгоцѣнностяхъ. Король Карлъ I далъ ему на собственное владѣніе Мукачевскую землю. За то Ѳеодоръ Коріатовичъ отступилъ королю свои права до Подоліи и Литовского Новгорода. Коріатовичъ построилъ при Мукачевѣ на Чернечой горѣ монастырь для монаховъ Василіанъ православнои вѣры, бо и самъ былъ православный. Онъ забезпечилъ тотъ монастырь на вѣчныи часы. Дружинѣ, которая пришла съ нимъ, роздалъ онъ доокрестную землю.

Неправдою есть, якобы съ Коріатовичемъ прибыло 40, або 60 тысячъ русского народа. Онъ не хотѣлъ войны съ стрыйкомъ своимъ, Ольгердомъ, боялся также здрады со стороны польского короля Казиміра, а что при томъ не могъ дивитися на преслѣдованіе православного народа, то волѣлъ перенестися на Угрію. Правда, что прибыла съ нимъ большая дружина, но дружина та не ишла въ тысячахъ. Съ такою силою могъ онъ смѣло выступити противъ Ольгерда, або польского короля.

Ѳеодоръ Коріатовичъ сердечно подбалъ за монаховъ Мукачевского монастыря. Князь тотъ построилъ также православную церковь на Шаторскомъ холмѣ, (нынѣ Sator—alja—Ujhely), а его жена учреждила по лѣвой сторонѣ рѣки Латорицы, высше Подгорьянъ на холмѣ (днесь Szarka hegy) монастырь для русскихъ монахинь-Василіанокъ. Для священниковъ вызначилъ онъ доходы на удержаніе ихъ. Где, и коли умеръ, того напевно подати не можемъ.

Черезъ долгіи часы русскіи люди въ Угріи были свободны. За свободу отплачевалися они тѣмъ, что на часъ войны ишли боронити короля и державу. Надъ ними былъ князь, который звался «князь русского народа». Звычайно былъ нимъ найблизшій сродникъ короля.

Позднѣйше, коли скончился рядъ королей изъ роду Арпада часто отдавано было то достоинство вельможамъ. Такимъ былъ на прим. Петръ Петровичъ, дальше волошскіи воеводы Богданъ и Драгошъ. По нихъ княземъ православного русского народа былъ славный Ѳеодоръ Коріатовичъ. Послѣдовали потомъ: Георгій Бранковичъ, Іоаннъ Гуніадій, Іоаннъ Корвинъ Гуніадій и другіи.

Русскіи люди выбирали себѣ каждого року своихъ «кенезіевъ» (судіевъ) и крайниковъ. Судіи судили, а отъ ихъ засуда можно было отнестися до крайниковъ. Въ тяжкихъ злочинствахъ право суду задержано было княземъ, который судилъ на смерть. Князей заступали на судахъ назначены ними «каштеляны».

Временно право вольного выбора уставало. Такъ примѣромъ Мукачъ былъ разъ заставленный за гроши одному бережскому наджупану, потомъ владѣли нимъ Семиградскіи князи. Въ позднѣйшихъ часахъ могучіи паны самовольно забирали подъ свою власть цѣлыи просторы вольнои земли, а наконецъ все минулося и вольность пропала.

Съ часомъ началися преслѣдованія русского народа. Русскимъ вельможамъ стали насильно накидати латинскую вѣру. Римскіи папежи напирали на мадяръ, абы конечно притягали всѣхъ на ихъ вѣру. Такъ само дѣялося и въ тѣхъ русскихъ земляхъ, якіи были подъ владѣніемъ Польши. Потому нечисленная русская шляхта смадяризовалася. Она утратила честь и запродала православную вѣру. Народъ остался самъ, безпомощнымъ.

Примѣромъ славная русская родина Оросовъ одна изъ найпершихъ змадяризовалася. Изъ роду Тарновцевъ, которыхъ дѣдъ малъ придомикъ «русскій молодецъ» сталися Тарночи. Въ селѣ Чинадѣево, въ жупѣ Берегъ, жилъ колись Павелъ Телегдій, «пріукрашеніе слова и честь отчизны», нынѣ его потомки угнетаютъ Славянъ. Изъ русского роду и то славного въ Шаришѣ походятъ мадяры "Komlossy", тою самою дорогою пошелъ родъ Ормандовъ и Толпасы, происходящіи изъ Кіева и другіи.

Виднѣйшіи роды изъ тѣхъ, которыи служили въ граничныхъ сторожахъ слилися въ одно съ Сербо-Кроатами, которыи утекли тамъ передъ турецкими гоненіями. И такъ жили мы безъ исторіи и не знати, коли попали въ забытье.

Одна русская церковь поддержовала въ народѣ русскій духъ такъ долго, якъ долго не отобрали народу правдивои, православнои вѣры. Каждый изъ насъ долженъ якъ найлучше познати исторію русскои Церкви.

Исторія Русской Церкви на Угорской Руси.

Предки наши, жившіи въ странахъ закарпатскихъ приняли св. православную вѣру изъ востока, отъ учениковъ св. Меѳодія, учителя и просвѣтителя славянскихъ народовъ. Св. Меѳодій былъ архіепископомъ Моравіи и Паноніи. Паноніею называлася та земля, которая нынѣ носитъ названіе Угріи. Сталося то еще передъ прибытьемъ мадяровъ.

Не только закарпатскіи стороны, а вся Моравія, Чехія и привислянскій край ажъ по Бугъ, все то приняло ученіе Христовое по православной наукѣ, съ греческимъ восточнымъ обрядомъ, съ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, съ книгами, переведенными свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Латинскіи ксендзы на приказъ римскихъ папежовъ, переслѣдовали проповѣдниковъ православнои вѣры, а потомъ папы, коли уже мали силу въ рукахъ, насильствомъ, грозьбою и всякимъ подступомъ напирали на поодинокихъ владѣтелей, абы тѣ переслѣдовали восточный обрядъ, а заводили латинство.

Не только славянскіи народы, но также первыи мадяры приняли Христовую вѣру изъ востока, чистую православную. Только позднѣйше почали латинскіи папежи напирати на

короля Стефана I и его наслѣдниковъ, абы приняли латинство. За то Стефанъ I осталъ отъ папежа потвержденный яко король Угріи.

Первыи мадяры, которыи приняли св. Крещеніе были два воеводы: Булчу и Дюля. **Они крестилися въ Царьгородѣ** за царствованія императора Константина. Внукъ Дюли, а сынъ его доньки, Войкъ, въ крещенію позднѣйше принялъ имя Стефанъ. Онъ былъ первымъ христіанскимъ королемъ Угріи. Тотъ вошолъ въ сношенія съ Римомъ, и дался уже въ старшомъ вѣку крестити по латинскому обряду. Всеже таки основалъ онъ (1011 р.) на Веспримской долинѣ монастырь для греческихъ монахинь, а греческому Веспримскому епископу подарилъ цѣнную митру. До костела въ Бѣлоградѣ подарилъ онъ двѣ ризы, подобныи до архіерейскихъ, великои цѣны. Ризы тѣ служили неразъ мадярскимъ королямъ при ихъ коронаціи. Одна изъ нихъ то греческій епитрахиль, а другая то греческій фелонъ, на плечахъ которого золотомъ вышитый греческій иконостасъ. Въ костелѣ Капуциновъ въ Вѣднѣ хранится мошонка того короля, пріукрашена золотомъ и жемчугомъ, съ иконами греческого стиля и съ надписью Кирилловскими буквами: «Буди Господи милость Твоя на насъ, нынѣ и во вѣки». А понизше: «Господи ущедри ни и благослови ны, просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны».

Видно изъ того, что Стефану, хотя онъ и дался крестити на латинство, все таки дорогій былъ прежній греческій обрядъ.

И самая корона, якою вѣнчаются мадярскіи короли, мае на себѣ греческую икону, подобіе царя Константина Вел. и греческіи буквы имени его. Безпремѣнно, что была она даромъ православного императора, не для латинниковъ, а для православныхъ.

Король Стефанъ женатый былъ на рьяной католичкѣ, баварской княжнѣ, Гизеллѣ. Она то стягнула нѣмецкихъ католицкихъ ксендзовъ, которыи стали подступомъ утверждати на королевскомъ дворѣ латинство. Народъ бурился, а Андрей, князь изъ роду Арпада, за то, что былъ православный, мусѣлъ утекати на Русь, где оженился съ православною дочкою Ярослава Мудрого. По смерти Стефана королемъ выбрано Петра, но его, яко заѣлого латинника, прогнали, а призвали изъ Руси Андрея. При немъ совокупилися снова всѣ православныи мадяры. Католицкіи писатели называютъ ихъ поганами, дабы не признати, что ихъ предки ненавидѣли латины и Риму.

За короля Стефана, Владислава, Коломана (1095 до 1115) выходили ихъ декреты, что всѣ маютъ держати постъ по греческому обычаю. Король Владиславъ въ своемъ декретѣ пише такъ: «Ла-

тиняне, которыи не хотятъ приноровитися до обычаевъ Угровъ, и въ первую недѣлю поста ѣдять мясо черезъ первыхъ три дни, а не навернутся до нашого лучшого обычая, нехай выносятся, где хотятъ, но гроши, якіи тутъ заробили, нехай лишатъ». Значитъ, король тотъ гналъ **латинянъ,** — видно, якъ ихъ мало тамъ было.

Король Беля, выбранный въ 1174 р. присягаетъ греческому императору, что не дастъ укривдити православнои Церкви, а все будетъ за нею. Въ р. 1204 папежъ Иннокентій III жалуется, что на Угріи такъ много греческихъ монастырей, а только одинъ латинскій. Въ 1265 Беля IV идетъ противъ своего сына Стефана V за то, что тотъ ставалъ въ оборонѣ св. Православія. Папа Николай IV (1288 до 1292 р.) приказалъ галицкому латинскому бискупу, перекинчику, Ладомеру (который былъ православнымъ и звался Владиміръ), собрати наемное войско, на что далъ ему гроши, и идти на Угорщину убивати «еретиковъ и схизматиковъ», т. е. православныхъ русскихъ. Но самъ король Владиславъ Куманъ прогналъ то «католицкое» войско. За то король Карлъ-Робертъ на приказъ папскій два разы 1332 и 1342 р. высылалъ войско, чтобы силою навертати православныхъ русскихъ и Ромыновъ на унію. Оба разы однакъ православны розбили тѣ войска и прогнали. Папа Венедиктъ XII грозилъ королю Людвику I (1342 до 1382 р.) клятвою, если онъ силою не притягнетъ «русскихъ еретиковъ и схизматиковъ» на латинство. Король сталъ страшно угнетати православныхъ, замыкалъ ихъ въ криминалы, все то однако ничего не помогло. И долго мусѣли боротися римскіи папежи о то, пока между мадярами подступно завели латинство.

Русскій народъ держался все православнои вѣры. На Закарпатью отъ первыхъ временъ христіанства были церкви и монастыри. Первымъ епископомъ Мукачевскои епархіи былъ Іоаннъ. Онъ былъ православнымъ владыкою и то отъ 1491 р.

Безперечно, что уже раньше мусѣли быти тамъ русскіи владыки, но въ часѣ вѣчныхъ нападовъ татаръ связь епархіи мусѣла затратитися. До того латинники уже возросли были въ силу и не позволяли православнымъ употребляти названія: «епископъ». Многихъ священниковъ рукополагали тогда перемышльскіи владыки. Іоаннъ былъ монахомъ Мукачевского монастыря. Навѣрно, что уже Ѳеодоръ Коріатовичъ установилъ былъ въ Мукачевѣ епископство, но о предшественникахъ Іоанна ничего не есть вѣдомо. Такъ само не много знаемъ и о его наслѣдникахъ. Другимъ по

немъ былъ Владиславъ, третій Иларій, потомъ есть владыка, котораго даже имени не знаемъ.

Нѣтъ большой потребности тутъ вычисляти всѣхъ владыкъ. Скажемъ только, что нѣкоторыи изъ нихъ ѣздили на хиротонію до Кіева. Всѣ они смѣло боронили православнои вѣры передъ латинствомъ. И такъ 1614 р. одинъ угорскій магнатъ, Георгій Гомонай, хотѣлъ конечно привернути до уніи Карпато-русскихъ людей. Въ той цѣли спровадилъ себѣ до помощи уніатского епископа изъ Перемышля, Крупецкого. Тотъ притягнулъ на свою сторону нѣкоторыхъ священниковъ, но народъ, обуренный на то, вилами и колами прогналъ Крупецкого, чѣмъ далъ доказъ, якъ ненавидѣлъ латинства и уніи.

Съ каждымъ рокомъ больше старалися іезуиты и католицкіи папы переслѣдовати православныхъ священниковъ. Они гнали ихъ до роботы, а часто безвинно ковали въ кайданы. При томъ искушали ихъ всякими способами и намовляли до уніи. Остаточно 1646 р. нашолся здрадникъ Парѳеній, за намовою которого одна часть священниковъ приняла 1649 р. позорную унію съ Римомъ.

Сбылося то совсѣмъ такъ само, якъ въ Польшѣ. Уже предшественникъ Парѳенія, епископъ Василій III Тарасовичъ (1634 до 1648 р.) сталъ приклонятися до уніи, а то подъ напоромъ латинскихъ бискуповъ и магнатовъ-мадяровъ. Въ р. 1640 онъ публично заявился за унією. Православныи обурилися тѣмъ такъ, что кинули его въ вязницу, но латиняне освободили его. Тогда православныи прогнали его изъ Мукачева, а православнымъ владыкою осталъ Порфирій Арданъ (1642 р.). Тарасовичъ осѣлъ въ мѣсточку Калловѣ, въ Собольскомъ округѣ и потайкомъ ширилъ унію. Помогалъ ему въ томъ Петръ Парѳеній Петровичъ Ростошинскій. Парѳеній глядалъ епископства. Уже 1646 р. свернулся онъ съ другимъ здрадникомъ Димитріемъ Корницкимъ до Ягерского латинского бискупа, и оголосили унію. Но Римъ даже не отвѣтилъ имъ. Тѣмчасомъ р. 1648 умеръ владыка Тарасовичъ. Парѳеній, которому росходилось о митру, поѣхалъ тайкомъ до Семиграду и тутъ на основаніи грамотъ, якіи имѣлъ съ собою, былъ поставленъ православнымъ епископомъ. По поворотѣ собралъ подобныхъ своихъ здрадниковъ и стали думати о уніи. Въ 1652 р. латинскіи бискупы написали до Риму, что часть православныхъ священниковъ желаетъ уніи.

Парѳеній и его товариши поставили такіи условія: 1) чтобы сохраненный былъ обрядъ восточнои Церкви; 2) чтобы священни-

ки мали право выбирати епископа; 3) чтобы имъ дати всѣ выгоды и преимущества латинскои церкви.

Уніи тои не подписалъ ни одинъ священникъ отъ жупъ: Бережской, Угочской, Сабольчской, Сатмарской и Мараморошской.

Если кто смѣетъ твердити, что унію ту приняли здрадники для переконанья, то знайте, что даже іезуитъ Кази выразно пишетъ такъ: «священники тѣ только для того присоединилися до латинниковъ, чтобы паны не гнали ихъ на панщину». (Hist. r. Hun. L. VI. p. 114).

Римъ приказалъ Парѳенія еще разъ посвятити въ бискупы и поддалъ его цѣлковито латинскому примасу, архіепископу Остригомскому. За то Парѳеній всѣ приходы Спишскіи отдалъ латинникамъ. Въ томъ часѣ, по принятію уніи всѣхъ церквей (кромѣ мараморошскихъ) было 769, изъ того 313 перешло до уніи, а 456 остало при православію.

Народъ не зналъ ничего о якой-то уніи. Онъ ненавидѣлъ латинства, а священники, которыхъ приневолено присягати Риму, таилися съ тѣмъ передъ народомъ. Въ Мукачевѣ были и на дальше православныи владыки. Только въ р. 1690 мадяры послѣдняго православного владыку, Меѳодія, насильно прогнали. Отъ того часу въ Мукачевѣ засѣли уніатскіи бискупы. Въ р. 1775 на приказъ цѣсаревои Маріи Ѳересіи тѣ уніатскіи владыки перенеслися на постоянное пребываніе до Унгвара.

Мы уже сказали, что православныи, прогнавшіи Тарасовича, избрали владыкою Порфирія Ардана. По немъ слѣдовали: Софроній, Юрій и Іоанникій. По просьбѣ послѣдняго молдавскій господарь, Константинъ, построилъ въ Мукачевѣ при православномъ монастырѣ каменную церковь, вмѣсто старои, деревяннои, построенной еще княземъ Коріатовичемъ. Послѣ епископа Іоанникія осталъ владыкою Меѳодій Раковецкій. Но въ 1690 р. уніатскіи священники, которыхъ было уже до 350, собралися въ Мукачевѣ на соборъ и выбрали уніатскимъ бискупомъ Іосифа де-Камелиса, якогось приблуду изъ Рима, которого накинулъ имъ латинскій кардиналъ, мадяръ, графъ Коллоницъ. Ровночасно Францъ Ракочій II, въ которого рукахъ былъ тогда Мукачевъ, именовалъ уніатскимъ епископомъ монаха Іосифа Каминского, а снова цѣсарь Іосифъ II назначилъ на епископа Іосифа Годерманского. И такъ было въ монастырѣ Мукачевскомъ ровночасно ажъ трехъ уніатскихъ епископовъ. На конецъ по смерти Камелиса

папежъ назначилъ Поликарпа Филиповича, монаха, на уніатского епископа. Остатки православного духовенства приневолено было покоритися уніи, а народъ, не видячи змѣнъ въ богослуженію, не зналъ и донынѣ не знаетъ, что изъ православного сдѣлали его на паперѣ уніатскимъ. И только безличность мадяронскихъ поповъ можетъ голосити, что угорскіи, русскіи люди все были подчиненныи власти Риму.

Въ р. 1816 австрійскій цѣсарь Францъ I основалъ въ угрорусскомъ мѣстѣ Пряшевѣ другое уніатское епископство. Нынѣшній епископъ тои епархіи зовется Іоаннъ Валій и есть рьянымъ (заѣлымъ) мадярономъ.

Послѣдніи времена.

Смутно о томъ даже подумати, что надъ угорскою Русью нависла такъ тяжелая судьба. Темнота огорнула несчастныхъ и нѣтъ кому ихъ спасати, нѣтъ кому заступитися за ними. Ишли десятки лѣтъ, а никто не думалъ о русскомъ народѣ. Дѣды и отцы наши платили податки и давали кровь свою на тысячныхъ войнахъ. Они знали только, что они русского роду и на томъ все кончилося. Но пришла минута, въ которой сдавалося, что и въ нашое оконце заблиснетъ солнце.

Въ 1848 году мадяры начали великую революцію противъ Австріи. Они хотѣли оторватися цѣлковито отъ неи и стати независимыми. Въ революціи помогали имъ поляки. Русскіи люди стояли вѣрно при королю Фердинандѣ, а потомъ Францъ Іосифѣ I. Однако многихъ нашихъ людей насильно взяли революціонеры въ свои ряды. На помощь королю пришолъ русскій царь, Николай I. Онъ прислалъ на Угрію 40 тысячъ русского войска. Народъ нашъ радостно встрѣчалъ своихъ братьевъ изъ далекои Руси. Отъ нихъ получилъ онъ щиро-русское слово и видѣлъ ихъ великую набожность и привязанность до православнои вѣры. Люди наши спознали, что имъ дѣется кривда и что мусятъ сами себе учити русского письма и русскои исторіи.

Минута отрожденія началася съ 1851 р., по усмиренію революціи. Нашлися мужи, которыи чувствовали всю нашу нужду и

пониженіе. Однимъ изъ нихъ былъ **Адольфъ Ивановичъ Добрянскій.** Онъ былъ однимъ изъ найвысшихъ урядниковъ краю, а въ р. 1849 королевскимъ коммисарамъ при русскихъ войскахъ. При немъ сосредоточилась горстка интеллигенціи, которая хотѣла поднести нашъ народъ изъ темноты и спасти его для русскости.

Другимъ просвѣтителемъ народа былъ **Александръ Духновичъ,** священникъ и крилошанинъ пряшевскои епархіи. Онъ писалъ хорошіи пѣсни, повѣсти, укладалъ молитвословы и другіи мудрыи книги для народа. Прославился тогда также **Александръ Павловичъ,** который писалъ хороши стихи и собиралъ народныи пѣсни.

Александръ Духновичъ выбралъ ту саму дорогу, что въ Галичинѣ Иванъ Наумовичъ. Онъ издалъ дуже приступную книжку: «Книжица для начинаючихъ», якая въ народѣ дуже подобалася. Его пѣсни, именно одна: «Я Русинъ былъ, есмь и буду» и до нынѣ всѣмъ извѣстна, а тогда она будила до житья спящихъ. На молодежь малъ онъ великое вліяніе, а что въ пряшевской гимназіи училъ русского языка, то на его лекціи приходили даже словаки, мадяры и жиды. Онъ завелъ «Литературное Заведеніе Пряшевское» для печатанія добрыхъ книгъ. Въ тотъ самъ часъ Андрей Балудянскій издалъ «Церковную Исторію», въ которой есть часть посвящена православной церкви въ Австріи. Стефанъ Мустяновичъ издалъ «Церковныи проповѣди». Андрей Поповичъ издалъ первую русскую азбуку подъ заглавіемъ «Вѣрный Ангелъ», дальше «Библическую Исторію» и «Великій Сборникъ». Въ глубоко патріотическомъ духѣ писалъ поэзіи и другіи статьи Иванъ Сильвой (Уріилъ Метеоръ). До поднесенія письменства русского причинилися перенятыи русскимъ духомъ мужи: Викторъ Кимакъ, Кириллъ Сабовъ, Александръ Митракъ, Василій Игнатковъ. Великимъ патріотизмомъ отличалися Іоаннъ Мондокъ и Николай Гомичковъ (которого потомокъ нынѣ заѣлый мадяронъ и называетъ себе уже Гомичко). Въ 1866 р. начала выходити остроумная, въ русскомъ духѣ писана газета «Свѣтъ», но мадяроны не дали ей существовати, а ей редакторы мусѣли утекати за границу. Мадяроны побѣдили. Австрійское правительство боялося, что Адольфъ Добрянскій и другіи, которыи будятъ народъ до житья и признаютъ себе русскими, могутъ просвѣтити тѣхъ, которыхъ упом. правительство хотѣло держати въ темнотѣ. Для того Добрянского перенесли изъ Угріи до Вѣдня, а коли его не стало, то все народное движеніе упало.

Всюда подозрѣвали наши враги «Москву и шизму». Католицкое общество св. Стефана стало выдавати «Церковную газету въ пользу восточно-каѳолической церкви соединенной съ римскимъ па-

тріаршимъ престоломъ». Редакторомъ еи былъ священникъ Мукачевскои епархіи, Іоаннъ Раковскій, а тотъ перепечатовалъ уступы изъ великорусскихъ православныхъ газетъ. Потомъ издавалъ онъ: «Церковный Вѣстникъ», но на него косо дивилися, уважали его также за полъ шизматика и онъ прекратилъ свое издательство.

Въ 1862 р. за порадою Александра Духновича пряшевскій епископъ Іосифъ Гаганецъ и мукачевскій епископъ Василій Поповичъ основали «Науковое Общество св. Василія». Общество то мало выдавати школьныи книжки. Однакъ мадяры уже не дали намъ розвиватися. Началася всеобщая мадяризація.

Былъ то послѣдній проблескъ русскои жизни. Въ унгварской духовной семинаріи былъ еще сильный русскій духъ, питомцы читали русскіи книги и газеты. Наразъ все то взборонено. Въ Унгварѣ основано общество «Русская Бесѣда». Но не долго пришлося ему жити.

Мадяры нашли себѣ здрадника, Стефана Панковича, и по смерти епископа Василія Поповича, сробили здрадника мукачевскимъ епископомъ. Панковичъ обязался змадяризовати семинарію и священниковъ. Достигъ того пышными обѣдами, добрымъ виномъ, всякими наградами, обѣщаніями, захваливаніемъ мадярского языка и т. п. Многіи священники хлѣба ради стали лизатися ему, и клеветати на честныхъ русскихъ собратьевъ, которыхъ посужували о «шизму» и о «Москву». Панковичъ малъ за собою мадяровъ, потому его воля была свята. Онъ уничтожилъ «Общество св. Василія», а даже тогда, коли уніатской церкви на Угорщинѣ хотѣли дати независимость, онъ не хотѣлъ того. Волѣлъ быти наймитомъ латинскихъ бискуповъ, якъ самостоятельнымъ владыкою.

Въ Унгварѣ русскіи патріоты собрали до 6 тысячъ гульденовъ и купили домъ на «Народный Домъ». Панковичъ продалъ тотъ домикъ, бо якъ казалъ, что онъ стоитъ на его грунтѣ. Мадярское правительство хотѣло ввести до русского письма латинскіи буквы, но на счастье было еще только силы въ народѣ противитися тому. Пробовали мадяры ввести фонетику, и стали издавати «Газету для народних учителів», но никто не хотѣлъ еи читати. Тогда то послѣдовалъ засудъ: «**общая мадяризація**». Началася она безпощадно съ 1870 р. Ученикамъ давали грошевыи подмоги, за что они мусѣли позднѣйше стати мадяронами. Въ 1866 р. въ гимназіяхъ пряшевской, левочанской, ужгородской, и подолинской было 286 русскихъ учениковъ и 2,270 мадярскихъ, а въ 1871 р. только 131

русскихъ, а 4,055 мадяръ. Нынѣ даже не признаютъ тамъ русского происхожденія.

Въ 1895 р. словаки, сербы, ромыны и другіи не-мадяры мали въ Пештѣ съѣздъ, чтобы обдумати, якъ боронитися противъ мадярского гнета. Русскій народъ не малъ тамъ ни одного представителя. **Духовенство, которое ѣсть хлѣбъ русского народа, оно совсѣмъ смадяризовано.** Въ немъ нѣтъ ни однои капли русскои крови, все выссала мадярщина. **Въ домахъ ихъ и тамъ и тутъ, въ Америкѣ, не почуете ни одного русского слова, дѣти ихъ не умѣютъ по русски говорити. Въ нихъ впоили, что хлопъ-седлакъ, не человѣкъ, а говедо (скотина) и они держатся того.**

Скажите сами, чи то не правда?

Безперечно, что и нынѣ есть тамъ люди русского духа, но ихъ мало и они безсильны. Мадярская власть, которая перешла майже цѣлковито въ жидовскіи руки, готова подавити и затопити хотя бы въ крови всякое народное движеніе.

На око мадяры опекуются русскими селянами, устроиваютъ имъ рольничіи выставки, зацыткуютъ, якъ мати дитину. А въ школахъ одна мадярская бесѣда, по церквяхъ мадярская наука, по части мадярское богослуженіе. И такъ:

Мадяры хотятъ конечно вынародовити русскій народъ, то есть сдѣлати его мадярскимъ. Русскій народъ долженъ противъ того боронитися. Онъ долженъ памятати, что мы русского роду, а не мадярского.

Якимъ духомъ вѣетъ нынѣ въ уніатскихъ угорскихъ консисторіяхъ, на то маемъ такіи доказы: Нынѣшній епископъ мукачевскій, Фирцакъ, коли обнималъ владычій престолъ, сказалъ тѣ слова: **«надѣюся, что въ короткомъ часѣ тѣхъ 500 тысячъ грекокатоликовъ станутъ якъ найщирѣйшими мадярами!»**

А снова пряшевскій епископъ Валій ѣздилъ ажъ до Рима просити, чтобы папежъ позволилъ завести службу Божу на мадярскомъ языкѣ. Теперь вѣрте мадяронамъ!

Дѣломъ исторіи списати то, что было. Смутно, что образомъ безнадежднои народнои бѣды приходится намъ закончити сію главу. Но есть Богъ, русскій Богъ, потому не унываймо. Пока подъ одною хотя селянскою стрѣхою хранитися будетъ русскій духъ и русское слово, мадяры не выграли. Разъ уже спознали они, что то русское войско, никто не знаетъ, чіе завтра. Нехай же оно счастливое будетъ отъ нынѣшнои народнои нашои бѣды и кривды.

Исторія Буковинской Руси.

Между Россіею отъ востока, Ромыніею а Семиградомъ отъ полудня, Семиградомъ, Угріею отъ запада, а Галичиною отъ полночи лежитъ малый край, Буковина. Она належитъ до Австрійскои державы. Буковина числитъ около 750 тысячъ жителей. Большая часть еи населенія то русскій, православный народъ. Головное мѣсто Буковины называется: Черновцы.

«Зеленая Буковина». Откуда взялося само названіе Буковина, того не знаемъ, сдается однако, что отъ густыхъ буковыхъ лѣсовъ, якіи ю загущали. Въ урядовыхъ грамотахъ подыбуемъ то названіе только въ 1412 р. Тогда дѣлилася та земля на «Великую и Малую Буковину», при чемъ «Великою Буковиною» названа была полночная еи часть. Полудневую часть того края и донынѣ зоветъ народъ: «Забуковиною».

За временъ св. Владиміра Великого Буковина была частію великои русскои державы. Коли вытворилося Галицкое Княжество, тогда Буковина также належала до него. Въ р. 1340 заняла Галицкую землю Польша. Въ томъ часѣ Буковина была подъ татарскимъ игомъ, потому Польша не мѣшалася до неи.

Такъ то въ несчастью часами и счастье случается. Не были бы татары, то та часть русскои земли была бы попала подъ ляшскую неволю, а такъ разъ на всегда спаслася отъ неи. Правда, что неразъ въ исторіи читаемъ о походѣ ляховъ на тѣ земли, до которыхъ належала потомъ Буковина, но всеже таки ляхи николи не поклали на ню своеи желѣзнои руки. Впрочемъ татарское иго не долго продолжалось.

Въ 1345 р. угорскій король, Людвикъ I, поборолъ татаръ и прогналъ ихъ изъ Угріи, Семиграда, а также изъ Буковины. Помагали ему въ томъ усердно Ромыны. Въ Буковинѣ были великіи просторы плодоноснои, безлюдноі земли, и король Людвикъ далъ ихъ Ромынамъ въ награду. Въ

1352 р. невеликая громада Ромыновъ осѣла въ полудневосточной части Буковины. Они были также православныи, а богослуженіе ихъ совершалося на славянскомъ языкѣ. Вождомъ ихъ былъ Богданъ Драгошъ.

Ромыны прибыли изъ Мараморошскои, лѣсистои стороны изъ полночно-восточнои части Угріи. Обѣ народности годилися на Буковинѣ якъ найлучше. Драгошъ выбралъ себѣ прехорошую плодоносную землю коло русского села Воловца и тутъ побудовалъ себѣ дворецъ, а также и православную церковь.

Съ часомъ такъ русскій народъ, якъ и Ромыны выбрали Богдана Драгоша своимъ начальникомъ. Драгошъ завоевалъ сосѣднюю Молдавію и совокупилъ ю въ одно съ Буковиною. Новую ту державу назвалъ онъ отъ буковинскои рѣки, Молдавы, «Молдавскою Землею», а себе назвалъ «Молдавскій господарь». Сбылося то 1359 р.

На дворѣ Драгоша и его наслѣдниковъ владѣлъ русскій языкъ, а якъ сказали мы, то и богослужебнымъ языкомъ былъ славянскій языкъ, что удержалося до р. 1700. Молдавскіи, также волошскими званы, господари были всегда щирыми защитниками св. Православія. И хотя на короткій часъ то татары, то Семиградъ завладѣли тою землею, все же то были только переходящіи хмары, по которыхъ народъ жилъ въ достаткахъ хлѣба, якого не скупила ему плодоносная земля

Отъ 1511 р. верховную власть надъ Молдавіею малъ турецкій султанъ. Но власть та кончилася уплаченіемъ рочнои дани. Въ 1768 р. Россія заняла Молдавію. Русскіи войска стояли на Буковинѣ до 1774 р. По ихъ уступленію занялъ Буковину австрійскій цѣсарь, Іосифъ II, и присоединилъ ю до Австрійскои державы.

Якимъ правомъ заняла Австрія тотъ край, того никто не знаетъ. Послѣ побѣдоносной войны Россіи противъ Турціи, царица Екатерина II заключила съ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ миръ, а Молдавія мала и дальше, хотя бы для ока, узнавати верховную власть султана. Тогда то австрійскіи войска пришли на Буковину, а уже по томъ обезсиленная Турція подписала договоръ, что «мирно» уступаетъ Австріи Буковину (1775 р.). Буковина числила тогда не больше, якъ 60 тысячъ жителей, переважно, бо въ двохъ-третьихъ, русскихъ. Мала она тогда только три мѣста: Черновцы, Сочаву и

Серетъ, и 277 мѣсточокъ и селъ. Но уже въ 1779 р. числила Буковина 120 тысячъ жителей, бо наплыло тамъ много нѣмцевъ, поляковъ, жидовъ и мадяръ.

Въ р. 1786 присоединено Буковину до Галичины, яко звычайный округъ. Но уже въ 1849 р. утворено изъ неи особный край ,названный: «воеводство Буковина». Въ р. 1861 достала она свой краевый сеймъ. На челѣ еи стоитъ краевый начальникъ.

Русская Церковь на Буковинѣ.

Жители Буковины были все православны. Предки наши приняли тутъ христіанскую вѣру за временъ Владиміра Великого. Буковина подчинена была Кіевскому, а потомъ галицкому митрополитѣ. Въ р. 1408 Молдавскій князь Александръ I Добрый основалъ въ Радовцахъ православное епископство. Оно существовало ажъ до 1781 р. и подлягало митрополитѣ изъ Сочавы, а потомъ изъ Яссъ, въ Молдавіи. Въ томъ року перенесено то епископство до Черновецъ.

Сочавская митрополія повстала 1399 р., а привелъ ю до житья Молдавскій господарь Юга. Сочава была также престольнымъ мѣстомъ цѣлого краю. Донынѣ есть тамъ великій, православный монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи св. Іоанна Сочавского и где тысячами горнется народъ съ далекихъ даже сторонъ на богомоліе. Колижъ 1630 р. перенеслися господари на житье до Яссъ (въ нынѣшномъ королевствѣ Ромынія), то также перенесено тамъ и митрополію. Съ минутою присоединенія Буковины до Австріи связь съ Яссами устала; черновецкое епископство поддано Карловицкому патріархѣ.

Въ р. 1873 цѣсарь Францъ Іосифъ I поднесъ черновецкое епископство до годности митрополіи. Власти православного черновецкого митрополита подчинено всѣхъ православныхъ изъ Далматіи (часть Австро-Угорскои державы). Первымъ митрополитомъ былъ Ѳеофилъ Бенделли. Онъ и его наслѣдники стали вводити ромынского духа въ православныи церкви и заводити ромынскій языкъ.

До часу занятія Буковины Австріею, и долго еще потомъ, никто не зналъ на Буковинѣ, что такое унія, або уніаты. Но латинники не спали, ихъ болѣло то, что Буковина то чисто православный край и начали свою злобную роботу. А что латинство не мало тамъ приступа, то думали завести тамъ прежде унію, яко мостикъ, по которомъ съ часомъ идетъ дорога до латинизаціи. Въ р. 1825 нѣкій уніатскій ксендзъ Лаврецкій объѣзжалъ съ урядникомъ всѣ села и всѣхъ тѣхъ, которыи переселилися изъ Галичины, насильно записовалъ на унію. Въ тотъ способъ списали около 41 тысячъ паперовыхъ уніатовъ и утворили для нихъ 14 приходовъ. Та унія не мала тамъ что робити, доказомъ того, что нынѣ нѣтъ тамъ даже и 20 тысячъ уніатовъ.

За то вселился въ православной консисторіи духъ ромынизаторскій. Ромыны заводятъ всюда свой языкъ, по своему говорятъ проповѣдь, коротко сказати, ведутъ ту саму роботу, якую ведутъ мадяры между русскимъ народомъ. Православное населеніе Буковины числитъ теперь больше полъ милліона душъ.

На Буковинѣ, въ серетскомъ и сочавскомъ округѣ живетъ до 4 тысячъ старообрядовцевъ званныхъ также Филиппованами, або Липованами. Они прибыли сюда изъ Россіи между 1769 а 1774 рокомъ. Въ Бѣлой Криницѣ маютъ они монастырь и соборную церковь. Тутъ пребываетъ ихъ митрополитъ, признанный австрійскимъ правительствомъ. Они употребляютъ великорусскій языкъ.

Найновѣйшая доба.

Русскій народъ на Буковинѣ переживаетъ тяжкіи времена. Уже отъ 1850 р. ромынизаторская робота не устаетъ. Въ 1848 р. въ духовной семинаріи заведено ромынскій языкъ. Съ другои стороны маютъ тамъ перевагу нѣмцы, также и поляки, хотя они и найслабши, а всетаки въ многихъ шкодятъ намъ. Въ хвиляхъ возрожденія русского народа, были мужи великого духа, якъ Гавріилъ и Василій Проданъ, Василій Ферлеевичъ и другіи. Славу Буковины рознесъ поэтъ Осипъ Федьковичъ и другій, не меньше славный, Исидоръ Воробкевичъ (Данило Млака). Въ народныи школы введено русскій языкъ. Чтожь, коли съ 1877 р. началася тутъ украинская гниль, съ начала тихо, незначно, а такъ всею силою. Дармо что русскіи люди боролися и борются съ нею, за украинцами стоитъ правительство, даетъ имъ школы, чтобы только боролися, а радше противодѣйствовали едности святои Руси. Найбольше болитъ сердце, что многи изъ нихъ признаютъ себе православными.

И такъ нищатъ они то, за что боролися прадѣды наши, за цѣлость св. Руси, а іезуиты, которыи построили въ Черновцахъ великій кляшторъ, затираютъ отъ радости руки. Народъ пропадаетъ въ темнотѣ, идетъ въ Канаду, а и тамъ кажутъ ему забыти на его «зеленую Буковину», и морочатъ голову тою украиною, которая не означаетъ ничего другого, якъ запроданье народныхъ святостей.

Послѣдними часами правительство розвязало на Буковинѣ всѣ щиро-русскіи общества, а то за подмовою украинцевъ. Несчастная то земля, которая стыдатись муситъ тѣмъ, что изъ нѣдра еи вышли Іуды-здрадники властныхъ братьевъ.

Исторія Американской Руси.

Ледва тридцать лѣтъ минаетъ отъ часу, коли первыи русскіи переселенцы такъ изъ Державнои, якъ изъ при и закарпатскои Руси прибыли до Америки. Безперечно, что съ того времени начинается также исторія Американскои Руси. Но исторія та донынѣ есть якобы въ пеленахъ, а бурливыхъ проявленій жизни нашихъ переселенцевъ не можно подносити до значенія историческихъ фактовъ. Многіи изъ тѣхъ, которыи брали живую участь въ событіяхъ нашои эмиграціи, нынѣ живутъ еще. Исторія, яко справедливый судія, не выдаетъ николи суда о поодинокихъ дѣятеляхъ, якъ долго дѣятельность ихъ не дойдетъ конца, а концемъ тѣмъ — смерть, ибо исторія не можетъ предвидѣти того, что будетъ завтра. Можно и найбольше почтити заслуги живущихъ единицъ, а можно ихъ и осудити — но только съ минутою ихъ смерти переходятъ они до исторіи, которая имена ихъ записуетъ на своихъ скрижалахъ.

Потому о писанью «Исторіи Американскои Руси» не можетъ быти пока-что и бесѣды. Все же таки мы даемъ короткій очеркъ того, что было донынѣ, а даемъ его больше для обзнакомленія молодшого поколѣнія, а также нашихъ старокраевыхъ читателей съ тѣмъ, что дѣялося и дѣется въ той, новой землѣ, на безмежныхъ просторахъ которои судьба розкинула братьевъ нашихъ.

Русскій народъ въ Полночной Америкѣ живетъ роскинутый на великомъ просторѣ цѣлыхъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ Нью Іорка до Санъ Франциско и отъ Миссури до Ріо Гранде. Найбольше русскихъ живетъ въ штатахъ: Нью Іоркъ, Нью Джерзи, Пеннсилваніа, Огайо, Массачусетсъ, Коннектикутъ. Русскіи переселенцы начали наплывати до Америки около р. 1880. Найбольше прибыло ихъ изъ Галичины и Угріи, а съ 1905 р. начинаетъ много прибывати и изъ Державнои Руси, хоть тамъ людямъ поводится далеко лучше, чѣмъ въ Прикарпатской Руси. Изъ Галичины прибыли до Америки первыи переселенцы изъ Лемковщины. Русскіи люди заселяютъ найгустѣйше тѣ стороны штату Пеннсилваніа, где суть углекопи (майны). Меньшость русскихъ людей робитъ въ разныхъ фабрикахъ.

Эмиграція до Америки началася дуже незначно, такъ, что Галичина, правительство которои и донынѣ николи не печалилося эмигрантами, даже еи не отчуло. Изъ Лемковщины, откуда гнала ихъ

крайняя нужда, вышли первыи эмигранты. Въ Америкѣ ждала ихъ тяжкая, углекопская робота. Съ часомъ число ихъ росло и то поважно, одни стягали другихъ. Но якъ незавидна была ихъ жизнь. Мѣстныи жители, ирландцы (айриши), которыи або сами або ихъ отцы, нужденныи обдертыи прибыли до Америки, стали завиднымъ окомъ смотрѣти на русскихъ людей, стали ихъ переслѣдовати и часто-густо найневиннѣйшіи наши люди мусѣли житьемъ переплатити свой пріѣздъ въ Америку. Русскому человѣку небезпечно было перейти улицею, насъ называли съ погордою "hungarian", або "polish people" (угорскій, або польскій народъ), а названіе то дается дуже часто чути и нынѣ.

Народъ нашъ, якъ ніякій другій на свѣтѣ привязанный есть до Церкви. Но на цѣломъ просторѣ Соединенныхъ Штатовъ не было ни однои русскои церкви, ни одного русского священника. Русскіи люди, лишены единственной отрады, прямо погибали на чужинѣ, и хотя съ найбольшою неохотою, въ конечныхъ потребахъ удавались до польскихъ, словацкихъ, литовскихъ и англійскихъ **костеловъ и ксендзовъ.**

Въ р. 1886 построено въ Shenandoah, въ Пеннсилваніи, первую русскую, уніатскую церковь. Потомъ майже ровночасно построено въ разныхъ мѣстахъ нѣскольконадцать русскихъ церквей. Тими церквами заряжовалъ выбранный церковною громадою комитетъ. Число священниковъ стало побольшатися, по большой части прибывали сюда священники изъ угорскои Руси, но также изъ Галичины. При церквяхъ закладано приходскіи школы. Первая школа была заложена въ 1893 р. въ Shamokin, Pa.

Первый священникъ, который прибылъ до Америки, именно до Shenandoah, то былъ Иванъ Волянскій, изъ Галичины. Онъ прибылъ сюда женатый, а айришскій бискупъ кинулъ на него церковную клятву и оголосилъ публично, что то не священникъ. Айриши не знали, что уніатскіи священники женятся передъ принятіемъ священства; ихъ бискупы не знали даже, что есть якая унія, о которой они николи ничего не чули. Своимъ порядкомъ, что пріѣздъ о. Волянского не причинилъ чести русскому народу. На самую вѣдомость о прибытію священника, русскій народъ перенялся великою радостью. Всюда хотѣли почути Службу Божью, взяти участь въ богослуженію, которого они не видѣли отъ пріѣзда въ Америку. На постройку первои церкви въ Шенандоахъ сложено только грошей, что, якъ говорится вообще, за тѣ гроши можно было оббити церковь внутри и съ внѣ золотою бляхою. Церковь построено деревян-

ную, бѣдную. Латинскіи ксендзы не позволяли русскихъ погребати на свихъ кладбищахъ, бо въ Америкѣ каждый приходъ мае свое кладбище, потому прихожане купили землю подъ собственное кладбище.

О. Волянскій не малъ счастливои руки. При немъ сгорнулася шайка неробовъ, паничовъ, которыи явно хвалилися своимъ неробствомъ, а и крайнымъ безвѣріемъ. При ихъ помощи Волянскій за гроши, сложены русскими людьми, основалъ на паяхъ «склепы» («сторы») въ Shenandoah, Hazleton, Plymouth, Olyphant и Shamokin. Панки взяли склепы въ свои руки и разокрали съ великою кривдою бѣдного народа. Изъ тихъ склеповъ нынѣ существуетъ только одинъ, въ Олифантѣ, и тотъ отъ давна попался въ частную посѣлость. Пробовалъ Волянскій также основати и театръ, но выставилъ себе, а что больше русское имя, на смѣхъ. Онъ первый кинулъ кость несгоды между галицкихъ а угорскихъ русскихъ, а и первое сѣмя сненавиженного украинизма. Тѣмчасомъ латинскіи бискупы постаралися въ Римѣ о приказъ, что только безженныи уніатскіи священники могутъ ѣхати въ Америку. Въ р. 1889 Волянскій былъ откликанный до Галичины. Въ Шенандоагъ на его мѣстѣ осѣлъ свящ. Константинъ Андруховичъ, который цѣлковито снищилъ приходъ и которого галицкій митрополитъ устранилъ отъ служенія.

Тогда то прибылъ до Америки свящ. Ѳеофанъ Обушкевичъ, человѣкъ русскихъ убѣжденій, добрый организаторъ, любитель и знатокъ спѣву, а яко Лемко, найбольше симпатичный Лемкамъ, которыи на тогда были единственными русскими поселенцами. Онъ прибылъ до Америки 1890 р. Андруховичъ ничего не дѣлалъ себѣ съ приказовъ митрополита, и изъ прихода не уступилъ, пока люди не дали ему отчепного пять съ половиною тысяча долларовъ.

Съ часомъ стали надтягати до Америки галицкіи священники, молодыи, переняты украинскимъ духомъ. Всѣ они ишли сюда не для миссійнои роботы, а для того, чтобы найбольше грошей набыти, а о гроши было дуже легко. Все же таки партійная борба еще не началася на добре. Великою виною о. Обушкевича было, что онъ, маючи необмеженное вліяніе на Лемковъ, и видячи потребу ревныхъ священниковъ, не постарался о нихъ, а молчки дивился на то, якъ до Америки наплывали люди безъ вѣры, безъ чести и безъ идеи.

Жизнь русского народа въ Америкѣ вязалася стисло съ религійнымъ движеніемъ. На жаль уніатскіи священники, якіи пріѣзжали до Америки, глядали только хлѣба. Они не дбали о церкви и соблязнали народъ злымъ поведеніемъ. Русь

американская погибала въ темнотѣ. Тогда Господь Богъ послалъ ей великого мужа, который открылъ народу очи. Онъ звался отецъ Алексѣй Товтъ. Былъ онъ священникомъ и профессоромъ богословія въ Пряшевѣ, на угорской Руси. Пріѣхалъ онъ до Америки и обнялъ уніатскій приходъ въ Миннеаполисъ, въ штатѣ Миннесота. Католическіи бискупы переслѣдовали его и его прихожанъ въ ужасный способъ. Отецъ Алексѣй Товтъ въ 1892 р. вразъ съ цѣлымъ приходомъ присоединился къ св. Православію и подчинился власти православного владыки въ Санъ Франциско. Отецъ Алексѣй Товтъ сталъ правдивымъ апостоломъ Православія. Онъ будилъ отъ сна и училъ, что Православіе то наша предковская вѣра. Его апостольскими трудами повстали первыи православны приходы. Цѣлкомъ справедливо Высокопреосвящ. Владыка Платонъ назвалъ его «Батькомъ Американскои Руси» и благодарный о. Товту народъ съ радостью принялъ и навсегда сохранилъ за о. Товтомъ то славное названіе.

Мы уже сказали, что уніатскіи священники глядали не чего иного, якъ долларовъ. Уніатскими звалися они для ока, по правдѣ же всегда и всюда объявляли себе крайными безвѣрниками и явно высмѣвали Римъ и его католицизмъ. Народъ все то видѣлъ и горшился тѣмъ. Православного священника никто не видѣлъ. Въ Санъ Франциско былъ православный Владыка, но о его существованію никто не зналъ; вѣдь же отъ тѣхъ сторонъ, где жили наши поселенцы до Санъ Франциско дальше, якъ до Европы. И вотъ первый о. Алексѣй Товтъ, человѣкъ великого ума и сердца, человѣкъ всесторонно образованный, сильнои воли, поленъ посвященія, отъ давенъ давна приклонный св. Православію, первый открываетъ народу очи, присоединяется къ едино спасительной православной Церкви и начинаетъ дѣло великое, дѣло возвращенія русского народа на нѣдро отцовскои вѣры и Церкви. Православной миссіи, которая нынѣ ведетъ то дѣло, далъ онъ славный початокъ, а намъ далъ то удовольствіе, что начало такъ великого дѣла вышло отъ сына Прикарпатскои Руси. Чѣмъ былъ Иванъ Наумовичъ для Галичины, тѣмъ былъ Алексѣй Товтъ для Американской Руси; апостольскою проповѣдью, перомъ, порадою, грошевою помощью служилъ онъ все своему, за море, прогнанному народу. Десятки разъ искушали его латинники, обѣщали почести и достатки, чтобы только измѣнилъ св. Православію, но Алексѣй Товтъ не поддавал-

ся ни за якіи искушенія; онъ всюда былъ тѣмъ молотомъ, который вдребезги розбивалъ фарисейство латинскои и уніатскои здрады.

Было бы чорною неблагодарностью при описанію трудовъ о. Товта, не вспомнути теплымъ словомъ огненноревностного Владыки Николая (правившого амер. православною миссіею отъ 1891 до 1898 г., нынѣ же Архіепископа Варшавского), который своимъ авторитетомъ подтверждалъ великую роботу о. Товта, входилъ въ близкіи сношенія съ новообращенными чадами прав. церкви, въ часѣ посѣщеній приходовъ и своимъ ласкавымъ словомъ, апостольскою простотой и горячей проповѣдью утверждалъ и укрѣплялъ новыхъ чадъ правосл. церкви въ любви ко св. Православію и великой покровительницѣ и защитницѣ правосл. вѣры — Державной Руси.

Съ началомъ дѣятельности о. А. Товта началося и наше русско-народное движеніе. Въ часѣ отъ первыхъ починовъ того народного движенія, выходили въ Америкѣ газеты — «Америка», выдавана Волянскимъ, потомъ «попиками-радикалами», наконецъ Андруховичемъ. Тотъ послѣдній выдавалъ въ 1891 р. «Руске Слово» (которого вышло 42 числа). Въ томъ самомъ часѣ въ Нью Іорку выходилъ «Новый Свѣтъ» подъ редакціею свящ. Григорія Грушки, поддерживанный мадяронами.

По примѣру другихъ народностей въ Америкѣ, начали русскіи люди основывати церковныи братства. Цѣль тихъ братствъ, на случай слабости давати подмогу, а на случай смерти члена оплатити похоронъ и дати грошевую помощь оставшойся родинѣ. Въ р. 1892 основалося: «Соединеніе Грекокаѳолическихъ Русскихъ Братствъ». Мысль до его основанія подалъ свящ. Ѳеофанъ Обушкевичъ. Соединеніе то начало издавати газету «Русскій Американскій Вѣстникъ», якій выходитъ донынѣ.

Мысль основателя была соединити всѣ существующіи братства въ одинъ союзъ. Уже передъ тѣмъ завязался былъ «Союзъ Рускихъ Братствъ въ Америцѣ», до которого належало 8 братствъ, та розбился въ 1890 р. Но «Соединеніе Греко-Каѳолическихъ Русскихъ Братствъ», которое при грошевой помощи мало дбати о просвѣщеніе русского народа, безпотребно назвало себе русскимъ, оно бо стало принимати также словацкіи братства, а и смѣшанныи, где были римо и греко-католики. Мадяроны-священники взяли верхъ въ «Соединенію» на то, абы якъ найскорше вынародовити русскій народъ.

«Соединеніе» стало выдавати газету на словацкомъ языкѣ, а яко причепку до неи другую на русскомъ, но такимъ, что никто не зналъ и не знаетъ, якая то мѣшанина словъ складается на тотъ языкъ. Дошло до того, что самъ Обушкевичъ выступилъ изъ «Соединенія». Одно завдячити маемъ той организаціи, именно, что по ей статутамъ православныи не могли быти еи членами, что охранило ихъ отъ попаденія въ мадяронскую тьму, якая вкоренилася въ «Соединенію». Нынѣ оно въ рукахъ мадяроновъ, мае громадное число членовъ, переважно словаковъ, для русскои мысли не робитъ ничего, такъ якъ нѣтъ русскости въ тѣхъ, которыи руководятъ нимъ. На око дбаетъ оно о нашъ обрядъ, но о столько, о сколько того треба для большого отуманенія членовъ, на дѣлѣ идетъ оно вѣрно стезями мадяръ-орсагскои политики.

Соединеніе Греко-каѳолическихъ Русскихъ Братствъ» пошло служити мадярамъ. Для того въ 1893 основалося другое общество: «Русскій народный Союзъ». Основалъ его также священникъ Ѳеофанъ Обушкевичъ при помощи другихъ уніатскихъ ксендзовъ. Общество то начало выдавати газету «Свобода», которая выходитъ донынѣ.

Газета «Свобода» печаталася съ начала русскимъ правописаніемъ. О. Обушкевичъ, вяжучися съ молодыми ксендзами, не числился съ ихъ ненавистью до всего, что истинно русское, не видѣлъ хиба того, что они крайныи радикалы, перенятыи лже-украинскимъ духомъ. «Свобода» переходила черезъ руки нѣсколькихъ ксендзиковъ-редакторовъ, и съ каждымъ днемъ больше ставала радикальною, т. е. публично стала писати противъ вѣры. Число уніатскихъ попиковъ-радикаловъ сбольшалося; они уже не крылися съ своимъ безвѣрствіемъ, а до того вели житье крайне неморальное. Они не крылися съ ненавистію до истинно русскихъ людей, которыхъ звали «москалями». Дошло до того, что первый ихъ организаторъ, о. Обушкевичъ вслѣдствіе ихъ ненависти мусѣлъ уступити изъ своего прихода въ Олифантѣ, который занялъ ксендзъ Иванъ Арданъ. Тотъ перенесъ тамъ редакцію «Свободы», которая отъ тогда стала розсадникомъ безвѣрія и нечести.

Козаки-священники стали гуляти и то широко. Не рѣдко можно было почути отъ нихъ такіи изреченія, якъ: «Я кромѣ природы не вѣрую больше въ ничо, не вѣрую въ Бога, ни въ ниякую надприродную силу, но за то попомъ могу быти»... «Я не вѣрую въ Бога, лише въ силу природы». Або также: «Дурная баба, дала на службу Божу, думаетъ, что то ей что поможетъ» (см. «Попики-радикалы» стр. 107). Въ «Свободѣ» писалося (1897 р.), что «ре-

лигія то дѣло приватное, особистое, прото вѣръ, въ що хочешь». Въ церкви попикъ (Струтинскій) кричалъ: «если перестану быти радикаломъ, то нехай мене шлякъ трафитъ». При томъ и житье ихъ показалось крайне безчестнымъ, неморальнымъ, такимъ, что подробно о немъ и говорити стыдно. Народъ уже не горшился, народъ потерялъ всякое почитаніе для священниковъ и относился до нихъ съ презрѣніемъ.

На точкѣ своеи украинскои заѣлости довели попики до того, что въ Шамокинъ попикъ Константкевичъ въ иконостасѣ прибилъ портретъ Тараса Шевченка, не смотря на то, что тотъ поэтъ былъ «шизматикъ» и что ругалъ Римъ, папежа и унію. Единомышленникъ того же попика, нѣкій Прозора, переробилъ тропарь Сошествія св. Духа на тропарь въ честь Шевченка, другій же (его дьякъ, Бачинскій) голосно кричалъ, чтобы службу Божу и парастасы скасовати.

Въ 1899 р. «Свобода», т. е. еи редакторъ, попикъ Иванъ Арданъ, умѣстилъ статью: «Пишім фонетикою», въ которой осмѣшилъ переданное намъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ письмо и возвалъ до введенія ненавистного русскому народу, бо ляхами накиненного фонетичного писанія. Тутъ перебралася мѣра. Противъ попиковъ-радикаловъ, а взглядно противъ ихъ лже-ученія и радикального поведенія выступилъ человѣкъ убогій, но твердого характера, дьяко-учитель также изъ Олифанта, Иванъ Гр. Борухъ. Въ старокраевой газетѣ «Галичанинъ», въ ч. 244 и 245 изъ 1900 р. подалъ онъ статью: «Лжепророки американскои Руси». Безпощадно, но согласно съ правдою описалъ онъ все, что дѣется въ Америкѣ. Статія сволновала всѣ умы старого краю, а въ Америкѣ попики сволновалися, якъ осы въ гнѣздѣ.

Арданъ при помощи подкупства, напоевъ, лжи и другихъ найнечестнѣйшихъ способовъ позбавилъ Ивана Боруха мѣста, хотя цѣлый приходъ былъ за нимъ. Неустрашенный тѣмъ Иванъ Борухъ написалъ книжку «Попики радикалы», въ которой представилъ смутное положеніе дѣлъ въ Америкѣ, выказалъ и доказалъ всю гниль, розпусту и безвѣріе попиковъ-радикаловъ. Книжку ту выдалъ онъ за послѣдніи центы, среди небывалыхъ трудовъ и препятствій. И треба признати, что на тотъ часъ былъ онъ единственнымъ защитникомъ русского народного дѣла. Книжка вызвала въ старомъ краю чрезвычайно пригнетающее впечатлѣніе, на ню обратила вниманіе вся галицкая и закордонная русская пресса, не **обратили вниманія только уніатскіи духовны власти, которыи о всемъ томъ дуже добре знали.** Такая то уніатская честнота.

Арданъ не долго ждалъ на вѣнецъ своеи дѣятельности. Коли анархистъ Чолгошъ убилъ президента Соединенныхъ Штатовъ, «Свобода» (ч. 37 и 38 р. 1901) похвалила то убійство. Дѣло стало голоснымъ. Посыпалися другіи жалобы, а кончилося на томъ, что Римъ кинулъ клятву на попика Ивана Ардана, т. е. экскомуниковалъ его.

Съ часомъ огорнула всѣхъ уніатскихъ священниковъ новая дурійка. Угорскіи мадяроны, розумѣется, тѣ, которыи не мали женъ, всѣ думали о томъ, якъ бы стати бискупомъ для Америки. Нѣкоторыи, агитуючи за тимъ, напередъ покупили себѣ митры и жезлы. И между радикалами былъ одинъ такій, именно Констанкевичъ, изъ Шамокинъ. Того кто то поддурилъ письмомъ изъ краю, что онъ уже «оффиціально оголошенъ епископомъ для америк. гр. кат. Русиновъ», и онъ на основаніи того письма убрался въ епископскую рясу, взялъ нагрудный крестъ, созвалъ собратьевъ-радикаловъ на торжественную службу Божу, при которой ему, яко «преосвященному канонику», возносилъ другій попикъ многолѣтствіе. Но Римъ не спѣшился съ бискупствомъ.

Тогда то попики начали думати о открытію независимои украинско-козацкои церкви для Америки и пустили всюда кличъ: «прочь отъ Рима!» Движеніе то началъ Арданъ, который писалъ, что имъ не глядати помощи ни въ Римѣ, ни у краевыхъ владыкъ. Письма св. онъ не признавалъ, ибо «Евангелія Христосъ не писалъ», а впрочемъ, якъ онъ говорилъ, «Христосъ не былъ Богомъ, а лишь первымъ изъ пророковъ». Движеніе то прибрало форму поважнои дѣйствительности на съѣздѣ, отбывшомся въ Гаррисбургѣ, въ Пеннсилваніи, дня 28 марта, 1901 р., где попики застанавлялися надъ тѣмъ, чи: «они и Русины маютъ признавати римского папу за голову русскои церкви, чи нѣ!» Была то явная схизма, и она заставила львовского митрополита Шептицкого выдати пастырское посланіе для «успокоенія умовъ». Попики отвѣтили на то изданіемъ книжечки «Унія в Америці, відповідь Андрееви гр. Шептицкому на его посланіе» и т. д. (1902 р.).

Успокоеніе умовъ началося. Черезъ Канаду пріѣхалъ до Соединенныхъ Штатовъ посланникъ Шептицкого, ксендзъ Жолдакъ, отобѣдавши у нѣсколькихъ рьяныхъ попиковъ-радикаловъ, отъѣхалъ до краю, а перемышльскій уніатскій бискупъ Чеховичъ написалъ попикамъ письмо, что «не маются чего бояти, бо онъ говорилъ уже съ Шептицкимъ и сдѣлалъ все добре!»

Между тѣмъ мадяронскіи ксендзы глядали доллара и давали о себѣ тутъ и тамъ знати только большими, или меньшими скандалами, якъ напр. Николай Молчаній въ Пассайкѣ, который довелъ до розбитья прихода и боролся всякими низкими средствами про-

тивъ своего собрата (читай «Исторія Американскои Руси въ живомъ примѣрѣ — написалъ Ив. Борухъ, Нью Іоркъ, 1903»). Правительство мадярское хотѣло пересвѣдчитися, чи мадяроны дбаютъ о мадяризованіе русского народа, тѣмъ больше, что Православіе съ каждымъ днемъ праздновало новыи побѣды. Для того, за порозумѣніемъ съ Римомъ, выслало то правительство «апостольского делегата», мадярона Андрея Годобая». Тотъ велѣлъ себе почитати, якъ епископа, голосилъ, что нынѣ-завтра будетъ дѣйствительно поставленный бискупомъ, обѣщалъ золотыи горы, объѣлъ и обпилъ мадяроновъ, отзначился крайне неморальнымъ житьемъ, потомъ хотѣлъ причепитися на первую лучшую «фару» (приходъ), а коли и то не удалося, осмѣянный и погорженный всѣми, отъѣхалъ до краю и нынѣ даже никто не знаетъ, где онъ обертается.

Однимъ и другимъ обѣщали епископа; попики притихли и дальше собирали доллары. На экономичномъ полѣ не сдѣлали ни одного кроку впередъ; начинали нѣсколько пробъ, якъ «Эмиграційный Домъ», розокрали собранныи гроши и конецъ. Литературная дѣятельность кончилася на «Свободѣ», въ которой предпоручали противныи вѣрѣ и церкви газеты, и на календаряхъ. Вотъ и все.

Въ р. 1901 свящ. Обушкевичъ основалъ новую организацію, которую названо: «Общество Русскихъ Братствъ». До еи розвою при другихъ найбольше причинился Викторъ П. Гладикъ, позднѣйшій редакторъ «Правды». Общество то приняло ту газету за свой органъ. Основана она 1902 р.

Сдавалося, что организація та совокупитъ много русскихъ силъ именно изъ т. зв. уніатовъ, которыи не хотѣли належати до сукраинщиного «Союза», ни до мадяронского «Соединенія». Общество то принимаетъ также и православныи братства. На жаль однакъ принимае оно также много словаковъ, которыхъ съ уніатами вяжетъ вправдѣ вѣра со стороны догматической, но ничего не вяжетъ ихъ съ русскимъ народомъ. Общество то существуетъ до нынѣ и числитъ около 6,000 членовъ. И если оно не станетъ мѣшатися въ агитацію за унією, а постоитъ за щиро-русскими идеями, дальше, если выдаваема нимъ газета «Правда» будетъ дѣйствительно русскою газетою, писанною умно, съ отвѣтнымъ планомъ и увзглядненіемъ потребъ народа, то Общество то, посбывшися не-русскихъ элементовъ, мае передъ собою свое завтра. Розумѣется, если будетъ служити Обществу, а не единицамъ и ихъ карманамъ, а также амбиціи.

Мы нарочно представили тѣ смутныи и темныи стороны тяжелой жизни нашихъ переселенцевъ, чтобы спокойно, не оглядаючися на всю уніатско-поповскую гниль, придивитися той идейной, апостольской дѣятельности русскои православнои миссіи, при которой совокупляется вся жизнь русского народа въ Америкѣ.

Якъ знаемъ, то путь до православія открылъ намъ о. Алексѣй Товтъ. Онъ первый подчинился власти русского православного владыки въ Санъ Франциско. Епископство русско-православное перенесено было до того мѣста въ 1872 р. изъ Ситки, на Аляскѣ. Вскорѣ потомъ въ Нью Іоркѣ открыто домовую православную церковь, маленькую, мало извѣстную, при которой зачали евангельскую проповѣдь нынѣшній протоіерей Александръ Хотовицкій и перебывающій теперь въ Россіи, отецъ Илія Зотиковъ. И проповѣдь та неслася все дальше и дальше; неутомимый протоіерей Товтъ широкимъ посѣвомъ сѣялъ зерно святои науки, златоустный проповѣдникъ, о. Хотовицкій, якобы чарующою силою привлекалъ св. Православію все новыхъ вѣрныхъ. На розлогой нивѣ, готовой до жатвы, являются новыи апостольского жнива многіи роботники, самоотверженныи православныи миссіонеры.

Въ р. 1895 въ Вилкесбарре, где тогда былъ приходникомъ протоіерей Товтъ, отбылся съѣздъ православного духовенства. И тамъ обчислено свои силы и пересвѣдченося, что

> Православная миссія росла съ каждымъ годомъ. Все новыи громады русскихъ людей просили, чтобы дати имъ православного священника. Неутомимыи въ трудѣ протоіерей Алексѣй Товтъ , дальше отецъ Александъ Хотовицкій и другіи миссіонеры ишли всюда на проповѣдь св. Православнои вѣры. Въ 1895 р. (дня 10 Апрѣля) основалося въ Вилькесбарре «Православное Общество Взаимопомощи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки». Первую мысль до его основанія подалъ протоіерей Алексѣй Товтъ. То славное общество розвивалося при видимомъ благословенію Божьемъ, прекрасно. Нынѣ числитъ оно около 200 братствъ съ 7 тысячами членовъ. Въ р. 1897 начало общество издавати свою газету «Свѣтъ». Газета та боронитъ справъ православного русского народа въ Америкѣ.

Слабыи то были початки. Ледва нѣсколькодесять единицъ, а однако тѣ единицы стали розсадникомъ великого дѣла. И нынѣ «Взаимная Помощь» якъ въ сокращенію называютъ то общество, несетъ спасительную отраду тысячамъ членовъ, даетъ щедрыи

жертвы на созданіе храмовъ и школъ, на удержаніе духовнои семинаріи, сиротского пріюта и другіи православію и русскому народу близкіи цѣли. Въ р. 1907 основано также «Православное Женское Общество Взаимопомощи», которое мае на цѣли головно запомогу на случай слабости и смерти.

Въ 1897 р. открыто въ Миннеаполисъ миссіонерскую школу, которую въ 1905 р. перемѣнено въ Духовную Семинарію. Въ ней образуются будущіи священники-миссіонеры. А снова р. 1900 назву «Алеутскои и Аляскинскои» епархіи замѣнено на назву: «Алеутско и Сѣверо-Американская» епархія. Два роки позднѣйше торжественно освящено въ Нью Іоркѣ русскій, православный соборъ.

Такъ то каждый годъ приносилъ за собою новыи подвиги, новыи плоды святого труда. Общество «Взаимопомощи» росло, повставали новыи приходы. Въ р. 1904 въ Нью Іоркѣ возведенъ въ епископы архимандритъ Рафаилъ для сиро-арабскои миссіи, съ титуломъ и каѳедрою въ Бруклинѣ. Тогоже року открыто при приходѣ въ Кливеландѣ православную русскую бурсу.

Въ 1905 р. перенесено архіерейскую каѳедру изъ Санъ-Франциско до Нью-Іорка. Владыкою былъ тогда мужъ великихъ честнотъ, преосвященный Тихонъ. При его апостольскихъ трудахъ (отъ 1898 до 1907 р.) Православіе въ Америкѣ сильно взросло. За его трудами открыта 1905 р. въ Миннеаполисѣ Семинарія, а въ Саутъ-Канаанъ, въ Пеннсилваніи, православный монастырь и сиротскій пріютъ.

Правдиво апостольскимъ духомъ перенятый былъ тотъ Архипастырь. Неутомимо розъѣзжалъ онъ по Штатамъ, Канадѣ и Аляскѣ и всюда утверждалъ вѣрныхъ въ Православію, а своимъ мягкимъ, сердечнымъ характеромъ и благоразуміемъ, лагодностію и отцовскимъ попечительствомъ привлекалъ себѣ всѣ сердца. И дѣло миссіи пречудно двигалося впередъ. Редакція «Свѣта» перешла въ руки отца Венедикта Туркевича (теперь протоіерея), который съ найбольшимъ самоотверженіемъ днями и ночами трудился яко редакторъ, яко наборщикъ, бо самъ мусѣлъ набирати, и яко тотъ, кто высылаетъ газету. При томъ исполнялъ онъ душпастырскіи обязанности, не отклонялся отъ миссійного труда, давалъ доказы найбольшого посвященія для блага великого дѣла.

А съ 1901 г. въ миссійномъ трудѣ началъ подвизатися мужъ, преданный всецѣло своему высокому званію, миссіонеръ-пропо-

вѣдникъ, которого щирое и спокойное слово пронизало на сквозь сердца всѣхъ и вело до св. Благочестія. Былъ нимъ отецъ Александръ Немоловскій, наслѣдникъ о. Туркевича въ редагованію «Свѣта» (отъ 1905 до 1909 г.), а нынѣ Владыка Аляскинскій.

И такъ дѣло Божьяго помилованья ишло впередъ; Церковь Православная числила уже десятки тысячъ. Въ томъ настало время, коли изъ тихои труженицы стала она сильною воинствующою и начала исполняти въ полномъ основанію свою задачу и свое посланничество.

Уніатская церковь не проявляла ніякой жизни. Между такъ зовимыми «украинскими», а мадярскими ксендзами была несгода, такъ, что одни другихъ не знали. Наконецъ Римъ назначилъ для Америки уніатского бискупа. Былъ и есть нимъ Сотеръ Ортынскій, монахъ изъ чина св. Василія Великого, изъ Галичины. Онъ пріѣхалъ до Америки 1907 р. Римъ выслалъ его на то, абы онъ помогъ русскихъ людей перевести на латинство. Римскій папежъ выдалъ наказъ (буллу), что уніатскимъ священникамъ не вольно миропомазовати дѣтей при крещенію. Дальше выдалъ папежъ таки роспоряженія, которыи обижаютъ (кривдятъ) восточный обрядъ, а идутъ на руку латинянамъ. Ортынскій показался великимъ украинцемъ и ворогомъ всего, что русское.

Монахъ изъ кляштора базиліановъ, реформованныхъ іезуитами, человѣкъ безъ большои науки, до того слабый на розумѣ, Ортынскій, принесъ сюда посѣвъ ненависти. Первое его слово было сневаженіе для всѣхъ правдиво русскихъ людей. Папская булла: "Ea semper" выкликала общее неудовольствіе и озлобленіе противъ Рима, который явно хотѣлъ уніатовъ привести до полного латинства. Ортынскій не пріѣхалъ сюда яко полновластный епископъ, а только яко подчиненный всѣмъ айришскимъ бискупамъ. Но съ его пріѣздомъ сталося диво. Всѣ попики-радикалы, тѣ, которыи кричали: «прочь отъ Рима!» — стали теперь дуже набожными католиками. Ортынскій, хотя зналъ о ихъ грѣшной, блудной жизни, окружился ними.

Священники изъ угорскои стороны явно выступили противъ него, кромѣ нѣсколькихъ измѣнниковъ, або такъ званныхъ «пятолизуновъ». Всѣ другіи не узнаютъ его яко епископа и дурятъ себе тѣмъ, что достанутъ для себе другого епископа изъ угорскои сто-

роны. На выслуги Ортынскому пошла газета «Свобода», которая изъ хулительницы святои вѣры стала теперь на диво католицкою. Ортынскій осѣлъ въ Филаделфіи. Но поведеніе его было такое, что народъ отвернулся отъ него. Онъ настягалъ изъ Галичины всякихъ украинскихъ попиковъ и сталъ будовати съ ними новую украину, а въ голосъ стали они ругати православныхъ и звали ихъ всякими безчестными словами. Православная миссія мусѣла станути въ оборонѣ своеи святости и чести.

Въ р. 1907 архіепископомъ православнои Церкви въ Америкѣ, сталъ Высокопреосвященный Платонъ, до теперь бывшій викарный епископъ Кіевскои епархіи и ректоръ Кіевскои Духовнои Академіи. Подъ его правленіемъ православная Церковь въ краткомъ времени дошла до небывалого розцвѣта и блеска. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ число православныхъ взросло въ десятки. Число православныхъ приходовъ побольшилося вдвое.

Противъ заѣлого іезуита, не вполнѣ ума, Ортынского, станулъ святитель съ ревностью апостола Павла, съ проповѣдническимъ даромъ Іоанна Златоуста, мужъ опытный, ученый, а что найглавнѣйшее, преисполенъ вѣры и горячей любви къ русскому народу. Недивно, что народъ съ умиленіемъ свернулся до него, якъ до своего родного Святителя, своего Князя (Вождя), своего Отца; уже не сотки, а тысячи кидаютъ унію и еи заблужденія и присоединяются къ св. Православію. Великое движеніе обняло всѣхъ, народъ станулъ до борьбы противъ украинско-уніатского насилія.

Въ 1908 р. на цѣлой Американской Руси начались народныи вѣча, созываемыи русскими людьми. На тихъ вѣчахъ народъ познавалъ всю здраду украинцевъ и всю неправду уніи. Начались всюда заводити читальни. Возникло много обществъ для просвѣщенія русского народа.

Въ 1908 р. пріѣхалъ до Америки І. Я. Луцыкъ, спроваженный сюда на редактора «Правды». Съ его пріѣздомъ начались громадныи народныи вѣча, на которыхъ численныи бесѣдники укрѣпляли народъ до борьбы за русскіи, святыи начала. На тихъ вѣчахъ подговорена попиками чернь украинская старалася часто-густо выкликати замѣшательства, кончилося однако тѣмъ, что украинцы мусѣли замолкнути и вынестися изъ вѣчевои залы. Вѣча тѣ, соединены съ всякими невыгодами, съ небезпеченствомъ, все таки былъ то дуже свѣтлый моментъ въ время нашого отрожденія.

Одновременно въ газетахъ велася безпощадная война. Со стороны православныхъ кромѣ «Свѣта» отличалася газета «Поступъ», издаваема Викторомъ П. Гладикомъ, при сотрудничествѣ І. Я. Луцыка. И такъ въ найдальшій закутъ ишло воззваніе до постоянія за историческіи наши начала. Народъ ожилъ. А миссія собирала жатву: все новыи громады уніатовъ свертали и свертаются до неи. Украинцы воюютъ нынѣ только клеветою и безличною лайкою, но сами видятъ, что побѣда правды по сторонѣ православныхъ.

Въ р. 1908, благодаря энергіи Высокопр. Владыки Платона и его широкой денежной поддержкѣ, открыто Русскій Эмигрантскій Домъ. Онъ опекуется тѣми русскими, которыи только что прибыли до Америки. Слѣдующій 1909 рокъ былъ тяжкимъ ударомъ для православнои Руси. Дня 7 Мая въ Вилкесбарре умеръ протоіерей Алексѣй Товтъ, найбольше заслуженный труженикъ Американскои Руси. Тѣло его похоронено Высокопреосвящ. Платономъ при участіи 20 священниковъ среди жалю всего народа при православномъ монастырѣ въ South Canaan, Pa. Память его незабвенна останетъ для всего русского народа.

Преждевременно сошелъ до могилы тотъ, которого съ гордостію всѣ звали «Батькомъ Америк. Руси». Тяжкая болѣзнь перетяла жизнь, на которую Русь много еще надѣялася. Заслуги его не дадутся оцѣнити; онъ былъ нашимъ правдивымъ героемъ-мученикомъ за св. Православіе. Умеръ тихо, смирно, якъ умираютъ всѣ Богомъ избранныи мужи. Бѣдная могила при монастырѣ крыетъ его останки. А имя его отъ рода въ родъ; оно свято останетъ для русского рода.

Въ 1909 р. протоіерей Александръ Немоловскій возведенъ былъ въ санъ епископа Аляскинского. Американская Русь весьма возрадовалась тому, ибо въ лицѣ Преосвященного Александра она получила Владыку, которого знала уже 8 лѣтъ, а то яко человѣка высокихъ духовныхъ дарованій, чистѣйшой и добрѣйшой души, свѣтлого ума, высокой скромности, благороднѣйшого характера, твердой воли и неисчерпаемой энергіи. Назначеніе его на Амер. Каѳедру, въ помощь Святителю — Архипастырю, и побуждаетъ амер. Русь земнымъ поклономъ поблагодарити за тотъ но-

вый знакъ отеческого попеченія о ней Высокопреосвященнѣйшого Владыку Платона и высшее Священноначаліе Россіи, внявшее его представленію.

Еще отчувается конечная потреба экономичного поднятія нашого народа. Бракъ учительскихъ силъ, учительскои семинаріи, дальше бурсы, бракъ библіотеки, высшого образованія для нашои молодежи, бракъ учебниковъ, дальше потреба политичнои самообороны и другіи національныи потребы приневоляютъ поважно застановитися надъ собою. Дай Богъ, чтобы послѣдующая жизнь Америк. Руси постаралась заспокоити сіи пекучіи народныи потребы. А пока что, скажемъ: «Слава Богу и за то, что теперь есть». И такъ, судя по всему, Американская православная Русь есть на найлучшой пути до поступа. Украинизмъ розлѣтается самъ въ себѣ. «Свобода» служитъ іезуитской политикѣ, «Союзъ» розбился на «католицкій» и на «народный», кромѣ того повстали товарищества: «Гайдамаки», «Січ», «соціалисты», всѣ на тлѣ украинизма и всѣ жрутся между собою. Противъ нихъ стаетъ едность и сгода русского православного народа. Съ просвѣщеніемъ прійдетъ культура, а съ нею добробытъ.

Въ 1910 р. посѣтилъ уніатскую церковь львовскій митрополитъ графъ Андрей Шептицкій. Нѣсколько разъ сторонники его украинскои политики обкидали его яйцами.Уніи не укрѣпилъ, православія не ослабилъ, отъѣхалъ назадъ.

Православный русскій народъ въ Америкѣ съ вѣрою въ Бога идетъ дорогою просвѣщенія до добра и побѣды!

Въ Канадѣ начали съ 1896 р. поселятися русскіи люди изъ Галичины, а съ 1897 р. также изъ Буковины. Одни и другіи осѣли въ Альбертѣ, коло мѣста Едмонтонъ. Поселенцы наши занимаются фармерствомъ, то есть управою земли. Нынѣ въ Канадѣ есть надъ 100 тысячь русского народа. Всѣ однакъ живутъ пороскиданы, неразъ о нѣсколько миль фарма отъ фармы. Черезъ то просвѣщеніе между народомъ стоитъ дуже низко. Русскои интеллигенціи въ Канадѣ совсѣмъ нѣтъ.

Далеко отъ своеи зеленои Буковины, и отъ Галичины, поселенцы наши въ Канадѣ заховали тотъ самъ способъ жизни, что и въ краю. И тутъ и тамъ однакова ихъ робота. Фармы отдалены одна отъ другои, съ цивилизаціею маютъ они мало стычности, потому

заховали давный звычай и обычай, а на жаль и много давныхъ пороковъ. И въ Канадѣ мае «украина» своихъ представителей, они издаютъ тутъ нѣсколько газетъ, но робота ихъ то сѣяніе вѣтра въ полѣ и больше ничого.

Долгій часъ никто не заботился о духовныхъ потребахъ канадійскихъ русскихъ поселенцевъ. Только французскіи ксендзы-католики накидалися народу, а накидуются донынѣ. Дошло до того, что нѣсколько изъ нихъ приняли восточный обрядъ, выучилися калѣчити пару словъ по русски и туманятъ народъ, а каждый изъ нихъ кажетъ, что онъ «русска піпа». Есть то прямо соромъ и ганьба, но митрополитъ уніатскій Шептицкій, будучи послѣдними часами въ Канадѣ, захвалювалъ тихъ французовъ и казалъ народу держатися ихъ. Кромѣ того осѣли въ Канадѣ базиліане изъ Галичины, спровадили за собою «сестеръ служебницъ», купуютъ фармы, а отъ часу до часу даютъ о себѣ знати крайне неморальнымъ поведеніемъ. Православная миссія, никогда не оставлявшая Канады безъ своеи опеки, послѣдними часами очень прилежно занялася канадійскими русскими.

Первыи православныи миссіонеры прибыли до Канады въ 1897 р. Въ новооснованной громадѣ «Востокъ» посвятили они площу подъ постройку первои православнои церкви и подъ кладбище. Церковь та была посвящена 1901 р. Съ часомъ належало до того прихода 7 церквей. Нынѣ въ Канадѣ есть 20 православныхъ церквей и нѣскольконадцать священниковъ.

Уже первыи поселенцы свернулися до Санъ Франциско, до Владыки Николая и просили о священниковъ. Первыи миссіонеры, покойный отецъ Кальневъ и о. Владиміръ Александровъ, о. І. Корчинскій, о. Сѣчинскій и о. Скибинскій, подготовили тутъ почву, трудъ другихъ священниковъ довершилъ дѣло. Церковь въ Востокѣ погорѣла, однако народъ построилъ другую, а за ихъ примѣромъ пошли и другіи громады.

Корыстаючи изъ темноты и добродушности народа, нашлися тутъ обманщики, которыи назвали себе священниками «незалежнои церкви». Початокъ сдѣлалъ нѣкій Серафимъ, пьяница и сумасшедшій. Онъ присвоилъ себѣ названіе епископа и патріарха и за нѣсколько долларовъ и водку кропилъ кого попало, а все неписьменныхъ, безчестныхъ людей. Розумѣется, что они николи не были священниками, однако съ безличностію натягаютъ они на себе священническіи ризы и туманятъ народъ. Но послѣдними часами на-

родъ не пускаетъ ихъ до хатъ, потому обманщики тѣ прилучилися до презвитеріанъ и за полученныи отъ нихъ гроши хотятъ ввести въ народѣ протестантизмъ, хотя сами не розумѣютъ, что то слово значитъ. Также въ Нью Іоркѣ желаютъ они утворити «руско-украинскую пресвитеріанскую громаду», за что имъ англики платятъ. Однако на желанью кончится. Якъ далеко отстоитъ солнце отъ земли, такъ далеко отстоитъ отъ русскои души протестантская ересь, тѣмъ больше, если ю ширятъ платныи наемники.

Канадійская Русь должна просити Господа, чтобы Онъ послалъ ей ревныхъ миссіонеровъ и ревныхъ просвѣтителей на народной нивѣ, а тогда и тамъ высоко вознесется знамя русскои величины и славы.

Въ полудневой Америкѣ, въ Аргентинѣ, и въ Бразиліи есть тоже не великое число русскихъ, такъ изъ Державнои якъ и изъ Подкарпатскои Руси. Далеко отъ своихъ, на чужбинѣ народъ тотъ ведетъ страдальную жизнь. Единственною ихъ отрадою есть то, что разъ, или два раза до року посѣтитъ ихъ православный священникъ. А однакъ держатся они своего и памятаютъ на то, что они дѣти однои, святои, Православнои Матери-Руси.

Найновѣйшіи времена.

Самодержавнымъ Государемъ всеи Русскои земли есть теперь Николай II.

И вотъ тотъ императоръ отдалъ свою власть самодержавную въ руки народа, и сказалъ: «пусть воля народа рѣшаетъ въ томъ, въ чемъ отъ вѣковъ рѣшала всегда царская воля и царское слово».

Великій безсмертный въ памяти народа русского царь Александръ II, дѣдъ нынѣшняго императора, освободитель бѣдного народа, тотъ, который «крестомъ осѣнилъ себе и весь русскій народъ, рѣшилъ пойти дальше; онъ хотѣлъ надати русской землѣ конституцію, то есть право самимъ себѣ давати законы и законы добра, любви и сердца не малъ онъ ничего другого.

И въ тую минуту, когда царская подпись имѣла быти положена подъ такъ важнымъ родументомъ, смерть пріостановила дѣло: Александръ II скончался, убитый тѣми, для которыхъ кромѣ добра, любви и сердца не малъ онъ ничо другого.

И пришолъ моментъ застоя, вся Россія не могла отрястися отъ грозы злочина; прямо перестало бити сердце въ народѣ. Но жизнь идетъ, она и радость и болѣзнь забираетъ съ собою, якъ ши-

рокая волна. Чего не могъ довершити дѣдъ, то довершилъ внукъ. И такъ:

Императоръ Николай II надалъ русскому государству конституцію, то есть самоуправленіе. Народъ вольными голосами выбираетъ себѣ представителей, которыи въ Государственной Думѣ радятъ надъ всѣми потребами русского народа.

Нѣтъ подъ солнцемъ державы, где бы конституціею надана была большая свобода, чѣмъ въ Россіи. Конституція даетъ свободу вѣроисповѣданія. Вотъ, и то одно, что прямо противится понятіямъ русскои души. Вѣдь же Россія всегда кровію дѣтей своихъ защищала православныхъ, вѣдь еи отдана Богомъ защита св. вѣры и креста святого. И вдругъ въ той самой Россіи дана большая свобода гонителямъ св. Православія и нынѣ право за ними. Но въ Бозѣ надежда, что и то пониженіе достоинства св. Православія, допускающее безвѣрію и ереси свободно розвиватися, надежда въ томъ, что оно причинится до совершеннои побѣды Православія надъ тьмою. До теперь нарекали, что въ Россіи утискъ иновѣрцовъ: теперь маютъ свободу, и увидимъ, чи при той свободѣ не исчезнутъ они, «яко таетъ воскъ отъ лица огня».

Писати исторію послѣдняго десятка лѣтъ Россіи, то не нашее дѣло. На то не однои, а сотокъ книгъ треба. Россія перешла въ томъ часѣ то, что переходитъ хлѣбное зерно, киненное рукою сѣятеля въ землю. Оно перегниваетъ пока пуститъ изъ себе животворный въ десятки колосовъ идущій плодъ. Такъ и съ нами. Во время войны съ Японцами, кровію излили борцы наши широкую ниву: засѣяли ю костяками своими, и среди разгара и непокоя очистилася пшеничнымъ зерномъ русская душа, и теперь:

Русская земля стремитъ до найбольшого блаженства всѣхъ еи жителей. Именно крестьянское сословіе убезпечено въ Россіи лучше всѣхъ другихъ. Податки и налоги на крестьянъ есть такъ малы, что имъ живется хорошо.

Русская жизнь — широкая жизнь. И среди тои жизни милліоны хлѣбопашцевъ благословляютъ Господа Бога за то, что «Богъ милостивъ а царь добрый» — и на своей землѣ добре имъ живется. Нѣтъ того утиска крестьянского сословія, якое есть въ Галиціи, и нѣтъ того пониженія бѣдного рабочого человѣка, якое донынѣ утискаетъ сыновъ подъяремнои Прикарпатскои области. Государственная помощь до покупки земли крестьянами, государственный земельный банкъ, право собственного суда, убезпеченіе рабо-

чихъ на старость ихъ лѣтъ, — вотъ чѣмъ Россія можетъ быти примѣромъ для всѣхъ другихъ державъ Европы.

Исторія николи не мае права судити то, что дѣется на очахъ живущаго народа. Исторія даетъ свой осудъ тогда, коли по каждомъ десятку лѣтъ, по каждомъ важномъ событію утихомирятся людскіи страсти. И тому уважали мы за отвѣтное не давати тутъ замѣтокъ изъ русско-японской войны и всего того, что произошло по ней. Нынѣ въ Россіи цвѣтетъ цвѣтъ отрожденія, нынѣ исполнилося завѣтное слово Петра Великого, что «Русь только подвигомъ русского духа удержится», потому и мы кончимъ книгу ту короткими словами, но замѣтными. Когда то Наполеонъ Великій сказалъ тѣ слова: **«Прійдетъ часъ, когда козацкая нагайка повелѣвати будетъ всей Европѣ».**

Не козацкая нагайка, а русская п р а в д а, русское право, право народа, который сотки разовъ спасалъ всю Европу передъ нашествіемъ враговъ, то право скажетъ Европѣ свой завѣтъ: Славянская сила спасла васъ, славянскій умъ далъ вамъ цивилизацію и за то славься, Европейско-Славянскій, въ идеи русской воплощенный, свѣтъ! Съ временемъ мы дополнимъ нынѣшнюю книгу описаніемъ послѣднихъ событій. Нынѣ кончимъ словами:

Да живетъ святая, Православная Русь, защитница всего славянства.

Да живетъ Русскій Царь и царствующій Домъ, Богомъ данный, блюститель русскои силы и чести.

ВАЖНѢЙШІИ ПОПРАВКИ.

Стр.	Строка	Вмѣсто	Должно быти:
19	22	Переяславъ	Переяславецъ.
37	14	Святославъ досталъ п е р е я славльское княжество	Святославъ досталъ черниговское княжество, Всеволодъ переяславльское.
44	5	1173	1175.
48	2	въ судумірско-люблинской	въ сандомірско-люблинской.
48	9-10	(нынѣшн. Галичъ)	(нынѣш. Галацъ въ Ромыніи).
58	14	1232	1224.
67	8	начался... непокой	начался... междоусобія.
74	15	1243	1240.
87	3	спекѣ	опекѣ.
88	29	на зъѣздѣ	на съѣздѣ остали.
95	27	н зь	Князь.
104	17	лависть	зависть.
105	11	1437 р.)	1439 р.).
109	30-31	зашательство	замѣшательство.
109	32	Титяя	Митяя.
110	9	1430	1431.
110	36	1392	1391.
114	7	1389	1380.
124	27	оторвати	сорвати.
127	20	Гранотая	Грановитая.
128	31	Троицкой крѣпости	Трокской крѣпости.
137	28	возраста	возрастанія.
137	40	Смоленскомъ монастыри	Соловецкомъ монастыри.
143	18	Ѳимоѳеевичъ	Тимоѳеевичъ.
144	2	Маметкуна	Маметкула.
150	19	каличку	католичку.
151	18	въ плѣнь. Тѣла	въ плѣнъ. Тѣло.
152	20	тулоскій	тульскій.
159	4	преп. Нилъ Сирскій	преп. Нилъ Сорскій.
159	10	ру жизни	русской жизни.
168	1	1506	1596.
168	22	Дня 9 октября	Дня 6-го октября.
177	12	(отъ 1660 до 1622 р.)	(отъ 1606 до 1622 р.).
178	20	Русскію	Русью.
199	31	оли	Коли.
199	37	е римиримымъ	непримиримымъ.
203	35	над гнули татары	надтягнули татары.
224	29	1625 р.	1652 р.
241	10	Ѳеосѣевщина	Ѳеодосіевщина.
265	2	Особы судъ	Особый судъ.
266	2	(отъ 1769 до 1801 р.)	(отъ 1796 до 1801 р.).
273	5	Военная пода	Военная рада.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Начало Руси	3
Русь	8
Владѣніе Рюрика (отъ 862 до 879 р.)	10
Вѣщій Олегъ (879—912)	11
Князь Игорь (912—945)	13
Княгиня Ольга (945—957)	14
Княгиня Ольга принимаетъ св. крещеніе.—Первыи слѣды христіанства на Руси	15
Преданіе о святомъ Апостолѣ Андреѣ Первозванномъ, благословившомъ русскую землю	16
Князь Святославъ (957—972)	19
Три братья князьи: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ (972—980	22
Владиміръ Великій (980—1014)	24
Князь Владиміръ пріймаетъ христіанскую вѣру (988 р.)	25
Крещеніе Руси (988 р.)	28
Послѣдніи лѣта владѣнія великого князя Владиміра	30
Великій князь Святополкъ «Окаянный» (1015—1019)	33
Великій князь Ярославъ Мудрый (1019—1054)	35
Русь по смерти Ярослава Мудрого	38
Русская церковь	42
Великое княжество Суздальское	45
Галицкая земля	47
Ярославъ Осмомыслъ (1153—1187)	49
Владиміръ Ярославовичъ (1187—1198)	50
Галицко-Владимірское Княжество. — Князь Романъ (1199—1205)	51
Безурядица на Галицкой землѣ	53

Часть другая.

Татары. — Битва подъ Калкою (1224 р.)	55
Даніилъ княжитъ въ Галицкой землѣ (1235—1264)	57
Другій нападъ Татаръ на Русь	58
Великій князь Александръ Невскій (1246—1263)	60
Князь Галицкій, Даніилъ, Королемъ	62
Великій князь Галицкій Левъ (1264—1301)	64
Литва	66
Галицкій король Юрій I. (1301—1315)	67
Сыны короля Юрія I. (1315—1324)	68
Галицкое княжество въ чужихъ рукахъ	70
Великое княжество Суздальско-Московское. — Потомки Александра Невского	71
Іоаннъ Калита (1328—1340)	72
Русская Церковь	73

Часть третья.

Вѣки неволи. — Ляхи и Литва	79
Ягайло, Витолдъ, Свидригайло	83
Свидригайло (1430—1452)	89

Великое княжество Московское. — Симеонъ Гордый (1340—1353) 93
Великій князь Димитрій Донскій 94
Битва на Куликовомъ полѣ (1380 р.) 97
Василій I. (1389—1425) 102
Василій II. «Темный» (1425—1462) 104
Русская Церковь 107
Флорентійская унія (1439 р.) 115

Русь подъ управленіемъ самодержавныхъ царей.

Іоаннъ III. Васильевичъ (1462—1505) 118
Василій III. Ивановичъ (1505—1533) 127
Конецъ Литовско-русской независимости и судьба Галицкой земли 130
Царь Иванъ IV. «Грозный» 134
Царь Ѳеодоръ Ивановичъ (1584—1598) 144
Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ (1598—1605) 147
Царь Василій Ивановичъ Шуйскій (1606—1610) 151
Русская Церковь 158

Часть четвертая.

Козачество. Его ростъ и его возстанія 169
Козаки идутъ противъ Польши 173
Гетманъ Сагайдачный (1606—1622) 177
Козачество въ оборонѣ св. вѣры 182

Часть пятая.

За вѣру и волю.—Богданъ Хмѣльницкій (1648—1667) 189
Жолтыи воды, Корсунь 194
Подъ Пилявою 202
Хмѣльницкій вертаетъ на Украину 207
Подъ Збаражемъ и Зборовомъ 210
Зборовскій миръ 214
Берестечко 218
Ляхи занимаютъ русскіи земли.—Договоръ въ Бѣлой Церкви. 221
Подъ Батогомъ и Жванцемъ 224
Одна вѣра, одна Русь. — Соединеніе Украины съ державною Русью 227

Часть шестая.

Державная Русь.—Цари изъ дома Романовыхъ.—Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (1613—1645) 232
Царь Алексѣй Михайловичъ (1645—1676) 235
Русская Церковь 240
Петръ Великій (1682—1725) 242
Наслѣдники Петра Великого 254
Царствованіе Екатерины II. (1762—1796) 259
Императоръ Павелъ I. Петровичъ (1796—1801) 266
Императоръ Александръ I. (1801—1825) 269
Императоръ Николай I. (1825—1855) 276
Императоръ Александръ II. (1855—1881) 281

Царь Александръ III. (1881—1894) 285

Часть седьмая.

Галичина подъ Австріею 287
Русская Церковь 291
Галичина по снесенію панщины 296

Часть восьмая.

Короткая исторія Угорской Руси. 305
Исторія Русской Церкви на Угорской Руси 311
Послѣдныя времена 316

Часть девятая.

Исторія Буковинской Руси 320
Русская Церковь на Буковинѣ 322
Найновѣйшая доба 323

Часть десятая.

Исторія Американской Руси 325
Найновѣйшіи времена 341

DK
42
L88

Lutsyk, I. IA
Narodnaia istoriia Rusi

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 10 12 019 3